

Творения
преподобного
Симеона
Нового Богослова
слова и гимны
книга
третья

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639065
Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья.: Сибирская Благозвонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-353-9

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом. Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что… «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни… И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум». В третью книгу преподобного Симеона Нового Богослова вошли «Слова» с восемьдесят второго по девяносто второе, перевод которых сделал епископ Феофан Затворник, и шестьдесят «Божественных

гимнов», перевод которых завершился другими переводчиками в середине XX века. Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга третья

Творения преподобного Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово восемьдесят второе

1. О животворном умертвии.

2. О том, что стяжание добродетелей покупается кровию.

3. Какие обиталища добродетелей?

4. Кто не восходит в Царствие Небесное должным порядком, тот не войдет в него.

5. В совершенных качествуют радость и веселие, а не слезы.

6. И внутрь их текут реки богословия.

7. Не следует принимать предстоятельство над народом без удостоверения благодати Божией.

8. В чем главное дело тех, кои имеют предстояние над народом, и как разумные овцы должны быть пасомы пастырями?

1. Не всякий, слышащий о животворном умертвии о Христе Иисусе, Боге нашем, и о дивном действии, какое бывает от него всегда в совершенных добродетелью и ведением, уже и знает, что оно такое, хотя и кажется ему, что он то знает. Знают его только те, которые самым делом ясно поняли сказанное святым апостолом Павлом слово: *время прекращено есть прочее, да и имущии жены, якоже не имущии будут, и плачущиися, якоже не плачущии, и радующиися, якоже не*

радующеся, и купующии, якоже не содержаще, и требующии мира сего, яко не требующе. Преходит бо образ мира сего (1 Кор. 7, 29–31). И еще: *яко умирающе, и се, живи есмы, яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9, 10). Не пробегай этих слов просто, как ни попало, думая, что сразу понял уже сокрытую в них силу, но представь, возлюбленне, поточнее внутреннее состояние души твоей, и я от видимых вещей введу тебя в узрение значения сказанного; только внимай добре тому, что буду говорить. Кто умер и лежит мертвый, тот не чувствует ничего из видимых вещей. Кто ничего не имеет, тот всего лишен, во всем имеет нужду и всего желает. И опять, кто всем обладает, тот чего еще другого из вещей мира мог бы пожелать? Ибо он имеет уже все и не осталось ничего, что пожелал бы он приобрести. Но блажен, кто взыскал сего делом, и понял, и увидел, и изучил то опытом, ибо эти слова – не пустые слова. Ибо как на дорогах и полях находятся по местам домы, города, царские палаты, так и на пути, ведущем в Царствие Небесное, находятся, в своих им местах, заповеди Божий и добродетели.

2. И вот я хочу раскрыть сколько могу, что говорится о заповедях Божиих и о добродетелях – об этих видимых (на пути в Царствие) зданиях, как они велики и как прекрасны. Впрочем, читающий о сем как может по одним словам уразуметь и представить эти вещи? Никак не может. Если же и представить не может, то как может стяжать какие-либо из них, тем паче, когда они стяжеваются покупкою за извест-

ную плату? То же, что дать надобно, чтоб купить их, не золото есть и не серебро, а кровь. Каждый желающий из нас покупает их, одну за другою, кровию своею. И воистину, если кто не предаст себя на заклание, как овча, за каждую даже малейшую добродетель и не прольет крови своей за нее, тот не стяжет ее никогда. Так Бог, в экономии Своей, положил, чтобы мы покупали вечную жизнь произвольною смертью. Не хочешь умереть произвольною смертью и жить вечною жизнью? И вот ты мертв.

3. Но посмотрим, какие и каковы суть обиталища добродетелей, за которые всякий должен пролить кровь свою, чтоб стяжать их? Первое такое обиталище есть блаженное смирение, как сказал Христос Господь: блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное. Желающий войти в сие обиталище смирения, а через него и в Царство Небесное, если не предаст себя прежде на заклание, как овча, связанное по рукам и ногам, и на принесение себя в жертву руками всякого, кто захотел бы заклать его, и если не умрет совершенною смертью, чрез умерщвление воли своей – никогда не войдет в него и не стяжет его. Если же этого не стяжет, не стяжет и никакого другого. Ибо тому, кто оставит эту добродетель, невозможно будет успеть ни в какой другой. Господь положил, чтобы добродетели следовали одна за другою в своем порядке и постепенно. Представь в уме своем, что добродетели в жизни людей являются, как некие острова посреди моря, отделенные один от другого водою, но соединен-

ные посредством мостов и состоящие таким образом во взаимной связи. Первая из этих добродетелей есть блаженное см^єниє, в которое вошедший западною дверью посредством покаяния и пробывший в нем довольное время выходит восточною дверью и, перешедши затем чрез мост, вступает в обиталище плача, а после того, как пробудет и там довольно времени, омоется, очистится и облечется в благообразие плача, перебегает и оттуда в жаждалище и алкалище правды, то есть в алчбу и жажду всякой добродетели. Потом идет он в палату милостивости и благоутробия и, перешедши чрез нее или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обретает царскую сокровищницу чистоты, в которую вступив, узревает невидимого Царя славы, седящего внутрь его. Палата эта есть тело, царская сокровищница – душа, с которою когда соединится Бог ради исполнения заповедей Его, делает ее всю Божественным светом и богом через единение с Собою и благодать Свою. И только всякий, проходящий означенным путем добродетелей, приходит в сие боголепное состояние. Вступить в это шествие с другой стороны или минуя то или другое обиталище, искусственным некиим способом перебраться в дальнейшее совершенно невозможно. Именно так, как сказано, определил входить в Царство Небесное Владыка Христос – и быть сему иначе никак невозможно. Если пределы моря пребывают неподвижными и морю нет возможности выступить из них, не тем ли паче сохранится неподвижным и неизменным то, чему быть так, а не иначе

определил Господь в деле нашего спасения?

4. По другому сравнению, восхождение тех, которые подвизаются взойти на небо, подобно восхождению по лествице, имеющей обычно ступени. Здесь то – чтоб один возревновал о восхождении паче других и скорее взошел по лествице, перегнав их – есть наше дело, дело произволения каждого. Но то, чтобы начинать не с первой ступени и потом восходить с одной на другую по порядку, в каком они положены, а минуя первую прямо ступить на вторую или третью, совсем невозможно для людей. И те, которые покушаются отступать от такого порядка восхождения, трудятся напрасно. И еще: как невозможно взойти в верхние жилья без лествицы или войти в царский внутреннейший покой, туда, где занимается и принимает своих царь, не прошедши прежде передней, так невозможно войти и в Царствие Небесное тому, кто не идет путем добродетелей по порядку, нами указанному. Такие шествуют вне царского пути и находятся в прелести, сами того не замечая.

Молитва. Но, о Господи! Ты Путеуказатель заблуждшим и незаблудный Путь грядущим к Тебе, возврати (с распутий) всех нас, приведи к лествице, возводящей к Тебе, и всесильною рукою Твоею поруководи нас начать восхождение по ней. Даруй нам силу подняться с земли и ступить на первую ступень, так чтоб мы сознали, что положили начало восхождению и поднялись немножко от земли. Ибо прежде нам подобает взойти немного к Тебе, чтоб Ты много нис-

шел к нам, Благий Владыко наш, и соединился с нами. Покажи нам, Господи, внешнюю дверь в Царствие Твое, чтобы нам толкать в нее с терпением, пока не отверзется она ради произвольной смерти нашей, чтобы когда, вошедши в сени, станем мы толкать в каждую внутреннюю дверь и отверзать их одну за другою, и Ты, многоблагоутробный и многомилостивый Боже, слыша наши стенательные воззвания и наши в грудь ударения, скорее снисшел к нам с верхних покоев Твоих, так чтобы мы услышали ступания всепречистых ног Твоих и уразумели, что Ты отверзаешь двери, сущие между нами и Тобою, которые заключены для нас, грешных, и, пришедши к нам, вопросил: кто ударяет здесь в двери? Мы же, отвечая с плачем и рыданием, сказали со страхом и радостью: это мы, Владыко, мы, недостойные, бедные, отверженные и непотребные рабы Твои; мы, ходившие доселе по распутиям и блуждавшие по горам, дебрям и пропастям; мы, по глупости своей осквернившие Святое Крещение; мы, не соблюдшие данных нами обещаний; мы, убегшие от Тебя и самовольно перешедшие ко врагу Твоему и наветнику душ наших. Теперь же, вспомнив о Твоем человеколюбии и Твоей благости, убежали мы от него с большим трудом и к Тебе притекли с великим страхом и трепетом. Прости убо нас, Владыко всяческих, и не прогневайся на нас, но умилосердись и сжалься над нами, грешными. Отверзи нам, Господи, и не помяни беззаконий наших и нашей неблагодарности. Услыши нас, рабов Твоих, чтобы, возмалодушествовав,

не возвратились мы вспять, ибо много уже времени мы стоим здесь и толцем и прежде много потрудились, толкая во внешние двери Царства Твоего. Сжалься убо над нами и отверзи нам, Господи, естеством человеколюбивый. Если, отверзая мало-помалу, Ты отверзешь нам наконец совсем двери милости Твоея, кто, увидев Тебя, не вострепещет? Кто не падет пред Тобою со страхом и трепетом и не взыщет милости Твоея? Кто, видя, как Ты, имеющий окрест Себя мириады мириад Ангелов и тысячи тысяч Архангелов, Тронов и Властей, оставил всех их там, горе, и снисшел к нам, отворил нам двери, сретил нас и принял с радушием, падши на выи наши и облобызав нас. Кто, говорю, видя сие, не станет вне себя от изумления, не сделается будто мертвым, не истает и не разольется как вода и с костьми своими? Кто не будет день и ночь плакать, помышляя о бездне человеколюбия Твоего и Твоей благости и видя славу и светлоблистание лица Твоего? Буди слава Тебе, уДомостроительствовавшему сие тако! Буди честь и слава Тебе, благоволившему быть видимым нами и вступить в живое общение с нами! Буди слава Тебе, по великому благоутробию Своему, открывающемуся и являющемуся нам, тогда как по естеству Ты невидим для самых Ангелов! Буди слава Тебе за неизглаголанную милость, по коей благоволишь Ты вселяться и ходить в нас ради нашего покаяния! О величие славы неизъяснимое! О преизобилие любви! Содержащий всяческая вселяется в человека тленного и смертного, так что все в нем тогда соблюдается силою Бога,

в нем обитающего! О чудо изумительное – и дела, и тайны недомыслимые Бога непостижимого! Человек смертный сознательно носит в себе, как свет, Бога, создавшего всяческая и самого сего человека, который носит Его – носит внутрь себя как сокровище невыразимое, неизглаголанное, бескачественное, бесколичественное, безвидное, безвещественное, бесформенное, оформленное лишь красотой неизреченною, предивною и всепростою, как Свет – такой, который выше всякого света! И такой человек, сосредоточиваясь весь в себе, вращается, однако ж, среди нас, не будучи никем познаваем из тех, которые имеют с ним сношение!

5. И кто в состоянии описать радость, исполняющую такого человека? И есть ли что другое, что возможно бы было пожелать такому? Какого царя не блаженнее и не славнее он? Какого мира или скольких миров не богаче? И в чем бы мог он иногда недостаточествовать? Поистине невозможно ему недостаточествовать в каком-либо благе, которое от Бога.

Но ты, брате, сподобившийся соделаться таковым – ты, имеющий обитающим внутрь себя всего Бога, добре внимай, чтобы не сделать и не сказать чего-либо недостойного святой воли Его; иначе Он тотчас удалится от тебя и ты потеряешь сокровище, сокрытое внутрь тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси внутрь обиталища Его ничего, Ему неблагоугодного и чуждого естеству Его, чтоб Он не прогневался на тебя и не убежал, оставя тебя пустым. Не многословь пред Ним и не обращай к Нему прошений без благоговейной со-

бранности. Не помышляй в себе и не говори: дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту и превеликую ревность любви, да приимет Он доброе мое произволение и да познает, как люблю я Его и чту; потому что, прежде чем подумаешь ты так, Он уже знает помышления твои и ничего нет сокрытого от Него. Не покусись еще удержать Его мысленными руками, ибо Он неухватим, и как только ты дерзнешь ухватить Его или подумаешь только удержать Его – уже не найдешь внутрь себя ничего. Он тотчас удалится от тебя и станет неощутим для тебя.

Тогда если, сокрушаясь, томя и бия себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно так, ибо Он есть радость и не согласен входить в дом, где печалятся и скорбят, как и люботрудная пчела не терпит места, наполненного дымом. Но если благоустроишь себя беспопечением и преданностью в волю Его, то Он опять обретется внутрь тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почить в душе твоей, как на одре некоем, и не начинай говорить в себе, что если не стану плакать, то Он отвратится от меня, как от нерадивца и презрителя. Если бы Бог хотел, чтоб ты, достигший совершенства, плакал, как плачет тот, кто еще находится на степени покаяния, то Он виделся бы тебе издали, или совсем скрывался бы от тебя, или освещал тебя издали и таким образом давал тебе и раздражал в тебе плач к очищению и благоустроению дома твоего. Но теперь после покаяния и очищения, какое получил

ты посредством слез, Он пришел в тебя, чтоб даровать тебе упокоение от трудов и воздыханий и исполнить тебя радостью и веселием вместо печали. Стой же прямо, не телом, но движениями и устремлениями души твоей. Водвори в себе тихое безмолвие, так как в дом твой идет Царь царствующих. Скажи со строгостью всем придверникам дома твоего, то есть чувствам своим: Царь грядет, стойте же добре при дверях, стойте смирно и со страхом великим наблюдайте, чтоб не пришел кто к дверям и не стал стучать и чтоб ничей голос не проходил внутрь, ни изблизи, ни издали. Внимайте добре, чтоб кто не обманул вас и не прокрался внутрь тайком и Царь тотчас опять не оставил нас и спешно не удалился. Так скажи и стой в веселии и радовании души своей, смотря внутрь себя на неописуемого Владыку своего, благоволившего неописанно описатися в тебе, и созерцай красоту Его, ни с чем не сравнимую. Созерцая же недомыслимо Пресвятое лицо Его, неприступное для Ангелов, и для Архангелов, и для всех чинов небесных, изумляйся, радуйся и, духовно скача, веселись, внимая, однако ж, Ему с благоговением, чтоб услышать, что повелит Он тебе сказать или сделать. Внимай убо тому, что Он говорит Тебе. Он не имеет нужды требовать что-либо от рабов Своих для Своего собственного упокоения, как имеют ее земные цари, потому что ни в чем не имеет недостатка, и если не обогатит наперед рабов Своих, то и не входит в дом их.

6. Итак, поелику Он ни в чем не имеет недостатка, как я

сказал, но обогатил тебя и Своим к тебе пришествием сделал безнедостаточным, то внимай, да ведаешь, что говорит внутрь тебя Тот, Кто, неотлучно исшед из лона благословенного Отца Своего, снисшел с небес даже до твоего ничтожества. Ибо нельзя же тебе найти и подумать, чтоб Он делал это когда-либо как бы мимоходом. Нет; благий и человеколюбивый Владыка наш делает это обыкновенно для спасения и других многих. Итак, если ты почтишь Его, приимешь Его и дашь Ему место и упокоение в себе, то ведай добре, что услышишь из сокровищ Духа Его неизреченные тайны. Не припадая к персям Владыки Христа, как припал некогда возлюбленный ученик Его Иоанн, но имея внутрь персей своих все слово Божие, будешь ты богословствовать богословие новое и ветхое и добре поймешь все богословия, какие изречены и написаны были доселе, и соделаешься органом Духа доброгласным, издающим мелодии, приятнейшие паче всякой музыки.

Но если ты попустишь прийти откуда-либо печали и войти в дом твой, тотчас отбежит радость. Если попустишь войти гневу или раздражению, тотчас удалится Тихий и Кроткий. Если попустишь войти ненависти и вражде к кому-либо, тотчас убежит Тот, Кто наименовался и есть самосущая и ипостасная Любовь. Если попустишь приблизиться любопрению или зависти, тотчас незлобивый и благий Бог станет невидим, ибо Он этого терпеть не может. Если Он заметит, что около дома твоего ходят лукавство или многохлопотли-

вость с любопытством, а ты не отгоняешь их наискорейше с гневом, а кротко принимаешь эти худости, которые Он ненавидит, ты же позволяешь им приближаться к Нему, то не станет наперед извещать тебя, когда удалится от тебя, Простой, Незлобивый и Непытливый, но тотчас оставит тебя, не дав тебе того заметить.

Если также ты, сподобившийся приискренне соединиться с таким Владыкою, увидеть такую славу и стяжать такое богатство, разумею Царствие Небесное (которое есть Сам Бог), будешь берещись, чтоб в дом души твоей не вошла ни одна из сказанных страстей и всячески стараться доставить Царю великий покой от них, но лицо свое, то есть ум свой, станешь обращать в другую сторону и беседовать с другим, спиною обращаясь к неприступному Богу, на Коего со страхом и трепетом взирают все чины ангельские – то не по всей ли справедливости Он тотчас оставит тебя как презрителя и недостойного?

Но Он человеколюбив есть, говоришь ты. Иятоже говорю. Но Он человеколюбив к тем, которые чувствуют Его человеколюбие, чтут Его и благодарят как подобает. Если же ты, ни во что ставя любовь Его всеуслаждающую, полюбишь что-либо другое и с тем свяжешь всецело все стремление души своей и станешь услаждаться другою какою сластью, или ястием, или питием, или одеждою, или лицом каким красивым, или золотом, или сребром, или другим чем, и душа твоя воспохотствует того и побеждена будет любовию к тому, то

возможно ли, чтобы Бог, естественно чистый и тебя соделавший таковым благодатию Духа Святого, продолжал быть в общении и обращаться с тобою, когда ты уклонился сердцем на другое, а не тотчас оставил тебя? Само собою явно, что Он всеконечно оставит тебя.

7. Положим теперь, что ты не будешь делать ничего из того, что я сказал, но будешь гнать от себя всякую страсть, всякую похоть злую, всякое пристрастие и естественную любовь к родным и всякому человеку и, действуя так, достигнешь наконец совершенной безгрешности и чистоты, как представили мы выше, и воспримешь в себя Бога, сущего превыше всех небес, вследствие чего не будешь тревожим никакой страстью и ни к чему уже совершенно не будешь иметь никакой склонности и любви, но всегда станешь пребывать с Богом, имея ум свой постоянно горе в пренебесном Царствии Его. Положим далее, что в то время, как ты находишься в таком состоянии, кто-нибудь внезапно позовет тебя и введет в какой-либо город, где множество народа, домов, палат убранных и просторных, где церкви большие и прекрасные, архиереи, иереи, царь со всем синклитом вельмож и телохранителей. Потом (пропускаю всякие другие способы, какие можешь сам ты употреблять для получения архиерейства и попечения о народе), потом, говорю, все эти, то есть и царь, и вельможи, и все множество народа, начнут со многими слезами приглашать и просить тебя принять на себя попечение о душах их, чтоб ты пас их и пользовал учением своим –

и ты, не получив мановения на то от Бога, презришь Его, сподобившего тебя благодати соцарствовать с Ним, и, оставя небесные и вечные блага, дарованные Им тебе, спустишься к этим непостоянным и привременным и свяжешься с теми, которые пригласили тебя пасти их. Как думаешь? Ужели не праведно будет, если Бог, когда ты поступишь таким образом, оставит тебя пользоваться только этими привременными благами, которых ты возжелал, лишив благ духовных как в настоящей жизни, так и в другой? Конечно, нет.

Даже если б Сам Бог повелевал тебе принять на себя пасение душ человеческих, тебе следовало бы, падши перед Ним, восплакать и с великим страхом и скорбью сказать: Владыко Господи! Как мне оставить сладость пребывания с Тобою единым и пойти в ту суетливую и многотрудную жизнь? Ей, Господи! Не прогневайся на меня, раба Твоего, и с такой высоты славы Твоей не свергай меня в тот хаос бедственный. Нет, Господи мой, не лишай меня такого света Твоего и не низводи меня, бедного, в такую тьму. Или я согрешил в чем-либо пред Тобою, Господи, не зная того, и Ты за это опять возвращаешь меня в тот хаос, из которого Сам, по великому благоутробию Своему, человеколюбно извлек меня и вывел? Не расстраивай меня так сильно Ты, подъявший на рамо Свое столь многие мои грехи и беззакония; но если я согрешил в чем пред Тобою, накажи меня здесь, где нахожусь. Если находишь благословным, отсеки лучше все члены мои, только не посылай меня туда, в тот хаос.

Если бы Бог и опять стал говорить тебе: иди, паси овец Моих; иди, обращай ко Мне братий своих словом учения твоего, следовало бы и тебе опять ответить: увы мне, Господи! И как отделиться от Тебя мне, недостойному? Если б опять и в третий раз сказал Он тебе: нет, ты не отделишься от Меня; Я и там буду с тобою неразлучно – то и тебе следовало бы опять, падши, восплакать и, омочая мысленно слезами пречистые ноги Его, сказать: как возможно Тебе пребывать со мною, Господи, если я низойду туда и омрачусь? Как возможно Тебе быть со мною, если сердце мое, поползновенное на всякое зло, склонится к лести и похвалам человеческим? Как возможно, чтобы Тебе благоугодно было пребывать со мною, если я вознесусь в гордыне? Возможно ли, чтобы Ты не удалился от меня, если я не стану с дерзновением праведно обличать царей и другие власти в их беззакониях и неправдах? Мне же где возмочь исполнить это и все прочее, лежащее на пастыре так, как Тебе благоугодно, чтобы Ты был со мною и укреплял меня, а не обвинил, как погрешителя, и за то не удалился от меня как от недостойного, оставя меня одного поверженным там, долу? Боюсь, Господи, чтобы не победило меня сребролюбие; боюсь, чтоб не овладела мною воля плоти, чтоб не обольстила меня сласть греховная, чтоб не омрачила ума моего забота о пастве, чтоб не возгордила меня честь царей и властей, чтобы не надмила меня великость власти и не наустила презирать братий моих; боюсь, чтобы не выступить мне из подобающего моему

званию чина от пиршеств и винопития, чтобы не стала опять упитанною от сластей плоть моя, утонченная воздержанием, чтобы не устрашили меня угрозы людские и не сделали преступником заповедей Твоих; боюсь, чтобы просьбы собратий моих епископов и друзей не склонили меня стать участником грехов их и, когда онеправдывают они других или другое что недоброе делают, молчать или даже содействовать им, не обличая их с дерзновением и не показывая за заповеди Твои сопротивления им, как подобает. И где мне, Господи мой, изложить все опасности звания сего, которые бесчисленны и которые Ты, Боже, знаешь лучше меня? Умоляю убо Тебя, не попусти мне впасть в них. Сам бо ведаешь, Человеколюбче, как трудно угодить людям, как они бывают тяжелы, насмешливы, пересудливы и клеветливы, особенно из грамотных и ученых, умудрившихся внешнею мудростью. Пощади же меня, Человеколюбче, и не посылай меня туда – долу, на это предстоятельство над народом, в среду таких и толиких бед и зол.

Все сие и другое многое следовало бы тебе поиметь в мысли и, убоявшись имеющих встретиться тебе трудностей и бед, умолять Бога дозволить тебе не нисходить с неба твоего на землю, опять в мирские дела. Если бы даже Бог, похваляя любовь твою и твое смирение, сказал тебе: не бойся, не будешь преодолен ничем противным, ибо Я обещаю тебе всегда быть с тобою и ты будешь иметь Меня помощником себе во всяком деле, Я и там долу прославлю тебя с преизбытком,

и сюда опять возвратишься ты еще с большею славою и в большей светлости и будешь соцарствовать со Мною в бесконечные веки; если бы даже, говорю, тебе дал такое обещание человеколюбивый и всеблагий Царь, то и тогда не следовало бы тебе дерзать и быть совершенно беспопечительным, но надлежало находиться в страхе и трепете великом, помышляя, что ты как бы нисходишь с великой высоты в глубь глубочайшего кладезя, полного разными зверьками и пресмыкающимися, и в таком настроении, с великим страхом взойти на престол патриарха, или митрополита, или епископа, или другого какого предстоятельства над народом.

Если же ты сознаешь, что ты не таков, как мы сказали выше, но тебе, напротив, кажется, что, принимая настоятельство над народом, ты восходишь с низу и от долу в высь великую, то горе тебе за такую дерзость, горе тебе по причине ослепления ума твоего, горе тебе по причине великого невежества твоего! Ибо такие мысли и помышления несвойственны людям мыслящим и разумным, но бессмысленным язычникам или, лучше сказать, мертвым, которые не видят, не чувствуют, не живут и совсем не знают, что есть Бог и что есть суд Божий, имеющий сретить нас.

8. Что пасти народ и пещись о спасении братий есть дело многоспасительное как завершение любви, которая есть глава закона и пророков, этого никто не может отвергать. Ибо когда Господь до трех раз спрашивал Петра, любит ли он Его, и сей ответил: ей, Господи! Ты веси, яко люблю Тя; тогда

Господь, в ответ на это, вот что сказал ему: если любишь ты Меня, Петре, паси овцы Моя. Опять, что не следует всякому человеку, просто и как ни случилось, необдуманно брать на себя настоятельство над другими – явно и это для всякого, у кого ум не омрачен совершенно. Впрочем, многие не знают ни того, что означает приведенное слово Господа, ни того, каким образом пасти овец Своих повелел Господь Петру. Но восходят дерзостно (увы!) на эту степень достоинства и не стыдятся самочинно пасти паству Христову, почему, если вам кажется благословным, обсудим, что означает это слово Господне и какой заключается в нем смысл.

Когда Господь сказал Петру: паси овцы Моя, то этим не на другое что указал, как на предстояние и попечение, коим подобает быть о стаде Христовом посредством слова и учения. Это подтверждается другими словами, сказанными тому же Петру: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя: и ты некогда обращся утверди братию твою* (Лк. 22, 31, 32). Ибо что значат слова: утверди братию твою? Вот что: собственным своим примером удостоверь их, что не должно отчаиваться, в какое бы кто прегрешение ни впал, ибо какое другое прегрешение хуже твоего, когда ты отвергся Меня, Владыки всяческих? Однако ж Я простил тебя тотчас, как только ты горько раскаялся, и, несмотря на то, что ты не имел дерзновения по причине отречения, Я по имени призвал тебя через Ангела прийти ко Мне вместе с другими апостола-

ми на гору Галилейскую, ни одним словом не укоряя тебя в отречении твоем. В сем-то, обращся, ты и утверди братию твою.

Паси овцы Моя. Но ведай, что ты будешь истинно пасти их не тогда, когда станешь переводить их с пажити на пажить, чтоб они утучнели телесно, как то делают пастыри бессловесных овец, не тогда также, когда будешь запирать их в стенах и ограждениях овчарных, но когда будешь научать их соблюдать все, что Я повелел. Это потом заповедал Господь особо и всем апостолам, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19, 20), *прибавив и еще: иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16, 16).

Паси, говорит, овцы Моя. Пастырь бессловесных овец не заботится о земледелии, ни о торговле, ни о домах, ни о яствах различных и многоценных, ни о славе и почести; нет ему дела и ни до чего другого мирского и охоты не имеет он пользоваться тем; но оставя все – и дом, и жену, и детей – все свое попечение обращает на одну лишь паству свою, ради ее ночи проводя без сна и проходя с нею в отдаленные места, не имея ни крова, ни постели, перенося зной дня и хлад ночи и борясь с воздушными переменами: одних овец блюдет он и об них всестороннее имеет попечение. Но для тебя, пастыря словесных овец, возможно находиться под кровом дома, иметь одр, постель, трапезу и вместе с тем пасти и овец Мо-

их. Как же пасти? Уча их иметь ко Мне (говорит Господь) веру светлую, чистую, не колеблющуюся, и любить Меня от всей души и от всего сердца, как и Я возлюбил их, по любви к ним предав Себя на смерть и умерши за них. Доставляя же им вместо пажити животворную пищу Моих заповедей, объясняй им, что они тогда только будут вкушать животворность сей пищи, когда самым делом исполнять станут заповеди Мои, и побуждай их вкушать от сей пищи каждочасно, чтоб они были всегда насыщенными от Моих благ. А какие это Мои блага и какими делами они стяжеваются, сие познать научи их из следующих Моих слов: *продадите имения ваша и дадите милостыню, сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеваемо на небесех* (Лк. 12, 33). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44). *Да никтоже* (из вас) *зла за зло кому воздаст* (1 Фес. 5, 15). *Отпущайте, и отпустят вам* (Лк. 6, 37). *Аще ли же вы не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших* (Мк. 11, 26; Мф. 6, 15). Станьте бедны деньгами, да будете богаты благодатию Святого Духа; презрите земную славу, чтоб получить небесную.

Еще говори им и следующее: пред нами находятся два противоположных предела – живот и смерть, и два мира – настоящий, видимый и привременный, и будущий, невидимый и вечный, и два противоположных между собою дей-

ствователя в сих мирах – Бог и диавол, противостоящий Ему, из которых Бог всегда печется о спасении нашем, призывая нас к жизни и Царству вечному, а диавол желает погибели и смерти души нашей и день и ночь рыщет, ища, кого привлечь приманкой временных сластей и поглотить, сделав его повинным вечному мучению. Поелику таким образом пред нами Бог и диавол, то нам, как мыслящим и разумным, надлежит бежать от врага нашего и прибегать под кров Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствует над нами князь тьмы, уловив нас в сети и тенета свои, и да не сделаемся мы чрез то рабами ему и греху.

Что диавол есть князь мира и вечной тьмы, послушай Самого Христа, Который говорит: *грядет сего мира князь и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30). Князем мира называется он не как властитель и господин мира. Да идет от нас такая богохульная мысль! И как возможно, чтоб властвовал над миром тот, кто не имеет власти даже над свиньями? Но называется он князем мира потому, что, раздражая пожелание богатства и других вещей мира сего, он порабощает себе прилепляющихся к ним и берет над ними власть. Князем же тьмы называется он потому, что ниспал от света Божественной славы по причине гордости своей и сделался наследником вечной тьмы. Но Бог и Владыка наш, яко Творец и Устроитель всего мира, естественно и властно есть Князь всех – небесных, земных и преисподних, будучи Светом невечерним и неприступным и Господом всего, и насто-

ящего и будущего.

Итак, которые покорствуют Богу и соблюдают неуклонно заповеди Его, те и временных благ причащаются в меру и с воздержанием, благодаря за них Бога, и от этих видимых и временных благ возводятся к оным невидимым и вечным за то, что повинулись царю всех Богу и соблюли повеления Его. Те же, которые поступают противно заповедям Божиим, те находятся на противной Богу стороне, вместе с диаволом, поелику сделались врагами Его, как Сам Он говорит: *иже несть со Мною, на Мя есть, и иже не собирает со Мною, расточает* (Лк. 11, 23). Посему, возлюбленные, пусть никто из вас не слушает князя тьмы и миродержителя диавола; пусть никто не водится с ним; никто пусть не делается воином диавола и не воюет против Бога и Спасителя нашего; пусть никто не становится врагом души своей и не подвизается, чтоб наследовать огнь вечный. Умоляю вас, отцы мои, и братия, и чада, не делайте этого. Страшное дело и для одного даже слуха то, чтоб сделаться нам врагами и противниками Богу.

А как делается кто противником Христу и подвизается о собственной своей погибели, я это сейчас вам скажу. Если, например, кто побранит тебя праведно или неправедно, или осудит, или оклевещет, и ты не переносишь такого бесчестия с кротостью, но, оскорбившись тем в сердце своем, не удерживаешь раздражения своего, а бранишь и сам того, кто побранил тебя, или осуждаешь его, или другое что неприятное ему делаешь, или, не делая ничего такого, держишь страсть

неприязни против него в сердце своем, а не прощаешь ему от всей души и не молишься о нем Богу – то вот и стал ты врагом Христу, потому что поступаешь противно заповедям Его; стал ты врагом и себе самому и губишь душу свою тем, что сделал (в силу такого непрощения брату) все прежние свои грехи неизгладимыми и непростительными. Еще, если кто ударил тебя в правую ланиту, а ты не только не обращаешь к нему левой, но сам ударяешь его, то се – опять сделался ты воином и рабом диавола. Ты ударил не брата только, но чрез брата, которого ударил, ударил и Самого Христа, Который повелел не ударять его, но обращать к нему другую ланиту. Опять, если кто, тайно или явно, возьмет у тебя золотую или другую какую вещь, или ты дашь кому взаймы, или похитит кто что-нибудь у тебя и не захочет потом отдать или потому что ничего уже не имеет, или по корыстолюбию и злонравию, и ты не сносишь благодушно и незлобиво такого похищения, но тащишь виновного в суды, ввергаешь в темницу и делаешь все возможное, чтоб обратно получить свое – то скажи мне, не явный ли ты враг Богу и душе своей, делая все такое? Ибо если тебе повелено посещать заключенных в темнице и служить им по силе своей, не требовать своего от того, кто его взял, отдавать и срачицу тому, кто хочет судиться с тобою и ризу твою взять, предавать тело свое на смерть за заповедь Божию, если, говорю, ты, коему даны такие повеления, идешь в суды из-за вещей тленных, преступая повеление Божие, если скорбишь, гневаешься и вверга-

ешь брата в темницу – не явно ли, что ты выходишь из ума (христианского здравоумия), прогневляешь Бога, противясь Ему, и себя самого лишаешь вечной жизни?

Итак (возвращаюсь опять к пастырству), кто хочет пасти стадо Христово и питать разумных овец, научая их всему тому, о чем мы сказали, чтоб сделать их тучными от добрых дел и многородных добродетелей, тот как может в то же время заботиться о полях и виноградниках и пещись о прочих стяжаниях своих, чтоб сохранить от похищения и ущерба, прогоняя покушающихся на это? Когда ему ходить в суды и заводить состязания, бывая при сем иной раз для других причиною клятв, и клятв ложных? Ибо если он прав, то противникам его нужда бывает прибегать к явной лжи и ложным клятвам, что как может снести боголюбивая душа? И как может быть приятно Богу, Который сказал: *Аз же глаголю вам не клятися всяко. Буди же слово ваше, ей, ей; ни, ни; лишше же сею от неприязни есть* (Мф. 5, 34, 36). И еще: глаголю же вам: яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день суда (Мф. 12, 36).

Итак, по причине всех таких пагубных для души случайностей, умоляю вас, братия и отцы мои, если верите Самоистине Христу и сказанным мною словам, не ищите престолов и епархий, игуменств и предстояний над другими славы ради человеческой и для телесного покоя, боясь суда Божия и страшного оного приговора, который устами пророка Иезекииля изрек Он против не как следует пасущих овец Его:

сия глаголет Адонаи Господь: Оле, пастыри Израилевы! еда пасут пастыри самих себе, не овец ли пасут пастыри? Се, млеко ядите и волною одеваетеся, и тучное закалаете, а овец Моих не пасете: Изнемогшаго не подъясте и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте и крепкое оскорбисте трудом и властию наказасте я и наруганием. И разсыпашася овцы Моя, понеже не имеяху пастырей. И немного ниже опять говорит Он: се, Аз на пастыри, и взыщу овец Моих от рук их, и отставлю я от паствы овец Моих (Иез. 34, 2–5, 10). И еще: *и страж, аще увидит меч грядущ, и не вострубит трубою, и нашед меч возмет от них душу, та убо беззакония ради своего взяся, а крове ея от руки стража взыщу* (Иез. 33, 6). Страшны, братия мои, эти слова, изреченные Богом на пастырей. Посему станем лучше заботиться о том, чтоб добре пасти самих себя, яко стадо Христово, яко царское священие, подчиняя плоть духу, да не побеждается лучшее худшим, то есть душа телом. Когда же внидем во глубину смиренномудрия, омоем скверны грехов наших слезами своими, стяжем кротость сокрушением сердца и смиренномудрием, великою жаждою правды Божией привлечем утоление ее неизреченными благами Царства Небесного через утешения Духа Святого; потом, когда восприимем утробы щедрот и сострадания, стяжем сердце чистое совершенным бесстрастием и узрим свет Божий, то есть Самого Духа Святого действующим в нас и глаголющим

о сокровенных тайнах Царствия Божия, как лица, посредством глубокого мира сочетавшие в едино мудрование душу и тело, когда умиротворим себя и сделаем по душе и телу согласным орудием Богу во едином духе, когда к тому претерпим еще ради Христа множество искушений, скорбей и бед и навыкнем укоряеми благословлять, гоними терпеть, хулими молить (1 Кор. 4, 12, 13), не помня зла никакого, но все то благодушно принимая и претерпевая и всячески стараясь сохранно пройти искус сей, без малейшего колебания в терпении, которое есть основание добродетелей – когда таким образом посредством всех сказанных добродетелей возрастем возрастом по Христу и востечем в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, со стяжанием совершенного Боговедения и мудрости словес и таин оных, кои подает Дух Святой – когда, говорю, совершится в нас все сие и мы достигнем полного во всем совершенства, тогда, пожалуй, предадим себя и на пользу братий наших. Впрочем, и тогда не следует нам самим искать этого, но уступать, если Богом будем призваны к тому, не превозношения ради, но чтоб быть рабами всех, как говорит Господь: кто хочет быть больший в вас, будь всем раб и всем слуга (Мк. 10, 43, 44). Но пока не достигнем мы совершенства и бесстрастия, до тех пор да минует нас начальствование над другими, прошу вас. Будем лучше в послушании духовным отцам нашим и Богу, все держащему во власти Своей, будем каяться каждодневно и очищать себя слезами по Богу, да возможем познать

Бога, что Он неложен во всем, что обетовал даровать любящим Его и исполняющим Божественные Его повеления. Он исполнит всякого по делам Его в Царствии Своем. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят третье

1. О бесстрастии и добродетельной жизни.

2. Как отсечь волю свою и востечь на высоту совершенства?

3. О соединении Бога с душою и души с телом.

4. О преславном соединении трех сих – Бога, души и тела.

5. О духовном врачевстве и как надлежит врачевать немоществующих душою?

1. Многократно беседуя с братиями, находящимися в мире, я почти от всех их слышал, что невозможно человеку взойти на такую высоту бесстрастия, чтобы он, беседуя и вкушая пищу вместе с женщинами, нимало не повреждался от того в душе своей и не подвергался тайному некоему движению нечистому. Слыша это, я много скорбел, плакал и проливал слез о тех, которые говорят так. Ибо очень хорошо знаю, что они говорят это по великому неведению дела, то есть что совсем не знают опытно силы благодатных даров Божиих. Если б они не были лишены истинного бесстрастия, ослеплены мраком страстей и порабощены сластям и похотям плоти, то, конечно, знали бы и они о животворной мертвости, какую Христос Иисус, Бог наш, дарует святым членам Своим, и не неверовали бы о ней. Тем, кои таковы, как воз-

можно поверить, что бывают люди мертвые миру и живущие только жизнью, которая в Духе Святом, тогда как они всю жизнь свою о том только и заботятся, как бы понравиться людям и заслужить у них название боголюбивых и святых и, следовательно, все дела свои делают лицемерно? Как они думают, будто исправляют дело бесстрастия, оставаясь страстными, будучи, то есть, и бывая всецело грех, и как уверяют себя самих, что одни похвалы людские достаточны для добродетели и святости; так опять, когда отрицают бесстрастие и говорят, что во святых нет его, то хотят быть и именоваться святыми без бесстрастия, как бы стяжевая святость одними людскими похвалами. Того, кого не хвалит толпа просто и как пришлось, они почитают за недостойного и презираемого, не зная, несчастные, что лучше один знающий Бога и знаемый Богом, чем мириады неверных, не знающих Бога, хотя их хвалит и ублажает весь мир; как и тот, кто видит, лучше бесчисленного множества слепых.

Но что возможно достигнуть свободы от страстей, или бесстрастия, тому, кто истинно подвизается; что тому, кто получит благодать Божию, возможно возвыситься до состояния бесстрастия душевного и телесного и не только не быть тревожимым страстями тогда, когда беседует или вкушает пищу вместе с женщинами, но даже когда находится среди города, слышит там пение и музыку и видит смеющихся, забавляющихся и пляшущих, не терпеть никакого совершенно вреда, и что такие люди действительно есть и бывают, о сем

свидетельствует всякое писание святых; немало пишется о сем свидетельств также в истории и жизнеописаниях святых. Для сего-то бесстрастия бывает у богочестивых всякое делание подвижническое, всякое лишение произвольное и всесторонняя к себе строгость. Первое дело подвизающихся по Богу есть убежать от мира и от всего, что в мире. Миром я называю настоящую жизнь, то есть сей временный век. Под тем же, что в мире, я разумею все окружающее нас, что повелевает нам Господь оставить и убежать от того всего, то есть оставить отца, матерь, братьев, сестер, сродников, друзей, имения, деньги и вообще всякое богатство. Не потому так требуется, чтоб это были вещи запрещенные и вредные, но потому, что, находясь среди их, не можем мы избавиться от пристрастия к ним. Одолеваемый похотными сластьми, если не отсечет причин, возбуждающих сласти греховные, и не удалится от них, не может никак освободиться от похотения их.

2. Когда же обнажится он от всего того, что составляет его собственность, тогда долг имеет он отрещись и от самой жизни своей, если искренно ревнует о добродетели, а это совершается умерщвлением и совершенным отсечением своей воли. Волю же разумею я не внешнего только касающуюся, то есть чтоб не есть, не пить, не делать никакого дела по своей воле, не спать и вообще ничего, сколько бы иное ни казалось хорошим, не делать без позволения настоятеля своего – но и внутренних движений сердца, именно, чтоб

не смотреть страстно ни на что, не осуждать никого внутренне, не радоваться ничьему падению, не гневаться в сердце своем, никому не завидовать, не ревновать злою ревностью. И где мне перечислить все свойства и все признаки благочестивого настроения сердца, чтобы показать тебе поточнее, каков должен быть истинный христианский подвижник. Послушай, впрочем, и еще о некоторых требованиях животворного самоумерщвления, именно: никогда не скрывай от духовного отца своего никакого даже малейшего помысла; сколько можешь, ни одного дня не пропускай без слез – не убеляй чрезмерно лица своего, как есть обычай некиим; не убирай, как покрасивее, волос головы твоей и твоей бороды; не отрешай пояса своего, когда ложишься спать, чтоб не разнежилось тело твое и ты не проспал более должного; не влагай рук своих за пазуху или под мышку по телу; не хватай другого за голое тело, не жми и не три его нежно; не смотри просто и как ни попало на лицо даже старческое, потому что лукавый, который при всяком случае встревает с своим худом, везде вертится; не кивай одному насчет другого; не говори никакого слова неподобающего; не умалчивай ни о чем, что должно быть сказано; не оставляй никогда обычного своего правила, до самой смерти; не заводи особенной дружбы ни с кем, хотя бы кто казался святым; нисколько, ни много ни мало, не заботься о красивой одежде и обуви, кроме необходимых, и эти пусть будут степенные и смиренные; не вкушай никакой пищи на услаждение и не касайся такой, кото-

рая тебе нравится. Подвизающийся воздерживается от всего этого и от многого другого большего. И опять, кто нерадит и не воздерживается от всего этого, тот каждочасно творит волю свою, хотя ублажается всеми людьми как отрекшийся от мира. Кто воздерживается во внешнем, в том, что всем видно, тот оглашается и похваляется как подвижник теми, кои не умеют добре видеть внутреннее. Но если такой тайно творит волю сердца своего, то он нелюб Богу как нечистый, и хотя бы тысячи лет провел, так подвизаясь, никогда не найдет пользы от одних внешних подвигов.

3. Кто же воздерживается от всего и обучает душу свою не кружиться в беспорядке там и сям и не творит ни в чем воли своей, наипаче же в том, что неугодно Богу, но понуждает ее неотступно ходить в заповедях Божиих, с теплою любовию и со столь великим вниманием, как если бы шествовал на высоте воздушной по какой-нибудь веревке, таковой в короткое время обретет Бога, сокрытого в тех Божественных заповедях, Которого, как только обретет, так забудет все и станет вне себя и, припадши к Нему, вседушно возжелает зреть Его и только Его единого. Когда после сего Бог промыслительно скроется от очей его умных, тогда объемлет его скорбное недоумение и он начинает опять проходить с начала путь заповедей Божиих и тещи им спешнее, сильнее и опасливее, смотря под ноги, ступая обдуманно, жегом бывая воспоминанием, горя любительным желанием и воспламеняясь надеждою опять увидеть Его. Когда же таким образом долгое

время теча и преутрудившись, не возможет достигнуть желаемого и в изнеможении совсем упадет духом, так что и тещи далее уже не станет у него сил, тогда внезапно узрит он Того, Кого искал, достигнет Того, Кто бежал от него, обымет Того, Кого вожделел, и станет опять весь вне мира и забудет весь этот мир, соединится с Ангелами, обольется светом, вкусит от жизни, сретит бессмертие, исполнится утешительной сладости, взыдет на третье небо, восхитится в рай, услышит неизреченные глаголы, внидет в Женихов чертог, пройдет до места, где покоится Жених, увидит Его Самого, сделается общником духовного брака, насытится, пия от таинственной чаши и вкушая от тельца упитанного, от хлеба животного и от пития жизни, от агнца непорочного и от манны мысленной, и получит все оные блага, на которые не дерзают воззревать и самые Ангелы. Находясь в таком состоянии, он горит, как огнь, и просвещается Духом Святым и еще отселе, из настоящей жизни, провидит таинство обожения своего. Став весь огнем по душе, он и телу передает от стяжанного внутри светлоблистания, подобно тому как и чувственный огнь передает свое действо железу – и бывает тогда душа для тела тем, чем Бог стал для души, как говорит богословский глас. Ибо как душе невозможно жить, если не бывает она просвещаема Творцом своим, так и телу невозможно жить, если не получает на то сил от души.

4. Вникни повнимательнее в смысл сказанного: Бог, душа, тело. Бог безначальный, бесконечный, неприступный,

неисследимый, невидимый, неизреченный, неприкосновенный, неосязаемый, бесстрастный, неизглаголанный, Который в последние дни явился нам во плоти через Сына и познался через Духа Святого, как веруем, подобным нам по всему, кроме греха – сочетавается с душой мысленной ради моей души, чтоб и дух спасти, и тело сделать бессмертным, как сказал Григорий Богослов (в Слове на Рождество Христово), и при этом изрекает такое обетование: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16). *Аз и Отец приидем и обитель в них сотворим* (Ин. 14, 23) – в тех, то есть, которые веруют и веру свою показывают делами вышесказанными. Но внимай! Поелику Бог обитает в нас, истинных рабах Своих, и ходит в душах наших чрез действа и осияния Духа Святого, то веруем несомненно, что души, сего достойные, неотлучны от Бога. Поелику опять душа находится во всем теле и не оставляет без себя ни одной части, то необходимо следует, что волею души и управляется вся сия плоть, нераздельная с душой и не могущая жить без души, ибо как невозможно телу жить без души, так невозможно, чтоб оно имело волю особо от души.

Итак, явно, что как во Отце, Сыне и Святом Духе поклоняется единый Бог, без слияния трех Лиц и без разделения единого существа и естества, так опять и человек бывает по благодати богом в Боге, и по душе и по телу, без слияния и разделения; и ни тело не прелагается в душу, ни душа не изменяется в плоть; и опять, ни Бог не сливается с душою,

ни душа не претворяется в Божество. Но Бог пребывает, как есть Бог, и душа опять пребывает так, как есть естество ее, и тело, как создано, персть; и Сам Бог, Который дивно связал сии два – душу и тело – и срастворил мысленное и невещественное с перстью, соединяется с сими двумя без слияния, и я человек бываю по образу и подобию Божию, как показало слово. Впрочем, если вам кажется благословно, скажем опять то же. Движимый духовным удовольствием и радостью, я желаю сказать вам опять то же, чтоб яснее представить вам такие мысли: Отец, Сын и Дух Святой – Бог един, Коему мы служим и поклоняемся. Бог, душа и тело – человек, созданный по образу и подобию Божию и удостаивающийся быть богом по благодати.

Но для чего распространил я слово мое об этом и по какой причине сказал более подробно, как человек бывает богом по благодати? Для того, чтоб устыдились или, лучше сказать, познали самих себя те, которые не имеют в себе черт образа и подобия Божия и отдалены от Бога, да плачут о себе самих, познав, каких благ они лишены, и слушая слово мое, да узрят, какие страсти обладают ими, и да уразумеют, какая глубочайшая тьма покрывает их; вследствие же сего да убоятся противоречить тем, кои имеют в себе благодать Божию, ею всему научаются и с нею вся могут, и далее да престанут говорить, будто никому из тех, кои живут по Богу, невозможно, находясь среди мира и принимая пищу или беседуя с женщинами, пребыть неоскверненным ду-

шевно и телесно. Есть Бог бесстрастный, никакого не имеющий пристрастия к видимому. Впрочем, я знаю, что те, которые не могут зреть душевными очами (потому что они не отверсты) и даже не чувствуют, что есть свои в душе чувства (для духовных вещей), не понимая смысла сказанного мною слова, возразят мне, говоря: знаем и мы, что Бог бесстрастен, и не в отношении к Богу сомневаемся в этом, но в отношении к человеку. Но для того, чтоб заградить таковым уста, я и сказал выше, что и человек бывает богом по благодати чрез дарование ему Духа Святого. Отчего и бывает, что как солнце, освещая нечистые места, не оскверняет нимало лучей своих, так не оскверняется душа или ум облагодатствованного человека, носящего в себе Бога, если случится чистейшему телу его прийти в соприкосновение с нечистыми телами человеческими. И не только это, но если б случилось ему быть заключену в темницу вместе с бесчисленным множеством неверных и нечестивых, преисполненных всякою скверною, и голому телом тереться с ними голыми, и тогда невозможно, чтоб он или в вере повредился, или отдалился умом от Владыки своего Бога и забыл дивную оную красоту Его. Многое такое бывало с мучениками и другими святыми, и, однако ж, эта кознь диавола не причинила им никакого вреда, потому что они имели Бога, обитавшего и пребывавшего в них. Кто или от начала сохранил в себе черты образа и подобия Божия, или, потеряв их, потом опять возвратил себе, таковой вместе с тем получает способ-

ность смотреть на вещи как они есть по природе своей и после того, яко во дни благообразно ходящий, так и смотрит уже на все вещи, как они есть по их природе, не смотрит на цвета, красоту и блистательность их, но, помышляя о существе и свойствах их, пребывает невозмутим никакою по поводу их страстностью, внимая лишь тому, что в них есть существенного и чем они всегда пребывают. Смотрит на золото, но не приковывает ума своего к его блеску, а помышляет лишь о материи, из коей оно, то есть что оно земля, персть или камень и не может никогда измениться во что-либо другое. Смотрит на серебро, маргариты и всякие драгоценные камни, и чувство его не обольщается приятностью привлекательной цветности их, но смотрит на все эти камни как на всякий другой простой камень, считая все их пылью и прахом. Смотрит на шелковые красивые одежды и не дивится их многообразию и разноцветности, помышляя, что они все суть испражнение червей, и скорбя о тех, которые радуются из-за них и блюдут их как драгоценности. Смотрит на человека, славимого, шествующего по улицам в сопровождении множества народа и гордящегося такою славою, и, почитая видимое сновидением, дивится невежеству людскому и посмеивается ему. Видит мир, шествуя среди какого-либо большого города (свидетель истины слов моих – Господь, совершающий в нас сие), и, однако ж, находится в таком блаженном состоянии, как бы был один во всем мире и находился в месте пустынном, не проходимом людьми, как бы ни

с кем не имел никакого дела и не знал никого из людей, живущих на земле.

Таковой человек, если увидит и женщину, хоть бы самую красивую, не смотрит на красоту лица ее, но видит ее тлеющею и разлагающеюся, как бы она незадолго умерла и сделалась вся пищею червей и комом вонючей грязи, как сие и в самом деле бывает. Ум его никогда не станет заниматься красотою женщины, но представляет вещество, из коего она, и тление, для коего она готовится. Но если пожелает он и о внешней ее красоте подумать, то умеет от творений возвышаться к Творцу и удивляться Ему, а не служить твари паче Творца. Таким путем, от величия и красоты тварей, познает он Создателя; ум его восходит к созерцанию Его и воспламеняет душу стремиться к Сотворшему ее, вместе с чем возрождаются в нем Божественная любовь и слезы, и бывает он весь вне видимого, отрешаясь совершенно от всех тварей. Ведай же, что как свет чувственных очей наших шлется нами инуды и зрительною своею силою обходит все, сущее пред ним, не оскверняясь ничем из того, что видит, хотя многое в том бывает и срамное, и мы опять этот свет очей своих переносим на другое неоскверненным – так и ум святых, если случится ему обратить внимание на нечистые и мерзкие страсти, не оскверняется, потому что он у них наг есть и отдален от всякого страстного похотения. Если и захочет кто из них рассмотреть их, то делает это не для чего другого, как для того, чтоб обсудить и познать добре страстные дви-

жения и действия страстей, от чего они рождаются и какими врачевствами усмиряются. Так, как слышно, делают и врачи, которые рассекают мертвые тела, чтоб рассмотреть устройство тела и познать по мертвым оным телам, что находится в телах живых людей, и этим знанием пользоваться потом при врачевании болезней, не видных наружно. Так делает и духовный врач, желающий искусно врачевать страсти души. Чтоб тебе показать в слове врачевательное искусство его, я представлю тебе это в примере.

5. Предположи, что кто-нибудь из больных душевно идет к духовному врачу, омраченный страстью, смятенный весь умом, и вместо врачевства просит у него того, что вредит, что или увеличит его болезнь, или причинит ему даже смерть. Смотрит человеколюбивый и сострадательный врач на сего болящего брата, вникает в болезнь его, жжение и резь от нее и находит, что она и без того к смерти, если не принять мер. И что делает? Не кричит на него за его неразумное прошение, не отказывает ему тотчас во врачевстве желаемом, не говорит, что оно худо и смертоносно – не дам тебе его! – чтобы тот не убежал от него, не пошел к другому врачу, неопытному во врачевании душевных болезней, и, получив от него желаемое, не умер тотчас, но показывает ему всякую снисходительность и искренность, чтоб убедить его, что готов лечить его тем лекарством, которого он просит, и удовлетворит его желание. Слыша это, больной ожидает врачевства с радостью. Врач между тем, как опытный и муд-

рый врачеватель, представляет ему другие врачевства, которые по виду сходны с желаемыми больным, но существенно разны по составу и инаковы по вкусу и дивны по силе действия. Ибо только что примет больной эти врачевства, как уже ощутит врачевательную их силу – тотчас прекращается или умаляется жжение страсти и начинает закрываться рана душевная, что и располагает его к ним; о тех же врачевствах, которых он прежде желал с таким жаром и неудержимостью, и воспоминать ему нежелательно. И видеть можно чудо некое, в нем и в подобных ему совершающееся – как эти врачевства, обыкновенно не так приятные, делают больных здоровыми, закрывают раны, погашают жжение, и тех, которые прежде алкали вредных и смертоносных яств, располагают желать одних полезных и всем рассказывать о дивном искусстве врача и мудром его методе врачевания.

Да слышат сие здравствующие и да поймут, что сказано мною прикровенно, если прияли благодать духовного разумения, потому что больные не могут этого понять, тем более когда они даже не знают, что больны. И таких кто в силах убедить, что они больны? Ибо они самую эту болезнь свою почитают здоровьем и желают всегда творить волю плоти и все, чего требует их похоть и естество. Как невозможно убедить тех, кои вышли из ума, сознать, что они действительно вышли из ума, так и тех, кои валяются в страстях и, состоя в рабстве у них, не чувствуют своего им рабства, никто не может довести до сознания, что они находятся в таком

худом состоянии, или убедить их перемениться на лучшее. Они слепы и не верят, чтоб кто-нибудь был видящ; как же их убедить, что и для них возможно, чтоб они открыли очи свои? Если б убедились в этом, то, может быть, и они взыскали бы открытия очей своих; обретши же его, увидели бы ясно и познали тех, кои распялись миру. Но как они не хотят освободиться от страстей, то тем самым затыкают уши свои и не могут внятно слышать апостола Павла, который говорит: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *умертвите убо уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую илихоимание* (Кол. 3, 5).

Кто таким образом умер миру (что и есть крест), кто не сам живет, но в ком живет Христос, кто умертвил уды, яже на земли, страстные движения тела, сделав его непричастным никакой страсти или никакой похоти злой, тому как возможно, скажи мне, восприять хотя малое какое чувство страстное, или попустить себе испытать движение сласти греховной, или наклониться к ней хоть сколько-нибудь в сердце? Если же не веришь еще сему и отвергаешь сказанное мною, то подумай, кого ты осуждаешь и кого полагаешь соучастником в грехе? Увы твоей продерзости! Ибо о тех, которые имеют в себе пребывающим и живущим Христа, о тех говоришь ты, что они обольщаются в сердце своем сластью греховною. По таким словам твоим выходит, что Христос, Который греха не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его,

Он, вземляй грехи мира и избавляющий души, с Ним соединившиеся, от всякой страсти, сделался соучастником в грехе. Вижу, человече, что ты не понимаешь, что я говорю тебе, и сколь велика хула, тобою произносимая. Не трепещешь? Не заграждаешь себе уст рукою своею? Не учишь языка своего не говорить того, чего не испытал еще ты на деле, чего не познал умом своим, чего не видели очи твои и величия чего не принимало ухо твое? Не знаешь разве, что те, которые испытали это и делом и словом, смеются над тобою как над несмысленным, когда ты берешься говорить об этом, потому что говоришь все навыворот? Итак, если ты сподобился получить Божественную благодать, то учи свободно о том, что касается благодати, и богословствуй беспрепятственно о Боге по естеству и о сынах Божиих по благодати, говори и ты не запинаясь, что святые человеки суть рабы славы Божией. Если же исповедуешь – и хорошо то делаешь – что не получил ты такого дарования, не чувствуешь, чтоб умер ты миру, не сознаешь, чтоб взошел ты на небо и там укрывался один, не показываясь вне, если не исшел ты вовне мира, подобно Павлу, в теле ли или кроме тела, если не знаешь, что изменился весь и стал как дух чрез отложение и отвержение плоти, духовная духовными срассуждая – если, говорю, не сделался ты таковым, то почему не молчишь и не ищешь в покаянии и слезах получить и испытать сие, но охоч говорить попусту о том, чего не знаешь, любишь, чтоб тебя называли и без того святым, не поперечишь молве, будто ты

более, чем другие, спасен, не трепещешь принимать чужие помыслы, учить других и руководить их к свету, будучи сам лишен Божественного света, не боишься пасти братию, сидя сам еще во тьме и не стяжав еще того ока, которое видит истинный свет, не стыдишься врачевать других, будучи сам весь в болезни и не чувствуя собственных своих ран? Скажи мне, прошу тебя, если ты не сознаешь, чтоб был бесстрастен, и не чувствуешь, чтоб обитал в тебе бесстрастный Бог, то на что дерзая и полагаясь, взял ты на себя дела, свойственные бесстрастным, и служения, принадлежащие одним святым рабам Божиим? Внимай добре, чтоб, забывшись, не взойти на чужие степени и служения и после не быть изгнану во тьму кромешную как презрителю воли Божией и как дерзкому и непотребному рабу. Смотри, как бы не оказаться тебе не имеющим брачной одежды (которая не другое что есть, как благодать Святого Духа) и как обнаженному от нее не быть связану по рукам и ногам и ввержену в огнь геенн-ский. Поостерегись браться пасти других, прежде чем стяжешь верным другом пастыря Христа, ибо ведай, что имеешь дать ответ не только за свое недостоинство, но и за разумных овец, которых погубишь по своей необученности и своей страстной жизни. Смотри, прошу тебя, не бери на себя чужих долгов, будучи сам должником, хотя бы то и небольшим долгом. Не дерзай давать кому-либо разрешение грехов его, если сам не стяжал еще внутрь сердца своего Вземлющего грех мира. Внимай, брате, чтоб не восхотеть судить

другого, прежде чем сделаешься верным судиею себя самого и исследователем собственных своих падений и прежде чем сам над собою произнесешь праведный приговор и воздашь должное правде слезами и плачем. И тогда уже, как освободишься от закона плоти и от смерти греховной и исполнишься Духа Святого, тогда соглашайся на поставление себя благодатию Божией в праведные судьи для суда над другими, яко рукоположенный на то от Бога благодатию Духа. Смотри, как никто из мирских начальников не дерзает восходить на степень судей, прежде чем будет определен на то царем. Если теперь в отношении к человеческим достоинствам соблюдается такой порядок и держится такой страх, чтоб как-нибудь не погрешить пред земным царем – то какое благоговение и какой страх должны мы держать в отношении к Божественному, чтоб не восходить саморукоположенно на достоинства Божии самим от себя и по человеческому суду, прежде чем призваны будем к тому от Бога, и чтоб не впасть за то в руки Бога живого? Вострепещи, человече, убойся долготерпения Божия и не покажись таким, что имеешь пред Небесным Царем и Богом меньший страх, чем какой мирские начальники имеют пред царем земным, или что нерадишь о богатстве благости и долготерпения Божия по славолюбию и властолюбию. Он есть Властитель всяческих и страшный Судия всех, воздающий каждому по делам его и по помышлениям сердца его. Почему как мирские власти приносят земному царю честь и страх, так и ты принеси небесному Царю и Богу

хотя такие же честь и страх, чтоб, почитая Его и боясь, таким образом мог ты соблюсти заповеди Его, а чрез такое соблюдение заповедей Его предуготовить себя самого к тому, чтобы сподобиться соделаться жилищем трисиянного света Его, как неложно обетовал Сам Он, говоря: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя; а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам.* И еще: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21, 23). Коль же скоро сделаешься ты таковым, то не будешь уже более жить для себя самого, но увидишь, что ты мертв для мира, как имеющий плоть свою мертвою и неподвижною на грех, жив же Богови, яко от Него действуемый и движимый. Увидев себя в такой славе, начнешь ты велегласно в радости душевной вопиять с божественным Павлом: благодарю Бога моего, что закон духа жизни о Христе Иисусе освободил меня от закона греховного и смерти. С этого момента и далее не будешь ты уже полагать различия мужеского лица и женского и не будешь подвергаться вреду от них, яко приявший то, что по естеству (введенный опять в состояние, свойственное человеку по естеству его), и не смотрящий более на творения Божии по естеству их, но, будешь ли находиться и беседовать с мужами или с женами, останешься невредимым и несдвигаемым с стояния твоего по естеству, смотря на них как на члены Христовы и храмы Божии. Но прежде чем достигнешь ты в такую меру и прежде чем уви-

дишь в членах своих животворную мертвость Иисус Христову, очень хорошо сделаешь, если будешь избегать лиц, причиняющих тебе вред, которые сами по себе, конечно, не имеют ничего худого и соблазнительного, но мы прельщаемся ими и по поводу их влекомы бываем к неуместным пожеланиям по причине живущего в нас первородного греха. Если будешь так поступать, то вся жизнь твоя будет безбедственна и ты не поткнешься никогда ногой твоей о камень греха – если, разумею, ты будешь иметь Бога в себе или будешь подвизаться стяжать Его с помощью Христа, Бога нашего, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со Отцем и Всесвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят четвертое

1. О бесстрастии и о дарованиях, каких мало-помалу сподобляются преуспевающие в нем.
2. В чем состоит совершенство духовного о Христе возраста?

1. Как тому, кто хочет чисто видеть свет солнца, надо иметь чистыми очи тела своего, так и тому, кто берется беседовать о бесстрастии, надо иметь очи души своей освобожденными от всякой злой похоти и всякого помысла страстного, чтоб, не будучи тревожим и возмущаем в уме никакою страстью, мог он чисто взирать на высоту и на глубину его или понять как следует многие и великие его дарования и действия и ясно изложить их в слове. Ибо если станет он говорить о его проявлениях и свойствах с умом возмущенным и сердцем нечистым, то, не смогши словом свободным раскрыть его действия, лишен будет и тех немногих благ его, какие, может быть, получил от него за то, что, действуя так, он некоторым образом презирает и бесчестит его и затмевает светлость его. Ибо написано: *имущему дано будет и преизбудет, от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25, 29). Которые имеют бесстрастие, те очевидно любят его и любимы суть от него преизбыточно, и когда ненасытно говорят о нем, делаются еще более бес-

страстными, воспламеняясь любовию, какую имеют к нему. Но которые привязаны и некоторым образом связаны еще хотя малейшею какою похотью мира и вещей мирских или какою-либо душевною или телесного страстью, эти далеки от него и много отдалены от пристани его. Почему когда начнут говорить о бесстрастии и покусятся возвести ум свой на высоту его, теряют и тот мир, который, как им думалось, имели они прежде, по той причине, что емлются, как рабы, и бывают влачимы туда и сюда похотью той страсти, к какой они прилепились. И это страждут они праведно, ибо, как говорит апостол, *имже кто побеждается, сему иработен есть* (2 Пет. 2, 19).

Они, однако ж, будучи омрачаемы в уме своем тою страстью, коей порабощены, вину омрачения не на себя самих возлагают, но дерзают слагать ее на бессилие всесильного бесстрастия, и это бывает с ними потому, что они совсем не познали опытно, каково умное чувство, созерцание и вседейственное действо сего бесстрастия, но, обдумывая относящееся к нему по своим мыслям и соображениям, при высоком мнении о своей внешней учености философствуют о нем иногда так, иногда иначе и истощаются в усилиях над тем, чего не знают. При всем том они никогда не согласятся исповедать или восчувствовать свою немощность, причиненную им неверием, нерадением и долговременною привычкой к страстной жизни, но утверждают, что и другие люди все подобны им и обладают теми же страстями. Ибо тще-

славие и зависть не позволяют им признать, что кто-либо другой выше их по добродетели и здравоумию.

Но богомудрые и духовные отцы не поступают таким образом и не идут против истины – не буди тебе сказать такую хулу на святых, а чем просветились в уме своем от блаженного бесстрастия и что познали прежде из опыта, то говорят и утверждают. Я же говорю дерзновенно то, чему сподобился научиться у сих отцов, чтоб не быть осуждену, подобно рабу, скрывшему талант. И так, как дают разуметь сказанные Христом Господом слова: *много званных, мало же избранных,* и: *в дому Отца Моего обители многи суть* – так и знайте все вы, что святых много, а бесстрастных немного и что в среде тех и других имеет место великое различие. Но внимайте добре в точный смысл того, что я буду говорить.

Иное есть бесстрастие души, иное – бесстрастие тела. Бесстрастие души освящает и тело; но бесстрастие тела, одно само по себе, не может полную доставить пользу тому, кто стяжал его. Иное есть недвижение (на худое) телесных (яже на земли) удов и самых страстей душевных, и иное есть стяжание добродетелей. Недвижение телесных (яже на земли) удов бывает от естества, а стяжание добродетелей – от произволения (при помощи благодати), и оно обыкновенно совсем пресекает все естественные движения. Иное есть непохотение ничего из того, что есть приятного и радостотворного в мире, и иное – возжелание небесных и вечных благ, ибо мирское приятное и радостное презирали и другие люди

(не ревнующие о спасении), и большая из них часть по другим причинам (не в видах спасения), а о благах вечных весьма немногие воспринимали попечение. Иное есть неискание славы от людей, и иное есть возлюбление славы от Бога и всегдашнее ее искание, ибо человеческую славу очень многие ненавидели, потому что были обладаемы другими страстями, а славу, яже от Бога, очень немногие сподобились получить со многим трудом и потом. Иное есть довольствоваться бедною одеждою и не желать богатой, и иное – искать того, чтоб быть одеяну светом Божиим, ибо богатое одеяние презирали многие, потому что были влачимы многим множеством других пожеланий, а Божественным светом одеялись только те, кои сподобились соделаться сынами света и дня.

Иное есть говорить смиренные слова, и иное – иметь смиренное мудрование. Иное опять есть смирение, а иное – цвет смирения, и иное – плод его. Иное есть красота плода его, а иное – сладость его, и иное – действия, бывающие от плода сего. Из этого, сказанного мною о смирении, иное есть в нашей, а иное – не в нашей власти. В нашей власти – помышлять о том, что располагает нас к смирению, мудрствовать о том, рассуждать, говорить и то делать, но само святое смирение, с его существенными свойствами, дарами и действами, не в нашей власти, но есть дар Божий, чтоб не вздумал кто хвалиться даже и этим.

Иное есть не печалиться и не гневаться при бесчестиях, поношениях, искушениях и встречающихся прискорбно-

стях, и иное – желать этого с благодарением, когда случится что такое. Иное опять есть – молить Бога о тех, кои причиняют это, иное – прощать им, иное – любить их от всей души как благодетелей, и иное – напечатлевать в уме лица каждого из них и целовать их бесстрастно, как искренних друзей своих, со слезами чистой любви – так, чтобы на душе не было совершенно никакого знака оскорбления или страсти. Большее из всего сказанного есть, когда кто в самое время искушения таковое же имеет расположение и к тем, которые поносят его в лицо или клевещут на него, и ко всем другим, кои или осуждают его, или презирают и ставят ни во что, или плюют в лицо, еще и к тем, кои по видимости притворяются друзьями, а тайно так же действуют против него, как и сказанные пред сим, и это не утаивается от него, но он то знает. И из этого опять высшее и совершеннейшее без сравнения есть, мне кажется, то, если кто совсем забывает претерпенные искушения и никогда не вспоминает тех, кои его опечалили или как-нибудь обесчестили, ни когда они бывают налицо, ни когда отсутствуют, но имеет и их наравне с друзьями своими без всякого различения, сколько когда беседует с ними, столько же и тогда, когда вкушает вместе с ними пищу. Все это суть дела и совершенства мужей, ходящих во свете. Которые же чувствуют, что они далеки от таких порядков и правил жизни, те пусть не обольщаются и не обманывают себя, но да ведают наивернейше, что они ходят во тьме.

Иное опять есть бояться Бога, и иное и исполнять запове-

ди Его, как написано: *бойтеся Господа, вси святии Его* (Пс. 33, 10), и еще: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Иное есть бездействие (упразднение от дел), а иное – безмолвие, и иное опять молчание. Иное есть удаление и преселение с одного места на другое, и иное – странничество. Иное есть негрешение, и иное – делание заповедей. Иное есть противиться врагам и бороться с ними, и иное – победить их окончательно, покорить и умертвить: первое есть дело подвизающихся и святых, ревностно идущих к совершенству, а второе есть дело бесстрастных и совершенных, которые многими трудами и потами победили врагов своих вконец и украсились, как какой блестящею одеждою, живоносной мертвостью Христовой.

К достижению показанных совершенств многие устремлялись одни для одной, другие для другой цели. Но весьма немногие приступали к сему с истинным страхом Божиим, с любовию искреннею и верою несомненною – которые одни, спомоществуемы будучи благодатию Божиею, скоро навыкают деланию заповедей и преуспевают во всех сказанных выше отличиях, каждочасно возрастая в добродетелях. Другие же оставляются блуждать, как в непроходной (бездорожной, судя по слову псалма 106, 40: по непроходней, а не по пути) пустыне – о каковых написано: *отпустих я по начинаниям сердец их, пойдут в начинаниях своих* (Пс. 80, 13). *И якоже не искусиша имети Бога в разуме,* (сего ради) *предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 28).

Итак, те, которые на камне послушания святым отцам положили доброе основание веры и надежды со страхом и трепетом, и на сем основании устрояют верность заповедям, какие дают им духовные отцы, соблюдая их, как бы их налагал на них Сам Бог – такие тотчас преуспевают в отвержении себя. Творить не собственную свою волю, но волю духовного отца своего, по заповеди Божией, и таким образом упражняться в добродетели – сие порождает не только отвержение себя самого, но и умертвие всему миру. Потом, когда выйдет таковой всем чувством души из мира и станет быть вне его, как в пустыне, тогда овладевается страхом и трепетом неизъяснимым и начинает вопиять к Богу из сердца, как вопиял Иона из утробы кита морского, Даниил – из рва львиного, три отрока – из пещи пламенной, Манассия – из среды медного быка. Сии болезненные и скорбные стенания его и глас молитвы его тотчас услышав, Господь Всеблагий, живот Свой давший на смерть за нас, грешных, извлекает его, как извнутрь кита, из бездны неведения и омрачения, наводимого миролюбием, чтоб он не возвращался более туда, ни даже помыслом – освобождает его, как из рва львиного, от злых похотей, кои похищают и снедают души человеческие, и как из пещи огненной, от страстных влечений, кои господствуют во всех людях, жгут нас, как огонь, растлевают нас, с насилием тянут к неуместным деяниям и возжигают пламень страстей внутрь нас. От всего этого, говорю, Господь освобождает его, орошая его благодатию Святого Духа и делая

его чрез то неопалимым – освобождает, как извнутрь медного вола, от этой плоти земляной, тяжелой и страстной, в которой живущая душа наша бывает совсем неподвижна и неохоча ни на какую добродетель и делание заповедей Божиих, будучи крепко держима, туго вяжема и тяготима сею плотию как естественно соединенная с нею. Когда таким образом душа освободится от тиранства плоти (не говорю – отделится от тела чрез смерть его), тогда и она начинает взывать с пророком, говоря: *растерзал еси вретище мое, и препоясал мя еси веселием: яко да воспоет Тебе слава моя* (Пс. 29, 12, 13), а также и благодарить вместе с Павлом, говоря: благодарю Бога Иисус Христом Господом нашим, что закон духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховнаго и смерти (Рим. 7, 25; 8, 2).

Когда благодатию Христовою совершится все сие в нем, как я сказал, и когда освободится он от неведения и омрачения, наводимого миролюбием, когда избавится от лукавых и скверных пожеланий и от похотей смертной плоти сей, порабощающей нас закону греховному, тогда что станет он делать с сего момента и далее? Употребит ли он эту свободу на покоение себя и беззаботность? Перестань ты говорить такие речи и держать такие предположения. Такие предположения могут идти только к людям, кои поистине суть рабы, а не свободные. Тот же, кто сподобился получить сказанную свободу, знает, что освобожден от закона греховного с тем, чтоб не работать более греху, а работать правде, которая есть

Христос Господь – Солнце правды, как Он именуется и есть. Чтобы показать вам, какую любовь к Богу являет таковой с того момента и далее, представлю вам это примерами из человеческих дел, которые бывают у нас каждодневно.

Представьте себе, что какой-либо царь, сострадательный и человеколюбивый, увидев раба, поработившегося самоохотно тирану, обольстившему его, безжалостно обременяемого работами в делании кирпичей, обделывании камней и рытьи канав и служащего нечистым похотям того злого тирана, идет сам своим лицом и исхищает его и освобождает от такого срамного и тяжелого служения и опять берет его в царские палаты на услужение без всякого укора за прежнее его падение. Раб этот, освобожденный от таких и толиких прискорбностей, естественно, потом всячески усиливается явить себя более ревностным и скорым исполнителем велений царя, нежели другие его сослужители, не испытавшие плена, чтоб засвидетельствовать величайшую и теплейшую свою к нему любовь, всегда нося в памяти, от каких зол он освободил его. То же самое помышляй бывающим и в том, кто получил помощь от Бога, как я сказал. И как царь оный, видя, что раб тот исполняет всякое его хотение с великою готовностью и со всяким смирением, хотя совсем не нуждается в услужении его, имея множество других слуг, однако ж за добрые чувства раба того являет к нему особенную любовь, так то же самое бывает и с тем, о ком мы сказали. Ибо как тот, и получивший от Бога свободу духа, никогда не

утомится и не перестанет от того, чтоб паки и паки и всегда исполнять волю Божию с наиболее теплейшею готовностью, так и вечный Царь и Бог никогда не лишит его благ вечной жизни, но будет снабжать его ими пребогато – и сколько увидит, что тот каждодневно умножает свою к Нему любовь и услужение, столько будет умножать и Свои ему дары.

Благодеяния и дары, какие Бог дает рабам Своим, бесчисленны, и никто не может вполне постигнуть их. Одни дает Он им в настоящей жизни, а другие дает в жизни будущей. Об этих дарах, какие благоутробный Бог подает любящим Его в сей жизни, скажу и я любви вашей немногое нечто, иное от Божественного Писания, а иное из того, что я и сам познал опытно.

Поелику люди к трем вещам показывают особое усердие и заботу: или к богатству, или к славе, или к свободе и радости – и наслаждению, доставляемому сими двумя, то и Владыка наш и Бог тем, кои, оставив все, взяли крест свой и последовали за Ним, не возвращаясь вспять, перво-наперво богато дарует эти же три. Вместо тленного богатства Он дает им всего Себя Самого. Понял ты мысль слова сего? Слышал страшное чудо? Как богатые мира сего иждивают свое богатство на свои нужды, привычки и желаемые наслаждения, так и благий Владыка наш дарует Себя Самого истинным и верным рабам Своим, исполняет всякое их желание и потребу, как они того желают, и даже больше того, чем желают, снабжает их богатно всяким благом и подает им все-

гда нетленное и вечное услаждение. Во-первых, они полны бывают неизреченной радости, что стяжали и имеют в себе не мир и не блага мира сего, но Самого Творца и Господа и Владыку всех. После сего они одеваются Светом, Самим, говорю, Христом и Богом, всем всецело во всех себе, видят самих себя украшенными неизреченною славою, как светлым каким и Божественным убранством, и закрывают лицо свое, не снося смотреть на непостижимое и чрезмерное сияние сего убранства своего, так что ищут какого-нибудь сокровенного места, чтоб, укрывшись в нем, как бы сложить с себя великую тяготу славы сей и сего сияния. Потом Сам Владыка Христос бывает для них и пищею и питием всегдашним и бессмертным: для тех, которые суть еще младенцы о Христе, несовершенны и не могут вкушать твердой пищи, Господь является как бы некиим световым и блестящим сосцом, который влагается в уста их и дает им сосать из Себя – для каковых Христос бывает вместе и ястием и питием и доставляет им столь великую сладость и удовольствие, что они не хотят или, лучше сказать, не могут оторваться от Него; для тех опять, которые уже отдоены, Христос является чадолюбивым отцом, детоводит их, учит и исправляет, ибо как любящий отец посаждает детей своих за трапезу свою и вкушает вместе с ними, а когда увидит, что они нерадят о своих уроках и занимаются другими бесполезными вещами, тогда лишает их своей трапезы и слугам приказывает не давать им пищи, научая их сим способом не нерадеть об уроках своих,

так и благий Владыка наш и Бог действует в отношении к рабам Своим – чадам Его – по человеколюбию и благодати, ибо им дает Себя Христос – хлеб, сходящий с неба и дающий живот миру, и они питаются Им и вместе с Ним всегда вдоволь и через причащение сего хлеба шествуют к вечному животу, освящаясь душою и телом. А когда вознерадят они о заповедях Его и, самовольно предавшись лености, презрят их и вдадутся в дела мира сего, бесполезные и не согласующиеся с благочестием, тогда Он, Питатель всего, лишает их Себя Самого, а чрез то и всего того, о чем мы говорили, и еще большего того. Таковые, когда, пришедши в чувство и помыслив, какого блага лишились, обратятся опять к Нему и взыщут Его, как обычно бывало, но не обрящут, тогда начинают проливать слезы и плакать неутешно, подвергать себя всяким чувственным лишениям, желая и изъявляя готовность на всякую скорбь, искушение и бесчестие, чтоб только человеколюбивый Отец, увидев скорбь их и произвольные злострадания, сжалился над ними и, возвратившись к ним, опять дал им Себя. Что и бывает: стяжевают они паки Христа, восстановляются в прежнюю близость и славу еще с большим дерзновением, вводятся опять во вкушение благ оных, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, и паче прежнего начинают благоговеинствовать пред Отцом своим и трепетать, как пред грозным Владыкою, боясь, как бы не впасть опять в те же грехи по невниманию и не быть отогнанными от благ Отца своего. Так поступа-

ют те, которые искренно, с болезнью сердца каются и за это улучают опять блага, о коих мы говорим. Но которые боятся трудов покаяния, малодушествуют в скорбях и стеснениях по требованию его, предаются лености и беспечному покою – такие, как недостойные и ненастоящие сыны или, лучше сказать, как презрители, предпочитающие удовольствия телесные вечным благам и даже Самому Богу, не сподобляются более вкушения оной духовной сладости, ни облечения одеждою Божественной славы, но праведно лишенными остаются богатства благости Божией и походят на псов, у которых нет хозяина. Ибо как эти псы блуждают по улицам и стогнам града, чтоб найти где-либо кость какую-нибудь или клок старой кожи и погрызть их или чтоб напасть на место, где заклано животное, и полизать крови, а если встретят падалище, то бросаются на него и едят ненасытно и отойти от него не хотят, но грызутся с другими псами и отгоняют их, пока не съедят и самых внутренностей и не оставят одни голые кости, так и эти обходят врата богатых и бедных, чтоб набрать в лоно свое, если случится кому дать им что: золото, серебро или другое что. Так как они потеряли истинное и нетленное оное богатство, то, когда случится им понабрать кое-чего, им кажется на короткое время, что они сыты, удовлетворены и не требуется для них ничего более. Впрочем, когда овладеет ими, как голод, неверие с безнадежием, тогда они опять обращаются к прежнему попрошайничеству, полны будучи попечения об одном настоящем, несчастные

и достойные слез, потому особенно, что ради временного и ничтожного небрегут о вечной всеблаженной жизни.

И они безответны. Бог явил им богатство благости Своея, сподобил их вкусить небесной благодати и соделал их причастниками Духа Святого, как говорит божественный Павел. Но они не прославили Его как Бога, не возлюбили, не возблагоговели пред беспредельною Его благостынею и не возблагодарили Его, но осуетились в помышлениях своих и омрачилось неразумное их сердце, и они, глаголющеся быти мудри, объюродеша. Но те, которые боятся Бога, не поступают так, но с радостью терпят обучительные наказания Отца своего Владыки как рабы благодарные и как сыны истинные, говоря: *гнев Господень стерплю, яко согреших Ему* (Мих. 7, 9). И еще: *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). Говорят так и смиренно постоянствуют в терпении обучительного наказания Господня и во всегдашнем покаянии, не малодушествуют и не тяготятся им, но пользуются им, как руководством, по сказанному нами способу, и находятся всегда в отеческом своем доме, украшенные светлым убором, вкушают пищу вместе с Отцом своим, видят славу Его и богатство, кои имеют наследовать. Когда таким образом воспитаются они и обучатся и достигнут в меру возраста мужа совершенного, тогда и всеблагий Отец отдает в руки их все блага Свои.

2. Но скажем прежде, что есть мера духовного возраста и высота исполнения Христова, а потом опишем блага Отца

Небесного и покажем, какие из них дает Он в руки тех, кои веруют в Него. Слушай же внимательно.

Меру возраста исполнения Христова составляют такие черты жизни духовной, кои созерцаются духовно. Начинаю изображение черт сего возраста снизу: ноги его – вера, а святое смирение – основание его твердое и непоколебимое. Голени, колена, бедра – нестяжательность, обнажение от всего, странничество, подчинение, бывающее с разумом по любви Христовой, послушание и благоохотное служение. Внутреннейшие и сокровеннейшие части (надо полагать, нервы) – непрестанная умная молитва, сладость, порождаемая излиянием слез, радость сердца и непрестанное его утешение и покой. Жилы и мускулы (с костьми) – постоянство и терпение в молитвах (домашних) и на церковных службах и горение желания созерцать Бога и беседовать с Ним, порождаемое молитвами и богослужением церковным, как поет божественный Давид: *разжзи утробы Моя и сердце мое* (Пс. 25, 2); и св. Павел говорит: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Еф. 6, 14); и апостол Петр: *препоясавше чресла помышления вашего, трезвящеся, совершенне уповайте на приносимую вам благодать откровением Иисус Христовым* (1 Пет. 1, 13). Благодатию здесь называет он дар Святого Духа, делающий нас сопричастниками и сообщниками Бога. Живот, желудок и весь снаряд внутренностей – рабочие силы души, в середине которых, как бы сердце, стоит разумная сила, имеющая под собою и вместе с собою силы же-

лательную и раздражительную. Впрочем, не они собственно разумеются под сказанными частями, а наипаче то, что направляет сии силы к единому и связует между собою, именно: кротость, простота, незлобие, сострадание, благоговеинство и страх Божий, которые, подобно ребрам, перепонкам, покровам и связкам, сжимают те силы, покрывают и не дают им обращаться к видимым вещам мира сего или желать что-либо из них, равно как не попускают завидовать имеющим их, серчать из-за них и злопамятствовать.

Когда не бывает никакого страстного устремления этих трех сил вовне, то есть к видимым вещам, тогда они сохраняются внутри, сокрытыми. А когда они пребывают внутри одни сами с собою и блюдутся со вниманием сказанными добрыми расположениями, тогда разумная сила здраво рассуждает и верно отличает добро от зла и показывает определенно и властно силе желательной, к каким вещам подобает ей склоняться желанием, какие любить, от каких отвращаться; раздражительная сила стоит между сими двумя, как благопокорливый раб, готовый усердно служить желаниям их, и всегда спомоществует им, пробуждает и подвигает к мужеству и содействию добрым и противодействию злым людям. Но поелику Бог, создавший всяческая, несравненно лучше всего созданного, то совершенно благословно человеку, почтенному разумною силою и стяжавшему ум не мятущийся, как мы сказали, и не увлекающийся страстными замыслами, вместо всего другого или паче всего другого почтить и возлюбить

Творца всего и Владыку и к Нему единому обратить все свое желание, показывая Его ему некоторым образом и говоря: послушай меня и воззри (на Бога), осяжи со страхом и трепетом, вкуси бессмертные сладости, обоняй духовное миро и познай, что нет никого другого столь прекрасного, как Бог, или столь приятного, или столь сладкого, или столь могущественного, или столь премудрого, или столь славного, или такого, который мог бы животворить, делать нетленным и бессмертным. Когда желание человека вкусит всего сего и насытится, тогда и раздражительная его сила вся соединится с разумною и желательною, и бывают три едино в созерцании троической единости Триипостасного Божества и в этом радостотворном блистании собственного их Владыки. Тогда и следа не остается разделения сих трех, но бывают они едино. Когда же эти три силы души – разумная, раздражительная и желательная – от простоты единого и единственного блага обратятся к рассмотрению и различению злых и добрых вещей, сущих здесь в мире, тогда и желание, и мысль, и чувство нераздельно устремляются к тому, что противно воле Божией. Ибо тогда раздражительная сила движется только к этим и среди этих вещей.

Имел бы я и еще многое другое сказать о том, что соответствует в духовной жизни желудку, о духовном ястии и питии, о духовной алчбе и жажде; но чтоб не удлинить крайне моего слова и чтоб, делая таинственное и сокровенное общеизвестным и явным, не дать повода тем, кои любят собирать

чужие слова и богатиться чужими трудами и сокровищами, воспользоваться тем не как следует, умалчиваю о том, оставляя то прикровенным, чтоб желающие доискивались до того деятельным ведением.

Но возвратимся опять к своему предмету. До живота и желудка мы уже составили тело возраста духовного о Христе Иисусе. Теперь следует нам восходить до головы, чтоб представить тело духовное в его полноте и всецелости. Итак, что есть в теле духовного возраста о Христе грудь, спина, плечи, мышцы, руки, шея? Под грудью его разумей благоутробие, в котором есть сосцы человеколюбия, источающие и богатно дающие млеко милостыни сиротам, вдовицам и всем другим нуждающимся, как говорит апостол: *облецытеся во утробы щедрот* (Кол. 3, 12). Но откуда набирается сие млеко в сосцы и как приготовляется, сие оставляю изыскать вам самим. Под спиною разумей то, что истинно духовные охотно берут на себя и поднимают тяготы других и с радостью несут язвы и страсти Христовы, как говорит апостол: *должни есмы мы сильнии немощи немощных носити* (Рим. 15, 1). И еще: *прочее, труды да никтоже ми дает: аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу* (Гал. 6, 17), и Господь говорит чрез пророка: *плещи моя вдах на раны, ланите мои на заушение* (Ис. 50, 6) – чего хоть и не случится нам потерпеть, но ждать того надлежит нам всегда и каждый час быть к тому готовыми. Под плечами и мышцами разумей терпение и сносливость в искушениях и скорбях. Ими и с ними, то есть терпением и

сносливостью, направляется и идет деятельность и рук; руками же я называю деятельную силу и готовность всячески слушаться заповедей Божиих и исполнять их. Эти, то есть деятельная сила (энергичность) и готовность на всякое послушание, без терпения и сносливости не могут установиться и окрепнуть или не могут быть приобретены. Подле таких рук духовное тело имеет еще другие духовные руки, коими оно утешает малодушных и нетерпеливых, поднимает падающих, обвязывает сокрушенных, возливая на раны их елей и вино; этими же руками и оно каждодневно делает и другое многое для братии словом и делом; или же оно касается края ризы Владычней, приносит хлеб Господу своему и дает чашу в руки Его и таким образом питает Его, питающего всякое дыхание единым мановением Своим – питает, говорю, тою пищею, о которой Сам Он сказал, что желает ее, и желает крепким желанием. И блажен тот, кто знает сие, и имеет, и приносит Владыке своему; потому что и Христос Господь, седящий на Херувимах, приимет его в Царство Небесное, посадит и упокоит и, препоясавшись, послужит Ему, по неложному обетованию Своему. Шея этого духовного тела есть несомненная надежда.

Се благодатию и помощью Божией изобразили мы все духовное тело, со всеми почти членами мужа совершенного. Остается еще неуказанною одна голова его. Но, может быть, вам подумается, что уже все члены показаны и ни один не забыт, то есть, может быть, подумаете, что достаточно и то-

го, что сказано, для полноты добродетели и спасения души. Однако ж не так есть, братия мои, нет, не так. Ибо как тело, имеющее все члены, а головы не имеющее, мертво бывает и бездейственно; и опять голова, сама одна без всего прочего тела, хотя все же есть голова, но, будучи отделена от тела, не может показать своей действенности (энергии), так бывает и с духовным телом, которого состав мы изобразили выше, содействием Святого Духа – что все, что мы сказали о нем, без головы тщетно и бесполезно, хотя многие думают необдуманно, что деланием сих безглавых членов и частным их стяжанием они исправили все сполна и всецело. Будучи мертвы, они не чувствуют, какого лишены блага, разумею, головы. Те члены, о которых мы сказали и которые рассматривали отдельно один от другого для удобнейшего понятия их значения и действия, без головы и без естественного соединения одного с другим не могут совсем составиться и установиться (образоваться и прочно стоять в душе). Ибо как тело малого младенца никоим образом не может вырасти, если не имеет головы, когда же эти оба соединены и друг другу помогают (пищу, например, тело принимает устами, потом из тела она уже воспосылается и в голову в виде питательной жидкости – крови), тогда этим способом питается и растет весь человек, так то же самое бывает и в духовном теле (то есть что оно питается, живет и растет), когда поверх его утвердится и голова. Слушай внимательно, припомнив и сказанное мною прежде, и раскрою тебе это пояснее.

Итак, имеешь веру и смирение – основы добродетелей, и поверх сих двух имеешь назданными все прочие добродетели, указанные мною прежде, из которых построено все тело (духовного человека) и возведено до шеи – надежды, которая стоит над всем прочим телом добродетелей. Впрочем, она одна, без соединения с главою, умирает наряду с другими членами сего тела, ибо тогда неоткуда ей принимать дыхание, или воздыхания Духа, животворящего и движущего все тело то и все члены его, неоткуда получать нетленную пищу. Итак, чтоб не оставить недоконченною меру возраста Христова, поверх надежды положим святую любовь – воистину главу добродетелей, как говорят уста Христовы, божественный Павел: *ныне пребывают вера, надежда, любы, три сия: больши же сих любы* (1 Кор. 13, 13). И еще: аще *имам веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая польза ми есть* (1 Кор. 13, 2, 3). Все показанные мною прежде добродетели совершает вера, бывая воодушевляема в усердии к ним, учима ими и укрепляема на них надеждою – посредницею между ними любовию. Сие, сказываемое мною теперь, бывает невидимо и нечувствуемо теми, кои еще несовершенны, ибо несовершенные в добродетели не чувствуют этого и не понимают. Но когда вера, воодушевляясь надеждою, совершает все добродетели, тогда питает ими и греет главу, то есть любовь, и делает то, что она возрастает посредством их.

Опять и глава чем более бывает питаема и растет, тем более и прочему телу добродетелей сообщает силы и делает его ревностнейшим к большему и большему преспеянию. Так растут мало-помалу все члены всего тела духовного, состоя в живой, тесной и неразрывной связи со святой любовию.

Сия Любовь, глава всех добродетелей, есть Христос и Бог наш, Который для того сошел на землю, соделался человеком, восприяв на Себя и нашу земную плоть, чтоб сделать нас причастными Своего Божества существенно или чтоб преподать нам все дары Святого Духа, сделать нас духовными и нетленными и возвести на небеса. Сия любовь, как говорит божественный Павел, изливается в сердца наши Духом Святым (Рим. 5, 5) и есть потому причастие благодати Христовой, посредством коей соединяемся с Богом. О сей любви говорит и Иоанн Богослов: *совершенна любы вон изгоняет страх... бояйся же не совершися в любви* (1 Ин. 4, 18). И еще: *видите, какову любовь дал есть Отец наш, да чада Божия наречемся* (1 Ин. 3, 1). Любовию здесь называет он благодать Святого Духа, через которую мы получаем сыноположение и соделоваемся чадами Божими. Сей любви никто из людей не может ни видеть, ни получить, ни сочетаться с нею, ни стяжать ее заведомо как духовную главу свою, если не сохранит твердой и непоколебимой веры во Христа и если со всею ревностью не наздаст на ней сказанных мною добродетелей. Тот же, кто не видел ее, не соединился с нею и не вкусил сладости ее, не может и возлюбить ее как следует,

ибо кого кто не видал, того как может он возлюбить – как говорит апостол: *не любяй брата, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20). И опять, если он не возлюбит Его от всей души и от всего сердца, прежде по естественным помышлениям и по сущему в нас люблению Его, то не сподобится видеть Его. Ибо Он Сам сказал: *любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим;* тогда, говорит, *и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Из этого явно, что если кто не возлюбит Бога от всей души и не покажет любви сей отвержением себя самого и всего мира, то не сподобится увидеть Его таинственно чрез откровение Духа Святого – не имеет Его и главою своею, но есть тело умершее и неподвижное на духовные дела и лишенное Жизни всех – Христа.

Те же, которые сподобились соединиться с Ним и стяжать Его главою себе (прошу обратить внимание на слово сие), бывают и сами богами по благодати, подобными Сыну Божию. О, дивное чудо! Отец одевает их в первую одежду, то есть в одеяние Господа, которое носил Он прежде сложения мира. Ибо, как говорит божественный Павел: *елицы во Христа креститесе, во Христа облекостесе* (Гал. 3, 27) и вместе в Духа Святого, Который и изменяет боголепно всех их некиим дивным, неизреченным и Божественным изменением, о каковом говорит Давид: *сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11) и наперсник Христов святой Иоанн: *возлюбленнии, ныне чада Божия есмы, и не у явися сущим в мире, что будем: вем же от Духа, Коего дал Он нам, яко, егда явит-*

ся, подобни Ему будем (1 Ин. 3, 2). Дает им еще Отец и ум Христов, да сияет он над главою их и открывает им тайны, которых не может выразить в слове язык человеческий. Дает Он им при этом и новые очи, и новый слух. И что говорить много о том, чего невозможно высказать всего? Весь Он Сам, Сын, и Слово Божие вместе со Отцем и Духом Святым обитает в них. Каждый из таковых бывает сознательно, с свидетельством умного чувства, храмом Божиим; и тогда он вопиет с дерзновением, говоря: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). И еще: *егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (1 Кор. 13, 11). *Сего ради вся терплю* (2 Тим. 2, 10), все покрывая (1 Кор. 13, 7), укоряемый благословляю, гонимый сношу, хулимый молю (1 Кор. 4, 12, 13), да обитает во мне сила Христова (2 Кор. 12, 9).

Таков совершенный, не имеющий, однако ж, завершения, возраст мужей духовных. Совершен он бывает, поколику сие возможно для нас; незавершим же, потому что совершенство его сокровенно в Боге. Полнота его есть смерть за Христа и заповеди Его; так что как Христос исполнил весь закон и предал Себя Самого за спасение всего мира, претерпев крест и смерть и моляся в то же время Отцу Своему о тех, которые распяли Его, говоря: Отче, отпусти им грех их, не ведят бо что творят: так должны и мы иметь решимость умереть за Христа и заповеди Его и за спасение братий наших, чтоб

не иметь нам надежды на себя самих, но на единого Бога, воскрешающего мертвых. Если и не случится нам умереть насильственною и мученическою смертью, но человеколюбивый Бог наш вменит нам то, что мы умерли произволением (то есть имели решимость и держали готовность умереть за Него) в действительное пострадание смерти, как говорит и апостол: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31) – не потому, чтоб он многократно умирал самым делом, но произволением. Кроме того, должны мы еще молить Бога за тех, которые опечаливают нас, по какой-либо причине или осуждают нас, и за тех, которые непрестанно враждуют против нас по злобе своей – и за всех людей, верных и неверных, да просветит их Бог, чтоб верные достигли совершенства добродетелей, а неверные избавились от заблуждения и вступили в истинную веру.

До этого сказанного мною невозможно никак додуматься когда-либо человеку самому собою или делом совершить то, если не излиется прежде богатно в душу его любовь Божия и если ради сей любви не вселится в него Христос, Который сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Но такой благодати никто не может получить, если прежде не отвергается себя, как повелел Спаситель, если, то есть, не станет работать Господу с полным усердием и не возлюбит Его от всей души. А кто не получил такой благодати, тот пусть не обольщает себя, но да ведает, что он не сподоблялся еще и не сподобится когда-либо быть соединенным с Богом,

с умным чувством, сознанием и созерцанием. Ибо те, которые получили благодать Божию и сделались мужами совершенными и стяжали совершенный духовный возраст в сказанной нами мере – все соединяются с Богом и видят Его столько, сколько и сами видимы бывают от Него. Бог пребывает в них сознательно, опять и они сознательно пребывают с Богом неразлучно.

Когда наконец придут они в такое состояние и сделаются истинно совершенными, тогда и Отец их Небесный даст им в руки и сущее Его. Под руками разумей здесь несомненное удостоверение, то есть что Он даст им сущее Его с верным удостоверением; а сущее Божие есть бессмертная, нетленная, непреложная, неизменная, вечная, неизъяснимая красота славы, какую имел Сын у Бога и Отца Своего прежде бытия мира, как говорит о сем Само Слово и Сын Отца: *прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имех у Тебе прежде мир не бысть* (Ин. 17, 5). И еще: и *Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже и Мы едино есмы – якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе* (Ин. 17, 22, 21). От Бога Отца нашего изливается свет, неприступный для всех грешников, но приступный для праведных, который воссиявает в них и бывает для них радостью неизъяснимою, миром, всякий ум превосходящим, сладостью, наслаждением и веселием в ненасытимом насыщении, ныне и в бесконечные века. Скажу кратко (удивляясь и сам всему тому и не имея сил сказать что-либо большее), неложный и верный Бог еще

от настоящей жизни дает верным Своим, как залог, начатки всех тех благ, коих красоты око, омрачаемое страстьми, не видело, о коей и ухо, заткнутое неведением, не слыхало, и на сердце человека не всходило, что уготовал Бог любящим Его.

Так вот что есть сущее (достояние, благо) Отца, о котором я обещал вам сказать, и таким способом, как вы слышали, дает Он его любящим Его и проводящим жизнь на земле так, как бы жили на небесах, и несмотря на то, что имеют умереть, так суть, как бы были теперь уже прославлены бессмертием, ходят во мраке мира, как бы ходили во дни и в невечернем свете, дышат, как бы вдыхая в себя воздух рая сладости, имея в себе древо жизни и пищу Ангелов, хлеб небесный, которым питаясь, все невещественные ангельские чины оживотворяются к бессмертию. Такие небесные человеки, и находясь среди мира и дел мирских, взывают вместе с Павлом воистину: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20) – там, где святая любовь, которая соединяется с любителями своими, осиявает их обильно и делает бесстрастными – Ангелами воистину.

Кто, прежде чем всецело соединится с любовию, называет себя бесстрастным, или учит других бесстрастию, или берется за дела бесстрастных, или опять не верит делам, которые творят бесстрастные – таковой походит на малое детище, которое прежде времени возраста надевает на себя оружия мужей, обещает учить других воинскому искусству, го-

ворит, что и он муж, ставит себя наравне с военачальниками и берется идти на войну вместе с ними, что не только невозможно, но и достойно всякого смеха. Запутается он, конечно, в самые оружия, кои надел, упадет и ушибется, и может быть так, что не сможет уже и подняться. И по делам ему это. Ибо если Бог определил Моисею, как человеку робкому, не выходить на войну, не тем ли паче тому, кто еще дитя, едва могущее ходить и одеваться, прилично подождать, пока придет в возраст мужа, а прежде того не браться за невозможное. Подобное покушение в отношении к духовной брани еще более ни с чем не сообразно. Брань сия *несть к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12) – *оружия воинства нашего суть не плотския* (2 Кор. 10, 4) и видимые, но духовные и невидимые, и самая брань сия невидима и ведется с невидимыми врагами. Почему все те, которые, думая о себе, что суть нечто, показывают пред людьми, будто они неробки, мужественны и многоопытны в такой брани, преуспели в науке о ней, мудры и учительны и в том, как побеждать злых духов, и в том, как быть, если они победят, и всячески усиливаются посредством пустословия и сплетения умствований уверить всех о себе, что суть некие единоборцы и победители врагов – все такие весьма худо поступают, если ничего не знают о сей брани из собственного опыта. И это тем хуже, что, однажды выступив на среду в таком качестве, им уже трудно бывает отказаться от того. Такие обыкновен-

но, при всем том, что бывают обличаемы и осуждаемы своей совестью, что неопытны суть и не обучены в сей брани, никак не могут согласиться исповедать свое в сем деле бессилие и невежество, потому что сильно овладевают ими тщеславие и человекоугодие, и они боятся, как бы не случилось им потерять славу человеческую. Почему, чтоб не явиться пред ближними, что такое они суть по душе, и чтоб люди не поняли, что они обнажены от духовных оружий, что еще немощны и несовершенны, они прикрывают себя рубищем лицемерия и кожею овечьею и лицемерными словами стараются показать всем, что суть мужи совершенные, достигли в меру возраста исполнения Христова и сделались бесстрастными, что другие стяжали потами и трудами великими. При всем, однако ж, таком укрывании себя, дела нередко обличают таковых. Ибо как они не утвердили оснований веры и надежды на камне и не возвели здания добродетелей на сем основании, под коим разумею Христа, то, будучи нетверды и неискусны, при встрече восстания искушений и бури помыслов спотыкаются и бедне падают. И вообще, если б все видели, что такое они по душе, то эти, носящие, как маску, личину только благочестия, а не самое благочестие, не посмели бы, как думаю, показаться на глаза людей или стать пред лицом человека, особенно те из них, которые кажутся себе самим более других мудрыми и словесными и думают, что носят некий царский лик, пред каковыми благоговеинствует простой народ и каких почитают многие и из непростых как

мудрых, благочестивых и целомудренных, хотя они совсем не походят на таковых по тайным расположениям души, которые исполнены всякой худости.

Но время уже нам обратиться и на другое. Благоволите теперь поучиться и славе истинно святых и бесстрастных мужей, вы, которые хотите, которые, то есть, желаете и ищете от всей души и сами стяжать такую славу. Представлю вам картину, на которой вы увидите все убранство их оружий и их блистательность, и затем каждый из нас, сличая себя с теми святыми, узнает, в какой находится мере совершенства и сколько все мы стоим ниже их по мужеству, достоинству и силе.

Итак, смотри на небо в какую-либо ночь безоблачную, каково оно – потом взгляни на диск луны, полный блестящего и чистейшего света, и вокруг этой всесветлой луны – на круг, который многократно бывает около ее. Рассмотревши добре все это, обратись умом своим к святым, находящимся еще в мире сем с телом. Святые сии подобны небу, сердце их подобно диску луны, и святая любовь есть всемощный и вседейственный свет, несравненно блистательнейший света солнечного. Любовь сия возжигает и освещает сердце их и, возрастая каждодневно паче и паче, преисполняет их светом всецело, ибо любовь не умаляется и не прекращается, как свет луны, но сохраняется всегда всесветлым посредством ревности и доброделания святых. Святое же бесстрастие есть как венец некий круглый, который окружает святых, заклю-

чая их среди себя, отовсюду покрывает их, как шатром, сохраняет их невредимыми не только от всякого греха, но и от всякого злого помысла, делает их неискусимыми и свободными от всех врагов и даже неприступными для них.

Видите, какова слава святых, вы, истинно ее желающие? Поняли величие образа, какой я вам представил, и то, сколько каждый из нас ниже славы и блистания святых? Этот образ представляет то, что бывает в нас. Я указал его, но не я его изобрел. Он устроен Творцом всяческих Богом. Художное Слово Бога живописало в творении, как на некоей дщице, то, что имело быть после в деле спасения или воссоздания нашего, чтоб, взирая на образ, представляемый чувственными вещами, мы не неверовали, что и в наше время бывает и совершается духовно истина, являемая ими. Но, зная, что каждый из нас создается Богом как второй мир, больший внутри малого сего видимого мира, как свидетельствует вместе со мною и Григорий Богослов, не попустим оказаться в чем-либо худшими бессловесных или даже и бездушных тварей, созданных человеколюбивым Богом в научение наше, но будем подражать всему доброму и избегать, сколько можем, подражания злому. Оставлю, впрочем, все другое, потому что его много, и, изложив одно это в напоминание вам, окончу мое слово.

Да ведает всякий из слушающих меня, что как видим, что день бывает после ночи и ночь опять после дня, так надлежит нам веровать и быть убежденными, что мы, находящиеся во

тьме греха от рождения своего, можем посредством веры и исполнения заповедей выйти из нее и вступить в день Божественный и в просвещение духовное, как опять из света сего и дня перейти во тьму и ночь греха, когда по причине нерадения и презрения заповедей начнем впадать в прежние грехи наши. Так будем подражать, по крайней мере в этом, служителю нашему солнцу. Как оно не перестает никогда воссиявать и освещать тварь, но всегда исполняет поведанное ему Богом, так да не попустим и мы себе сидеть по нерадению во тьме чувственных удовольствий и страстей, но позаботимся паче, исполняя повеление Того, Кто сказал: покайтеся, приближися бо Царство Небесное, очистить себя каждодневным и непрестанным покаянием и слезами, изливаемыми по причине его и ради его, и всяким другим доброделанием и восподвизаемся опять войти в невечерний свет Божий, так как мы есмы сыны света. Таким образом мы и сами собственным примером нашим сделаемся для ближних наших днем невечерним, и землею новою, и небесами новыми, имея в себе Солнце правды, сияющее на них, то есть возвещая им повеления Бога и славу Его не пустыми и тщетными словами, а самыми делами, и бывая чрез то для нерадивейших братий деятельными учителями всему должному и делая их безответными. Итак, не будем подвигать братий на нерадение, говоря им: как возможно людям исполнить то или то, и делая их через то нерадивейшими на исполнение заповедей. Ибо что многое невозможно для многих, это признаю и я; но для

каких? Для таких, которые так же, как и я, нерадивы и не хотят презреть мир и вменить в уметы все блага его; для тех, которые всецело преданы суетной славе, алчут богатства и радуются похвалам и почестям человеческим; для тех, которые сверх того овладены, бедные, гордостью и тщеславием; для тех, которые самоохотно, подобно нечистым животным, валяются в блате греховных страстей и дел скверных, которые, имея жилище души своей упраздненным от Христа, Который обитает в верных, вопия к ним каждодневно: *в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победихмир* – дают согласие диаволу, чтоб обитал в них. Для тех же, которые силою веры отверглись себя и последовали за Христом с надеждою, любовию и смирением и стяжали Его обитателем в себе, со Отцом и Святым Духом – для таких все бывает возможно и удобоисполнимо, как говорит апостол: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Флп. 4, 13).

Которые усокровиществовали в себе сего Христа, те незримо созерцают неизъяснимую красоту Его, недержимо держат Его, непостижно постигают безвидный образ Его, необразный вид Его и неначертаемый лик Его, который неукрашенно преукрашен невидным видением и нехудожною красотою. Что же такое они постигают и созерцают? Это – простой свет Божества Его. Вот что богатно созерцают они умными очами своими. Его осязая невещественными руками своими, с неудержимою и преизобильною любовию невкушенно вкушают Его духовными устами ума и души своей.

Но Его видением, красотою и сладостью насытиться вполне не могут они никогда. Ибо Он, являясь всегда более и более новым, все большую и большую доставляет им сладость и тем все сильнейшее и сильнейшее возжигает в них желание Себя. Если иной раз Он не так явственно является или видится им, то это причиняет им такую болезнь и такое томление, как бы они совсем Его лишились. Если же иногда восхощет Он на короткое время совсем сокрыться от них, то в это время томление их бывает как бы предсмертное и болезнь сердца невыносимая и неизъяснимая.

Чтобы лучше понять нам в примере нудность и жжение такой любви, представьте себе, что какой-нибудь бедный человек полюбит девушку, происходящую от царского рода, украшенную царским венцом и обладающую красотою выше всех жен, находящихся в мире. Она сидит в палатах своих, а он, любитель ее, часто приходит к ней и становится вне, будто презираемый и отвергаемый по причине бедности и великого своего ничтожества. Если эта девушка сквозь какое-нибудь маленькое и узенькое оконце протянет руку свою, всю разукрашенную золотом, и даст ее бедному любителю своему, а он, схватив ее тотчас и видя неизъяснимую ее красоту, начнет целовать ее, надеясь, что наконец сочетается браком с этою царевною и будет вместе с нею царствовать, что она обещала ему прежде с клятвою; потом, после такой надежды и радости, если эта царевна вырвет руку свою из рук его, обратно втянет внутрь к себе и совсем спрячет от него, то не

причинит ли она тем этому бедному и несчастному невыносимой скорби? И не возжжет ли в нем еще более пламенеющую пещь любви? Полагаю, что и вы подтвердите слово мое. Но если это так бывает обыкновенно в видимых и чувственных телах и вещах тленных и скоропреходящих, то не тем ли паче, не в несравненно ли большей силе то же должно произойти в области мысленной и невидимой и в отношении к тому, что нетленно и вечно? Ибо чем превосходнее вечные блага временных, тем сильнейшую к себе любовь порождают в душах любителей своих. И по сей-то причине любовь к Богу не попускает им быть овладенными, хотя мало некако, похотением или пристрастием к какой-либо вещи. Такие и не желают ничего, ни славы, ни утех, ни денег – даже помышлять об этом они не имеют ни охоты, ни позволения. Но как жених, хотя смотря на изображение невесты своей, нарисованное красками, и крепко прилепляется к нему и все на него смотрит и глаз от него отвести не хочет, питая тем пламень любви к невесте, но когда увидит потом самую невесту и то, что она непохожа на изображение, на которое он так любительно смотрел, а несравненно прекраснее, и когда притом обнимет и поцелует ее, тогда не хочется уже ему совсем и взглянуть на портрет ее, на который прежде так неотступно смотрел, переносясь от него мыслями к невесте своей, так то же самое, и еще в высшей степени, испытывают те, которые созерцают и печатлеют в уме своем силу и премудрость Творца своего от величия и красоты видимых творений, и от

них, как от некоей иконы, мало-помалу преуспевая, приходят в любовь, и веру, и чистый страх, какие надлежит иметь к Нему; но когда потом соединятся существенно с Самим Богом и сподобятся узреть Его Самого и сделаться причастными Его, тогда уже не обращают такого тщательного внимания на то, как изображают Его твари, на эту тень Его в видимом, потому что они перестают уже тогда иметь чувство к видимому, как прежде, и ум их постоянно пребывает в том, что выше чувств, и некоторым образом сорастворяется с тем и облекается в светлость Божественного естества во Христе Иисусе, Коему слава вовеки. Аминь.

Слово восемьдесят пятое

О безмолвии и какого рода делание должен проходить тот, кто желает мужественно пребывать в нем.

Имея намерение сказать вам малое нечто о безмолвии, которое есть совершеннейшая из подвижнических добродетелей, прошу вас, дайте мне внимательное слушание, вы, которые желаете совершенства ее и приготовляетесь взойти на высоту ее посредством преуспеяния и усовершенствования себя на пути прочих добродетелей – прошу внимания к словам моим, чтоб из настоящего слова моего научиться, в чем состоит делание безмолвия и затем употребить усилие сделаться достойными того, чтоб воспринять сей подвиг (безмолвия) и проходить его как должно, если желаете стать на высоте его и обогатиться богатством его.

Кто убезмолвился и один живет в келлии своей, тот пусть будет как первомученица Фекла. Она, оставя все мирское, забыв и самые потребности телесные, сидела у окна и внимала учению святого Павла. Повествование о ней говорит, что она не выходила из своей комнаты и, будто прикованная к окну, не отходила от него даже для того, чтоб принять пищи или утолить жажду, но лишь слушала Павла, который поучал, и только когда уже он удалился из того места, побежала и она, одна, вслед его и стала искать его – оставила и роди-

телей, и жениха, обручника своего, и искала только святого Павла с великою любовию, о другом ком и думать не хотела, а думала только о святом Павле; и такая сильная овладела ею любовь к святому Павлу, что она чтила как священное то место, где сидел святой Павел и учил, и целовала землю, на которую ступала нога его. Не подумай, что я сказал это не к делу и что ничто такое не приложимо к безмолвнику. Нет, таково именно должно быть и делание безмолвника. Если ты этого не видишь, поищи и найдешь.

Безмолвник, если желает быть таким, как следует, пусть будет и как блудница, о коей упоминает Евангелие – пусть емлется и он за ноги Господа нашего, целует их и омывает слезами своими и ни на кого другого не смотрит, кроме Его единого, могущего отпустить грехи его. Пусть будет и как невеста – пусть и засыпает с Женихом Христом, чтоб и просыпаться с Ним, чтоб потом возбудиться с Ним и к вечной жизни, или, лучше сказать, пусть всегда пребывает в Нем и Его всегда имеет пребывающим в себе. Пусть будет, если может, и как один из тех вельмож, которые предстоят земному царю и дружески беседуют с ним втайне, в его внутреннейшем покое царском, и пусть беседует с Владыкою Христом лицом к лицу.

Кто убезмолвился, тот пусть будет и как три апостола, которые восходили со Христом на гору Фавор и видели сияние, облиставшее Его, и изменение одежд Его, и просвещение лица Его и которые, увидев светлое облако и услышав глас Бо-

га и Отца, свидетельствовавший свыше и говоривший: Сей есть Сын Мой возлюбленный, стали вне себя и пали ниц на землю, чтоб и он мог сказать, подобно Петру: добро есть нам зде быти, сотворим три сени – для Тебя, и для Отца Твоего, и для Духа Святого, единое Начало и единое Царство, то есть сотворим три новые обиталища – ум, душу и тело, очистив их сокрушением, слезами, покаянием, молитвою и исповедью, возведем строение их повыше и украсим всяким убранством добродетелей, да обитаете в них вечно.

Кто безмолвствует, тот пусть сидит в келлии, как сидели апостолы в иерусалимской горнице, ожидая свыше силы Всевышнего Духа, чтоб восприять и благодать Святого Духа, как восприяли ее апостолы, и потом быть почитаему плотскими людьми за пьяного, за вознофливого и самохвала по той причине, что он станет тогда предлагать новые догматы, инако некако излагать древнее учение, говорить иным языком и опровергать слова тех, которые имеют противное понятие о духовном учении.

Пусть будет он еще и как Моисей, да взыдет на верх горы, да внидет и он внутрь облака и скроется там от очей других. Если он соделается таковым, то не только задняя Божия узрит, но сознательно предстанет пред самое лицо Божие и, видя Самого Бога, и видим будучи от Него, и слыша глас Его, сначала сам научится тайнам Царствия Небесного, потом преподаст законы его и другим; сначала сам просветится, потом просветит и других светом ведения; сначала по-

милован будет Богом, потом и сам станет миловать других; прежде он взыщет у Бога и получит, а когда получит, станет и сам сообщать другим, которые взыщут у него; прежде он разрешится от уз грехов его, потом и сам станет разрешать других.

Добрый безмолвник пусть будет и как апостолы, которые, по Воскресении Господа, сидели в горнице дверем заключенным страха ради иудейска, чтоб сподобиться и себе увидеть Христа вошедшим или, лучше сказать, видеть Его непрестанно присущим, видеть, что Он внутри вместе с ним и дает мир, который и да взыщет, и да приимет от Него. Если при сем Господь дунет и на него, как дунул на апостолов, со словом: приими Дух Свят, да приимет то со страхом и трепетом. Да углубляется также в точнейшее созерцание Господа и да осязает Его руками ума своего и чувствами души своей, чтоб увидеть и познать, что Он есть истинный Бог всяческих. Если и к Самому Господу обратится он при сем с вопросами, Он не вознегодует на него, но, похвалив похвальную его боязнь (впасть в ошибку), скажет ему такие слова: «Что смущаешься и почто помышления входят в сердце твое? Мир тебе! Аз есмь, не бойся. Виждь славу Божества Моего. Осяжи Меня и познай, что это Я самый. Вкуси и виждь. Диавол, который есть тьма и преобразуется в Ангела света призрачно, а не истинно, не имеет сам и тебе не может сообщить ни благонастроения и сладости, ни радости и свободы, ни мирного состояния или чувства умного и просвещения души,

которые Я, как видишь, имею Сам и тебе даю».

Безмолвник долг имеет всячески смотреть, чтоб все сказанное нами выше не говоримо было только о нем по роду его жизни, но чтоб самым делом все то происходило в нем каждодневно. Если же он сидит в келлии своей, но не в таком устроении держит жизнь свою, то что пользы от того, что он тело свое заключил в стенах? Ум невеществен и бестелесен и не удерживается стенами, но удерживается благодатию Духа Святого и стоит неподвижно в естественном своем чине и беседует с Богом. Если сидящий в келлии уединенно не знает точно того, что мы сказали, и не имеет того постоянным своим духовным деланием, то какое же другое дело имеет он делать? Кто оставил труд делания по заповедям, и прекратил дела по заповедям, и прекратил дела телом, по сему совершаемые, тот если не знает, как делать делания духовные, то, конечно, пребывает в бездействии, оставя оба рода дел – и телесных, и духовных. Если теперь бездействие худо, то несомненно, что тот, кто сидит в бездействии, грешит. Тот, кто умеет делать делания духовные, тому это не мешает, при делании духовном, совершать и дела по заповедям, телесно делаемые. На них он получает от духовного делания великую помощь и делает их с большой легкостью. Но кто упражняется только в телесных делах подвижничества, тот, когда упразднится от них, не может еще по тому одному делать и духовные делания. Он носит еще в руках своих орудие видимого действования и вещество для работания ими,

то есть заповеди и добродетели, телом совершаемые. Но он еще неопытен и не обучен художеству духовному и не может сего вещества обделать в дело духовное и явить его совершенным, но делание его является слабым и бесплодным.

Чтоб тебе лучше понять, что я сказал, объясню тебе это другими примерами. Сколько людей плакали, как блудница, но не получили прощения грехов своих, как она? Сколькие восходили на гору Фавор, но не видели там преобразившегося Христа, не потому, чтоб там не был присущ Господь наш Иисус Христос и Бог (ибо, конечно, Он и там есть, яко везде сый), но потому, что сами были недостойны того, чтоб увидеть Божество Его? Сколько евреев перебывало в том доме и в той горнице, где сидели апостолы, но никто из них не получил благодати Святого Духа? Сколькие изъясняли Божественные Писания, но не познали Того, Кто есть глаголяй в них? Сколькие померли на горах и в пропастях, но не были достойны паче всего мира, так чтоб мир весь не был их достоин, но и они (дивны суды Твои, Господи!) поставлены наравне со всем миром и сопричислены к нему? Сколькие безмолвствовали и безмолвствуют доселе и не знают даже и того, что значит самое имя безмолвия, а не только того таинства, которое совершается в безмолвии? Ибо познание Бога (спознание с Богом) не порождается внешним безмолвием, как иные думают, ошибочно толкуя изречение пророка Давида, которое гласит: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11); но, напротив, безмолвие порождается по-

знанием Бога (спознанием с Богом) в том, кто добре и законно подвизается. Если назовем сим упразднением устранение от дел и скажем, что безмолвие есть бездействие, и предпочтем устранение от дел и бездействие деланию заповедей, то как можем явиться исполнителями закона Христова, который говорит: *якоже хощете, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Лк. 6, 31); и в другом месте: *аще Аз умых ваши нозе, Господь и учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе* (Ин. 13, 14); и опять: хотящий в вас быти первым, буди из всех последнейший, вам раб и служитель (Мф. 20, 26, 27; Мк. 10, 43, 44); также заповеди апостола Павла, который говорит: *аще не хощет кто делати, ниже да яст* (2 Фес. 3, 10); и в другом месте: *вся сказах вам, яко тако труждающимся подобает заступати немощныя* (Деян. 20, 35); и еще: *требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20, 34)? Святые апостолы и богоносные отцы, после них бывшие, не предпочитали безмолвия богоугождению, которое бывает чрез добрые дела, но, показав веру свою чрез исполнение заповедей Божиих, они сподобились познать Бога и возлюбить Его; и так как по сем возжелали пребывать с единым Богом, то вышли из поприща мирского и от беспокойств, причиняемых тамошними бранями, и убезмолвились. И теперь еще подвизающиеся законно уходят из мира и шума его и убезмолвливаются, чтоб вкусить от плода трудов своих, не будучи смущаемы ничем земным: ни приятным, ни скорбным. Когда же насладятся они нена-

сытно, вкусив всех благ безмолвия, и получат удостоверение в чувстве, что, как говорит апостол: *недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), тогда не довольствуются уже они теми подвигами, какие подъяли прежде, но, по отдохновении от них в таком утешении и услаждении, подаемом в безмолвии, выходят опять на подвиги в исполнении заповедей Христовых и в добродетелях, телесно являемых, не с тою целью, чтоб сделать добро для самих себя, не спасения ради своего – хотя это, конечно, будет во спасение – но с тою целью входят они опять в такие подвиги и начинают подвизаться в них, чтоб делать угодное Богу, Коего любят и Коим любимы (действовать по воле Его, бывая в руках Его благопокорливым орудием). Они уже более не борются с диаволом, как боролись прежде – терпели от него удары и сами наносили их, но враги, как только увидят их, приходят в страх и убегают. Еще и тех, которые бывают изранены врагами, они тотчас берут на свое попечение, помазывают елеем раны их, обвязывают и вылечивают; вылечив же, научают, как надобно вести брань с этими врагами, какими орудиями и машинами.

Всего сказанного нами, если не знает добре тот, кто убезмолвился, или тот, кто стал настоятелем над другими, или кто взялся быть учителем других – в таком случае ни убезмолвившийся не есть безмолвник, хотя думает, что безмолвствует, но сидит только в келлии один, запертый телом, не зная цели безмолвия; ни тот, кто взял на себя настоятель-

ство, не есть воистину настоятель, но идет путем, сам не зная каким, или, лучше сказать, блуждает вне пути настоящего и находится в опасности ввергнуть в бездну вечного мучения и себя, и тех, которые последуют ему; ни тот, кто взялся учить других, не есть истинный учитель, но лживый и заблудный, потому что не имеет в себе истинной премудрости Господа нашего Иисуса Христа. Но что сказать о власти вязать и решить, какой пользуются и таковые, когда даже те, которые имеют в себе Духа Святого, разрешающего грехи, или суть духоносны, страшатся и трепещут, как бы не сделать чего-либо несообразного с волею Святого Духа, Который обитает в них и изрекает чрез них волю Свою? И как можно доходить до такого умоисступления и такой дерзости, чтоб, не получив благодати Святого Духа, говорить или делать дела Святого Духа – делать дела Божии без воли на то Божией? Увы и горе тем, которые дерзают поступать так, потому что они будут осуждены на вечное мучение в день Суда, в который Господь наш Иисус Христос, непогрешимый и нелицеприятный Судия, воздаст каждому по делам его, по его помышлениям и словам. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и Всесвятым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят шестое

1. Душеполезная повесть об одном послушнике, получившем Святого Духа молитвами отца своего духовного. 2. О действиях Святого Духа и созерцании таин Его.

1. Один юный рассказывал мне, что был он послушником у одного старца благоговейного, равного по добродетелям великим святым, и, слыша, как он часто говаривал, что на тех, которые подвизаются, свыше приходят Божественные озарения и множество света, в каковом состоянии бывает и собеседование Бога с человеками, удивлялся сему, и такое, говорил он мне, возымел я желание получить и себе такое благо, что от жаждания того забывал все и земное, и небесное – забывал пищу и питие и всякий телесный покой. Старец же мой, будучи великим святым, имел и дар прозорливости и, видя, что я без размышления исполнял все его повеления, между тем не ел и не пил, а был весь погружен в свои мысли, приказал мне есть, потому что имел великое и безмерное ко мне сострадание и благоутробие. Я ел и нехотя, ибо боялся греха преслушания. Но сколько ел, столь паче разгоралось во мне пламя внутри. Невыносимо было мне насилие, какое делает мне старец; слезы текли у меня как река, и, плача так, вскакивал я часто из-за трапезы, думая, по малосмыслию, что он полагает препоны доброму моему стрем-

лению, не зная, какую чрезмерную боль и тяготу ношу я в сердце своем. В один день пошли мы в город, близ которого он жил, для посещения духовных детей его и пробыли там весь день. Вечером возвратились мы в келлию, от большого труда и жара алчные и жаждущие, ибо старец не имел обычая где-либо есть или отдыхать; было же тогда лето, и старцу – годов с шестьдесят. Когда сели мы за стол, я не ел, потому что очень утомился и думал, что если поем и попью, то совсем не смогу стать на молитву и с обычным жаром испрашивать желаемого. Так думал я и сидел, как бы находясь вне себя. Тогда святой мой, смотря на меня и, по дару прозорливости, зная причину, по которой я не ел, и какими мыслями занята голова моя, возымел жалость ко мне и сказал: ешь, чадо, и пей и отныне оставь всякую печаль; потому что если бы Бог не хотел явить милость, то не благоволил бы Он привести тебя ко мне. Итак, поели мы и напились паче нежели вдоволь; ел и он, снисходя к моему изнеможению. Когда потом убрали мы трапезу, говорит мне он: ведай, чадо, что Бог не благоволит много ни к посту, ни к бдению, ни к другому какому телесному труду, ни к какому другому доброму делу и не являет Себя никому другому, кроме только смиренной, непытливой и благой души и сердца.

Слыша это, я удивился слову и наставлению святого и, горя сильным внутренним огнем и все грехи свои во мгновение ока приведши на мысль, облился весь слезами, текшими из очей моих, и, падши к ногам святого и обняв их, ска-

зал: молись о мне, святче Божий, да обрету милость по твоему ходатайству, так как из тех добрых расположений, о коих сказал ты, я не имею ни одного, да и ничего доброго, кроме только грехов моих многих, которые знаешь и ты. На это святой мой показал мне такое сильное соболезнование, что сам заплакал, и, велев мне подняться с земли, сказал: «Имею веру, что Бог, такие богатые явивший ко мне Свои милости, дарует и тебе сугубую благодать, ради одной веры твоей, какую имеешь ты к Нему – Богу и ко мне, последнейшему и худейшему». Это слово я принял так, как бы слышал его от Самого Бога, и, помышляя о сугубой благодати, какую получил Елисей чрез пророка Илию, уверовал, что, хотя я и недостоин, но человеколюбивый Бог скоро очень творит волю боящихся Его, и, с поклоном испросив молитвы, пошел в келлию свою. Отпуская меня, старец дал мне заповедь – прочитать на ночь лишь Трисвятое и лечь.

2. Вошедши туда, где имел я обыкновение молиться, и начав: Святый Боже, и вспомнив слово святого старца, я вдруг заплакал и в такие пришел слезы, и в такой пламень к Богу, что не могу выразить того словом, ни той радости и сладостного утешения, какие были тогда во мне. Падши затем лицом наземь, я увидел нечто дивное, ибо се – воссиял мысленно во мне великий свет и взял к себе весь мой ум и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и стал как вне себя, забыв и место, в котором стоял, и что такое я, и где я – вопиял только: Господи, помилуй, как догадался, когда пришел

в себя. Впрочем, отче мой, кто был тот, кто говорил во мне и приводил в движение язык мой, не ведаю, Бог то весть, не ведаю и того, как соединился я с тем светом, в теле ли быв или вне тела. Ведает сие тот самый свет, который изгнал и из души моей всю тьму и всякое земное мудрование, отъял от меня всю вещественность и тяжесть тела и произвел в членах моих великое расслабление и изнеможение. Это изнеможение и расслабление членов моих и нервов было так сильно от крайнего напряжения, что мне казалось, будто я слагаю с себя бремя тления. В душе же моей он произвел радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверх того, он даровал мне дивно свободу и забвение всех помыслов, кои в мире, и открыл самый способ исхождения из настоящей жизни, потому что все чувства ума и души моей прилеплены были тогда к единому неизреченному веселию и радости от того света. Но когда безмерный тот явившийся мне свет мало-помалу умалился и наконец совсем стал невидим, тогда я пришел в чувство и познал, какие дивности внезапно произвела во мне сила того света. Почему, испытав удаление его и видя, что он опять оставил меня одного в этой жизни, я столь много опечалился и душа моя так сильно возболезновала о том, что не могу выразить тебе, как следует, великой скорби, которая как огонь возгоралась тогда в душе моей. Если можешь, отче мой, сам вообрази и болезнь разлучения того, и высоту великого оного благодеяния, и безмерную любовь, явленную мне и возго-

равшуюся во мне, а я не могу ни языком сказать, ни умом понять безмерность оного видения.

Я сказал ему: нет, всечестный отче и брате! Ты изобрази мне действия того света, который явился тебе. И он, сладкий, исполненный Духа Святого и сподобившийся такого видения, ответил мне кротчайшим и медоречивым гласом: о, отче! Свет оный, когда является, веселит, а когда скрывается, оставляет рану и болезнь в сердце. Приходя или нисходя на меня, он возводит меня на небеса, одевая и меня светом. Он является мне как некая звезда и есть невместим для всей твари; сияет как солнце, и мне понятно, как вся тварь держится силою его. Он показывает мне все, что есть в творении, и повелевает мне не заходить за пределы человеческого естества. Меня объемлют кровля и стены, а он отверзает мне небеса. Поднимаю чувственные очи мои, чтоб посмотреть, что есть на небе, и вижу, что там все так же есть, как было прежде. Удивляюсь этому – и слышу свыше глас, таинственно говорящий мне: «То, что видишь теперь, есть таинственное предызображение будущих благ, которых, совершенно как они есть, не увидишь, пока носишь плоть. Но возвратись в себя самого и смотри, чтоб не сделать чего-либо такого, что может лишить тебя благ, которые сподобился ты получить. Если же и погрешишь когда, в научение смирению, позаботься не бегать покаяния; потому что покаяние вместе с Моим человеколюбием изглаждает и прежние, и настоящие грехи».

Слыша такие слова юного оного, я едва не стал вне себя и вострепетал весь, помышляя, на какую высоту созерцания и ведения востек он от одной любви и веры, какую имел к духовному отцу своему, и сколь великие блага сподобился увидеть и получить в самом начале, как бы отложивши всякую немощь человеческую и ставши из человека Ангелом. Почему прошу вас, братие мои, отринем и мы далеко от себя всякое пристрастие и заботу относительно того, что касается жизни настоящей; возненавидим плотские удовольствия, удобрение тела, его покой и бездейственную негу, по причине коих обыкновенно тело восстает на душу; возымеем чистую веру в Бога и в отцов и учителей наших, кои по Богу; стяжем сердце сокрушенное и смиренное мудрование души; очистим сердце свое от всякой нечистоты и от всякого осквернения греховного слезами покаяния – да сподобимся и мы достигнуть некогда в полную меру совершенства христианского, да увидим и восприимем еще в настоящей жизни неизреченные оные блага Божественного света, хотя не вполне, но сколько можем вместить, по степени очищения нашего. Ибо сим образом мы соединимся с Богом и Бог с нами – и соделаемся мы светом и солью для ближних наших, на всякую им пользу духовную, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят седьмое

О тех, которые сами собою делаются учителями, отцами духовными и руководителями других и, не имея Божественной благодати, руководят и учат других, и о том, что не должно никому, прежде чем рожден он будет и просвещен от отца духовного, руководить или учить других.

Желал бы я, возлюбленный брате, так умертвиться миру сему, чтоб меня не знал ни один человек, но чтоб мне проводить жизнь как истинно мертвому и жить неявно, сокровенной во Христе жизнью, коею други, любители Божии, знают Бога и знаемы бывают от Бога только, держа себя неразлучно в живом единении с Ним во всякое время и на всяком месте. К такой жизни горел я желанием сначала, к такой горю им и ныне. Но так как мы, по слову святого Павла, не сами собою управляем, куплени бо есмы Пречистою Кровию Христовою, и так как должны искать не своей только пользы и угождать не самим только себе, но и ближним нашим во благое, то всячески необходимо и мне со всем усердием творить повеления Владыки моего Иисуса Христа, искупившего меня. Ибо если рабы, купленные людьми, имеют неотложный долг творить повеления господ своих и, когда преслушают, их наказывают, не тем ли паче мы должны, даже до

смерти, творить веления Господа и Бога нашего Иисуса Христа, искупившего нас собственною Своею Кровию? К тому же за то, что делать получают повеление от господ своих рабы и что делают, они или совсем никакой не получают платы, как бывает большей частью, или если получают иногда, то она бывает крайне невелика и ничтожна – и опять наказания, какие даются рабам за ослушание господ своих, как бы ни были велики, все суть временные. Но заповеди Господа нашего имеют воздаяние бесконечное и вечное, так как в тех, кои исполняют их, вселяют жизнь бессмертную и такие подают им блага, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша; и напротив, наказания, какие ожидают преступающих их, суть вечны и нескончаемы и потому более страшны, нежели всякое другое наказание, какому подвергаются рабы, преступающие волю господ своих. И что я говорю о рабах, тогда как и те, которые богаты и почтены достоинствами, и они не всегда бывают там, где им желательно, и не то одно делают, что им угодно, но где и что повелевает им царь, там и то делают они с полною покорностью велениям его?

Итак, что же? Рабы господам своим и начальники царю своему имеют долг оказывать всякого рода покорность и послушание, а мы, ставшие воинами Царя царей и Бога богов и обещавшиеся во Святом Крещении быть рабами Его, не имеем долга слушаться повелений Его и исполнять заповеди Его? И какое извинение можем мы получить, когда вознера-

дим об этом? Но горе мне, что, говоря сие и указуя другим путь спасения, ведущий в Царство Божие, сам судим бываю всеми людьми, не только мирянами, но осуждаюсь, приговариваюсь к наказанию и ненавидим бываю как нечистый даже монахами, и иереями, и архиереями. И о, когда бы это было без причины, по одному подозрению и действу диавольскому, действующему в сынах противления, на пагубу им!

Но се говорю то, что узнал из опыта, что если бы демоны не имели людей содейственниками злобе своей, то, наверное, совсем (дерзаю так сказать) не могли бы они отдалить от заповедей Божиих тех, которые таинственно возродились через Святое Крещение и соделались сынами Божиими по благодати. Я верую, что младенцы окрещенные освящаются и соблюдаются под кровом Всесвятого Духа, что они суть овцы стада Христова и агнцы избранные, поколику запечатлены знамением Животворящего Креста и освобождены совсем от тиранства диавола. И если бы диавол не находил пригодных орудий злости своей к совершению того, что желает, или в родителях детей, или в кормилицах, или в тех, которые с ними обращаются (как в начале – в змее и жене), то, наверное, не мог бы он похитить и себе присвоить ни одного из них. Ибо, как свидетельствует действительность, эти сказанные нами лица учат их с детства всякому злу и лукавству, срамословию, чревоугодию, плясанию, щегольству и всяким другим худостям – сребролюбию, тщеславию, славолюбию, гордости, и к этим худостям они приучают их с

детства и воспитывают в них. Почему прежде еще, чем дети придут в познание себя и начнут сами рассуждать, они через научение их означенным худым навыкам и расположениям предают их диаволу в рабы, лишая их, несчастных, благодати сыноположения и полученного ими освящения, сами не зная, что делают, как несмысленные.

Из отцов нынешнего века никто почти не воспитывает детей по-христиански и не обучает их правилам и заповедям Христовым, но все почти воспитывают их в обычаях мирских и нравах эллинских. О чем-либо христианском и заботы им нет, и не говорят они с Иовом: *негли когда сынове мои согрешиша и в мысли своей злая помыслиша противу Бога* (Иов. 1, 5). Не страшатся они и не трепещут при мысли, не сделали бы дети их что-либо неуместное и не отпали бы чрез то от рабства и сыноположения Христа, заклавшегося для спасения нашего, и не сделались опять рабами врага нашего, тирана – сатаны – и не были осуждены на смерть и вечное мучение в огне. Один страх обдержит их всех за детей своих, и одна у них забота относительно их – как бы сделать их показными пред людьми, славными и блестящими не добродетелью и целомудрием и не равнодушием к пышностям и утехам мирским, но раззолоченными сбруями лошадей, щегольскими одеждами и рабами, предшествующими и последующими им. От этого и дети их привыкают к славолюбию, к пышности, к богатству и возношению. Так родителями своими дети вводятся во всякий вид страстей и без искушения

бесов, а нередко, по их же (родителей) влиянию, впадают они в срамные дела и дают вход в себя диаволу, отцу зла, чрез нарушение обетов, данных во Святом Крещении. Будучи таким образом воспитаны и выросши среди таких худых влияний, они внедряют в душу трудноизгладимую привычку к худому, которая со временем превращается в природу и делается уже неисправимою. По сей причине иные из них (детей) остаются в злых навыках своих до смерти, не имея сил оторваться от похотей, страстей и удовольствий плотских, с коими так и умирают; другие же приходят несколько в чувство, познают возгосподствовавшее над ними зло и стараются освободиться от него. Но если они не отделятся совсем от злых учителей своих (так следует их называть, а не родителями), то невозможно им будет освободиться от укоренившихся в них злых навыков. И сие-то провидя, Бог взывает ко всем нам: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и братию, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26). Ибо по другой какой причине несправедливо ненавидеть родителей, как сознавши душевный вред, причиняемый ими. Кто восчувствует этот вред, тот уже не смотрит более на родителей и родных как на друзей, но естественно ненавидит их, как наветников души своей и бегает сообращения с ними, стараясь всячески прежде совсем отделиться от тех, которые сделались причиною для него толиких зол, чтоб потом свободнее подвизаться и об освобождении души своей от оных устарелых злых навыков и от самых похотей

и страстей. Прежде же всего этого ему надлежит облегчить совесть свою от бремени грехов через покаяние и исповедь.

Теперь послушай, честный отец, что я имею намерение сказать тебе. Которые из таковых отрекаются от мира и не имеют духовных себе отцов и старцев, те, конечно, не сделались и чьими-либо духовными чадами. Но которые не сделались чадами, те и не родились; которые не родились, те не пришли в бытие; которые не пришли в бытие (духовное), тех совсем нет в духовном мире. Как те, которые не родились телесно, не находятся в видимом мире, так и те, которые не родились духовно, не находятся в оном умном мире и не входят в оный дивный свет, в который вводит Бог верующих в Него. Еще, как те, которые не родились телесно, совсем не существуют, так и те, которые не родились духовно, не существуют духовно. Но о, когда бы были они совсем не сущими, а не существующими. Но дело не так есть, ибо родившихся телесно, но не родившихся духовно ожидают тьма, огнь и мука вечная, по определению Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшего: *аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия* (Ин. 3,3). Рождением называет здесь Господь наш благодать Святого Духа, как Сам сказал апостолам: *Иоанн крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым* (Деян. 1, 5). Так вот что есть духовное крещение и духовное рождение, и невозможно сему быть иначе.

Надобно нам теперь узнать причину, по которой иные не

знают, что они родились духовно. Какая же этому причина? Невежество и слепота очей души их. И внимай поусердней. Как детям рождаемым невозможно засемениться и родиться без отца, так невозможно родиться свыше, то есть принять благодать Святого Духа, и тому, кто не имеет духовного отца, рожденного свыше. И как плотской отец рождает и детей плотских, так и отец духовный тех, которые желают быть чадами его, делает чадами духовными. Но тот, кто сам еще не родился или родился, но еще дитя есть, то есть не достиг еще совершенства, тому как возможно быть отцом других? Нет, невозможно. И тому, кто не соделался сыном Света, с чувством и сознанием того, с опытным удостоверением и духовным созерцанием, тому как возможно знать и видеть Отца светов? И как возможно ему руководить других к Свету или научить их, что есть Свет, который пришел в мир, чтоб просвещать сидящих во тьме? Сам он слеп и не видит, как же может он показать путь другим? Кто не видит света, тот всеконечно ходит во тьме, спотыкается непрестанно и имеет нужду в путеводителе: как же путеводить ему других? И если станет он путеводить их, то наверное будет для них виновником пагубы. Ибо Господь говорит: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15,14) – в ров неведения или пагубы.

Итак, все те, которые видят только телесными очами и только этот чувственный свет, слепы суть; и им ни о чем другом не должно заботиться, кроме как о том, чтоб отверзти умные очи души своей и увидеть невечерний Божественный

свет. Ибо как слепой не может видеть никаких вещей мира сего, ни различать золота, например, от серебра или меди, хоть они пред ним находятся, он не видит, и многоценные камни и маргариты, если они брошены на пол, попирает, как прах; и самого себя не видит и не знает, какая на нем одежда: белая или черная, чистая или измаранная – так и тот, кто слеп умными очами, не может знать самого себя, ни состояния своего; тем паче невозможно ему увидеть и познать Бога. Открываются же умные очи и прогоняется духовная слепота благодатию Святого Духа. И никто из святых, от века бывших, не делался святым, не познавал Бога, не становился рабом и другом Его, если прежде ум его не бывал просвещен от Святого Духа, если не получал от Него ведения, слова и силы и не был Им доведен до познания хотений и велений Божиих. Кто не просвещен Духом Святым, тот не только не знает себя самого и ближних своих, но и заповеди Божии, кои суть как маргариты, и веления Божии, кои суть как камни многоценные, и живодательные словеса Его, кои суть как монеты, имеющие на себе пречистый образ Его – все это попирает ногами, как ненужный прах, нимало не чувствуя ни их, ни того, как относится к ним, потому что не может чувствовать. Никто убо, братия мои, да не прельщает вас, говоря, что видит то, о чем я сказал, тогда как очи души его не просвещены Божественным светом.

Итак, если всякий ученик есть духовное чадо учителя своего, то всячески тому, кто ищет духовного отца, должно ис-

кать человека, который родился духовно и сознательно знает Бога и Отца своего, чтоб он родил духовно и его и сделал воистину сыном Божиим. Если теперь ученик оный нуждается и ищет такого духовного отца (ибо, как говорит Писание, добрых учителей – добры и учения, от злых же семян злые бывают и порождения), то, с другой стороны, есть в настоящей жизни и добрые учители и отцы истинно духовные, такие, как мы сказали выше. Но подле них есть и такие, которые еще не родились свыше и еще не познали себя самих, а не только Бога; которые, однако ж, сами себя выставили учителями и отцами других и всякими способами стараются привлечь к себе всякого, отрекшегося от мира и, как мы сказали, ищущего духовного себе отца; и если заметят, что он хвалит кого-либо из истинно духовных отцов, тотчас спешат эти несчастные представить нехорошим того духовного, чтоб соблазнить душу юноши и помешать ему пойти к нему. Спрашивается теперь: если юный сей, обманувшись, пойдет к тем, которые его обманули, и лишится таким образом пользы, какую имел бы получить от того духовного отца, то кто виновен в потере его, равно как и всех тех, которые таким же образом лишаются пользы от духовных отцов и учителей, будучи соблазняемы словами оных самозванцев? Не виновны ли в этом эти соблазнители, которые сами себя поставили в руководители и отцы и всех отдаляют от добрых учителей, не допуская их дойти до них, чтобы получить от них настоящее руководство и войти по нему в Царствие Небесное?

Всеконечно они виновны в этом, и от рук их взыщется кровь соблазненных ими, как сказал Господь. Они, будучи обладаемы тщеславием и гордостью и думая о себе, что суть великие некие, хотя ничто суть, делаются отцами, учителями и апостолами, сами себя рукоположив, между тем как ни благодати Святого Духа не получили, как апостолы, ни светом ведения не просветились, ни Бога, Коего проповедуют, не видели, чтоб Он открылся им, как обетовал: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам;* и опять: *Аз и Отец Мой к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21, 23); и еще: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56); также: аще *кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы* (Ин. 7, 37, 38); опять: *всяк пияй от воды сея* (естественной) *вжаждется паки: а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущия в живот вечный* (Ин. 4, 13, 14). Итак, кто явно не видит, чтоб все такое было в нем действительно и совершилось самым делом, тот еще слеп. Ибо кто не соблюл Божественных заповедей, кто не видел Сына Божия явившимся ему, кто не возлюбил Его как подобает, кто не познал в чувстве души своей, что Отец и Сын во Святом Духе обитель у него сотворили, тот пострадал одно из двух следующих: или Бог оставил его и душа его пуста, или диавол, изгнанный из него во время крещения, опять

возвратился к нему по причине греха; и это или прежде чем он стал монахом, или после того – *и будут последняя человеку тому горша первых* (Мф. 12, 45). Кто изгнал лукавого из души своей великими подвигами, смиренномудрием, многими болезненными трудами, плачем и слезами, а потом опять попустил себе обольститься его внушениями, и это прежде, чем заведомо ему возобитал в нем Христос, и прежде, чем стяжал он истинное, всуществленное смирение – тот опять принимает к себе самого диавола, который входит в него без ведома его по причине самомнения и гордости. Такой не может прийти в чувство и познать грехи свои и зло, которому подвергся. Ибо диавол закрывает очи души его и не дает ему познать гордости, которая властвует над ним. Тогда диавол не нудит его на плотские сласти, ни на чревоугодие, или сребролюбие и многостяжание (ибо эти страсти некоторым образом смирительны, наводят стыд и отнимают у совести побежденного ими всякое дерзновение, хотя бы его хвалил и величал весь мир, яко святого), но побуждает его держать посты, бдения, всенощные стояния, нестяжание, спание на голой земле, немытость и все другое, что, как знает он, может возращать страсть гордыни. Ибо такие дела, если не бывают построеваемы на основании христоподражательного смирения, высят душу до небес и тем низвергают ее в бездну. Она думает, что возвышается, на деле же бывает, что насколько она высится, настолько падает и низвергается долу, сама того не замечая. Как невозможно стоять дому без осно-

вания, так невозможно сказанным добродетелям быть твердыми, если они не имеют в основании своем смирения. Если оно не будет прежде положено в основание или, быв положено, будет потом похищено духами злобы, тотчас все здание добродетелей,назданное с такими потами и трудами, падает долу и уничтожается. Ибо Господь *гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6); и – *нечист пред Господем всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Между тем, кто имеет в себе сей источник и корень всех страстей душевных, тот почитает себя высшим и бесстрастнейшим всех людей и поверить не может, чтобы был кто-либо деятельнее и созерцательнее его; почему презирает всех и не верит дарам благодати, какие даются им от Бога, завидует им и осуждает их и всячески усиливается доказать, что одни из них (даров) ложны, а другие – невозможны. Этим способом он увлекает вслед себя и других, ввергая и их в свой собственный ров зависти, неверия и пагубы.

Кто вкушает Тело Сына Божия и пиет Кровь Его, тот, если не знает чувством и опытом душевным, что в Боге пребывает, а Бог в нем, поистине еще не причащался достойно Пречистых Таин. Ибо как возможно тому, кто соединился с Богом, не знать о том, хотя бы был он и не совсем чувствительного сердца? Также, если вкушающий Тело и пиющий Кровь Христову имеет живот вечный и на суд не идет, но прешел от смерти в живот, то явно, что кто не сознает, что имеет в себе живот вечный и прешел от смерти в живот, так

же, как иной знает, что из темного дома перешел в светлый и блестящий – таковой не познал еще таинства Домостроительства Божия и не вкусил жизни вечной. И еще, если Господь наш обетовал, что верующим в Него будет подавать Духа Святого, чтобы Он был для них источником воды, текущей в живот вечный, и реками, истекающими из чрева их, то кто не видит, чтоб в нем совершалось это каждодневно, не видит и всего другого, что обещал Господь давать верующим в Него или совершать в них, тот как может называть себя совершенным верующим? Но, с другой стороны, если кто думает, что такое совершенство прилично только апостолам и древним святым, и говорит, что мы, сколько бы ни подвизались, не можем уподобиться древним святым, и надежды даже не имеем сделаться подобными им, то кто из знающих Бога и сostраждущих братиям своим не восплачет о таковом от всей души своей? Ибо если Бог велегласно взывает: *святи будите, яко Аз свят есмь* (1 Пет. 1, 16), и в другом месте: *подобны будьте Отцу вашему, Иже есть на небесех* (Мф. 5, 48; Лк. 6, 36), и Павел: *подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 4, 16) – а этот противные сему пишет законоположения, то наивернейше он явный есть антихрист и богоборец. Ибо говорит, что иные были те, и иные мы – иначе тех любил Бог, сподобивший их великих даров Святого Духа, и иначе относится Он к нам; нас, говорит, Он едва милует – прощает только нам грехи наши и спасает нас, если покаемся, понесем какие-либо произвольные лишения и попла-

чем; быть же нам как апостолы или как древние святые никак невозможно. И тех, которые почитают сие возможным, называет он гордыми и хульниками, которых, говорит, не надо совсем слушать, и повелевает бегать от них. Какое пагубное заблуждение, чтоб не сказать, какое нечувствие и неверие! Говорящие и мудрствующие так надеются быть спасенными без приятия благодати Святого Духа и думают быть сынами Божиими, не имея сознательно Духа Святого, Который един творит верующих сынами Божиими. Они называют Бога Отцом своим, но говорят, что никогда не видели Его, и думают, что любят Его, не видавши Его. Даже слушая апостола Иоанна, который говорит: *не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити?* (1 Ин. 4, 20) – не приходят они в чувство и не понимают, в каком худом находятся состоянии, но завидуют, и ненавидят братий своих, и такие употребляют против них пререкательные словеса, которых не мог бы никогда изобресть сам диавол, отец лжи и зависти. А пред иными они рисуются, будто говорят все сие с богоугодною и братолюбною целью, хотя между тем у всех людей посевают худое мнение об истинно святых мужах, и не подозревая, что, действуя так, они действуют против себя или тем самым себя обличают; ибо если кто не бесстрастен, тот не свят, то, конечно, и ты, говорящий так, таков, так как злое износится обыкновенно из злого сокровища сердца.

Страстные думают, что и все другие также страстны, и судят всех по себе, забывая, что есть Бог, рекший: *не судите,*

да не судими будете (Мф. 7, 1) – есть Судия, имеющий воздать каждому по делам его. С таким тщеславием и дерзостью оговаривают и судят они братий; а не знают, что таковым не позволяется даже читать Божественные Писания, как говорит Сам Бог устами Давида: *вскую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлеши завет Мой усты твоими,* и потом, указывая причину такого приговора, прибавляет: *седя на брата своего клеветал еси* (Пс. 49, 16, 20). Если же таковому запрещается читать даже Божественное Писание, тем паче не должно бы ему было входить в храм Божий и стоять с верными. А он, несмотря на это, делается учителем с великою гордостью и дерзко восходит на престол апостолов (ибо достоинство и власть апостолов есть всеконечно учение, бывающее в Духе Святом). Какого после сего наказания и какой казни не заслуживает таковой? Кто не сделался еще учеником, как должно, а между тем восхищает достоинство учителей, тому следует наказание в тысячу раз большее, чем разбойникам и убийцам. Эти тело только убивают, а он убивает души. Как тот, кто взял бы у царя какой-нибудь многоценный камень или маргарит, чтоб на камне выделать изображение царя и при этом обточить его и обделать прилично, а на маргарите поделать отверстия и вделать его в корону или в одежду царскую – если б на камне не выделал сходного с царем изображения, обточил его неискусно и сделал ни к чему не гожим, а на маргарите не сделал ровных отверстий или бы расколол его и совсем испортил – не только не полу-

чит награды от царя, но еще подвергнется великому наказанию, в таком же точно положении находятся и учители, взявшиеся учить других истинному христианствованию. Если по нерадению кого-либо из них, или по неспособности, или по необдуманности, или по неведению и невежеству повредятся мысли какого-либо брата или развратятся дела и мудрования, если не сделает он каждого из слушателей своих рассудительным, мудрым и совершенным, с великим искусством, знанием дела, мудростью и рассудительностью воображая в нем, сколько возможно, Христа, так, чтоб Он виделся в нем воображенным и блистал, и не возведет его таким образом в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова – если, напротив, душу каждого из таких учеников сделает непотребною и искусного превратит в неискусного, честного в бесчестного, тогда как его не бе достоин весь мир, то таковой явно не награду получит за труд свой, но муку и наказание за тех, которых сделал непотребными учением своим. То же заслужит он, если кто-либо через учение его лишится чего такого, что способствовало бы спасению его, или не возможет по причине его достигнуть совершенства, могши достигнуть его под руководством других учителей.

Итак, отче духовный, надлежит тебе прежде сделаться учеником Христовым и добре научиться заповедям Его и таинствам и тогда уже браться учить других; надлежит тебе прежде подчиниться и последовать духовному отцу, который провел бы тебя путем, ведущим ко Христу, так чтоб ты до-

стиг Христа или, лучше сказать, чтоб тебя обрел Христос; причем надлежит тебе заметить все повороты и все знаки пути, которым незаблудно проведет он тебя туда, где увидишь ты Христа благодатию Святого Духа – и тогда уже руководи и других ко Христу; надлежит тебе прежде самому просветиться истинным светом, а после того вводить и других в сей свет; надлежит тебе прежде самому получить христианскую свободу, а потом берись руководить к ней и других, ибо совершенно бессмыслен и буй есть тот, кто, будучи сам рабом, берется освобождать сорабов своих, восхищая власть господина своего.

Каким же образом можем мы сделаться учениками Христовыми? Послушаем Самого Христа, Который говорит: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Идти вслед Христа есть подражать Ему в делах Его и жить так, как жил на земле и Он, Господь наш, терпя с радостью искушения и поношения, чтобы получить благодать Святого Духа. Ибо ни бдение, ни уединение, ни пост, ни ничего неимение, ни труд телесный, ни другая какая добродетель не могут без Святого Духа доставить нам слова премудрости, или знания, или рассуждения, потому что все это есть путь, ведущий к свету, а не самый Свет. Почему если я и тысячу лет буду идти путем сим и не достигну Света (Который есть Дух Святой, от Отца исходящий и просвещающий в Сыне всякого человека, грядущего в мир), но и в конце жизни моей окажусь еще сущим во

тьме, то что пользы для меня от этого? И апостол Павел, сказав, что иному дается слово премудрости, иному слово разума, иному дарования исцелений и прочее, потом прибавил: *вся же сия действует един и тойжде Дух* (1 Кор. 12, 11). Видишь, что без Духа никто не может ни сам научиться, ни других научить? Почему, если кто прежде получения Духа истины, *Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его* (Ин. 14, 17), дерзнет и покусится, еще будучи от мира, в мире взять на себя степень и достоинство учителя и стать духовным отцом и ходатаем за других перед Богом, то не достоин ли он несметного числа молнийных ударов и мук? Чтоб тебе видно было, что я ничего не говорю не находящегося в Писании, слушай, что говорит апостол Павел: *аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9). Видишь, что тому, кто не имеет Духа Святого, не только непозволительно учить других, но что ему невозможно даже быть от части Христовой? Ибо со Христом соединяет благодать Святого Духа; и кто не имеет Духа Святого обитающим в себе, заведомо тому невозможно иметь общения со Христом или видеть славу Христа сознательно. Он не может и Божественных Таин умно созерцать так, как бы видел Самого Христа и Бога, но видит только чувственно хлеб и вино, которые стоят на трапезе и видимы чувственно. И сие праведно страждут таковые, потому что не получившие благодати Святого Духа не могут видеть, ни познать Христа – Бога. Которые не испытали и не удостоились сего, те не

суть и род Божий, или свои Богу, и не знают Его. Ибо Того, Кто есть выше всякого ума и помышления, как возможно познать уму нашему, созданному Им, если он не будет просвещен от Него и не соединится с Ним? Как от Него получил он бытие, так опять от Него же должен он сподоблен быть увидеть и познать Его знанием неведомым и созерцанием незримым. Те же, которые не сподобились стать такими, ни Духа Святого не имеют и не суть Христовы, и пусть они не обольщают себя. Когда получат они Духа Святого и станут Христовыми, верным и несбивчивым признаком того будет для них то, что сказал божественный апостол: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17), где под свободою разумеет он совершенное освобождение от всех страстей и от похотей мирских и плотских. Почему в другом месте он же говорит: *а иже Христовы,* то есть рабы Христовы суть, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), и еще негде: *аще же Христос в вас, плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради* (Рим. 8, 10). Итак, кто не сознает, что сие и то, что сказано выше, бывает в нем явно, тот пусть сидит один и плачет о себе, что еще не сделался рабом Христовым, еще не стал причастен славы и Божества Христова и что состояние его еще неявно. Почему пусть наипаче печется о себе самом, до других же да не будет ему дела, потому что страстный не может рассуждать дел братий бесстрастно, как слепой не может видеть чувственных вещей, хотя бы держал их в руках своих.

Но моли, прошу тебя, отче, Бога о мне, бедном, если не по чему другому, то ради любви к Тому, Кто сказал: возлюбиши Господа Бога твоего и ближняго твоего яко сам себе. Помолись о мне, грешном, ненавидимом за любовь ко Христу, гонимом за то, что хочу жить благочестно о Христе, осуждаемом всеми за то, что чту отца моего духовного и учителя, оглашаемом всюду, яко еретик, за то, что учу всех искать свыше благодати и заведомого присутствия Духа Святого, потому что без сего не бывает отпущения грехов, что без благодати Святого Духа невозможно ни освободиться от страстей и бессловесных похотей, ни соделаться сыном Божиим, ни освятиться, и что те, которые сподобляются таких даров Духа, не только освобождаются от всех похотей, страстей и непотребных помыслов, но бывают и богами по благодати, пребывают близ Бога и бывают вне плоти и мира; и не только они сами святы бывают и как бы бестелесны в мире, но и всех других верных видят как святых, и не только как святых, но и как во Христа облеченных и соделавшихся христами; и что кто не стяжал еще таких душевных очей, тот явно не достиг еще света Христова и не просветился от него, ибо свет Христов даруется, да видим бывает тем, кои сподобились покаянием внити в него.

Кто достигнет в меру сию, тот всех любит и почитает их, как Христа, не презирает никого из тех, кои кажутся нам низкими и ничтожными, но и другого никого не ненавидит, не поносит, не осуждает и не терпит слышать, как другие

осуждают кого. Такими да будем и мы с вами (говорю к этим осуждающим), братия. Ибо если не сделаемся такими, то невозможно нам будет внити в Царство Небесное.

Так вот, поелику я говорю все такое и проповедую, что отец мой духовный сделался таковым, то все осуждают меня за то, как гордого и хульника – и диавол поднял против меня служителей своих и ведет войну, чтоб заставить меня перестать проповедовать словом и исполнять делом евангельские заповеди и апостольские постановления, перестать стараться обновить евангельскую жизнь, которая некоторым образом одряхлела и забыта, чтоб люди в самовольной дерзости не помышляли, что могут спастись без получения благодати Святого Духа и без бесстрастия, не прельщались тем и не погибали, сами того не понимая. За это вместо того, чтоб благодарить меня, что говорю им и побуждаю их стремиться к совершенной добродетели, они паче осуждают меня и ненавидят, отвращаются от меня и предали меня на алчбу, жажду и смерть – за то, что я не обольщаю их и не говорю: дерзайте, все имеем спастися без трудов и болезнований, без покаяния и точного исполнения заповедей Божиих, каковыми речами те, которые говорят их, извращают все ученье Христа и апостолов Его.

Нам же не буди мудрствовать и говорить так, но да глаголем всем с дерзновением, что поелику веруем во Христа яко Бога истинного и приемлем апостолов яко учеников Его, то долг имеем всячески соблюдать и заповеданное ими, ка-

яться и плакать с болезнью сердца о всяком преслушании и преступлении заповедей Господних, если желаем получить блага, обетованные нам от Бога, каковые когда бы сподобились получить и мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Коим Отцу и вместе Духу Святому подобает всякая слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят восьмое

О том, что желающий пасти словесное стадо Христово прежде должен рассмотреть и с точностью исследовать себя самого и свое состояние и тогда уже браться учить других.

Господь наш Иисус Христос ублажает не того, кто учит только добрым делам, но того, кто прежде творит их и потом научает им и других. Ибо говорит в Святом Евангелии: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Почему и божественные отцы Церкви нашей ни словом, ни писанием не учили никакому добру, которого не делали бы сами, прежде чем учить о нем. И те, которые слушают таких учителей, бывают более готовы на то, чтоб подражать им в добром, потому что не столько пользуют их слова, сколько пользуют дела, которые побуждают их делать и себе подобное же. Но горе нам, братия мои, что до такой великой дошли дерзости мы, монахи, что беремся пасти словесных овец Христовых, не имея благодати Христовой, и всячески домогаемся получить степень апостольскую (увы мне, треокаянному!) для довольства и упокоения тела, для выгод и чести человеческой, и даже за деньги покупаем сие достоинство апостольское, ни Бога не боясь, ни человеков не срамляясь. Хотя ни один человек не дерзнет при-

близиться к царскому престолу без воли царя, хотя никто из неученых не посмеет взять на себя чин грамматика или ритора, хотя никто из неграмотных не согласится быть чтецом; но мы не таковы, и несмотря на такие примеры, ищем и берем на себя достоинство апостольское, не имея благодати апостолов и не видя в себе плодов благодати Святого Духа. И как допускаем мы себя даже подумать только о такой великой дерзости? Скажите мне, возлюбленные: если бы этот великий и многолюдный город, Константинополь разумею, встретив какого-либо человека странного, который никогда не входил в царские палаты и которого не знает ни царь, ни царские люди, стал просить его, говоря: мы делаем тебя меченосцем царевым, входи ты один в царские палаты и говори царю о нашем благе и проси его сделать для нас то и то, то странный тот человек захотел ли бы принять предлагаемое ему достоинство и пришло ли бы ему даже на ум, что он сможет делать такие дела? Все мы, наверно, в один голос скажем, что он никогда не поступил бы так, даже тех, которые предложили б ему это, осудил бы, обозвав их бессмысленными и сумасшедшими, и никак не согласился бы принять сказанное достоинство, видя, что оно доставило бы ему не честь, а скорее, бесчестие и царское наказание. Итак, если в человеческих делах не можем мы поступать так, то как же не страшимся мы и не трепещем брать на себя апостольское достоинство с такою дерзостью приближаться к неприступному свету Царя царствующих, Бога, и становиться посред-

никами между Богом и человеками? Или считаем такое покушение малым и ни во что ставим как ничтожное? Увы мне, братия мои! Страшно подумать, до какого крайнего дошли мы ослепления и нечувствия, что даже не знаем, сколь великие и страшные дела соглашаемся брать на себя. Ибо если бы знали, то никогда не могли бы дойти до такой дерзости, чтоб шутить Божественным и являть больший страх и большую честь земному, чем Небесному Царю Христу.

Будем же непрестанно себя самих рассуждать и постараемся, сколько можем, и других отклонять от покушения – искать и брать недостойно такую власть, чтоб и их избавить от осуждения, и самим пожить прочее безопасно. Кто, впрочем, исследуя себя с точностью, находит, что он свободен от всякого славолюбия и даже следа не имеет сластолюбия и плотской похотливости, чист также совершенно от сребролюбия и злопамятства, имеет безгневие и совершенную кротость, стяжал такую любовь к Богу, что лишь только услышит одно имя Христа, тотчас начинает гореть пламенем к Нему и проливать слезы, плакать при этом и о братиях своих, почитая грехи других собственными своими и от всей души имея себя самого грешнейшим паче всех, и, наконец, видит в себе благодать Святого Духа, просвещающую его богатно и делающую сердце его солнцем, видит, что в нем явно совершается чудо купины, так что он горит, поелику душа его соединена с неприступным огнем Божества, и не сгорает, поелику она свободна от всякой страсти, еще смиряется так, что по-

читает себя недостойным и недовольным для такой степени, зная немощь человеческого естества, но питает дерзновенное упование на Божественную благодать и силу, ею подаемую, и если с готовностью решается на такой шаг, то делает это, понуждаемый теплым веянием и мановением благодати, и с отвержением при сем всякого человеческого помысла и с желанием живот свой положить за братий во исполнение заповеди Божией и любви к ближнему; при всем же сказанном имеет еще ум обнаженным от всякого мерзкого воспоминания и одеян в светлую одежду смирения, так что ни к тем, которые содействуют ему по такому предмету, не имеет особенного расположения и любви, ни на тех, которые противятся тому, не держит ни малого зла в сердце и не ненавидит их, но равно относится ко всем с благорасположением, простотою и незлобием сердца – кто все такое имеет, тот пусть решается принять предлагаемое ему достоинство. Однако ж и при этом всем да не дерзает он приступить к сему без воли и разрешения отца своего духовного. Пусть смирится пред ним и решается на такое дело как бы по приказанию его и с молитвою его, приемля такой сан единственно для спасения братий. Впрочем, так следует поступать ему, если знает, что духовный отец его имеет явно благодать Святого Духа и сподобился приять свыше ведение и премудрость, чтоб не сказал ему при сем того, что противно воле Божией, но, по сущему в нем дару, сказал то, что Богу угодно и для души его полезно, дабы не оказалось, что он слушается человека, а не

Бога. Если найдет он доброго содейственника и советника в духовном муже, то принятие им сана будет более безопасно и мудрование более смиренно.

Если теперь таковой смотря посмотрит на дело, то найдет истинным все, мною сказанное, гораздо же больше этого узнает он сам собою или, лучше сказать, научен будет от Самого Солнца правды, если сподобился когда-нибудь видеть сие Солнце. Если же начало сего дела таково, что так трудно познать, по Богу ли оно, тем паче трудно должно быть ведение его и исполнение. Сколько потребно терпения в перенесении искушений, какие имеют сопровождать его! Какое надлежит иметь тонкое рассуждение во время браней, какие всеконечно встретит он! Почему внимай добре, отче духовный, и тщательно смотри за сердцем своим, особенно же очисти око ума своего и храни его чистым и незапорошенным, потому что при помощи его ты можешь и за сердцем своим смотреть добре, и право обсуждать порученные тебе дела по настоятельству твоему и особенно потребности отцов и братий, чтоб все устроять как подобает. Ибо, как слышишь, собрание братий есть тело, а настоятель их голова. Как в теле прочие части каждая имеет свое одно дело: ноги, например, ходить, руки – брать и работать, а голова есть ссоюзение всего тела, так как в ней находятся все чувства, ум и самое слово – так в монастыре братия не все во всех добродетелях упражняются, но один в одной, другой в другой, почему ты с трудом найдешь в брате две или три добродетели в

одно и то же время; и в этом ничего нет дивного, потому что братия суть *уды от части* (1 Кор. 12, 27); но настоятель должен иметь все добродетели, не душевные только, но и телесные, и вместе с сими добродетелями особенно надлежит ему иметь великие сокровенные дары благодати. Ибо как голова снаружи красивая и хорошо убранная, если не имеет в себе ума и всех чувств целыми и здоровыми, всеми считается ни к чему не гожею и недостойною почета, так и настоятелю мало быть убрану и краситься только телесными и душевными добродетелями, но надлежит при сем наипаче сиять духовными дарованиями. Ибо добродетели исправляются собственным старанием и усердием и приобретаются собственными нашими подвигами и трудами, а духовные дарования суть свободные дары милости, от Христа подаемые тем, кои подвизаются. Так, например, пост и воздержание есть добродетель, от которой увядают греховные сласти и похоти и замирает огонь плоти, и это есть дело собственного нашего произволения; но чтобы кто держал пост и воздержание без всякого чувства прискорбности и приболезненности сего подвига, и еще более, чтоб кто достиг чистоты и совершенного бесстрастия, сие есть дар Божий весьма высокий. Опять, удерживать гнев и серчание есть собственное наше дело и требует подвига великого и труда немалого; но чтоб совсем не смущаться и стяжать невозмутимость сердца и совершенную кротость, это есть дело в нас единого Бога и измена десницы Вышняго. И еще, раздать все имущество свое

бедным и, став нищим, просить милостыню, в нашей состоит воле; но совсем ничего не желать и с радостью переносить горение в пещи бедности, это есть таинственное действие в нас Божие. Так и всякое доброе дело, бывающее по заповеди Божией, называется добродетелью. Но как в житейском быту земледелец, обрабатывающий землю и сеющий семена, трудится только, а чтоб семена проросли и дали плод, сие есть дар Божий, так бывает и в духовном порядке – делать добрые дела и сеять семена добродетелей с трудом и подвигом многим есть наше дело, но чтоб Бог оросил сие дождем благодати Своей и Своего человеколюбия и сделал бесплодную землю сердца вашего плодоносною, сие есть дар и милость единого Бога. Он Божественною благодатию орошает семя слова, посеянного в сердцах наших, проращает его и возращает, да будет в древо великое, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова.

Итак, надлежит тебе, пастырю овец Христовых, стяжанною иметь всякую добродетель и телесную, и духовную, так как ты – глава прочего тела братий, чтоб братия смотрели на тебя, как на первообраз добра, и отпечатлевали в себе самих добрые и богоподобные черты твои. При этом и труба твоя да не знает никогда покоя, но непрестанно да издает глас: одним братиям предсказывай меч, то есть гнев Божий, грядущий на упорных сынов противления, чтоб их исправить, или, если не послушаются, свою душу избавить от страшного гнева Божия; других вразумляй, учи и подвигай на вся-

кое добро; но и тех, которые требуют обличения и укора, не оставляй без внимания, но обличай их благовременно и безвременно, запрещай им и всячески старайся отклонить их от недобрых поступков, как заповедует тебе божественный Павел. Милостивость свою являй равно ко всем братиям и любовь тоже одинаковую имей ко всем, но честь воздавай каждому по добродетели его, как подобает, и мужу добродетельному и духовному не предпочитай даже и того, кого первым имеешь по устроению монастыря. Эти строители дел монастырских состоят в чине седьми диаконов, о коих говорит книга Деяний апостольских; они же суть и как служебные духи, посылаемые в служение (Евр. 1, 14); и если исправляют свое служение верно, без всякого лукавства, как и оные семь диаконов, то получают от Бога великое воздаяние и в сей жизни, и в будущей. Но которые подвизаются в молитве и безмолвии и в учении словом и упражняются с терпением в добродетелях и добрых делах, те вместе с тобою состоят в чине апостолов. Этих братий тебе следует иметь помощниками в благовестии духовного учения своего и в восприятии на себя тягот братних, чтоб они облегчали труды твои, так как они среди братий суть как камение многоценное. Не ищи покоя телесного или какого-либо утешения. И ночи и дни иждивай на попечение о вверенных тебе от Бога душах, да не попадет какая-либо из них в зубы врага, быв побеждена или злою похотью, или неразумным гневом, или помыслами тщеславия, но соблюдай все свое стадо целым и безущербным,

стараясь представить его Пастыреначальнику, Христу Богу, все плодоносным, исполненным добродетелей и просвещенным Божественным ведением, чтоб ни одной овцы не было, которая имела бы струпы и раны, или была лишена какого члена, или казалась захирелою. Если будешь всегда держать такое попечение о братиях, то спасешь многих, делая их совершенными, не имеющими недостатка ни в чем добром, и принося их Христу своему всех непорочными, всех чистыми от нечистых дел. За это сподобишься ты получить от Бога великое воздаяние, будешь вселен в скинию апостолов и пастырей Христовых и вечно царствовать с Самим Сыном Божиим. Посему жизнь твоя должна быть пред лицом братий и отцов как некий образец, чтоб братия брали с него пример. Не люби вещей, ни славы, ни удовольствий и утех, ни трапез с яствами многими и винами, ни щеголеватых одежд. Не будь тщеславен, гневлив, бранчив, злопамятлив и не воздавай злом за зло. Но будь нестяжателен, ненавидь показливость, почет и всякое удобрение плоти. Будь смирен, нищ духом, сокрушен, тих, кроток, безгневен, несребролюбив, умерен, покоен, благочинен, терпелив, воздержан, немногопопечителен, неусыпен, усерден, ревностен. Пекись о душах, кои имеешь под своим смотрением, как о собственных членах, и будь каждый день готов живот свой положить за них, если потребуется, и никакого дела мира сего не предпочитай любви к братьям. Так как ты всем другим предпочтен и поставлен пасти словесных овец Христовых, то надлежит

тебе, по слову Господа, быть ниже всех мудрованием и смирением, еже по Богу, как сильному – носить немощи немощных, как врачу – врачевать болезни братий, которые заболевают душой, как пастырю – возвращать опять в стадо овча отбившееся и заблудшее – то, которое хорошо, старайся сделать преуспевающим в добродетелях, а которое паршиво и не подает надежды на уврачевание, то отдели от стада, чтоб не запаршивели и другие овцы. Подвизайся, чадо мое о Господе, со всем усердием умножать стадо Христово. Да не искусит тебя желание покоя и удобрения тела сокровиществовать монастырские вещи в собственное употребление, а не для братий. Не люби часто выходить из монастыря; довольно для тебя выйти однажды в месяц по крайне нужным потребам монастырским, прочие же пусть исправляют помощники твои, чтоб не иметь тебе развлечений, но беспрепятственно заниматься составлением поучений и наставлений братиям в попечении о душах их. Не готовь для себя разные избранные яства, а для братий какие похуже, ничтожные и без приправы; не делай также так, чтоб самому пить хорошее вино, а братиям подавать закисшее; но пусть будет у вас трапеза общая и для тебя, и для братий: или растительная, или рыбная, по воскресениям и праздникам, кроме разве когда случатся у тебя друзья или болезнь. Твоим послушанием да будет попечение о душах братий; прочие же послушания монастырские раздай благочестивым и богобоязненным братиям, испытывая их на всех послужениях, по преданию

преподобного отца нашего Феодора Студита. Не гневайся на братий без какого-либо повода, причиняющего вред душе; лучше кротким словом учи их, как надлежит им держать себя в среде братства. Юным и новоначальным повелевай наипаче быть скромными, чтоб они не причинили вреда смотрящим на их продерзость и беспорядочные ребяческие дела. Тем, которые уже долгое время живут в подвиге, внушай терпеливо сносить искушения, смиренномудрствовать, плакать, прилежать молитве и служить добрым примером для других в исполнении заповедей. Иеромонахов учи благоговеинству, безмолвию, размышлению о Божественных Писаниях, изучению апостольских правил и преданий, точному познанию догматов веры, чистоте сердца, непрестанной молитве и сокрушению и тому, чтоб они с великим страхом стояли пред святым престолом, были для всех братий словом и делом, Божественной солью и светом и имели в себе слово жизни. Если иной раз нужно будет по благословной причине явить гнев против беспорядочных братий и вразумить их жезлом наказания, чтоб они отстали от худого какого-либо навыка, не худо и это и не необычно в Церкви Христовой. Свидетель слова сего Сам Господь Иисус, Который, сотворив бич от вервий, бил им непокоривых иудеев за то, что дом молитвы превратили в торжище, трапезы меняльщиков опроверг и пенязи рассыпал (Ин. 2, 14, 15). Ибо всякое дело, которое делается для того, чтоб или помешать злу и уничтожить его, или помочь добру и добродетели и защитить их, похвально

и богоугодно. Монастырские вещи храни добре, как посвященные Богу, почему за самую малую имеешь дать отчет Богу. Родителям своим и родственникам помогай так же, как и другим бедным, доставляя им только потребное для жизни. Не пропускай без внимания и исправления ничего, даже малого, что бывает не по заповеди Божией и служит к извращению апостольских и соборных правил и постановлений, к осуждению и бесчестию евангельской жизни и к унижению монашеского чина, для того одного, чтоб показать себя кротким и чтоб люди похвалили за то; но, подражая Христу и Богу своему, ревностно, с жаром, но без страсти гнева, восставай против всего такого и защищай, сколько можешь, заповеди Божии и священные каноны.

При этом старайся благоустроять и помыслы каждого и заповедуй, чтоб благоговеинствовали и держали себя почтительно пред святым престолом и священными сосудами храма. Только иереям, освященным и благоговейнейшим монахам, которые причащаются Пречистых Таин, позволено отцами Церкви нашей входить во святилище и касаться священных сосудов. Но прочим братиям, особенно бесчинно ходящим, надлежит запрещать входить в алтарь и касаться святых сосудов. Ведай добре, что правосудный Бог нередко пресекает жизнь тех, кои презирают сии вещи, крови же их всеконечно взыщет Он от рук твоих, потому что ты понебрег о них, допустил их оказать презрение к Божественному.

Все сказанное мною и многое другое, больше сего, надле-

жит тебе знать до точности, как пастырю стада Христова, и исполнять то со всем усердием, во спасение овец своих. Почему если сознаешь, что ты достиг в такую меру и получил такие дарования, что все, приближающиеся к тебе, просвещаются светом добрых дел твоих и Божественной премудрости и разума, сияющих в тебе, паси с дерзновением овец Христовых мудрым словом благодати, дарованной тебе Богом, как я заповедал тебе прежде, и изводи агнцев Христовых питаться на пажитях спасительных Его заповедей, пока вырастут и достигнут в меру возраста исполнения Христова – и получишь от Него великую награду, сделан будучи сопрестольником и сожителем святых апостолов. Если же ты не таков, то удержись от такого дела и всю заботу обрати на себя самого. Послушай в этом меня, от души желающего спасения тебе. Ибо Бог наш есть огнь поядающий и истребляющий. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово восемьдесят девятое

О том, что опасно для души скрывать талант, или данную от Бога благодать, но следует всем проповедовать о благодеяниях Божиих на пользу слушающим, хотя иным это и неприятно бывает.

Возлюбленные слушатели мои и братия во Христе! Что думаете вы о том, что я так часто говорю вам разные слова? Что положили вы с самими собою обо мне, так дерзновенно говорящем к вам? Не подумали ль вы, что я сказал вам что-либо не по Божественным Писаниям? Не осудили ли меня тайно, что я держал речь к вам гордостно? Не осуждаете ли также, что я хвалюсь тем и величаюсь? Если вы действительно делали и делаете так, то да будет милостив к вам Господь наш, и я прошу любовь вашу не оставаться более в такой вине. Я ничего не писал с тем, чтоб себя показать. Не дай Бог, явивший милость Свою ко мне и поставивший меня на это дело. Но, помня дарования, какие даровал Бог мне, недостойному, благодарю и славлю Его как благоутробного Владыку и благодетеля нашего Господа, и чтобы не скрывать таланта, который Он мне дал, подобно худому и неключимому рабу, проповедую милость Его, исповедую благодать, всем показываю сделанное Им мне добро, чтоб подвигнуть тем и вас словом учения воcподвизаться получить и себе то, что

получил я. Ибо человек, когда дает бедному какую монету, а тот бедный покажет ее другим, чтоб и те просили себе того же, гневается за это, ожесточается и не дает более. Но Бог не поступает так, а совсем напротив, именно, гневается, когда дает кому-либо какое дарование духовное, а тот не воспроповедует о нем и не станет показывать его всем, говоря: текитe к Богу, Который всем дает щедро и никого не оставляет возвратиться от Него тощим. Если же кто, получив от Бога талант, совсем скроет его, тогда Он наиболее гневается на этого взявшего и скрывшего, ибо явно, что он завистлив и не желает, чтоб и братия его получили так же, как и он получил. Сего-то ради я и не терплю молчать о дивных дарах Божиих, но проповедую о них всем прочим и велиим гласом взываю: текитe все, прежде чем заключится для вас дверь покаяния вашего смертию; текитe, да постигнете, прежде чем умрете; ищите, да обрящете; толцыте, да отверзет вам двери рая Владыка наш Христос и явит вам Себя Самого, прежде чем придет смерть ваша; подвизайтесь стяжать сознательно внутрь вас Царствие Небесное, то есть благодать Святого Духа, чтоб не отойти из жизни сей пустыми от нее, особенно те, которые думают, что имеют ее в себе, не сознавая того, тогда как ничего не знают по причине тщеславия своего.

Скажи мне, как возможно увидеть Отца Христова тому, кто не стяжал ума Христова? И тому, кто не видит, что внутрь его говорит Христос, скажи мне, как и каким способом возможно сказать: «Авва Отче»? Кто не стяжал созна-

тельно внутрь себя Царства Небесного, тому есть ли способ внити в него по смерти? Тому, кто не увидел, что в нем пребывает Сын со Отцом Его во Святом Духе, как возможно быть с Ним в будущей жизни? Ибо Христос Господь так сказал: *Отче, ихэюе дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин. 17, 24); и опять: *не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя: да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут. И Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есмы. Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино, и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси, и возлюбил еси их, якоже Мене возлюбил еси* (Ин. 17, 20–23).

Вот, братие, чем я, как думают некоторые, хвалюсь! Вот чем любовь Божия подвигает меня раскрывать пред вами, братиями моими, неизреченную благость и любовь, какую имеет к нам Бог и по которой Он богато прославляет такими великими дарами тех, кои возуповали на Него! Теперь ответьте мне, прошу: Отец не заведомо любит Сына и Сын не заведомо и невидимо, то есть не зная того и не видя, есть со Отцом? Конечно, вы не скажете этого. Ибо если предположим это и станем догматствовать, что Отец не знает Сына и Сын не знает Отца, то от этого сгибнет и уничтожится вся вера наша. Если Отец и Сын не знают один другого, то следует, что и мы не знаем их совсем. Если же мы не знаем их, то мы безбожники, так как не познали Бога. Если же (как говорит Христос) Отец знает Сына и Сын Отца и, как Бог, есть

с Богом и Отцом, и Отец есть так же с Сыном, как Сам Он говорит: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, так и тии да будут во Мне и Аз в них, то явно, что как соединены между собою – Сын с Отцом и Отец с Сыном, так соединены и мы с Сыном и Сын с нами. Только единение Сына с Отцом есть естественное и безначальное, а наше единение с Сыном есть по особенному состоянию нашего естества, или по благодати, хотя мы истинно воедино соединены бываем с Богом и нераздельны бываем с Ним, как опять Сам Христос говорит: *Аз в них, и Ты во мне, да будут совершени во едино.* Для чего? *Да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси и возлюбил еси их, якоже и Мене возлюбил еси;* и святой Павел: *идеже несть еллин, ни иудей, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос* (Кол. 3, 11).

Послушайте же этого вы, почитающие себя духовными, и поверьте Духу Святому, говорящему сие, как свидетельствует Господь наш: *не вы будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 20). И не браните меня, говорящего вам словом благодати о дарах, которые получают от Бога прибегающие к Нему с теплою верою и исполняющие заповеди Его. Ибо я, говорящий сие, слуга есмь и говорю вам словеса Божии, проявляю дар учения, данный мне, и открываю вам сокровенные тайны Божии силою сего дара, полученного мною чрез возложение рук архиерея, рукоположившего меня во иерея, как заповедует наш верховный апостол Петр: *кийждо якоже прият дарование, между себе сим*

служаще, яко добрии строителие различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, яко словеса Божия: аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог (1 Пет. 4, 10, 11). Итак, братия мои, Дух есть говорящий сие, а не я. Если же и говорю ложь, то куда убегу от Страшного Суда Божия, по коему в пагубу посылаются глаголющие ложь, как говорит Давид: *погубиши вся глаголющия лжу* (Пс. 5, 7)? Ибо как неверующий тому, кто говорит Духом, согрешает и проявляет хулу на Духа Святого, Который говорит через него, так опять и лишенный благодати Духа, если дерзнет сказать: я говорю благодатию Святого Духа, есть богоборец и противник Божий, как, например, Симон маг и едино-мысленные ему. Кто противится словесам Духа, тот, конечно, есть противник Божий, так как Бог неразделен и Дух Святой не отделен от присносущия и Царства Отца и Сына.

Не будьте же, братия мои, богоборцами и противниками Божиими, но приидите, поклонитесь и припадите к Богу вместе со мною и не вставайте, пока не получите благодати Божией. Я не говорю вам ничего противного, но показываю великую любовь, какую имею ко всем вам. Если б я говорил вам, что получил благодать от Отца светов, Коим подается всяк дар совершенный, но не желал, чтоб и вы получили ее, тогда, конечно, я был бы несправедлив в отношении к вам. Но теперь, когда я представляю вам истину от Божественного Писания и показываю вам царский путь, чем онеправдываю вас? Если вы не хотите быть учимыми мною, почитая

меня неименитым, безвестным и ничтожным, то припомните и вразумитесь, что буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит, и немощных и уничиженных избрал, чтоб посрамить крепких и славных (1 Кор. 1, 27, 28). Но, может быть, иной скажет, что то, что я говорю, чрезмерно велико и превышает силы человеческие. И я говорю, что это воистину велико и выше естества, так как то суть словеса Божии, как я сказал. Но как же, прибавит другой, никто из великих отцов не говорил так явно о себе и такими словами, как ты говоришь? Ошибаешься, человече. И апостолы, и отцы древние говорили сходно и подобно моим словам и еще выше. Но как они достойны всякой веры, то и сказанное ими признается верным и удобоприемлется, а мое ничтожество делает, что и то, что явно для всех и всеми исповедуется, кажется ложным и отвергается. Укажу, впрочем, и другую причину, по которой я объявил вам то и не хотя. Какая же это причина? Ложное, несмысленное и невежественное предположение тех, которые говорят, что в нынешние времена и между нами, такими христианами, нет такого человека. И смотри, прошу, как многокозненна злоба и какие изменчивые употребляет она способы. Если я не говорю явно истины, но всячески стараюсь скрывать дар Святого Духа, они полагают, что я говорю истину; напротив, когда я объявляю такую истину, они тотчас обвиняют меня как гордого, не зная слов, какие сказали божественные апостолы. Какие слова? Следующие: *мы же ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). Это как вы полагаете, что

есть, хотел бы их спросить. Преизбыточество гордости? А следующие слова: *о сем разумеем, яко пребывает в нас, от Духа, Егоже дал есть нам* (1 Ин. 3, 24), как объясните вы – тоже в укор тому, кто их сказал? Но вот и об этом еще как вы думаете: *понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (2 Кор. 13, 3)? И вот об этом: *мнюся бо и аз Духа Божия имети* (1 Кор. 7, 40)? Еще о сем: *не приясте Духа работы паки в боязнь, но Духа сыноположения, о Немже вопием: Авва Отче* (Рим. 8, 15)? И вот еще о чем: *Бог рекий из тьмы свету возсияти, Иже и возсия в сердцах наших* (2 Кор. 4, 6)? Все эти слова апостольские вы словами гордости почитаете? О бессмыслие! Если еще желаешь знать и образ воссияния сего света, как это бывает в тех, кои любят Господа, послушай, что говорит Павел: *имамы же сокровище сие в скудельных сосудех* (2 Кор. 4, 7), то есть в телах.

Если скажешь, что так было тогда, но в настоящее время нет такого человека, который так одарен был, то скажи мне, прошу, почему ныне нет такого? Полагаю, говоришь ты, что как вообще никогда невозможно быть таким человеком тому, кто сего не хочет, так в нынешние времена невозможно быть таким даже и тому, кто хочет сего. Но если ты так думаешь, что ныне невозможно быть таким даже и тому, кто сего хочет, то где же ты положишь то, что говорит евангелист Иоанн в Святом Евангелии: *елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12), и сие: *святи будите, яко Аз свят есмь* (1 Пет. 1, 16)? Но посмотри-ка: гово-

ря, что тому, кто не хочет, невозможно быть таким, ты ведь сам себя обличаешь, что не хочешь и не произволяешь быть им, ибо если захочешь быть им, можешь. Пусть, впрочем, ты не таков; но Богу хотящу, есть другие многие, которых ты не знаешь. Если во время пророка Илии Бог имел семь тысяч человек, не преклонявших колен пред Ваалом, то есть не идолопоклонствовавших, то гораздо больше найдется истинно Богу поклоняющихся во времена сии (новозаветные), когда Бог богато излил на нас Духа Святого. Впрочем, если кто не совлечется всего препятствующего сему, и не притечет к Богу нагим, и не взыщет получить то, виноват в этом тот, кто не хочет, а не Бог. Ибо как огонь, как только найдет дрова, зажигает их естественно, так и благодать Святого и поклоняемого Духа ищет возгораться в душах наших, чтоб сиять и просвещать сущих в мире и чтоб посредством тех, коих просвещает, направлять стопы многих или чтоб приводить в должный чин жизнь всего народа христианского, да живут богоугодно все христиане, да приближаются к огню божества и возгораются от Него или каждый особо, или все вместе, если возможно, и сияют посреди как боги, во благословение и умножение семени Бога Иаковля, чтобы человек благовидный никогда не преставал сиять на земле как свет.

Я думаю, что сие так есть воистину и что такова о нас воля Бога, создавшего нас и нас почтившего и прославившего славою образа Своего, создавшего, то есть, нас по образу и подобию Своему. Теперь обдумайте вы слова мои и рассудите,

истинны ли они. Я же с дерзновением возглашаю, что если я не мудрствую и не говорю, что говорят и мудрствуют апостолы и святые отцы, если не повторяю только Божиих словес, сказанных во Святом Евангелии; если не возжигаю явно во всех животворное действо и благодать, сущую в сих словесах евангельских, которая зле погашается со стороны противников умствованиями необдуманными и несмысленными; если не показываю, что свет благодати сияет и в нынешние времена, доказывая все сие и подтверждая из Божественного Писания – да будет на мне анафема от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа чрез Духа Святого как на человеке, учащем инаково от того, чему учили божественные апостолы – и вы не заткните только уши свои, чтоб не слышать слов моих, но побейте меня камнями и убейте, как нечестивого и безбожного. Если же я защищаю и восстановляю Господние и апостольские догматы, которые извратить и растлить покушаются некоторые зломудрствующие, и выбирая из Божественных Писаний такие слова, которые сильны исправить и утвердить в истине ум таковых и тех, кои верят им, внушая им, чтоб они не думали, что только в одной будущей жизни имеют получить все блага о Христе, как то: воскресение, нетление, жизнь новую, Царство Небесное и самые вечные блага, но учу их, что еще отселе, от настоящей жизни, блага оные даются как залог избранным и тем, кои ревнуют быть спасенными, и что они открываются, явны бывают и видимы в них еще здесь, и при этом доказываю им и утверждаю

их в том убеждении, что в окончательной полноте блага сии даются избранным после смерти и общего воскресения – то за это все вообще долг имеют принимать меня и любить как человека, показывающего им дело совершенной любви. Ибо как тот, кто, нашедши сокровище, спрячет его для одного себя, достоин осуждения и осуждается как сребролюбивый, напротив же, кто не спрячет его для себя одного, но объявляет о нем всем и дает позволение всякому брать, сколько хочет, достоин всякой похвалы и возлюблен Богу и людям, так и я открывал и буду открывать всем духовное сокровище благодатию Божиею. Несмысленно глаголю (2 Кор. 12, 11).

Когда один духоносный человек известил меня писанием, что в одном месте находится сокровенное сокровище Божественных Писаний, то я не поленился подняться и пойти испытать и увидеть, что там такое, прося и оного святого мужа быть мне помощником и содействователем. Для лучшего успеха я оставил всякое другое занятие и дело относительно настоящей жизни и пошел на то место, где, как показал мне писанием тот добрый человек, находится сокровище, и пришедши, начал рыть землю, не переставая день и ночь и не жалея никаких трудов и потов. Так рыл я и выбрасывал вон землю, все более и более углубляясь, пока, наконец, начало показываться сокровище и издавать свет вместе с землею. Наконец после того, как потрудился много времени, роя и выбрасывая землю, увидел я все сокровище простертым, как полагаю, чрез всю землю, беспримесное и чистое от вся-

кого засорения и запятнания. С тех пор, смотря на сие сокровище, я непрестанно кричу тем, которые, не видевши, не веруют и потому не хотят копать и трудиться, и говорю им так: идите, смотрите все, которые просто и прямо не веруют Писанию Божественному. И делаю так, подражая премудрому Соломону, который говорит: *нелестне научихся, без зависти преподаю* (Прем. 7, 13). Слыша это, и я кричу: идите научитесь, что не только в будущей жизни, но и теперь, в настоящей, лежит пред очами нашими, и пред руками, и пред ногами неизреченное сокровище, которое выше есть всякого начала и власти; идите, уверьтесь и убедитесь, что это сокровище, о коем говорю вам, есть свет мира. И не сам от себя я это говорю, но само сокровище сие, то есть Христос, сказал и говорит: «Я есмь воскресение и живот; Я есмь семя горчичное, скрываемое под землею; Я есмь камень драгоценный, который покупают верные; Я есмь Царство Небесное, сокрытое внутри вас. Как бываю Я видим теперь, в настоящей жизни, тем, кои взыскали и обрели Меня, так и в будущей жизни воссияю в них и поверх их всех, как сияю теперь в них, будучи сокровен превыше всех небес. Я, будучи невместимым по естеству, бываю вместим в вас в настоящей жизни по благодати. Я невидимый бываю видим, являюсь не каков есмь, хотя и весь пребываю зримым, но сколько вмещает естество и сила тех, кои видят Меня. Я есмь закваска, и душа, которая приемлет Меня и влагает в три части свои, то есть в силы разумную, раздражительную и желательную,

вскисает и делается вся подобною Мне, ибо что есть закваска, тем делается и мука, которая смешивается с нею вместе с водою и солью; вместе со Мною, Сыном, есть и единодушный Мне Отец и Его Утешитель, Всесвятой Дух, и Они бывают для души, что вода и соль для муки. Я есмь для рабов Моих мысленный рай вместо чувственного, и в сей мысленный рай Я вселю всех, которые веруют в Меня и возрождаются благодатию Святого Духа, каковые не могут более грешить, и князь мира сего, диавол, не имеет над ними никакой власти и силы, ибо Я в них и они во Мне и побеждают мир, так как суть вне мира и имеют с собою Меня, сильнейшего всяческих. Я есмь световидный источник бессмертного потока и реки, в каковом источнике моются водою, текущею из Меня, и очищаются душевно и телесно от всякого осквернения и начинают сиять как светила и как лучи солнца все те, которые любят Меня от всей души. Я есмь солнце, мысленно зримое, и каждочасно восхожу, как солнце чувственное восходит утром, являя себя достойным, как прежде являл пророкам, которые, видя Меня, всегда славили и призывали, как говорит Давид: *заутра услыши глас мой, заутра предстану Ти, и узриши мя* (Пс. 5, 4); и другой: *тогда разверзется рано свет твой, и изцеления твоя скоро возсияют* (Ис. 58, 8) – когда, то есть, исполнишь и ты заповеди Мои».

Но для чего я нужу себя сказать любви вашей все, что говорит к нам Бог, жаждущий спасения нашего? Не для чего другого, кроме как для того, чтоб вы все познали и убеди-

лись, что сидящие во тьме должны видеть (если только смотрят) великий свет, всюду сияющий, и чтоб не думали некоторые из вас, что хотя свет воссиял, но невозможно видеть его людям, которые находятся еще в настоящей жизни с телом. Ибо если бы невозможно было его видеть, то для чего же он воссиял и сияет, если не видится ими? Свет всегда был, всегда сиял и сияет в тех, которые очистились: и во тьме он светится, и тьма не объемлет его, то есть не затемняет! Что говорится, что он ныне воссиял людям, сидящим во тьме, означает, что ныне он благоволил открыться в тех, которым и является. Другие, находящиеся во тьме, не понимают света. Что говорится, что невидимый стал видим, показывает, что невидимый Сын и Бог Слово явлен был посредством тела всем тем, которые видели Его телесными очами, верным и неверным, но свет Божества Его дал Себя познать и открылся только тем, кои и делами были верны, и говорили к Нему: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом* (Мф. 19, 27), этим одним словом вся объемля: и имущество, и деньги, и свои склонности, и презрение сей временной жизни, и даже отвращение к ней, потому что вкусили сладости ипостасной и вечной жизни. То же, что слаще, конечно, и предпочтительнее – и это есть Сам Бог.

Но прошу всех вас, братия мои возлюбленные, восподвизайтесь получить сию вечную жизнь, которая есть свет Божий, Самый, говорю, Дух Святой, освящающий приемлющих Его и делающий их богами по благодати, и не забывайте

сказанных мною слов. Научитесь прежде сами делать добро и тогда беритесь научить и других делать то же, чтоб слово учения вашего было соединено с делом и через то становилось более удобоприемлемым для тех, кои будут слушать его. Если же не станете так поступать, я чист от всех вас, потому что ничего не скрыл от вас, но передал вам все, что во мне было возглаголано, что дано было мне познать и что повелено Господом нашим Иисусом Христом, через поклоняемого и Святого Духа Его, о высоких дарах собезначального Бога и Отца Его, каковые подает всегда, даже доселе, всем взыскующим их усердно и с верою Сам Благий и Благодетельный Бог наш. Ему подобает слава и поклонение вовеки. Аминь.

Слово девяностое

Благодарение Богу за дары, какие сподобился получить святой отец, и поучение, в коем он показывает, как и каковым является Бог тем, кои чисты сердцем.

Поклоняюся, припадаю и благодарю Тебя, Господи всяческих и Всесвятый Царю, что Ты явил милость Свою мне, не достойному никакой милости. В самом начале бытия мира облекши меня славою и честию в образе Твоем, по коему благоволил создать меня, Ты и все прочее устроил для меня, человека, бывшего по образу и подобию Твоему, и сделал меня царем над всеми земными тварями Твоими, во славу величия Твоего и благости. Благодарю Тебя, что всякое мое прошение и желание Ты совершил во благо, как обещался нам, рабам Твоим, и мне, недостойному неба и земли, даровал паче того, чего я надеялся и желал. Ты сказал: *елика аще просите от Отца во имя Мое, даст вам. Просите, и приимете* (Ин. 16, 23, 24). Благодарю Тебя, благий и великодаровитый Господи, что когда я сильно возжелал увидеть одного из святых Твоих, веруя, что посредством его обрету милость у Тебя, Ты, многоблагоутробный Боже мой, не только сделал сие для меня и мне показал искреннего раба Своего, блаженного, говорю, и святого Симеона и благоволил быть мне любимым от него, но даровал мне и другие бесчислен-

ные блага, которых я и не чаял. Ибо откуда было мне, бедному, узнать, что Ты таков, благий Владыка наш, чтоб восприять желательное стремление к Тебе? Откуда бы узнал я, что Ты являешь Себя приходящим к Тебе, если они находятся и в мире, чтоб притрудно взыскать, да вижду Тя? Откуда было знать мне, что приемлющие в себя свет благодати Твоей сподобляются получить такую радость и такое утешение? Откуда и как узнал бы я, бедный, что верующие в Тебя получают Святого Духа Твоего? Я думал, что верую в Тебя совершенно и имею все, что даруешь Ты боящимся Тебя, тогда как совершенно ничего не имел, как после узнал я самым делом. Откуда было узнать мне, Владыко, что Ты, невидимый и невместимый, видим бываешь и вмещаешься в нас? Как мог я подумать когда-либо, что Ты, Владыко, создавший всяческая и сотворивший человеков, соединяешься с ними и делаешь их богоносными и сынами Своими – чтоб прийти в пламенное возжелание того, взыскать и получить то и себе? Откуда было узнать мне, Господи, такого Бога, такого Владыку, такого Заступника, Отца, Брата и Царя – Тебя, ради меня обнищавшего и приявшего зрак раба? Воистину, Владыка мой, человеколюбче, совсем не знал я ничего такого. Хотя и случалось мне читать Божественные Писания о сем, но я думал, что там говорится о других лицах и вещах, а не об этом, и был бесчувствен ко всему написанному и не мог никогда войти в смысл того. Слыша, что взывал и говорил апостол Твой Павел: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на*

сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9), я думал, что в созерцание таких благ невозможно прийти человеку, находящемуся еще в теле, и заключил, что Ты ему только показал их по особенной к нему милости – не зная, бедный, что это дается от Тебя всем любящим Тебя. И откуда и как мог я знать, что всякий верующий в Тебя бывает членом Твоим и сияет божеством, по благодати Твоей? И кто бы поверил сему и стал блаженным, не сделавшись воистину блаженным членом Тебя, блаженного Бога? Откуда было знать мне, что Ты вместо чувственной пищи бываешь бессмертным и нетленным хлебом, ненасытно вкушаемым теми, кои алчут и неудержимо желают Тебя – источником бессмертным для тех, кои жаждут Тебя, и одеждою пресветлою для тех, кои ради Тебя носят смиренные и нищенские одеяния? Слыша же, как это говорили проповедники Твои, я думал, что и это будет лишь в будущем веке и после общего воскресения; но не знал, что все сие бывает и теперь для нас, крайнюю в том имеющих нужду.

Всего такого и не знал я, Всесвятый Царю, и не желал никогда, и не искал получить от Тебя, но, воспоминая грехи свои, искал только отпущения их и желал, как сказал впереди, Владыка, найти какого-либо посредника и ходатая, чтоб через посредство его и мое собственное рабское ему послушание получить прощение многих моих грехов, хотя в будущем. Слыша при сем, как все согласно говорили, что в нынешние времена нет такого святого на земле, я впадал в ве-

ликую печаль. Впрочем, никогда вполне не верил тому, но отвечал таким, Владыка мой, и говорил, как знаешь: «Господи, помилуй!» Ужели диавол настолько стал сильнее Господа Бога нашего, что всех увлек к себе и перетянул на свою сторону и никого уже не осталось на стороне Божией? За это, как я думаю, человеколюбче Царю, Ты и воссиял свет Твой святой во мне, сидевшем в тьме мира сего и среди стольких зол, и показал мне единого от святых Твоих, как сделал Ты с рабом Твоим Павлом, коего Божественным Своим явлением призвал Ты к Себе, когда он гнал Тебя. Ибо когда он увидел Тебя и вопросил: кто еси, Ты не сказал ему: Я есмь создавший небо и землю, Я есмь устроивший все твари; и так не сказал: Аз есмь Сый, или – Бог Саваоф, или – Бог отцов твоих, не сказал и никакого другого из славных наименований Твоих, но сказал ему только: Аз есмь Иисус, Егоже ты гониши – давая ему ясно разуметь, что Ты еси Бог, воплотившийся ради нас, Которого он гнал. То же самое сделал Ты и со мною, когда благоволил указать мне святого Твоего Симеона. Ибо когда Божественный Твой свет осветил все и меня, бедного, и сделал ночь светлейшею паче дня, тогда сподобил Ты меня с трепетом увидеть и его на оной высоте Божества Твоего как на небе, где стоял он близ Божественной славы Твоей, не венцом каким украшенный, не в светлую одежду одеянный и не в другом каком виде, но каким был он, когда находился со мною, и каким видели его каждый день на земле, таким Ты показал мне его и на небе. Чего же ради

таким? Того ради, чтоб я не думал, что иной есть тот, кто бывал со мною, и иной тот, который явился мне на небе, не впал чрез то в ошибку и не лишился доброго пастыря – я, овча погибающее. При всем том, однако ж, и этим бывшим со мною чудом не вразумился я, окаянный, и не пришел в чувство, но мало-помалу увлекся опять миром, по нерадению моему и лености, и впал в прежние худости или еще и большие. Ты же, благоутробный и долготерпеливый Царю, и после сего не отвратился от меня, но меня обратил к Себе опять посредством сего святого, сподобив меня припасти к святым стопам его, когда державною рукою Твоею и мышцею Твоею высокою исхитил и извлек меня из прельстительного мира и от всех мирских дел и утех, отдалил вместе с тем от всего телесного и душевного (о чудо, о любовь, о снисхождение, какое являешь Ты к нам, человеколюбче Боже!) и ввел в чин работающих Тебе единому. После сего Ты даровал мне, Владыко, молитвами святого не только прощение бесчисленных грехов моих, но и все блага, о коих я сказал выше, или, лучше сказать, Ты Сам соделался для меня всем. Ибо так как Ты прежде обитал внутрь его и просвещал его светом Божественной славы Твоей, то, когда я приблизился к нему и ухватился за ноги его с покаянием и верою, тотчас почувствовал в себе Божественную теплоту; потом от слов его почувствовал некое Божественное веяние, после – огнь сердечный, в силу коего начали источаться непрестанные потоки слез; затем – почувствовал внутрь ума моего тонкий

луч, блеснувший быстрее молнии; далее – явился мне как бы свет ночью и малое облако пламеневидное, которое село на главе моей в то время как я, павши лицом ниц, творил молитву мою; потом оно взлетело горе и спустя немного опять явилось мне на небе.

После сего, когда я рассуждал, что бы значило такое явление, совершилось нечто другое, еще более дивное, чем это. Ибо, будучи однажды искушаем во время сна злыми демонами и некиим их искусством возбуждаем к страстному истечению и по сему случаю сильно противоборствуя им и призывая Тебя, Господа света, помочь мне, я проснулся и избежал от рук демонов неискушенным. Когда затем дивился я сам в себе противоборству своему и мужеству, и особенно неподвижности на страсть и рассуждал, откуда бы явилась во мне такая необычная победа, что даже когда сплю противоборствую и бываю сильнее борющих меня врагов и побеждаю их державно дивною победою – вдруг (о чудо!) Того, Кого я воображал сущим на небе, узрел внутрь себя – Тебя, говорю, Творца моего и Царя, Христа. Тогда уразумел я, что то была Твоя собственная победа, в коей Ты соделал меня победителем диавола. Впрочем, я еще не знал, Владыко, как следует, что в видениях тех Ты еси, создавший меня и даровавший мне все сии блага; не знал еще, что Ты еси в них, многоснисходительнейший Бог мой и Господь. Ибо я не сподобился еще слышать глас Твой, чтоб познать, что это Ты. Ты еще не сказал мне таинственно: Аз есмь; потому что я

был недостоин того и нечист, так как имел слух душевный еще заложенным перстью греховною и очи мои держимыми (из слов: *очи ею держастеся)* неверием, неведением и мраком страстей. В таком находясь положении, я и видел Тебя, Бога моего, но как не знал и не верил, что Бог является человеку, поколику возможно Ему явленным быть ему, не понимал, что Бог или слава Божия есть то, что мне являлось иногда одним, иногда другим образом. Необычайное оное чудо привело меня в изумление и исполнило радостью всю душу мою и сердце до того, что мне подумалось, что даже и тело мое стало причастным неизреченной благодати. Впрочем, я все еще не знал ясно, Кто есть Тот, Кто являлся. Я часто видал свет, и иной раз он являлся внутрь меня, когда душа моя имела мир и тишину, а иной раз являлся он вне, вдали, или даже совсем скрывался, и когда скрывался, причинял мне чрезмерную скорбь, потому что тогда думалось мне, что, верно, он совсем не хочет уже более являться. Но когда я начинал плакать и проливать слезы и показывать всякую отчужденность от всего и всякое послушание и смирение, тогда он являлся опять, как солнце, когда оно разгоняет густоту облака и мало-помалу выказывается радостотворное, блестящее и круговидное. Так наконец Ты, неизреченный, невидимый, неосязаемый, приснодвижный, везде, всегда и во всем присущий и все исполняющий, видимый и скрывающийся каждый час или, скажу так, и днем и ночью, удаляющийся и приходящий, исчезающий и внезапно опять являю-

щийся – мало-помалу прогнал бывшую во мне тьму, рассеял покрывавший меня облак, очистил зеницу умных очей моих, открыл душевный слух мой, снял покрывало нечувствия с сердца моего и вместе с сим усыпил плотскую сласть и совсем изгнал из меня всякую страсть. Сделав меня таковым, Ты очистил от всякого облака небо мое, то есть душу очищенную, в которую приходя невидимо, не знаю, каким образом и откуда, Ты, вездесущий, внезапно обретаешься в ней и являешься как другое солнце. О неизреченное снисхождение!

Вот, братия мои, дивности Божии, которые творит Он в нас! Когда же приходим мы в совершенную добродетель, тогда не приходит уже Он более, как прежде безобразным и безвидным, и не делает присещения и прихода света Своего в нас без шума, но приходит в некоем образе, впрочем, в образе Бога; ибо Бог не является в каком-либо очертании или отпечатлении, но является как простой, образуемый светом безобразным, непостижимым и неизреченным. Больше этого я не могу ничего сказать. Впрочем, являет Он Себя ясно, узнается весьма хорошо, видится чисто невидимый, говорит и слышит невидимо, беседует естеством Бог с теми, кои рождены от Него богами по благодати, как беседуют друг с другом, лицом к лицу, любит сынов Своих как Отец и любим бывает ими чрезмерно и бывает для них дивным некиим видением и страшным слышанием, о которых не могут они говорить как должно, но опять, и молчать не могут. Го-

ря всегда сильною к Нему любовию и научаемы будучи от Него, сыны Его, иногда болезнуя и плача о чужих страстях, пишут о них; иногда выставляют, как на зрелище, собственные свои падения, иногда с благодарностью повествуя о благодеяниях и действах благодати, бывших в них, богословски песнословят Того, Кто богодейственно изменял их на лучшее; иногда, слыша, что что-нибудь говорится о душевном спасении нашем противно истине и погрешительно, исправляют то по мере данного им ведения, пиша и представляя свидетельства из Божественного Писания. И не могут они совсем иметь покоя или насытиться возвещением истины, потому что не суть более господа над самими собою, но суть органы Духа Святого, в них обитающего, Который подвизает их и Сам опять подвизаем бывает ими – и бывает в них все, что, как слышим, в Божественных Писаниях говорится о Царстве Небесном, именно: маргарит, семя горчичное, закваска, вода, огнь, хлеб, питие жизни, одр, чертог брачный, жених, друг, брат и отец. И что много говорить мне о неизглаголанном? Ибо чего око не видало, о чем ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило, то как может измерить язык и как можно сказать словом? Поистине сие невозможно. Хотя мы стяжали все сие и имеем внутрь себя от Бога, давшего нам то, но нисколько не можем ни умом того измерить, ни словом изъяснить.

Все сие написал я, возлюбленные братия, не с тем, чтоб себя показать. Да не будет. Что имею я собственного, чтоб

показывать то и хвалиться тем, кроме грехов, нечистот и беззаконий многих, еще от чрева матери моея, которых больше песка морского? Но за тем возвещаю вам о сем, чтоб открыть вам чудеса Божии и представить их в слове хотя столько, сколько достало у меня на то сил. При этом и для того я это сделал, чтоб сказанием сим попользовать тех, которые думают, что от Святого Крещения имеют Духа Святого, хотя не сознают того. Ибо настоящее слово поучает нас, во-первых, о полной темноте и мраке, или о совершенном отсутствии Божественного света, которое бывает в человеке, когда он явно сказывает о неведении, какое имеет о Боге; потом оно поучает нас об обличении, которое бывает от совести; далее – о страхе; затем – о желании человека получить отпущение грехов, когда он ищет и какого-либо посредника и помощника в сем деле, так как ни один не имеет дерзновения приступить к Богу, чувствуя себя обремененным многими грехами; после сего слово наше сказывает, как человек улучил посредника и пастыря, которого искал, и как видел его при своем умном осиянии от Святого Духа, которое показывает, что в нем положилось начало внутреннего озарения, о котором он не знал прежде; сказывает еще при сем, как после того, как совершилось в нем такое откровение, опять удалилось видение Духа, и он, лишившись его, опять впал во тьму многих согрешений; за этим слово объявило о втором призвании, какое сделал ему Бог чрез пастыря его; за этим – о послушании, вере, смирении и покорности, какие имел он

к сему пастырю; за этим – о явном изменении, которое совершилось в нем мало-помалу с сознанием и видением дела, которого если кто не сознает совершившимся в себе, о том, как сказало слово, никак нельзя полагать, что в нем обитает Дух Святой. Все сие настоящее слово, как я сказал, излагает пространно и выставляет меня не хвалящимся, а повествующим о дивных благодеяниях Божиих, какие по любви и благости делает Он взыскивающим Его от всей души и от всего сердца, чтоб всякое преслушание получило праведное воздаяние в день он, в который Бог имеет судить род человеческий. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово девяносто первое

Благодарение Богу за полученные от Него благодеяния; о духовной молитве и о преспеянии в ней; о Божественном озарении, о необманчивом созерцании и о любви к Богу.

Благодарю Тебя, Владыко, Господи неба и земли, что от сложения мира предопределил Ты произойти мне из несущего в бытие. Благодарю Тебя и поклоняюся Тебе, Всесвятый Царю, что прежде рождения моего Ты, единый бессмертный, единый всемогущий, единый благий и человеколюбивый, снисшел с высоты святыя Твоея на землю, воплотился и родился от Святой Девы, чтоб меня воссоздать, меня оживотворить, меня освободить от прародительского греха и приготовить мне восход на небеса. Потом, когда я родился и немного подрос, Ты обновил меня возрождением во Святом Крещении, облек меня одеждою благодати Святого Духа, дал мне светлого Ангела Хранителя и, пока пришел я в совершенный возраст, Ты хранил меня невредимым от всякого зла и от всех сетей диавола. Но как Ты праведно постановил, чтоб мы, разумные, спасались не по какому-либо принуждению и насилию, но по произвольному избранию и решению, то оставил и меня явить в себе честь самовластия, чтоб через исполнение заповедей Твоих я показал самопро-

извольную мою любовь к Тебе. Я же, небрежник и неблагодарный, подумал, что достоинство самовластия есть разрешение такое же, как разрешается неразумное животное от пут; почему, как только почувствовал разрешение, так удалился от господства власти Твоея и вверг себя в ров многих зол.

При всем том, однако ж, что находился в том глубочайшем рве в бесчувствии и потерпел большие повреждения, Ты не отвратился от меня и не оставил меня навсегда валяться в этой скверноте, но по благоутробию милости Твоея извлек меня оттуда и почтил меня еще паче, неисповедимыми судьбами Твоими избавив меня от царей и начальников, которые желали обратить меня на служение мирским и житейским пользам, не попустив мне увлечься дарами злата и сребра, хотя я и сребролюбив, и расположив меня презреть, как мерзость, славу и честь настоящей жизни, которые мне давали вместо стяжания святости Твоей. Я же, все такие Твои ко мне благодеяния вменив ни во что (исповедаюсь Тебе в сем, Господи неба и земли), опять вверг себя, бедный, в ров тинный и нечистоту скверных помыслов и дел, и когда низринулся я опять в этот ров, то попал во власть мысленных разбойников, из рук которых не только я один не мог бы освободиться, но если бы и весь мир собрался, то и он не мог бы освободить меня. Но Ты, благоутробный и человеколюбивый Владыка, не потерпел, чтоб я оставался в этом рве в жалком состоянии, был бедственно влачим и посмева-

ем этими врагами, не попомнил худостей моих, не отвратился от непотребного нрава моего и не допустил долгое время быть мне мучиму теми душегубцами; и хотя я, держим будучи у них в плену, рад был тому, как бесчувственный, но Ты, Владыко, не мог более смотреть, чтоб они составляли из меня безобразные зрелища и к сраму моему влачили меня туда и сюда, а сжалился надо мною и явил милость Свою ко мне, не Ангела и не человека послав ко мне, окаянному и грешному, но Сам, движимый утробами благостыни Своея, преклонил к тому глубочайшему рву и простер пречистую руку Твою ко мне, который, быв погружен в глубину тины той, не видел Тебя, ибо как бы мог я открыть глаза и видеть, будучи потоплен в ту скверноту и поглощен ею? Так Ты взял меня за волоса головы моей, то есть просветил помыслы мои и, потянув с великим усилием, извлек оттуда. Я чувствовал влечение и понимал, что поднимаюсь наверх, но совсем не знал, Кем влеком есмь или Кто есть держащий меня и поднимающий наверх. После же того как Ты извлек меня из того блата наверх и, поставив на землю, передал одному рабу и ученику Своему меня, всего оскверненного, у которого и уста, и уши, и очи завалены сквернотою, я же, несмотря на то, что вышел на землю, все еще не видел Тебя, Кто Ты; только одно то узнал я, что Ты – некто благий и человеколюбивый, извлекший меня из глубочайшего рва всяких нечистот. Но Ты, сказав мне: прилепись к этому человеку и последуй ему, потому что он проведет тебя к источникам и омоет там,

и даровав мне твердую к нему веру, удалился и отошел, не знаю куда. Я же, всесвятый Владыко, по повелению Твоему, не озираясь вспять, последовал за тем, кого Ты указал мне.

Он с большим трудом повел меня к источникам, то есть к Божественным Писаниям и Божественным заповедям Твоим, а я, как слепой, взявшись за него сзади рукою веры в него, которую Ты дал мне, нудил себя следовать за ним. При этом он, как хорошо видевший, поднимал ноги свои и переступал через камни, рвы и всякие преткновения, попадавшиеся по пути; я же спотыкался о камни и падал во рвы и много терпел трудов, прискорбностей и бед. Он в каждом источнике и ручье мылся и омывался каждый час, а я, не видевший хорошо, большую часть из них проходил так. Ибо когда он не брал меня за руку, не привлекал к источнику и не направлял рук ума моего, то я не мог находить совсем и струи водной, где она. И опять, когда он подводил меня к струе и оставлял одного мыться чистою водою, то я много раз вместе с водою захватывал и сор, какой случался там подле источника, может быть, захватывал иногда в горсти и грязное что и тем замарывал лицо свое. Не раз бывало, что, ища ручья или колодца воды, сталкивал вниз всякой сор, землю и глину и возмущал воду; но как совсем не видел ничего, то, моясь без опаски, пачкал лицо мое грязью, думая, что мою его чистою водою. Ах! Где мне рассказать все неприятности, какие я испытывал опять от этого? Где мне описать также, сколько зла терпел я от тех, кои советовали мне и говорили каждый день:

что трудишься попусту, глупый, и последуешь этому обманщику и прельстителю и бесполезно и тщетно терпишь, чая прозреть? Того, чего ты желаешь, невозможно достигнуть в настоящие времена. Что же и следовать тебе за ним, раздирая и кровеня только ноги свои? Почему бы тебе не пойти к милостивцам сострадательным, которые просят тебя к себе, обещая добре покоить тебя, питать и врачевать? Ибо в теперешние времена невозможно тебе избавиться от душевной проказы и прозреть.

И откуда явился этот обманщик-старец таким чудотворцем и обещает тебе такие вещи, которые невозможны для людей нынешнего рода? Горе тебе, что и покой со всяким угодием, какие обещают тебе сострадательные люди, христолюбцы и братолюбцы, потеряешь, и скорби и лишения, какие переносишь, протерпишь с тщетною надеждою, не получив ничего из того, что обещает тебе этот обманщик и обольститель. Что может он тебе сделать? Ужели и сам ты не можешь этого рассудить, хотя бы мы и не говорили о том? Что же, и мы все ужели не видим? Или мы слепы, как говорит тебе этот в прелести сущий? Поистине мы все видим, не прельщайся. Никакого другого зрения и нет, которое было бы лучше того, какое имеем мы.

Но Ты, милостивый и благоутробный Боже, от всех этих заблудших прельстителей, которые, по пророку, напаяют подруга своего развращением мутным (Авв. 2, 15), избавил меня силою веры и надежды, данных Тобою мне. Ими укре-

пил Ты меня перетерпеть все это и другое многое. Итак, в то время, как я переносил все это и не пропускал ни одного дня, чтоб не мыться и не измываться водою, как научил меня апостол Твой и ученик, в один день, когда я бежал на источник воды, встретил меня на пути Ты, опять Тот же, что и прежде извлек меня из нечистоты. Тут в первый раз блеснул Ты в слабые очи мои Пречистым сиянием Божественного лица Своего – и я тотчас потерял и тот малый свет, который, как мне думалось, имел я, не могши узнать Тебя. И как было возможно увидеть мне Тебя и узнать, Кто Ты был, когда я и самого сияния лица Твоего не мог видеть и разуметь? С тех пор благоволил Ты, снисходительнейший, чаще приходить ко мне в то время, когда я стоял у источника, брал голову мою и погружал ее в воду и давал мне видеть чаще свет лица Твоего – и тотчас отлетал, делаясь невидимым и не давая мне понять, Кто был Ты, делавший сие, откуда приходил и куда уходил, как даже и доселе не даешь мне понять сие.

Приходя таким образом ко мне и отходя довольно долгое время, Ты мало-помалу все яснее и яснее являлся мне, все больше и больше омывал меня водами Своими и даровал мне видеть свет все более и более чисто, более и более обильно. Делая это для меня многое время, Ты наконец сподобил меня увидеть и некое страшное таинство. Однажды, когда Ты, пришедши, орошал и омывал меня, как мне казалось, водами и многократно погружал меня в них, я видел молнии, меня облистававшие, и лучи от лица Твоего, смешивавшие-

ся с водами, и, видя, как омываем был водами световиднейшими и блестящими, пришел в исступление. Как же это было и от чего, и кто был податель сего, не знал – только, омываем будучи, радовался, возрастая в вере, окрыляясь надеждою и воспаряя созерцанием даже до небес. Обманщиков же тех, которые говорили мне ложные и обольстительные слова, я возненавидел сильно, и хотя жалел о них по причине заблуждения их, но не хотел входить с ними в беседу и бегал встречи с ними, почитая и одно воззрение на них вредным. А пред содейственником и помощником моим святым, разумею, Твоим учеником и апостолом, я благоговеинствовал и почитал его, как Тебя Самого, Создателя моего, любил его от души, припадал к ногам его день и ночь и просил его помочь мне во сколько может, уверен будучи, что он все может у Тебя, что захочет.

Проведши так благодатию Твоею довольное время, я опять увидел другое страшное таинство. Я видел, что Ты, взяв меня, восшел на небеса, вознесши и меня с Собою – не знаю, впрочем, в теле ли Ты возвел меня туда или кроме тела. Ты один то знаешь, сделавший сие. После того как я пробыл там с Тобою довольный час, удивляясь величию славы (чья же была та слава и что она такое, не знаю), я пришел в исступление от безмерной высоты ее и вострепетал весь. Но Ты опять оставил меня одного на земле, на которой я стоял прежде. Пришед в себя, я нашел себя плачущим и дивящимся скорбному обнищанию своему. Потом, немного

спустя после того, как я стал долу, Ты благоволил показать мне горе, на небесах отверзшихся, лице Свое, как солнце, без образа и вида. Впрочем, и тогда Ты не дал мне познать, кто Ты был. Ибо как можно было мне познать Тебя, когда Ты не сказал мне ничего, но тотчас скрылся? Я искал Тебя, Которого не знал, сильно желая увидеть образ Твой и познать точнейше, кто Ты. Почему от сильного желания Тебя и от пламенной любви к Тебе всегда плакал, не зная, кто Ты, приведший меня из небытия в бытие, извлекший меня из пропасти греховной и соделавшийся для меня всем тем, о чем я сказал прежде.

Так, часто являлся Ты опять мне и опять, ничего не сказавши, скрывался и не показывался уже более. Я же, видя в водах, как видал прежде, молнии и блистания лица Твоего, которые меня окружали, которых, однако ж, я не мог ухватить, часто воспоминал, как видел Тебя однажды горе и, думая по своему невежеству, что тот был другой, все искал и искал со слезами увидеть Тебя. Когда, наконец, подавленный печалью и скорбью, я забыл всецело и себя самого, и мир весь, и все, что в мире, не держа на уме совершенно ничего из всего видимого, тогда опять явился Ты, невидимый, неосязаемый, неуловимый. Я чувствовал тогда, что Ты очищал ум мой, открывал пространнее очи души моей и давал мне видеть славу Твою обильнее и что Сам Ты увеличиваешься паче и паче и блистанием паче и паче расширяешься, и мне казалось, что с удалением тьмы Ты приближаешься бли-

же и ближе, как это часто испытываем мы и в чувственных вещах. Ибо когда сияет луна и облака бегут гонимые ветром, тогда кажется, что и луна бежит скорее, хотя на деле она нисколько не скорее бежит обыкновенного своего течения.

Таким образом, о Владыка, мне казалось, что Ты – недвижимый грядешь, неизменяемый увеличиваешься, не имеющий образа приемлешь образ. Ибо как бывает со слепым, что он мало-помалу привыкает видеть и ясно обнимать весь образ человека, или все очертание человеческого тела, и мало-помалу живописует его в себе, как он есть; как, говорю, у слепого не изменяется и не переделывается в глазах образ человека, но глаза слепого, более и более очищаясь, видят наконец образ человека, как он есть, когда начертывается все подобие образа человека в сих глазах и через них проходит в ум и рисуется в памяти человека, как на доске – так и Ты, когда очистил совершенно ум мой, явился мне ясно во свете Духа Святого, и как ум мой видел Тебя яснее и чище, то мне и казалось, что Ты будто выходишь откуда-то, являешься светлейшим и даешь мне видеть черты беззрачного зрака Твоего. Тогда Ты сделал, что я вышел из мира сего, мне кажется, скажу так: и из тела моего, потому что Ты не дал мне уразуметь сие до точности. Но Ты сиял чрезмерно и, как мне казалось, явился весь во мне всем, видевшем добре. Когда я спросил Тебя, говоря: «О, Владыко, кто Ты?» – тогда Ты в первый раз сподобил меня, блудного, услышать и сладчайший глас Твой, и столь сладко и кротко

беседовал со мною, что я пришел в исступление, изумлялся и трепетал, помышляя в себе и говоря: как это славно и как блистательно? Как и за что удостоился я таких благ? Ты сказал мне: «Я – Бог, соделавшийся человеком по любви к тебе. Так как ты взыскал Меня от всей души, то се отныне будешь ты братом Моим, и другом, и сонаследником». Слыша это, я весь вострепетал, иссякла вся сила моя и едва не вышла душа моя. Опомнившись немного, я отвечал: «И кто есмь я, Господи, и какое добро сделал я, окаянный и бедный, что Ты удостаиваешь меня толиких благ и делаешь меня соучастником и сонаследником славы Твоея?» – держа при сем на уме, что эта слава и радость выше всякого ума. Ты же, Владыко мой Христе, опять сказал мне: «Я говорю с тобою, как друг с другом, через Духа Святого, Который вместе со Мною говорит тебе. Это даровал Я тебе за одно твое произволение и веру, и дам еще больше сего. Ибо ты, созданный Мною нагим, кроме произволения своего, что другое имеешь ты или имел когда-либо собственно твоего, чтоб Я принял то от тебя и вместо того даровал тебе это? Впрочем, если не отрешишься ты совершенно от тела, то не увидишь совершенного и не можешь получить его все здесь». Когда я сказал на это: «Господи! И что другое блистательнее или выше сего? Для меня довольно в такой славе быть и по смерти» – тогда Ты опять ответил мне: «Чрезмерно мала душа твоя, человече, когда ты довольствуешься только таким благом. Ибо оно в сравнении с будущим похоже на то, как если б кто нари-

совал небо на бумаге и держал ее в руках: сколько разнится нарисованное небо от истинного, столько, или несравненно более, разнится будущая слава от той, какую видишь ты теперь». Сие сказал Ты и умолк – и мало-помалу скрылся от очей моих Ты, сладчайший и добрый Владыка мой. И не знаю, я ли отдалился от Тебя или Ты отошел от меня. Впрочем, мне думалось, будто я пришел откуда-то и вошел в мое жилище, а тут и совсем пришел я в себя.

После сего, воспоминая красоту славы Твоея и Твои слова, Владыко, я плакал – и когда шел, и когда сидел, и когда ел, и когда пил, и когда молился – и имел неизреченную радость, что познал Тебя, Творца всяческих. Да и как мог я не радоваться? Впрочем, потом пришла и печаль – печаль о том, что давно не видел Тебя. Но когда, сильно желая Тебя опять видеть, пошел я однажды приложиться к святой иконе Пречистой Матери Твоей и припал к ней, умоляя Ее, Ты, прежде чем я встал, явился внутрь бедного сердца моего, сделав его все светом. Тогда я познал, что воистину имею Тебя в себе. С того времени я стал любить Тебя не от одной памяти, то есть не от того только, что вспоминал Тебя и славу Твою, но от того, что уверовал воистину, что имею внутрь себя Тебя, ипостасную Любовь, ибо истинная любовь – Ты, Бог. Когда таким образом насадилась надежда в вере, воспоилась покаянием и слезами, просветилась собственным Твоим светом, вкоренилась и возросла добре – тогда пришел Ты, добрый художник и делатель, ножом искушений, то есть смирени-

ем, отрезал излишние отростки помыслов, поднявшихся было высоко вверх, и привил к единой надежде, как к какому корешку древесному, святую любовь Твою. И я, видя, как сия любовь растет день ото дня и беседует со мною всегда или, лучше сказать, видя, как Ты чрез нее учишь меня, осияваешь и просвещаешь, радуюсь и веселюсь, как превзошедший уже всякую веру и надежду, как и Павел говорит: *еже бо видит кто, что и уповает* (Рим. 8, 24).

Итак, если я имею Тебя, чего и надеяться мне более? И Ты опять сказал мне, Владыко: слушай, чего надеяться Тебе. Как когда видишь солнце в воде, самого солнца не видишь, потому что тогда смотришь вниз, так разумей и то, что бывает в тебе; затвори себя самого и старайся всегда видеть Меня чисто и ясно внутрь себя, как солнце в чистой воде. Поступая так, ты удостоишься потом по смерти увидеть Меня, как Я предсказал тебе. Если же не станешь так делать, то все дела твои и труды и эти слова не принесут тебе никакой пользы, а, напротив, послужат к большему осуждению твоему и причинят тебе большую скорбь, ибо, как слышишь в Писании, *сильний сильне истязани будут* (Прем. 6, 6). Бедность не причиняет такой печали и стыда тому, кто беден с самого начала рождения своего, какой стыд и какую печаль причиняет она тому, кто был прежде и богат, и славен, и в дружбе с царем, потом испал от всего этого и пришел в совершенную бедность. Так бывает и в духовном порядке вещей, хотя земные и видимые дела текут не совсем так, как духовные

и невидимые. Испавшие, например, от дружбы царя земного по какой-либо причине могут удержать при себе имущество свое, пользоваться им и жить. Но кто испадает от Моей любви и дружбы, тому невозможно уже жить. Тотчас обнажается он от всех благ и предается в рабы врагам Моим и его, которые, как только примут его, устремляются на него с крайним неистовством и зверством по причине прежней любви его ко Мне.

Так, Всесвятый Владыко, так воистину бывает. И я верую Тебе, Богу моему, и, припадая, умоляю Тебя: сохрани меня, грешного и недостойного, Ты, явивший милость свою ко мне, и росток любви Твоей, какой привил Ты к древу надежды моей, укрепи силою Твоею, да не поколеблют его ветры, не сломит буря, не похитят враги, да не опалит огонь нерадения, не иссушат парения ума, не уничтожит совсем тщеславие. Ты, даровавший мне его, знаешь, что ради сего ростка любви Твоей я остался беспомощным от всякого человека, так как помощника и содействователя моего и Твоего апостола Ты удалил от меня телесно, как восхотел. Ты ведаешь немощь мою, знаешь бедность и совершенное бессилие. Сего ради умилосердись ко мне паче отныне Ты, многоблагоутробный Господи. Припадаю к Тебе всесердечно и умоляю Тебя, не оставляй меня на волю мою Ты, даровавший мне столько благ. Но восприими в любовь Твою душу мою и в ней укорени любовь к Тебе, да будешь Ты во мне и я в Тебе, по утешительному, святому и неложному обетованию Твое-

му, да любовь Твоя покрывает меня и я покрываю и блюду ее в себе, да Ты взираешь на меня с любовию и я да сподоблюсь воззревать с нею к Тебе в настоящей жизни, по сказанному, яко зерцалом в гадании, тогда же, в другой жизни, да узрю со всею любовию всего Тебя, сущего любы и благоволившего именоваться любовию. Яко Тебе подобает всякое благодарение, держава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово девяносто второе

О созерцании и откровении и о душе просвещенной; и как действует благодать Святого Духа в том, в коем царствует любовь к Богу и кто пришел в глубину смирения.

Возлюбленные братия мои! Велико и безмерно есть снисхождение и человеколюбие Божие к человекам. Почему, удивляясь неизреченной благости Божией и трепеща, взываю так: сколь изумительно дивна сила заповедей Божиих и в какое дивное состояние приводят они тех, которые творят и исполняют их! И я начал некогда исполнять заповеди Божии, когда немного выступил из глубины грехов и несколько освободился от покрывавшего меня мрака. При этом нередко, будучи тесним злыми навыками своими, боялся я за себя, но любовь и вожделение добра гораздо чаще направляли меня к добру. В начале все, что я делал, было одно лишь удаление от зла, но потом оно само начало подвигать меня на добро. В это время одно особенно причиняло мне тяготу и неприятность, это злой навык сластолюбия, который уничтожается чтением Божественных Писаний и навыком в добрых деланиях. Ибо как, когда утром восходит солнце, мало-помалу разгоняется тьма и исчезает, так и когда воссиявает добродетель, прогоняется грех, как тьма, и наконец со-

всем уничтожается. Тогда мы являемся добрыми и добродетельными во всем, как прежде были злы и порочны. Так помощью небольшого терпения и малого доброго произволения или, лучше сказать, помощью Бога живого воссозидаемся мы наконец и обновляемся после того, как очистимся душою и телом и умом. Вследствие сего мы делаемся тем, о чем прежде не знали, будучи омрачены страстями, и получаем еще то, чего недостойны.

Из этого получил нечто и я, непотребный и худейший всех. Ибо добро есть проповедовать с великим благодарением благодеяния, полученные от человеколюбивого Бога благодатию Искупителя нашего Иисуса Христа. Я получил благодать на благодать и благодеяние на благодеяние, огнь на огнь и пламень на пламень. К моему восхождению и преуспеянию даны были и другие восхождения и преуспеяния, а в конце восхождения свет; к этому свету – другой свет светлейший; среди сего света воссияло блестящее Солнце, из которого явился луч, исполнивший всяческая. Что бы это значило, было недомыслимо. В это время я только проливал сладкие слезы, удивляясь неизреченному.

Тогда Божественный, первый ум стал беседовать с моим собственным умом и так поучать его: понял ли ты, в какое дивное состояние возвело тебя оное человеколюбие и сила ради веры твоей и малого терпения твоего, свидетельствовавшего о любви твоей? Се, подлежа смерти, ты сделался бессмертным и, одержим будучи тлением, стал нетленен. Се,

живя в мире, ты пребываешь со Мною. Се, нося тело, не бываешь влачим сластьми телесными. Ты мал телом, но умом созерцаешь все. На это, со страхом и вместе с радостью, я отвечал: кто есмь, Господи, я, грешный и нечистый, что Ты воззрел на меня и снисшел до беседы со мною? И Ты, пречистый, невидимый и неприступный для всех, как являешься мне приступным и сладостнейшим и видим еси краснейшим во благодати и славе, Тебя осиявающей?

Слышанное мною слышал я таинственно и отвечал некако необычно. Сверхъестественность созерцания привела меня в удивление, но пристрашность его будто душу разлучила с телом. Неизреченная красота Явившегося поразила сердце мое и подвигла к беспредельной любви; любовь же не дала уже мне обратиться опять долу, но я радовался, как совсем исторгшийся из уз плоти и, однако ж, все же пребывающий целым человеком. Мне даваемо было удостоверение, что прощены все грехи мои, и опять я видел себя самого грешнейшим паче всякого человека. Не мог я не верить Тому, Кто говорил мне, и опять боялся Ему верить, чтоб не впасть в превозношение. Нередко восхожу я на высоту созерцания без воли моей и опять схожу с нее волею моею, чтоб не забыть меры человечества и безопаснее соблюсти смирение. Я знаю много такого, чего не знают другие, и опять паче всех невежествен есмь. Радуюсь, что Христос, в Которого я уверовал, даровал мне Царство вечное и непоколебимое, и опять, как недостойный благ оных, плачу и нико-

гда не перестану плакать. Не смею отверсть уст своих, чтоб просить отпущения грехов моих – и опять, движимый любовию, воодушевляюсь и приемлю дерзновение молить Бога за других братий и (да реку в безумии) услышан бываю. Предстою с дерзновением пред Богом и молюсь, как сын, а в чувствах сердца моего имею себя чуждым и бездерзновенным. Слышу: добре, рабе верный, и пр., и нахожу себя поистине таким, что не только не употребил как должно, но даже и не сохранил ни одного таланта из всех тех даров, какие мне даны. Мне кажется, что я достиг самого крайнего предела добродетели, и в то же время чувствую себя погруженным в бездну грехов моих и клонюсь к отчаянию. Когда бываю в чувстве ниже всех, тогда возношусь превыше небес и любовию опять соединяюсь с Иисусом Христом, Богом нашим, на Коего и уповаю, что когда освобождусь от этой земной и тяжелой плоти или когда умру, тогда ближе представлен буду пред Него и просвещен Им, да познаю яснее вечную радость и ликование тамошней любви.

Это пожелал я написать вам, братия мои, не для того, чтоб стяжать славу и быть прославленным от людей. Да не будет! Ибо такой человек безумен и чужд славы Божией. Но написал для того, чтоб вы увидели и познали безмерное человеколюбие Божие и то, сколь легко бремя заповедей Спасителя нашего Бога, и, напротив, сколь велико и несравненно воздаяние благости Его; познав же это, чтоб или возжелали улучить и себе любовь Его, или убоялись и вострепетали, как

вечной смерти, лишения оной. При этом и для того пожелал я написать о всем сказанном, чтоб вы познали высоту смирения и знак совершенной любви. Еще и для того, чтоб вы познали и дело снисшествия Божия, и дар Божественной Его благодати, то есть эту мену, какую сделал Он с нами, человеками, прияв человечество и дав вместо его Божество, чтоб познали дивный образ восстановления нашего и то, как живут восхотевшие веровать в распеншегося Христа, те, то есть, которые восподражали Его послушанию и смирению и решились, отвратясь от худшего, устремиться к лучшему, от греха к добродетели, от земного к небесному, от плотского к духовному, от человеческого к Божественному; и еще чтоб увидели, как изменяются те, которые оставляют все по любви к возлюбившему нас Богу и, однако ж, не лишаются ничего ни из настоящего, ни из будущего – то есть как омраченные входят дивно в свет, приближаясь к великому свету, и как они, соединяясь с горним, поставляются богами и над дольним, как это было в древнее время с Моисеем; как, находясь среди всех, не оскверняются нисколько сообращением с ними и, благотворя ближним, не терпят никакого ущерба в добре, но, оказывая милость другим, сами получают больше, чем дают – особенно когда по человеколюбию делаются подобными человеколюбивому Богу; как они смиряются по мере того, как возвышаемы бывают, и как возвышаются по мере того, как смиряются; лишаются всего необходимого в жизни по смирению – и не терпят никакого лишения, будучи

питаемы вечною жизнью святой любви.

Се, открыл я вам таинства, которые были сокрыты во мне, ибо вижу, что близок конец жизни моей. Я желал дать вам увидеть и познать и образы покаяния, и первые ступания новоначальных, и успехи средних, и меры совершенных и расположить вас подражать, если не хотите другому кому, то мне, духовному отцу своему, породившему вас духовно, возлюбившему вас от всей души, воздоившему вас млеком слова Божия, напитавшему хлебом животворящим всяческая и показавшему, как шествовать путем спасительных заповедей Бога, Коему подобает всякая слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова

О гимнах преподобного Симеона Нового Богослова

Читателям, интересующимся духовной литературой, давно уже известны слова или беседы прп. Симеона Нового Богослова, переведенные на русский язык епископом Феофаном и изданные в двух выпусках Афонским Пантелеимоновым монастырем; между тем гимны прп. Симеона доселе оставались у нас непереведенными и неизвестными. В греческом издании творений Симеона Нового Богослова слова и главы, которые именно все сполна и переведены епископом Феофаном, составляют первую часть книги; во второй же, значительно меньшей, части помещены гимны прп. Симеона, написанные в поэтической, стихотворной форме. Настоящий перевод и имеет целью дать возможность русским читателям ознакомиться с этим другим родом произведений прп. Симеона Нового Богослова – его Божественными гимнами, не менее интересными и примечательными, чем из-

данные ранее в русском переводе слова святого отца.

Подлинность гимнов прп. Симеона доказывается из жития его, из древних рукописей и на основании тождества идей, заключающихся в словах Симеона и в гимнах. В житии прп. Симеона Нового Богослова, написанном учеником его Никитой Стифатом, неоднократно говорится, что Симеон, занимаясь писательством, слагал исполненные любви Божественные гимны, составлял экзегетические, катехизические и другие слова, писал аскетические главы, послания и пр. В разных библиотеках существует немало рукописных кодексов XII, XIII, XIV и позднейших веков, в которых или особо, или наряду со словами Симеона помещаются и Божественные гимны, надписанные именем прп. Симеона, игумена монастыря святого Маманта, или Нового Богослова. Сличение содержания гимнов и слов Симеона показывает, что в них развиваются одни и те же, как общие, или основные, так и частные идеи. К первым должно быть отнесено учение Симеона о Боге как Свете, являющемся верующему в непосредственном созерцании, и его учение о том, что для спасения необходимо еще здесь, на земле, воспринять внутрь Царствие Божие – благодать Святого Духа, и опытно познать и ощутить ее умом и чувством. Кроме этих главных идей, слова и гимны Симеона совпадают и в некоторых частных пунктах, именно в учении о непостижимости Божества, о человеке как образе Божием, о будущем суде, о плаче и слезах и пр.

Хотя в словах и гимнах прп. Симеона содержится одно и то же учение, но между ними, однако, замечается и немалая разница. Слова Симеона представляют собою по преимуществу беседы или поучения, составленные для народа или для одних монахов и большей частью, вероятно, произнесенные в храме; тогда как гимны суть не что иное, как келейные записки или дневники Симеона, в которых он описывал свои видения и созерцания и изливал чувства любви, благоговения и благодарности к Богу. Слова Симеона излагают его учение, его богословские и аскетические взгляды; гимны же изображают нам самую душу Симеона, ее чувства и переживания. Поэтому гимны прп. Симеона наиболее характерны не для его богословской системы, не для его учения, а для личности Симеона, для его настроения, для его мистики. Гимны Симеона Нового Богослова вскрывают пред нами как бы ту лабораторию, в которой изготовлены и сложились глубокие и оригинальные взгляды этого святого отца.

Чистосердечное исповедание своих грехопадений и немощей, описание необычайных созерцаний и откровений, каких сподобился Симеон, и благодарение Богу за воспринятые от Него дары и благодеяния – таково общее содержание гимнов прп. Симеона. Являясь лирическим излиянием религиозных чувств святого отца, почти всякий гимн Симеона начинается обращением к Богу и имеет форму благоговейного размышления или беседы души с Богом, в которой прп. Симеон излагает пред Богом свои тревоги и недоумения и,

предлагая вопросы, получает на них ответы от Бога и разъяснения, или же просто форму молитвы, преисполненной глубочайшего сокрушения, смирения и пламенной любви к Богу, молитвы, в которой Симеон, исповедуя дивные пути Промысла Божия в своей жизни, воссылает Богу хвалу и благодарение за все Его милости и которую заканчивает обычно прошением или мольбою о спасении и помиловании. Четыре гимна, помещенные в греческом издании в конце (52, 53, 54 и 55-й), могут быть названы молитвами в тесном смысле; две последние из них получили у нас и у греков даже общецерковное употребление (мы разумеем «Молитву ко Святой Троице» и «Молитву ко Господу нашему Иисусу Христу о Святом Причащении», которые вошли в последование ко Святому Причащению, особенно вторая), как лишенные специально биографических черт своего автора и образцовые по силе и глубине чувства.

Помимо такового общего характера и содержания, в гимнах прп. Симеона можно различать и некоторые частные элементы: богословско-догматический, нравственно-аскетический и историко-биографический. Так, в некоторых гимнах святой отец затрагивает темы догматического или вообще богословского характера, трактуя, например, о непостижимости Божества (41 и 42-й гимны), о Святой Троице (36, 45-й и др. гимны), о Божественном свете и его действиях (37 и 40-й гимны), о творении мира (44-й гимн), об образе Божием в человеке (34 и 43-й гимны), о крещении, причаще-

нии и священстве (3, 9, 30 и 38-й гимны), о Страшном Суде, воскресении и будущей жизни (27, 42 и 46-й гимны) и пр. Сравнительно немногие гимны представляют нравственные предписания общего характера – для всех верующих, или частного – для монахов (таковы гимны: 13, 18–20 и 33-й). Есть гимны, имеющие и историческую ценность: в одном, например, из гимнов (50-м) прп. Симеон дает подробную характеристику разных классов современного ему общества, особенно высшего и низшего духовенства, в другом гимне (37-м) рисует духовный облик своего старца, Симеона Благоговейного, или Студита. Наконец, есть гимны, в которых заключаются указания на некоторые факты из жизни самого Симеона Нового Богослова (см. 26, 30, 32, 35, 53-й и др. гимны). В этом случае особенно примечателен 39-й гимн, где прп. Симеон говорит об отношении к нему родителей, братьев и знакомых и о дивном водительстве Промысла Божия в его жизни. Впрочем, внешнего, фактического материала для биографии прп. Симеона в гимнах сообщается весьма мало, черты же и события, касающиеся внутренней жизни Симеона, рассеяны едва ли не по всем гимнам.

Это именно и является, можно сказать, общею основою, общим фоном или канвою для всех гимнов Симеона, то есть то, что все они изображают внутреннюю жизнь святого отца, его переживания, мысли, чувства, видения, созерцания и откровения, то, что продумано, прочувствовано, выстрадано, увидено и дознано им на непосредственном, живом и посто-

янном опыте. В гимнах прп. Симеона нет и тени чего-либо искусственного, выдуманного, сочиненного или сказанного для прикрасы; все его слова идут прямо из души, от сердца и вскрывают, насколько возможно, его сокровенную жизнь в Боге, высоту и глубину его мистических переживаний. Гимны Симеона суть плод самого непосредственного духовного опыта, плод живейшего религиозного чувства и чистого, святого вдохновения.

Созерцая Бога то вне себя, как пресладкий Божественный свет, то внутри себя, как незаходимое Солнце, непосредственно беседуя с Богом, как друг с другом, и получая от Него откровения через Духа Святого, отделяясь от видимого мира и становясь на грани настоящего и будущего, восхищаемый на небеса, в рай, и бывая вне тела, горя внутри пламенем Божественной любви и слыша, наконец, в глубине души повелительный голос записать и поведать о своих дивных созерцаниях и откровениях, прп. Симеон невольно брался за перо и в поэтической, вдохновенной форме излагал свои мысли, чувства и высокие переживания. Необычайность созерцаний, сила чувства и полнота счастья и блаженства в Боге не давали Симеону возможности молчать и заставляли писать. «И хотел я – говорит он – молчать (о, если бы я мог!), но страшное чудо возбуждает сердце мое и отверзает оскверненные уста мои. Говорить и писать, даже и не хотящего, меня заставляет Тот, Кто воссиял ныне в моем мрачном сердце, Кто показал мне дивные дела, которых не

видели очи, Кто снисшел в меня» (27-й гимн) и пр. «Внутри меня – пишет Симеон в другом гимне – горит как бы огонь, и я не могу молчать, не вынося великого бремени даров Твоих. Ты, сотворивший птиц, щебечущих разными голосами, даруй, – просит далее святой отец, – и мне, недостойному, слово, дабы всем письменно и не письменно поведал я о том, что Ты соделал на мне по беспредельной милости и по одному человеколюбию Твоему. Ибо превыше ума, страшно и велико то, что подал Ты мне, страннику, неученому, нищему» (39-й гимн) и пр. Вообще прп. Симеон неоднократно заявляет в гимнах, что он не может выносить молчания и предать забвению то, что ежедневно и ежечасно в нем видится и совершается. Если так, то на гимны прп. Симеона нельзя смотреть как на одно лишь свободное поэтическое творчество писателя; в них нужно видеть нечто большее. Сам прп. Симеон дар «петь… гимны, новые вместе и древние, Божественные и сокровенные», сознавал в себе, как благодатный дар новых языков (см. 49-й гимн), то есть он видел в этом даре нечто подобное древним первохристианским глоссолалиям. Поэтому Симеон смотрел на себя лишь как на орудие и свое духовное дарование не считал чем-либо особенным. «Уста мои, Слове, – пишет он, – говорят то, чему научен я, равно и гимны и молитвы я воспеваю те, которые давно уже написаны приявшими Духа Твоего Святого» (9-й гимн).

Прп. Симеон хотел поведать в гимнах о дивных делах милости и благости Божией, явленных в нем и на нем, несмот-

ря на всю его греховность и недостоинство. С полной откровенностью, не щадя своего самолюбия, святой отец обнажает в гимнах все свои духовные немощи и страсти, прошлые и настоящие, грехи делом и мыслью, беспощадно бичуя и окаявая себя за них. С другой стороны, он совершенно неприкровенно описывает и те видения и откровения, каких он сподоблялся от Бога, и ту славу и обожение, которых удостоился по благодати Божией.

Гимны преподобного Симеона – это повесть души, говорящей не совсем обычной человеческой речью, а или покаянными вздохами и стонами, или радостными восклицаниями и ликованиями; повесть, написанная не чернилами, а скорее слезами, слезами то скорби и сокрушения, то – радости и блаженства в Боге; повесть, записанная не на свитке только, но глубоко начертанная и запечатленная в уме, сердце и воле ее автора. Гимны прп. Симеона изображают историю души, от тьмы грехов восшедшей к Божественному свету, из глубины падения поднявшейся до высоты обожения. Гимны преподобного Симеона – это летопись души, повествующей о том, как она очистилась от страстей и пороков, убелилась слезами и покаянием, всецело соединилась с Богом, уневестилась Христу, приобщилась Его Божественной славы и в Нем нашла упокоение и блаженство. В гимнах преподобного Симеона описано и запечатлелось как бы дыхание или трепетное биение души чистой, святой, бесстрастной, Божественной, души, уязвленной любовию ко Христу и истаива-

ющей от нее, воспламененной Божественным огнем и горящей внутри, непрестанно жаждущей воды живой, ненасытно алчущей хлеба небесного, постоянно влекущейся горе, к небу, к Божественному свету и к Богу.

Автор Божественных гимнов – не человек, сидящий в юдоли земной и поющий скучные песни земли, но как бы орел, то высоко парящий над земными высотами, едва касаясь их крыльями, то далеко улетающий в необозримую заоблачную синеву небес и оттуда приносящий небесные мотивы и песни. Как Моисей с горы Синая или как какой-либо небожитель с высоты небес, прп. Симеон вещает в своих гимнах о том, что не видится телесными очами, не слышится чувственными ушами, не обнимается человеческими понятиями и словами и не вмещается рассудочным мышлением, но что превышает всякие представления и понятия, всякий ум и речь и что познается только опытом: созерцается мысленными очами, воспринимается духовными чувствами, познается очистившимся и облагодатствованным умом и выражается в словах только отчасти. Прп. Симеон пытался сказать в гимнах нечто о порядках не земного бытия и земных отношений, а о потустороннем, горнем мире, куда он проникал отчасти, еще живя на земле во плоти, о Бытии безусловном, вечном, Божественном, о жизни бесстрастных и равноангельных мужей и бесплотных сил, о жизни духоносцев, о вещах небесных, таинственных и неизреченных, о том, чего око не видело, ухо не слышало и что на сердце

человеческое не всходило (см. 1 Кор. 2, 9), и что поэтому совершенно непостижимо для нас, изумительно и странно. Прп. Симеон своими гимнами отрывает нашу мысль от земли, от видимого мира и возводит ее на небеса, в какой-то иной мир, потусторонний, невидимый; изводит ее из тела, из обыденной обстановки греховной, страстной человеческой жизни и возносит в область Духа, в неведомую нам область каких-то иных явлений, в благодатную атмосферу чистоты, святости, бесстрастия и Божественного света. В гимнах Симеона раскрываются пред читателем как бы те глубины Божественного ведения, которые испытует лишь Дух Божий и заглянуть в которые, даже на мгновение, не безопасно для ограниченного и слабого человеческого мышления. В Божественных гимнах прп. Симеона такая отрешенность от мира, такая одухотворенность, такая глубина духовного ведения, такая головокружительная высота совершенства, до которых едва ли когда еще достигал человек.

Если таково содержание гимнов Симеона, если в них так много необычного для нас и непонятного, то отсюда для читателя гимнов является двоякая опасность: или совершенно не понять прп. Симеона, или худо его понять и перетолковать. Некоторым из читателей многое в гимнах, несомненно, покажется странным и непонятным, невероятным и невозможным, а кое-что – даже соблазном и безумием. Таковым читателям прп. Симеон может представиться по гимнам каким-то обольщенным и исступленным мечтателем. Этим чи-

тателям считаем долгом сказать следующее: сфера познания как вообще человеческого, так и тем более всякого частного лица слишком ограничена и узка; человек может постигнуть лишь то, что доступно его тварной природе, что вмещается в рамки пространственно-временных отношений, то есть нашего настоящего земного бытия. Кроме того, для каждого отдельного человека ясно и понятно лишь то, что он испытал и познал на своем личном маленьком опыте. Если так, то всякий сомневающийся и неверующий вправе сказать о непонятном и чудесном для него явлении лишь следующее: это непонятно для меня и в настоящее время, и только. Непонятное для частного опыта одного лица, быть может, понятно другому в силу его личного опыта; и невероятное для нас в настоящую минуту, быть может, станет для нас доступным и возможным когда-либо в будущем. Чтобы не оказаться во власти гнетущего сомнения и неверия или не остаться с тупым самодовольством мнимого мудреца-всезнайки, всякий человек должен слишком скромно думать как о себе, так и о сфере человеческого познания вообще, и своего крохотного опыта отнюдь не обобщать до общечеловеческого и универсального.

Христианство, как благовестие о Царствии Божием, о Царствии Небесном на земле, всегда было и будет соблазном и юродством для плотяного мудрования и для языческой мудрости мира сего. Об этом давно сказано и предсказано еще Самим Христом и Его апостолами. И прп. Симеон

Новый Богослов, который, по его словам, старался лишь обновить в людях евангельское учение и евангельскую жизнь и который в своих гимнах лишь вскрыл те глубокие тайны, которые сокрыты и таятся в боголюбивой душе и верующем сердце человека, также неоднократно повторяет, что те вещи, о которых он пишет в гимнах, не только неведомы людям грешным, одержимым страстями, но и вообще непостижимы, неизреченны, невыразимы, неописуемы, неизобразимы, превосходят всякий ум и слово и что, будучи отчасти и для него самого непонятны, они заставляют его трепетать в то время, когда он пишет и говорит о них. Мало того, прп. Симеон как бы сам предупреждает своих читателей, когда заявляет, что без опыта невозможно познать тех вещей, о которых он говорит, и что кто попытался бы вообразить и представить их в уме, тот обольщен был бы своим воображением и собственными фантазиями и далеко удалился бы от истины. Равно и ученик Симеона Никита Стифат в своем предисловии к гимнам, которое в настоящем переводе предпослано гимнам, говоря, что высота богословия Симеона и глубина его духовного ведения доступны лишь мужам бесстрастным, святым и совершенным, в весьма сильных выражениях предостерегает духовно неопытных читателей от чтения гимнов, дабы вместо пользы они не получили вреда.

Всякий благоразумный читатель, думаем, согласится с нами, что мы либо совершенно чужды духовного опыта, либо слишком несовершенны в нем, а признав себя таковыми

и все же желая ознакомиться с гимнами прп. Симеона, будем вместе с читателем помнить, что мы своим рассудочным мышлением не можем понять и представить себе того, что совершенно недомысленно и сверхрассудочно, поэтому не будем и пытаться проникнуть в заповедную и чуждую нам область; но будем крайне осторожны и внимательны, чтобы своими низменными, земными представлениями не опошлить как-либо тех картин и образов, какие рисует прп. Симеон в своих гимнах, чтобы не набросить земной тени на кристалльную чистоту души святого отца, на его святую и бесстрастную любовь к Богу, и не понять грубо-чувственно тех выражений и слов, какие он нашел для своих возвышеннейших мыслей и чувств в крайне бедном и несовершенном языке человеческом. Не будем, читатель, по причине своего маловерия и неверия отрицать дивные чудеса в жизни тех, которым, по словам Христа, своею верою возможно и горы передвигать (см. Мф. 17, 20; 21, 21) и творить даже нечто большее того, что совершил Христос (см. Ин. 14, 12); не будем своею собственною нечистотою и порочностью пятнать ту ослепительную белизну бесстрастия, которой достиг прп. Симеон и подобные ему духоносные мужи. Единственным средством к тому, чтобы хотя сколько-нибудь понять высокие созерцания и необычайные переживания прп. Симеона, является для читателя путь духовного опыта или точнейшее соблюдение всех тех предписаний, какие дает сам прп. Симеон как в своих словах, так отчасти и в Божественных гим-

нах. Доколе все эти предписания самым тщательным образом не выполнены нами, согласимся, читатель, что мы с вами не вправе судить такого великого мужа, каковым был прп. Симеон Новый Богослов, и, по крайней мере, не будем отрицать возможности всего того невероятного и чудесного, что найдем в его гимнах.

Для читателей, не чуждых духовного опыта и знакомых с явлениями так называемой духовной прелести, при чтении гимнов прп. Симеона может возникнуть недоумение другого рода. Прп. Симеон так неприкровенно описывает свои видения и созерцания, так дерзновенно поучает решительно всех, так самоуверенно говорит о себе, что он воспринял Духа Святого и что его устами говорит Сам Бог, так реально изображает свое собственное обожение, что для читателя естественно подумать: не прелесть ли все это? не следует ли считать все эти созерцания и откровения Симеона, все его вдохновенные слова и речи прелестными, то есть делом не подлинного христианского опыта и истинно духовной жизни, но явлениями призрачными, ложными, представляющими собою признаки обольщения и неправильного духовного делания? И в самом деле, не находился ли автор предлагаемых в переводе гимнов в прелести? ведь он сам говорит, что некоторые считали его при жизни гордецом и прельщенным. – Нет, отвечаем, не находился, и по следующим основаниям. В гимнах прп. Симеона поражает не только высота его созерцаний и откровений, но и глубина его смирения и само-

уничижения. Прп. Симеон постоянно обличает и укоряет себя за свои прошлые и настоящие грехи и проступки; особенно беспощадно он бичует себя за грехи юности, с поразительной откровенностью исчисляя все свои пороки и преступления; с такой же откровенностью он сознается в тех мельчайших приражениях тщеславия и гордости, которые вполне естественны были у Симеона в то время, когда он за свою святую жизнь и учение стал пользоваться всеобщею славою и известностью и своими беседами привлекал к себе весьма многих слушателей. Описывая свои необычайные созерцания, прп. Симеон в то же время восклицает: «Кто я, о Боже и Творче всего, и что я сделал вообще доброе в жизни… что Ты прославляешь меня, презренного, такою славою?» (58-й гимн) и пр. Вообще все гимны Симеона от начала и до конца проникнуты глубочайшим самоукорением и смирением. Постоянно называя себя странником, нищим, неученым, жалким, презренным, мытарем, разбойником, блудным, скверным, мерзким, нечистым и пр. и пр., прп. Симеон говорит, что он совершенно недостоин жизни, что он недостойно взирает на небо, недостойно попирает землю, недостойно смотрит на ближних и беседует с ними. Говоря, что он сделался весь грехом, прп. Симеон обзывает себя последним из всех людей, даже более того – он не считает себя и человеком, но худшим всех тварей: гадов, зверей и всех животных, даже худшим самих бесов. Такая непонятная нам глубина смирения является показателем необычайной высоты совершен-

ства, но она отнюдь немыслима у человека прельщенного.

Прп. Симеон, как он сам говорит о себе, никогда не желал и не искал той Божественной славы и тех великих даров, каких сподобился от Бога, но, вспоминая грехи свои, искал лишь отпущения и прощения их. Мало того, еще находясь в мире, прп. Симеон от души возненавидел мирскую славу и бегал всех тех, кто говорил ему о ней. Но когда впоследствии эта слава вопреки желанию его пришла к нему, прп. Симеон молил Бога таким образом: «Не дай мне, Владыко, суетной славы мира сего, ни богатства гибнущего… ни высокого престола, ни начальства… соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, дабы и я также сделался смиренным и кротким; и. благоволи мне оплакивать одни только грехи свои и иметь попечение об одном праведном суде Твоем…» (52-й гимн). Жизнеописатель Симеона и ученик его Никита Стифат говорит о прп. Симеоне, что у него была великая забота и постоянное попечение о том, чтобы его подвиги оставались ни для кого не известными. Если же Симеон предлагал иногда в беседах ради назидания слушателей уроки и примеры из своей жизни и собственного опыта, то никогда не говорил о себе прямо, а в третьем лице, как о ком-то другом. Только в четырех словах, помещенных в греческом издании и русском переводе последними (89, 90, 91 и 92-м), прп. Симеон, воссылая Богу благодарение за все Его благодеяния к нему, ясно говорит о бывших ему видениях и откровениях. В одном из этих слов он замечает: «Я ничего не писал с тем,

чтобы себя показать. Не дай Бог. Но помня дарования, какие даровал Бог мне, недостойному, благодарю и славлю Его как благоутробного Владыку и благодетеля. и чтобы не скрывать таланта, который Он мне дал, подобно худому и неключимому рабу, проповедую милость Его, исповедую благодать, всем показываю сделанное Им мне добро, чтобы подвигнуть тем и вас словом учения – восподвизаться получить и себе то, что получил я» (89-е слово). В последнем же из указанных слов читаем: «Это пожелал я написать вам, братия мои, не для того, чтоб стяжать славу и быть прославленным от людей. Да не будет! Ибо такой человек безумен и чужд славы Божией. Но написал для того, чтоб вы увидели и познали безмерное человеколюбие Божие» и пр.

«Се – говорит далее Симеон в самом конце слова – открыл я вам таинства, которые были сокрыты во мне, ибо вижу, что близок конец жизни моей» (92-е слово). Из этого последнего замечания святого отца видно, что четыре указанных слова Симеона написаны и сказаны им, очевидно, незадолго до смерти.

Что же касается гимнов прп. Симеона, то едва ли при жизни его они были известны многим, исключая разве только некоторых, весьма немногих гимнов. Гимны прп. Симеона, как выше было замечено, являются ни чем иным, как его мемуарами или келейными записками, написанными, вероятно, большей частью в то время, когда прп. Симеон удалился на безмолвие – в затвор. Прп. Симеон писал свои гимны не

по чему-либо другому (о чем также сказано выше), как потому, что не мог умолчать о своих чудесных видениях и созерцаниях, не мог не излить хотя бы в книге или на свитке волновавших и переполнявших его душу мыслей и чувств. Никита Стифат пишет в житии Симеона, что святой отец еще при жизни поведал ему, как ближайшему ученику, все свои тайны и передал все свои писания с тем, чтобы он обнародовал их впоследствии. Если Никита, выпуская гимны прп. Симеона, счел нужным написать к ним особое предисловие с предостережением духовно неопытным читателям, то отсюда с несомненностью следует заключить, что гимны прп. Симеона при жизни его оставались неизвестными и впервые опубликованы были лишь по смерти Симеона учеником его.

В Божественных гимнах Симеона описываются такие видения и откровения, какие сравнительно редко встречаются в писаниях других отцов. Но отсюда еще не следует заключать, что их не было и в жизни других святых подвижников; подобных видений и откровений сподоблялись, без сомнения, и другие угодники, только прп. Симеон по данному ему дарованию поведал о своих созерцаниях и переживаниях с необычайной ясностью, откровенностью и подробностью, тогда как другие святые или совсем умолчали о своих духовных переживаниях, или поведали только весьма немногое. Однако несомненно и то, что прп. Симеон удостоился некоторых необычайных дарований и созерцаний, каких удостаивались далеко не все подвижники. Если прп. Си-

меон в своих гимнах так уверенно говорит о себе и так смело обличает всех, то это потому, конечно, что обильно воспринятая им благодать Божия и необычайно реальное чувство необманчивости своих переживаний, подтверждаемое многолетним подвижническим опытом святого отца, сообщали ему и великое дерзновение и давали право говорить именно таким образом, подобно тому, как говорил о себе и апостол Павел (см. 1 Кор. 2, 16; 7, 40).

Обо всем этом свидетельствуют такие, например, сильные места из гимнов и слов прп. Симеона: «Хотя и говорят, – пишет Симеон, – что я, раб Твой, прельщаюсь, но я никогда не поверю, видя Тебя, Бога моего, и созерцая Пречистое и Божественное лицо Твое, и воспринимая от него Твои Божественные озарения, и будучи просвещаем Духом в умных очах своих» (51-й гимн). Или еще: «Я с дерзновением, – говорит Симеон, – возглашаю, что если я не мудрствую и не говорю, что говорят и мудрствуют апостолы и святые отцы, если не повторяю только Божиих словес, сказанных в Святом Евангелии… да будет на мне анафема от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа через Духа Святого… и вы не заткните только уши свои, чтоб не слышать слов моих, но побейте меня камнями и убейте как нечестивого и безбожного» (89-е слово). В гимнах прп.

Симеона для нас очень много чудесного, необычайного и даже невероятного и странного; но это потому, что сами мы далеки от Царствия Божия и ни в понятиях своих, ни в жиз-

ни не усвоили юродства христианской проповеди, но и мыслим, и живем полуязычески.

Наконец, как на последнее доказательство того, что видения и созерцания Симеона не были прелестными, укажем на чудеса его и на прославление. Еще при жизни прп. Симеон делал предсказания и совершил несколько чудесных исцелений, равно как и вскоре же по смерти им совершено немало разного рода чудес. Все эти предсказания и чудеса прп. Симеона весьма подробно описаны в житии его, в котором повествуется и об открытии мощей прп. Симеона; это последнее произошло через тридцать лет после смерти преподобного. Все это в совокупности взятое уверяет нас в том, что прп. Симеон отнюдь не находился в прелести, но что его видения и созерцания и все духовные переживания суть подлинно-благодатная жизнь во Христе, подлинно-христианская мистика, а его речи и учение, содержащиеся как в словах, так и в гимнах – естественное выражение и плод истинно-духовной христианской жизни. Прп. Симеон не только сам чужд был духовной прелести, но и других учил и учит распознавать ее и бегать. Умудренный долгим опытом и будучи тонким знатоком духовного делания, прп. Симеон в слове «О трех образах внимания и молитвы» указывает правильный и неправильные способы молитвенного делания. В этом слове Симеон сам сообщает точные признаки прелести и говорит о разных видах ее. После этого подозревать Симеона Нового Богослова в прелести теряются всякие осно-

вания.

Божественные гимны прп. Симеона написаны, как выше замечено, в поэтической, стихотворной форме, однако не в форме античной, классической поэзии. Древние греки точно наблюдали в стихах количественность, то есть долготу и краткость слогов; но в позднейшие времена у греков строгое соблюдение количественности стало упускаться из виду. В X веке в Византии возникли, очевидно, из народной поэзии, так называемые «политические» стихи, в которых мы и видим пренебрежение количественностью; в этих стихах, строка за строкой, наблюдается лишь одно и то же число слогов и известное направление ударений. Самым употребительнейшим стихом такого рода является 15-слоговой ямбический, происшедший, вероятно, как думают, из подражания восьмистопному (то есть 16-слоговому) ямбу или трохею. Менее употребителен 12-слоговой политический стих. Политические стихи получили свое название оттого, что они сделались в Византии гражданскими – общедоступными и общеупотребительными, в противоположность классической поэзии, которая и у греков впоследствии стала доступной лишь немногим. Этого рода стихи, употреблявшиеся в греческой литературе в произведениях, рассчитанных на общенародное употребление, до настоящего времени во всех греческих странах являются почти единственным стихотворным размером народных песен. Прп. Симеон писал свои гимны, за исключением немногих, именно такими, политическими,

стихами, которые в его время вошли уже во всеобщее употребление. Из 60 данных в настоящем переводе гимнов Симеона огромное большинство написано типичным 15-слоговым политическим стихом, значительное меньшинство – 12-слоговым стихом (всего 14 гимнов) и лишь 8 гимнов написаны восьмистопным ямбом.

Если гимны Симеона написаны в поэтической, стихотворной форме, то в них нельзя искать ни догматической точности в изложении истин веры, ни вообще строго относиться к отдельным словам и выражениям автора. Гимны прп. Симеона – это лирические излияния его глубоко-религиозных чувств, а не сухое и спокойное изложение христианского вероучения и нравоучения. В гимнах прп. Симеон выражается свободно, непринужденно, как лирик-поэт, а не как догматист, преследуя не только ясность и точность мысли, но и красоту формы. Так как Симеону нужно было придать своим мыслям стихотворную форму и постоянно приходилось высчитывать число слогов в стихе и наблюдать известный ритм в ударениях, то поэтому в гимнах мы не везде встречаем полное, ясное и отчетливое изложение мыслей. В словах или беседах Симеон выражается обычно более просто, более ясно и определенно; поэтому гимны прп. Симеона и следует сличать с его словами.

В каталогах и описаниях различных библиотек гимны прп. Симеона Нового Богослова встречаются в довольно древних рукописях, начиная с XII века и позднее; такие ру-

кописи имеются в Парижской национальной библиотеке, Венецианской, Патмосской, Баварской и др. Для нас доступны были рукописи Афонских монастырей, наиболее ценные из которых мы здесь и укажем. Не говоря о рукописях, содержащих в себе отрывки из гимнов Симеона, каковые греческие рукописи имеются и в нашей Синодальной библиотеке, назовем те Афонские рукописи, в которых имеются собрания гимнов прп. Симеона. Такова Дионисиатская рукопись № 220 (в каталоге Ламброса т. I, № 3754), заключающая в себе вместе с житием и словами прп. Симеона и 12 гимнов его, преимущественно нравственно-аскетического и назидательного содержания, и несколько отрывков из других гимнов; но рукопись эта не древняя – XVII века, и помещенные в ней гимны все имеются в печатном греческом издании. Подобное же собрание гимнов числом 11 мы нашли в двух рукописях Афонского Пантелеимонова монастыря № 157 а и 158 (каталог Ламброса т. II, №№ 5664 и 5665), которые еще менее ценны, как принадлежащие XVIII веку. Весьма ценной оказалась для нас рукопись того же монастыря № 670 (в каталоге Ламброса т. II, № 6177), не сама по себе, так как она совсем позднейшего времени – XIX века, а как копия Патмосского кодекса XIV века № 427, содержащего в себе почти исключительно одни творения Симеона Нового Богослова. Эта Патмосская рукопись и названная копия ее содержат в большей части гимны прп. Симеона, которым предпослано предисловие к гимнам ученика Симеонова Никиты Стифа-

та и полное оглавление гимнов числом 58. Указанное число гимнов, надо полагать, является наиболее полным собранием их, так как в тех описаниях рукописей, где показано число гимнов прп. Симеона, оно является значительно меньшим, и так как Алляций, ознакомившийся с гимнами Симеона по западным рукописям, указывает их не более, не менее, как то же 58, и в том же порядке, что и в Патмосской рукописи. Вот этою-то копией Патмосского кодекса мы и воспользовались для своего перевода, которую постоянно и цитируем в примечаниях к гимнам (для краткости называя ее просто Патмосской рукописью). К сожалению, в ней, как и в самом Патмосском кодексе, уцелели не все гимны, а лишь первых 35 или даже 34, прочие же не сохранились за утратою конца кодекса. Однако эта утрата не столь существенна и важна, ввиду того что все утраченные гимны Патмосской рукописи, начиная с 35-го и до конца, в подлинном тексте имеются в греческом издании творений Симеона, за исключением лишь одного 53-го гимна, который, к сожалению, так и остался для нас неизвестным. Однако следует заметить, что и Патмосская рукопись даже в целом ее виде не дает нам еще полного числа всех написанных прп. Симеоном гимнов: один из панегиристов Симеона говорит о нем, что он составил стихов числом 10 752, между тем как общая сумма стихов, заключающихся в 60 переведенных нами гимнах равняется, по нашему подсчету, приблизительно 10 000; значит, свыше 700 или около 800 стихов Симеона остаются для нас

неизвестными.

Переводить гимны прп. Симеона на русский язык нам пришлось первоначально с латинского их перевода по Патрологии Миня (ser. gr. t. CXX coll. 507–602), перевода, сделанного Понтаном и содержащего в себе 40 глав, или гимнов. Печатное греческое издание творений Симеона Нового Богослова, заключающее в себе во 2-й части подлинный текст 55 гимнов, мы впервые могли увидеть и приобрести лишь на Афоне. Сличив свой перевод с подлинным текстом гимнов и исправив его, мы оставили почти все имеющиеся в латинском переводе гимны в той же внешней форме, в какой перевели их с латинского, то есть в прозаической (так как по-латински они переведены прозою). Те же гимны, которые пришлось переводить прямо с подлинника, мы сочли более удобным перевести постишно; отсюда у нас вполне естественно получилось неоднообразие внешней формы перевода, какового, впрочем, и нельзя было избежать, так как из латинского перевода приходилось делать вставки и добавления к подлинному тексту. Эти вставки и добавления в нашем переводе взяты обычно в скобах и отмечены в примечаниях под строкою, равно как и то, чего нет в латинском переводе по сравнению с нашим греческим текстом, мы также старались отмечать под строкою. Круглыми скобами () отмечены в настоящем переводе не только заимствования из латинского перевода, но и те слова и выражения, которых хотя и нет в греческом тексте, но которые непосредственно в нем под-

разумеваются или скрыты в значении греческих слов; в прямых же скобах [] мы ставили слова, внесенные по необходимости для ясности и смысла речи, и которые, отсутствуя в подлиннике, могут быть подразумеваемы только с наибольшею вероятностью.

В основу настоящего русского перевода гимнов положен подлинный греческий текст их, имеющийся в греческом издании творений Симеона Нового Богослова. Но так как это издание является весьма несовершенным по множеству опечаток и другим упущениям, то при переводе нам немало помог латинский текст гимнов; но несравненно большую услугу оказала нам копия Патмосской рукописи: сличая имеющийся в ней текст гимнов с печатным греческим текстом, мы, во-первых, исправляли по ней его корректурные ошибки, нередко делая при этом предпочтение ее тексту пред печатным, а во-вторых, заимствовали из нее отсутствующие в греческом издании стихи, а иногда и целые большие вставки, что все также отмечено при переводе в подстрочных примечаниях. Кроме того, из Патмосской рукописи нами переведено предисловие к гимнам прп. Симеона, написанное учеником его Никитою Стифатом, которое в греческом издании творений Симеона напечатано не в подлиннике, а на новогреческом диалекте, и еще три гимна: 57, 58 и 59-й, два из которых имеются в латинском переводе, а один – последний – нигде не напечатан. Подлинный текст предисловия Никиты Стифата, трех указанных гимнов и еще одного малень-

кого – самого последнего 60-го гимна, взятого из Афонской Ксенофской рукописи XIV в. № 36 (см. каталог Ламброса, т. I, № 738), напечатан при настоящем переводе в приложении I (которое, равно как и приложение II, имеются не при всех экземплярах настоящего издания). Таким образом то, что переведено здесь на русский язык, но доселе не было издано в печати, все это и дано в подлинном тексте как первое приложение к настоящему изданию.

Четыре последние в нашем переводе гимна: 57-60-й, не вошли в греческое издание творений Симеона по весьма понятным причинам: 57-й гимн – частного характера и, несомненно, написан прп. Симеоном по поводу смерти одного из близких к нему лиц; в 58-м гимне высказываются, и притом весьма откровенно, очень смелые мысли о всецелом обожении человека, которые, однако, тесно связаны со всею богословскою системою прп. Симеона и находят для себя параллели и в других местах его творений; 59-й гимн есть не что иное, как пространное послание, только написанное стихами по одному частному случаю в жизни прп. Симеона, и скорее походит на богословский трактат, чем на гимн; 60-й же гимн есть, собственно, небольшая эпиграмма к одному из слов прп. Симеона. Хотя все эти гимны и не вошли, говорим, в греческое издание творений Симеона Нового Богослова, однако в подлинности их не может быть никаких сомнений. Гимны 57 и 58-й имеются не только в Патмосской рукописи, но указаны и Аллякцием в полном оглавлении гим-

нов Симеона и существуют, кроме того, и в латинском переводе среди других гимнов Симеона. Что 59-й гимн написан именно прп. Симеоном – об этом со всею очевидностью говорит житие его, в некоторых списках которого он целиком даже и помещается. Наконец, 60-й гимн с именем Симеона Нового Богослова имеется во многих рукописях, в которых он помещен обычно при известном слове Симеона «О трех образах внимания и молитвы». Кроме того, нужно сказать, что во всех этих гимнах развиваются излюбленные идеи Симеона Нового Богослова.

Скорее, думается, можно сомневаться в подлинности 54-го гимна, представляющего собою молитву ко Святой Троице. Эта молитва в славянском переводе имеется в некоторых старых рукописных и в старопечатных Следованных Псалтирях, но не с именем Симеона Нового Богослова, а – Симеона Метафраста. Вот одно основание. Другим основанием к тому, чтобы сомневаться в принадлежности этой молитвы Симеону Новому Богослову, может служить то, что она хотя и написана политическими стихами (в 12 слогов), но имеет довольно своеобразную, не встречающуюся в других гимнах Симеона форму, состоящую в неоднократном повторении одного и того же стиха в начале молитвы и в постоянном параллелизме весьма многих выражений и слов во всем почти дальнейшем тексте молитвы. Однако ни то, ни другое основание не являются достаточными для отрицания подлинности этого Симеонова гимна или молитвы. Каким образом

эта молитва могла быть ошибочно надписана именем Симеона Метафраста, об этом сказано нами в примечании к ней. В данном же месте в пользу принадлежности указанной молитвы Симеону Новому Богослову присоединим еще следующее: точный анализ содержания данной молитвы показывает, что она от начала и до конца состоит не только из мыслей, но и выражений, особенно характерных именно для Симеона Нового Богослова, и не содержит в себе почти ничего нового по сравнению с тем, что сказано в прочих гимнах Симеона.

В качестве второго приложения к настоящему переводу гимнов Симеона предлагается (имеющийся не при всех экземплярах) предметный указатель, но не к одним гимнам, а вместе и к словам прп. Симеона, которые переведены на русский язык епископом Феофаном и изданы в двух выпусках, так как при этих последних никакого указателя не имеется. Предлагаем читателям предварительно просмотреть помещенные в конце книги поправки, касающиеся главным образом перевода, и сделать соответствующие исправления в тексте книги.

Иеромонах Пантелеймон (Успенский)

Предисловие Никиты Стифата монаха и пресвитера Студийского монастыря, на книгу Божественных гимнов преподобного отца нашего Симеона[1]

Весьма возвышенное, поднимающееся превыше чувств (содержание) того, что написано здесь, и высота богословия и глубина непосредственного знания его не для всех, думаю, понятна и доступна, потому что, будучи озарена Божественными отблесками неприступного света превыше всякого человеческого разумения, она требует для постижения предлагаемых вещей таковых, которые со здравым разумом окрепли и душевными чувствами, через дыхание Духа окрылены умом к высоте и имеют ясный образ мыслей, весь всецело обращенный к небесам и проникающий в глубины Божии. Поэтому я, воздавая должное почтение учителю (своему)[2], счел весьма благовременным, очень полезным и пригодным предупредить тех, которые пожелали бы разумом склониться сюда, дабы некоторые, худо, разумеется, и без опыта вос-

---

[1] Предлагаемая статья есть предисловие к гимнам прп. Симеона Нового Богослова, написанное учеником его Никитою Стифатом.

[2] То есть Симеону Новому Богослову.

принимающие Божественные, сверхчувственные вещи, по неопытному наблюдению глубин Духа и имея ум, необученный упражнением в Божественных вещах, не причинили самим себе вреда от этих вещей вместо пользы.

Итак, должно знать, что кто предпочитает склониться к писаниям богословов, привлекаемый к этому любовию к чтению, тот прежде всего, будучи верным, должен телом и духом убежать мира и всего вообще находящегося в мире, стряхнувши с себя временное наслаждение удовольствиями – положить, следовательно, доброе основание на твердом камне веры через делание и соблюдение заповедей Христовых и на нем искусно созидать дом добродетелей; совлечься ветхого человека, тлеющего в похотях его, и облечься в здравого, обновляемого во Христа, достигши, конечно, возможно высокого совершенства, пришедши в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Должно же ему еще предочиститься, предосветиться и просветиться Духом; прежде узреть всякую тварь чистым оком ума, научившись прежде ясно предугадывать слова и движения ее; стать вне видимых низменных вещей, то есть превыше всякой плоти и чувства. Потом, ясно открывши уста, силою привлечь благодать Духа и, исполнившись оттуда благ света, соразмерно очищению, внятно богословствовать о бывших в нем свыше священных отображениях. И таким образом, имея как бы дальновидный ум, склониться пред тем, что написано здесь. Я говорю о сочинении, принадлежащем возвышеннейшему

и богословнейшему уму блаженнейшего и треблаженного отца Симеона. Поэтому кто влечется еще вниз грудью и чревом, то есть земными помыслами и вещественными пожеланиями своими, будучи связан узами обольщающего мирского чувства, кто нечист и сильно поврежден в чувствах ума, того мы предупреждаем, чтобы он не дерзал читать написанное здесь, дабы, смотря на лучи солнца с гноем на глазах, не был он ослеплен, потеряв и то слабое зрение очей, (какое имел). Ибо прежде должно очиститься от всякой болезни и нечистоты помыслов, и таким образом приблизиться к чистому и сверхбеспредельному, в беспредельность светящему солнцу, и беседовать с ним – как к тому, которое сообразно нам является чувственным образом, так и к Солнцу правды и посылаемым от Него разумным и мысленным лучам, потому что исследовать глубины Духа свойственно только тем, которые освещены с вершины, конечно, очищения невещественным светом Божиим и стяжали совершенно просвещенный ум, вместе и душу. Прочим же весьма полезно и прилично бить себя в грудь, испрашивая милости свыше.

Итак, могущему верно изучить слова этого божественного отца и исследовать их глубину должно с разумением смотреть на его исступление и обожение, как он, будучи как бы вне плоти и тела и всякого чувства, восхищаем был духом от земли к небесам и к Богу, чудным образом удостоивался Божественных откровений и видел в себе действия Божественного света, богоприлично действовавшие в нем; как он,

одержимый любовию к Богу, как бы уязвленный ею, призывал и называл Его различными Божественными наименованиями, подражая в этом великому Дионисию, и подобным образом совосхищаемый с ним от земли. Так как и в последнем было то же самое: испытывая действия Божественного света, этот высокоумный муж, подобно ему[3], славно воспевал Бога, как Виновника всех вещей, многоименно от всех имеющих (в Нем) причину вещей называя Его «то благим, то прекрасным, то мудрым, то возлюбленным, то Богом богов, то Господом господей, то Святым святых, то Вечным, то Сущим и Виновником веков, то Подателем жизни, то Премудростию, то Умом, то Словом, то Ведущим, то Содержащим все сокровища всякого знания, то Силою, то Сильным, то Царем царствующих, то Ветхим деньми, то Нестареющимся и Неизменным, то Спасением, то Правдою, то Освящением, то Искуплением, то по величию превосходящим все, то являющимся в тонком дыхании ветра, в душах и телах, и в тех, в коих Сам Он пребывает, равно как на небе и на земле, будучи всегда и везде Самому Себе тождественным, находясь в мире и будучи премирным, пренебесным, пресущественным, являясь солнцем, звездою, огнем, водою, дыханием росы, облаком, камнем и скалою – всем существующим и будучи ничем из существующего» (Дионисий Ареопагит). Отсюда и сам великий в Божественных вещах Дионисий в сочинении «О Божественных именах», подобно исступлению в

[3] То есть Симеону.

Боге этого божественно-великого отца, как бы сосвидетельствуя ему через свои писания, говорит совершенно то же: «Итак, Причине всего, существующей превыше всего, прилична и безыменность, и все то, чему принадлежат существующие имена, дабы она точно была царем всего сущего, и около нее было все, и от нее, как Причины, начала и конца, зависело, и сама она, по речению, была всяческая во всех (1 Кор. 15, 28); и по справедливости воспевается основание всего»… И немного спустя: «все в ней просто и неограниченно предшествовало существтствующему по причине всесовершенных доброт одной ее – всевиновной Премудрости, которая от всех существующих вещей соответственным образом воспевается и именуется. Поэтому богословы чтут не одни эти Божественные наименования, заимствованные от частных промыслительных действий ее, совершенных уже или еще предусматриваемых, но и от таких Божественных явлений, просвещавших таинников и пророков, какие когда-либо были в священных храмах или где-либо в другом месте. Сообразно тем или другим причинам и силам они именуют вышеобразную и вышеимянную Благость, прилагая к ней образы и подобия человека, или огня, или янтаря, воспевая глаза ее и уши, лицо и волосы, руки и хребет, крылья и плечи, задняя и ноги, пририсовывая к ней венки и седалища, кубки и чаши и некоторые другие таинственные изображения».

Да, этот божественный муж (Симеон), вконец очистив-

шись душою, о чем громче сильнозвучащей трубы вопиют уже писания его, удостоился великих откровений, неизреченных созерцаний, таинственной беседы и Божественных гласов, свыше чудным образом провозглашенных ему – вкратце сказать, удостоился апостольской благодати, весь возжегшись от Божественного Духа, от Божественного огня. Поэтому, и не вкусив вполне внешнего знания наук, красноречием слов, обилием (Божественных) имен и рассудительностью он выше всякого ритора и мудреца возвысился до высоты премудрости, как поистине мудрый в Божественных вещах и богослов, весьма сведущий в догматах. И не диво. Ибо премудрость Божия, по словам Премудрого, по чистоте своей сквозь все проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя… Она – одна, – говорит он, – но может все и, пребывая в самой себе, все обновляет и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков; ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростию (Прем. 7, 24–25, 27–28). По этой причине, возжелав премудрости, он возлюбил доброту ее и, возлюбив по Соломону, взыскал трудами любомудрия и подвижничества, и обрел ее. Найдя же, умножил со слезами и не без труда, поэтому и дано было ему разумение. Он призвал ее с твердою верою, и сошел на него Дух премудрости; отсюда он в продолжение всей жизни имел от нее неусыпаемый безыскусственный свет. А через него и пришли к нему все вместе блага жизни вечной и неисчис-

лимое богатство премудрости и ведения. Подлинно, бесхитростно научившись от Бога неизреченным таинствам, он без зависти сообщил о них всем через свои писания для духовной радости вместе и пользы. Он не уподобился неразумному рабу, скрывшему данный ему от Бога талант, но, как верный домоправитель, благоразумно не зарыл, по писанному, богатства неисчерпаемой мудрости, которое получил от Бога. Без хитрости, – говорит он, – я научился, и без зависти преподаю, не скрываю богатства ее (Прем. 7, 13). Поэтому язык его – разжженное сребро, душа его полна правды, уста его, как истинного праведника, ведали возвышенные речи, и гортань его изливала благодатные токи и неизреченную Божию премудрость. Происходило же это от великого поистине смиренномудрия его и чистоты. Ибо уста смиренных, – говорит Соломон, – поучатся премудрости; и в добром сердце мужа почиет премудрость, в сердце же неразумных она не познается (ср. Прит. 11, 2; 14, 33). Будучи действительно исполнен смиренномудрия, он непрестанно имел сердечное попечение о премудрости Божией, которая, по сказанному, познается вообще смиренными сердцем, а не неразумными мудрецами мира. И свет Божий поистине всегда был дыханием его. Имея последний в уме, как бы светильник, он говорил и весьма ясно, со знанием писал о том, что умно, как оракул, видели очи его. Я то говорю, говорит он, что видели очи мои. И говоря это, он весьма ясно от существующих вещей воспевал Божество как являющееся общим достояни-

ем для всего сущего. Так как «Благо вообще не пребывает несообщимым ничему из существующего, как говорит великий в Божественных вещах Дионисий, но оно само по себе постоянно благоприлично является в то время, когда осенит сверхсущественный свет через соответствующие озарения каждой из существующих вещей, и к возможному созерцанию себя, сообщению и уподоблению простирает умные умы, как обычно ему, и священноприлично ниспадающие».

Итак, следуя во всем предшествовавшим ему богословам, Симеон не исследовал в гимнах и священно-благоговейных размышлениях того, что сокровенно в Божестве превыше ума и естества, как говорит о богословах Дионисий, а всецело почитая неизреченные таинства благоразумным молчанием, в священных помышлениях простирался к озарявшим его лучам. И ими обильно просвещаемый и освещаемый, проникался от них премирными образами и впечатлениями для богоначальных и богоприличных гимнов и священных песнословий, делался способным к созерцанию даруемого через них соответственно его состоянию Богоначального света и с любовию воспевал благоподателя Господа, как Виновника всякого священноначалия и светоявления. Таков древний вид проявления родоначальной Премудрости. Ибо свыше нисходящая благодать Духа, которая сопребывала с древними верными мужами, издревле любомудрствовавшими отеческой философией, возбуждала таким образом умы их к исполненным любви Божественным гимнам и разного

рода стихословиям. Через это она дивным образом показывала их для современников поэтами – составителями песней, гимнов и Божественных мелодий. Они же обычно соделовались таковыми и премудро достигали этого не от обучения познаниям и совершенного упражнения в науках, но от философии, которая исследует свойства души, от крайнего подвижничества и хранения главных добродетелей. Кто расположен к сказанному, тот пусть убедится в этом из письменного документа, обратившись к Филону иудею, как то: к сочинению его, надписанному таким образом: «О жизни созерцательной, или о молящихся»; из него он узнает достоверность наших слов. Для подтверждения сказанного мы возьмем оттуда некое краткое изречение, где он так говорит: «Таким образом, они не созерцают только возвышенные предметы наблюдением чистого ума, но и составляют в различных стихах и мелодиях песни и гимны, необходимо начертанные наиболее священными числами».

Итак, что богоглаголиво воспето этим отцом в Божественных наименованиях, то говорит и Дионисий великий, посвященный в таинства Божественных речений. Но всякое, как бы сказать, священное песнословие богословов, вырабатывающее выразительные Божественные наименования для благодетельного прояснения Божественной природы, никто не обретет без душевного, разумеется, усилия и не исследовав Божественных Писаний чистым умом. Да и тот же са-

мый отец[4], будучи весьма твердо уверен относительно наших слов, так ясно прибавляет в пользу сказанного, говоря в другой раз: «Боговидные умы, подражая Ангелам, насколько возможно, и соединяясь с ними, то есть с Божественными ангельскими силами (так как у обоженных умов во время прекращения всякой умственной деятельности бывает такое же единение с Пребожественным светом, как и у тех), воспевают его совершеннейшим образом через обнажение от всех существующих вещей. Это поистине – умы, сверхъестественно озаренные по причине блаженнейшего единения с Ним, потому что Он есть виновник всего существующего, Сам же – ничто из существующего, как сверхсущественно изъятый от всего». Итак, зная это, божественный отец Симеон, как премудрый богослов, воспевал Божественную, сверхъестественную природу то как безымянную, то как причину всякого имени именуемого, богословствуя о ней как о безымянно пребывающей превыше всего. С одной стороны, собирая из различных богословских учений то, что является предметом настоящего сочинения, и пользуясь для своих целей сказанным, как бы некоторым образцом, он выступил на путь развития умных Божественных наименований. С другой стороны, рассматривая богозрящим умом богоявленные образы и созерцания, удостоверяемый Божественным преданием апостола, он приложил «Святая святым». И священно усмотренные им Божественные видения

[4] То есть Дионисий.

он без зависти показал тем, которые волею судеб следовали за ним, как первый – вторым и слабейшим, соразмерно с их состоянием, преподав по достоинству священные предметы сознательно и всецело участвующим в священническом совершенстве. «Шуток же и насмешек не посвященных в таинства тех предметов он удалялся, лучше же сказать, тех самых людей, когда некоторые оказывались таковыми, будучи сам свободен от такого богоборчества»[5]. Правда, это удаление он позволял себе делать не для многих, пока был и являлся в живых, хотя и доверял тому великому Дионисию, который так пишет к Тимофею: «Смотри, – говорит, – как бы не обратить тебе в посмешище Святое Святых. Будь же богобоязлив и таинства Божии почитай умным и незримым ведением, храня эти не подлежащие сообщению и непорочные таинства от несовершенных и священноприлично сообщая их одним только посвященным из иереев со священным просвещением. Так предало нам – богопочитателям – богословие». Поэтому и мы, научившись у него этому и зная высоту и глубину и широту его мудрости, через сказанное и настоящее (свое) слово отлучаем совершенно тупых и не посвященных в таинства, не желая износить им этих предметов и ясно раскрывая их одним тем, разумеется, которые имеют уши священно отверстыми по причине попечения их о нравах и о Божественном разумении, просто сказать – святым по жизни и высшему ведению. Ведь этого и божественный

[5] С незначительными изменениями взято у Дионисия.

Павел желает, пиша так к Тимофею: сия предаждь верным человеком, иже довольни будут и иных научити (2 Тим. 2, 2).

Итак, восшедшие от любомудренного деяния к созерцанию и пришедшие в глубину богословских мыслей пусть с верою обратятся к этому исследованием души, и я вполне уверен, они трижды получат великую пользу. Прочие же, ум которых рассеян по многим разным предметам и омрачен тьмою неведения, которые не знают, что означает иногда деяние и созерцание и откровение Божественных таин, те пусть воздержатся от чтения здесь написанного. Ибо имеющие ум, не вмещающий возвышенных речей и откровений, попирают обычно и оскверняют Божественные предметы, не будучи в состоянии возвести взор ни к чему из того, что превышает нас. Тогда как до ангельской жизни всякая душа, будучи бессмертной и умной, возвышается не иначе, как хорошо, наконец, очистившись помощью Божественной силы, согласно словам священнотаинника Дионисия, который говорит таким образом: «Подобно тому, как в некотором круге[6] бывает неблуждающее тело, так и для нее самой (то есть души) во всяком кругообразном движении и единовидном собрании отвне умных сил ее проявляется богодарованный ей благодетельный закон, который, обращая ее от многих внешних предметов и собирая сначала в себя саму, а затем в состояние простоты, соединяет через соединенные воедино ангельские силы. Ибо через них, как доб-

[6] То есть атмосфере или планетной системе.

рых руководителей, души с их добрыми свойствами вслед за священными и святыми умами возводятся к тому же самому благодетельному закону всех вещей и, соответственно очищению их, приобщаются изливаемым оттуда[7] озарениям, по мере силы обильно участвуя в даре Добровидного». Не думаю, чтобы справедливо было возвышенные созерцания ее (то есть души) подвергать опасности и исполненное любви богословствование передавать недоверчивому слабому слуху, заткнутому от зависти и неверия, или, лучше сказать, душам, покрытым густою тьмою неверия и попираемым лошаками и ослами или драконами и змеями, нечистыми, говорю, и гибельными страстями, потому что святые предметы несообщимы для всех, ведущих жизнь собакообразную и свинообразную. Таковым они не даются, как оракул; им, конечно, и не бросают жемчужин слова. Восходящим же через крайнюю чистоту до подобного состояния святости предметы эти сообщаемы бывают с несказанным и Божественным наслаждением для них, и так как они суть ясные светы и порождения Божественного огня, то и усваиваются направленной к ним мудростью и возвышенностью. Да будет так.

После же того, как поистине божественная и чистейшая душа наставника нашего возвысилась до таковой высоты и удостоилась таких видений и такой благодати рыбарей – апостолов, достигши, благодаря светлости огненного ума своего, того благодетельного закона всех вещей; теперь все души

---

[7] То есть от того закона или, лучше, Самого Законодателя – Бога.

праведных, восходя на ту же высоту, обильно приобщаются озарениям ее. О чем во всеуслышание вещают творения его – излияния любви в его Божественных гимнах – как не о том, что святая душа его растворилась с Тем, Кто свят по природе, и с древними святыми, как свет со светом, огонь с огнем и луч с солнцем, как вторичное с первичным, как образ и подобие со своим Первообразом и Самою Истиною? Как не воспеть гимнами ту душу, которая, будучи достойна всяких гимнов и похвальных слов, превосходит их и всякую славу земную, вместе и человеческую? Да падет же зависть, всегда завидующая добру, и да будет восхвален Симеон, весьма достойный гимнов и всяких хвалений. Ради этого и мы со священными свидетельствами наиболее пространно изложили это слово, направленное против порицателей святых. Ведь если эти откровения и голоса не суть гласы Божии и души обожившейся, бывшей вне всякого мирского чувства и всецело святой, то едва ли что-либо другое из дел человеческих, совершаемых нами со всяким усердием, может показаться вполне возможным для Бога и похвальным для людей, хотя для высшей Божией мудрости и знания и это не является славным и знаменитым.

Итак, эти (строки) к исполненным любви Божественным гимнам учителя предложены нами ради одержимых завистью к добру, неверием и неведением, чтобы те, которым в первый раз попадутся они, или пусть сделаются лучшими по самому намерению, став выше зависти и клеветы, дабы про-

славить, насколько возможно, того, кто славил Бога деянием, и словом, и созерцанием, освятив в своих членах то имя, которое превыше всякого имени, или, как не вкусившие (духовных) благ и совершенно не вмещающие по причине присущей им тупости возвышенных созерцаний, пусть и в руки не берут этих гимнов и не исследуют с любопытством того, что написано здесь.

Начало Божественных гимнов, то есть введение

Приииди, Свет истинный. Прииди, Жизнь вечная. Прииди, сокровенная Тайна. Прииди, Сокровище безымянное. Прииди, Вещь неизреченная. Прииди, Лицо непостижимое. Прииди, непрестанное Радование. Прииди, Свет невечерний. Прииди, всех хотящих спастися истинная Надежда. Прииди, лежащих Восстание. Прииди, мертвых Воскресение. Прииди, могучий: все всегда делающий, преобразующий и изменяющий одним хотением. Прииди, невидимый, совершенно неприкосновенный и неосязаемый. Прииди, всегда пребывающий неподвижным и ежечасно весь передвигающийся и приходящий к нам, во аде лежащим – Ты, превыше всех небес пребывающий. Прииди, Имя превожделенное и постоянно провозглашаемое, сказать же, что именно – Ты, или узнать, каков Ты и какого рода, нам совершенно невозможно. Прииди, Радость вечная. Прииди, Венок неувядающий. Прииди, великого Бога и Царя нашего Порфира. Прииди, Пояс кристалловидный и драгоценными камнями усеянный. Прииди, подножие неприступное. Прииди, царская Багряница и поистине самодержавная Десница. Прииди Ты, Которого возлюбила и любит несчастная душа моя. Прииди Один к одному, потому что я один, как Ты видишь. Прииди, отделивший меня от всех и соделавший на земле одино-

ким. Прииди, Сам соделавшийся желанием во мне и сделавший, чтобы я желал Тебя, совершенно неприступного. Прииди, Дыхание и Жизнь моя. Прииди, Утешение смиренной души моей. Прииди, Радость и Слава и беспрестанная Утеха моя. Благодарю Тебя, что Ты, сущий над всеми Бог, сделался единым духом со мною неслитно, непреложно, неизменно, и Сам стал для меня всем во всем: пищей неизреченной, совершенно даром доставляемой, постоянно преизливающейся в устах души моей и обильно текущей в источнике сердца моего, одеянием блистающим и демонов попаляющим, очищением омывающим меня непрестанными и святыми слезами, которые присутствие Твое дарует тем, к которым приходишь Ты. Благодарю Тебя, что Ты сделался для меня Днем невечерним и Солнцем незаходимым – Ты, не имеющий, где сокрыться, и все вместе наполняющий славою Твоею. Ведь Ты никогда ни от кого не скрывался, но мы, не желая прийти к Тебе, сами скрываемся от Тебя. Да и где Ты сокроешься, нигде не имеющий места упокоения Твоего? или зачем бы Ты скрылся, никого решительно не отвращающийся, никем не гнушающийся? Итак, вселись во мне ныне, Владыка, и обитай и пребывай во мне, рабе Твоем, Блаже, нераздельно и неразлучно до смерти, дабы и я во исходе моем и по исходе в Тебе находился, Благий, и соцарствовал с Тобою – Богом, сущим над всеми. Останься, Владыка, и не остави меня одного, чтобы враги мои, всегда ищущие поглотить душу мою, придя и найдя Тебя, пребывающим во мне, совершенно убе-

жали и не укрепились против меня, увидев Тебя, крепчайшего всех, упокоевающимся внутри, в доме смиренной души моей. Ей, Владыка, как вспомнил Ты меня, когда я был в мире, и, не знавшего Тебя, Сам избрал меня, отделив от мира и пред лицом славы Твоей поставив, так и ныне через обитание Твое во мне соблюди меня всегда внутри стоящим и неподвижным. Дабы, непрерывно созерцая Тебя, я, мертвый, жил и, имея Тебя, я всегда, бедный, был богат и богаче всех царей и, едя и пия Тебя, и ежечасно облекаясь в Тебя, я ныне и в будущем наслаждался неизреченными благами. Ибо Ты – всякое Благо и всякая Утеха, и Тебе подобает слава Святой и Единосущной и Животворящей Троице, во Отце и Сыне и Святом Духе почитаемой, познаваемой, поклоняемой и служимой всеми верными, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Гимн первый

О том, что Божественный огонь Духа, коснувшись душ, очистившихся слезами и покаянием, охватывает их и еще более очищает; освещая же помраченные грехом части их и врачуя раны, он приводит их к совершенному исцелению, так что они блистают Божественною красотою

Поистине Божество есть Огонь, как сказал Владыка, так как Он пришел, чтобы низвести его… (см. Лк. 12, 49). Но на какую землю, скажи мне? – На людей, конечно, земное мудрствующих. О том, что Он хотел и хочет возжечься во всех, послушай, чадо, и познай глубину Божественных таинств. Итак, какого рода этот Божественный огонь? Не считаешь ли ты его видимым, тварным или уловимым? – Он отнюдь не таков. Если бы ты был посвящен в его тайну, то достоверно бы знал, что он неудержим, несотворен, невидим, безначален и нематериален, совершенно неизменен, равно как неописуем, неугасим, бессмертен, совершенно неуловим, будучи вне всех тварей: вещественных и невещественных, видимых и невидимых, бестелесных и телесных, земных и небесных – вне всех их пребывает он по природе, по сущности и, разумеется, по власти. Итак, скажи мне, в какое вещество ввергается он? – В души, преизобильно имеющие главнее всего

милость и прежде этого и вместе с этим веру и дела, ее подтверждающие. Когда приобретены бывают эти добродетели, тогда, как в светильник, полный елея и пакли, Владыка ввергает огонь, которого мир не видел и не может видеть. Миром же я называю находящихся в мире и мирское мудрствующих.

Подобно тому, как светильник возжигается тогда (я говорю в чувственных образах), когда прикоснется к огню, так, духовно разумей, и Божественный огонь, прикасаясь к душам, воспламеняет их. Прежде чем прикоснется, как он может возжечь? а прежде чем не будет ввержен, как прикоснется? Поистине, никак не может. Когда же светильник горит и ясно всех освещает, не погаснет ли он, если не станет елея?

Но обрати внимание на нечто другое – важнейшее, что более всего меня устрашает. В то время, когда светильник мой ярко горит при изобилии елея и пакли, мышь или какое-либо другое животное, придя, опрокидывает светильник или, вылизав мало-помалу, уничтожает елей и съедает паклю – и лампада угасает. Еще удивительнее то, что когда пакля, называемая фитилем, вся погружается в елей, тогда огонь тотчас угасает – и светильник мой, перестав светить, делается совершенно темным. Под светильником разумей душу мою, под елеем – добродетели, фитиль же – это ум мой. Появляясь в нем, Божественный огонь освещает душу, вместе и весь дом тела моего и находящихся в доме, то есть мысли и намерения. Так бывает, когда огонь этот светит. Если же появится зависть, или злопамятство, или славолюбие, или

какая-либо другая похоть некоего удовольствия или страсти и опрокинет светильник, то есть (доброе) расположение души моей, или вылижет елей, говорю, добродетелей, ум же мой, который, как я сказал, поистине есть фитиль, имеющий в себе ярко светящий Божественный свет, либо весь поглотит дурными мыслями, либо весь погрузит в елее, то есть когда ум, помышляя о своих добродетельных деяниях, впадет в самомнение и ослепнет – если от одной из этих причин или от чего-либо другого светильнику моему случится угаснуть, то, скажи мне, где тогда будет огонь, или что сделается с ним? останется ли он в светильнике или исчезнет из него? О, неразумие, о, безумие! Как можно допустить, чтобы светильник возжегся без огня или огонь остался в нем без вещества? Ведь огонь всегда ищет и стремится охватить вещество. Но наше дело, конечно – изготовлять это вещество и вполне охотно представлять самих себя в качестве светильников с елеем – украшенных всякими добродетелями, фитиль же ума держать прямо, чтобы он, коснувшись огня и мало-помалу возжегшись, оставался в таком состоянии у тех, которые стяжали последний. Иначе ведь этот огонь (пусть никто не обольщается) – невидим, недержим и совершенно неуловим, потому что он, как сказал я, пребывает вне всех тварей; неуловимо же уловимым делается он через неизреченное соединение и описуемым точно так же в неописуемом образе.

Не исследуй же этого вовсе ни на словах, ни в мыслях, но

проси ниспослать тебе тот огонь, который научает и ясно показывает стяжавшим его все это и еще более таинственные вещи неизреченным образом. Внимай же, чадо, этим сокровеннейшим таинствам, если желаешь. Когда Божественный огонь воссияет, как сказал я, и прогонит рой страстей, и дом души твоей очистит, тогда он смешивается с нею без смешения и соединяется несказанно, существенно с сущностью ее, весь со всею совершенно, и мало-помалу озаряет ее, делает огнем, просвещает, и притом как? – так, как и сказать я не могу. Тогда двое, душа с Творцом, делаются едино, и в душе пребывает Творец, Один с одною весь Тот, Кто дланию Своею содержит всю тварь. Не сомневайся, Он весь с Отцом и Духом вмещается в одной душе и душу внутри Себя объемлет. Разумей, смотри, внимай этому. Я ведь сказал тебе, что душу содержит внутри Свет, нестерпимый и неприступный для Ангелов, опять же и Сам в душе обитает, отнюдь не сожигая ее. Познал ли глубину таинств? – человек, малый среди видимых вещей, тень и прах, имеет внутри себя Бога всего, на одном персте Которого повешена тварь и от Которого всякий имеет бытие, жизнь и движение. От Него – всякий ум, душа и разум разумных существ, неразумных же – дыхание. Оттуда же происходит бытие всех животных, как одаренных умом, так и одаренных чувствами. Имеющий Его, кто бы он ни был, и носящий внутри себя, и созерцающий красоту Его, как стерпит он пламя желания? как снесет огонь любви? как не источит горячих слез от сердца? как поведает

чудеса эти? как исчислит то, что совершается в нем? как и умолчит совершенно, будучи принуждаем говорить? Ибо он видит себя во аде, благодаря сиянию, говорю, света. Никто ведь из сидящих там не может познать себя прежде озарения Божественным светом; но все они находятся в неведении о том мраке, тлении и смерти, коими одержимы. Однако душа та, говорю я, видит просвет и понимает, что вся она находилась в страшнейшей тьме, под крепчайшею стражей глубочайшего неведения. Тогда видит она, что все то место, где она заключена, есть болото, наполненное нечистыми ядовитыми гадами. Себя же саму она видит связанной и скованной узами по рукам вместе и по ногам, иссохшей и загрязненной, вместе с тем израненною укушениями змей, и что плоть она носит вспухшую и со множеством червей. Видя это, как не содрогнется она? как не восплачет? как не вскричит, горячо каясь и прося исторгнуть ее от тех страшных уз? Всякий, кто бы действительно увидел это, и восстенал бы, и взрыдал, и пожелал бы последовать Источнику света – Христу.

Итак, когда я делаю то, что сказал, и припадаю к Источнику света (хорошо внимай словам моим), Он касается руками моих уз и ран и, где прикоснется рукою или приблизится перстом, там тотчас разрешаются узы, черви вымирают, исчезают раны, и вместе с ними спадает грязь и мелкие пятна плоти моей. Все это стягивается и заживает так хорошо, что на месте раны совершенно не видно бывает рубца, но скорее Он соделовает то место блистающим, подобно

Божественной руке Своей – и дивным чудом бывает тогда плоть моя! Не только, говорю, существо души, но также и члены тела моего, приобщившись Божественной славы, блистают Божественным светом. Видя, как это совершилось над частью тела моего, как не пожелаю я и не стану молить о том, чтобы и все мое тело избавилось от зол и точно так же получило то здравие и ту славу, о каких я сказал? И когда я делаю это, лучше же, и еще горячее молюсь, и когда соразмерно чудесам изумляюсь, благий Владыка, передвигая Свою руку, касается прочих частей тела моего; и я вижу, как они таким же образом, как раньше сказано, очищаются и облекаются в Божественную славу. Итак, лишь только я очистился и освободился от уз, Он подает мне Божественную руку, поднимает из болота, весь, обнимая меня, падает на шею и (увы мне! как я стерплю это) беспрестанно целует меня. Когда же я весь изнемог и лишился сил (горе мне, как напишу я это), Он берет меня на плечи – о любовь, о благость! – изводит из ада, от земли и из мрака и вводит меня в иной либо мир, либо воздух, чего вообще я не могу выразить. Я знаю только, что свет меня и носит, и содержит, и возводит к великому Свету, Коего великое Божественное чудо совершенно не в силах, думаю, изречь или высказать друг другу даже Ангелы. Когда я был там, Он снова показал мне то, скажу тебе, что находится во свете, лучше же, что от света, дал мне уразуметь то дивное воссоздание, которым Сам воссоздал меня, избавил меня от тления и всего меня освободил от смерти с ощу-

щением этого, даровал мне бессмертную жизнь, отделил меня от тленного мира и присущих миру вещей, облек меня в невещественную и световидную одежду, надел также обувь, перстень и венец – все нетленное, вечное, необычайное для здешних вещей, сделал меня неощутимым, неосязаемым и – о чудо! – невидимым, подобно тем невидимым (вещам), с которыми соединил меня.

Итак, сделав меня таковым и таким образом, Создатель ввел меня в чувственное и телесное жилище, заключив меня в нем и запечатав. Низведя же в чувственный и видимый мир, Он опять определил жить и сопребывать мне, освободившемуся от тьмы, с пребывающими во тьме, то есть запереться с теми, которые находятся в болоте, лучше же, учить их, приводя в познание того, какими ранами они обложены и какими узами держимы. Заповедав мне это, Он удалился. Итак, будучи оставлен один, в прежней, говорю, тьме, я недоволен был теми неизреченными благами, которые Он даровал мне, всего меня обновив, всего обессмертив и Христом соделав, но, лишившись Его, забыл о всех тех благах, о которых сказал и (коих) считал себя лишенным. Поэтому, как прикованный к одру прежних болезней, я терзался и, сидя внутри своего жилища, как бы заключенный в гробе или в бочке, плакал и сильно рыдал, совершенно ничего вне себя не видя. Ибо я искал Того, Кого возжелал, Кого возлюбил, красотою Которого был уязвлен; возжегшись, я горел и весь пламенел. Итак, когда я таким образом проводил жизнь,

так плакал, истаивая от слез, и, как бы бичуемый, вопил от сильной боли, Он, услыша мой вопль, приклонился с недомысленной высоты и, увидев меня, сжалился, и снова сподобил меня увидеть Его – невидимого для всех, насколько доступно то человеку. Увидев Его, я весьма удивился, будучи заперт в жилище, и заключен в бочке, и находясь среди тьмы, то есть чувственного неба и земли, потому что сам я – тьма. Так как всех людей, мысли которых прилепляются к чувственным предметам, эти последние покрывают густою тьмою.

Однако, находясь среди этих предметов, я, как сказал, умно увидел Того, Кто и прежде был и ныне пребывает вне всех вещей; и удивился, изумился, устрашился и возрадовался, размышляя о чуде, как я, находясь среди всех вещей, вижу пребывающего вне всего – один вижу Того, Кто меня видит, не зная, где Он, сколь велик и какого рода, или каков Тот, Кого я вижу, или как я вижу, или что вижу. Однако, видя это видение, я плакал, что совершенно не мог ни знать, ни помыслить или сколько-нибудь уразуметь тот способ, как я Его вижу и как Он меня видит. Итак, я снова увидел Его внутри своего жилища – бочки, что Он весь внезапно пришел, невыразимо соединился, неизреченно сочетался и без смешения смешался со мною, как огонь в железе и как свет в стекле. Он и меня сделал как бы огнем, показал как бы светом, и я стал тем самым, что видел пред этим и созерцал вдали, не зная, как выразить тебе тот невероятный способ. Ибо я и то-

гда не мог познать и теперь совершенно не знаю, как Он вошел и как соединился со мною. Будучи же соединен с Ним, как я изъясню тебе, Кто – Тот, Который соединился со мною и с Кем я взаимно соединился. Боюсь и трепещу, как бы, в случае расскажу я, а ты не поверишь, не впал ты, брат мой, по неведению в богохульство и не погубил свою душу. Однако если я и Тот, с Кем соединился я, стали едино, то как назову я себя? – Богом, который двояк по природе и един по ипостаси, так как Он двояким меня соделал. Сделав же двояким, Он двоякое поэтому и имя, как видишь, мне дал. Смотри различие: я – человек по природе и Бог по благодати. Видишь, о какой я говорю благодати? – о том единении, которое бывает с Ним чувственным образом и умным, существенным и духовным. Об умном единении я говорил уже тебе разнообразно и разносторонне; чувственным же – я называю то, которое бывает в таинствах. Очистившись покаянием и потоками слез и приобщаясь обоженного Тела, как Самого Бога, я и сам делаюсь Богом через неизреченное соединение. Итак, вот таинство: душа и тело (повторяю от великой и чрезмерной радости) в двух сущностях бывают едино, то есть едино и два они бывают, приобщаясь Христа и пия Его Кровь; соединяясь с Богом моим обоими сущностями и природами также, они делаются Богом по причастию. Поэтому одноименно и называются именем Того, Кого существенно приобщились. Ведь уголь называют огнем, и черное железо, когда оно раскалено в огнь, кажется как бы ог-

нем. Итак, чем предмет кажется, тем и называется: кажется огнем, огнем и называется. Если ты не опознаешь себя таковым, то не отказывайся, по крайней мере, доверять тем, которые говорят тебе об этих вещах. Но от всего сердца своего взыщи, и получишь жемчужину, или каплю, или как бы горчичное зерно, как искру – Божественное семя.

Но как ты будешь искать то, о чем я говорю тебе? – Внимай и тщательно исполняй, и ты вскоре найдешь. Возьми ясный образ камня и железа, потому что в них заключена, конечно, природа огня, хотя она совершенно не видна. Однако, сталкиваясь друг с другом, они испускают одну за другой огненные искры, но, показываясь в своем прежнем виде, все же не зажигают, доколе не коснутся вещества. Когда же с последним соединится самая малая вышедшая из них искра, то она мало-помалу зажигает вещество, испускает вверх пламя и освещает дом, прогоняя тьму и давая возможность видеть всех находящихся в доме. Видел ли диво? Итак, скажи мне, как камень и железо, прежде чем много раз не столкнутся, могут испустить искры? Без искры же как вещество может само собою зажечься? а прежде чем не возжжется, как оно станет светить или как тьму прогонит, давая тебе возможность видеть? – Никоим образом, скажешь ты мне, конечно, невозможно этому быть. Так старайся же таким образом делать и ты, и получишь. Что, говорю, получишь? – искру Божественной природы, которую Творец уподобил многоценной жемчужине и горчичному зерну. Но что

же должно тебе, говорю, делать? – Терпеливо внимай, чадо. Пусть будет у тебя душа и тело вместо камня и железа, ум же, как самодержавный властитель страстей, пусть упражняется в добродетельных деяниях и богоугодных мыслях; содержа умными руками тело, как камень, душу же, как железо, пусть он влечет их и силою принуждает к этим деяниям, потому что Царство Небесное силою берется (см. Мф. 11, 12). Но о каких деяниях я говорю тебе? – о бдении и посте, горячем покаянии, печали и потоках слез, неусыпной памяти смертной, беспрестанной молитве и терпении всевозможных находящих искушений. Прежде же всего этого – о молчании, глубоком смирении, совершенном послушании и отсечении своей воли. Упражняясь в таких и таковых деяниях и будучи всегда занята ими, душа делает прежде всего ум твой способным к восприятию озарений. Но последние скоро угасают, потому что ум не утончился еще настолько, чтобы тотчас возжигаться. Когда же Божественный луч коснется и сердца, тогда и его осветит, и ум очистит и на высоту поднимет и, возведя на небо, соединит с Божественным светом.

Прежде чем ты не сделаешь того, о чем говорю я, как, скажи мне, можешь ты очиститься? а прежде нежели очистишься, как ум твой может воспринять Божественные озарения? Каким образом, скажи мне, и откуда иначе Божественный огонь может упасть в твое сердце и возгореться в нем, и его возжечь, и воспламенить, и соединить, и сочетать с Богом, сделав творение нераздельным с Творцом? – Никоим обра-

зом, скажешь ты мне, этого не может быть ни с кем ни из рожденных, ни из имеющих родиться. Что следует затем, не спрашивай… Ибо если соединишься со Светом, то Он Сам всему научит тебя, и все откроет, и покажет, сколько полезно тебе научиться, потому что иначе невозможно тебе посредством слов научиться тому, что находится там. Господу нашему слава во веки веков. Аминь.

Гимн второй

О том, что страх рождает любовь, любовь же, будучи Божественным и Святым Духом, искореняет из души страх и остается в ней одна

Как воспою я, как прославлю, как достойно восхвалю Бога моего, препобедившего множество грехов моих? как вообще я воззрю на высоту? как возведу очи, как открою уста, Отче? как двигну губами своими, как протяну руки свои к высоте небесной? какие слова я найду, какие изречения употреблю? как дерзну говорить я? как стану просить отпущения безмерных падений и многих прегрешений моих? – Поистине я совершил дела, превышающие всякое прощение. Ты знаешь, Спаситель, о чем говорю я. Противоестественными делами я превзошел всякое естество и явился худшим бессловесных: всех животных морских и всех скотов земных. Преступив Твои заповеди, я поистине сделался хуже гадов и зверей. Итак, осквернив свое тело и душу, как явлюсь я к Тебе? как воззрю на Тебя? как вообще посмею, несчастный, стать пред лицом Твоим? как не убегу от славы Твоей и блистающего света Святого Твоего Духа? как не пойду один я во тьму, соделав дела тьмы и будучи отлучен от сонма святых? как я, несущий отсюда уже от дел своих осуждение, стерплю тогда глас Твой, отсылающий меня во тьму? Весь дрожа

и трепеща, одержимый страхом и ужасом, я взываю к Тебе: знаю, Спаситель, что никто другой не согрешил пред Тобою, как я, ни деяний таких не сотворил, какие именно я, несчастный, соделал, будучи виновником погибели для других. Но, с другой стороны, я знаю и то и уверен, Боже мой, что ни великость преступлений, ни множество грехов, ни постыдность деяний никогда не превзойдут многого, лучше же, премногого человеколюбия Твоего и того превышающего ум и слово милосердия Твоего, которое Ты обильно изливаешь на горячо кающихся грешников, очищая и просвещая их, без зависти соделовая причастниками света и общниками Божества Своего и (что чудно для Ангелов и для человеческих мыслей) часто беседуя с ними, как с истинными друзьями Твоими.

О благость беспредельная, о любовь неизреченная! Поэтому я и припадаю к Тебе, горячо взывая: как принял Ты блудного сына и блудницу, пришедших к Тебе, так приими, Милостиве, и меня, от души кающегося… Вменив, Христе мой, капли слез моих как бы в источники, всегда текущие, омой ими душу мою, омой и скверны тела моего, которые – от страстей. Очисти и сердце мое от всякого лукавства, потому что оно есть корень и источник греха. Лукавство есть семя лукавого сеятеля; а где оно есть, там и произрастает, и поднимается вверх, и производит весьма много ветвей лукавства и злобы. Его-то корни из глубины исторгнув, Христос мой, и очистив ниву души и сердца моего, всади в них

страх Твой, Милостиве. Дай ему укорениться и хорошо взойти, дабы он высоко возрос на страже заповедей Твоих, ежечасно возращаемый умножением слез и слезных потоков, будучи орошаем которыми, он все более растет и поднимается вверх. Соразмерно страху и вместе с ним возрастает и смирение, от смирения же исчезают все страсти, а с ними прогоняется и полчище демонов. Все же прочие добродетели вокруг этой царицы добродетелей являются как бы стражами, подругами и служанками, сопровождающими госпожу. Когда они бывают собраны вместе и соединены друг с дружкой, тогда среди них, как древо при исходищах вод (см. Пс. 1, 3), произрастает страх, насажденный Тобою, и мало-помалу показывает необычайный для меня цвет. Необычайный, сказал я, потому что всякая порода рождает по роду своему, и семя всех деревьев в каждом из них бывает по роду его. Страх же Твой показывает и цвет необычайной породы и плод также необычный и не подходящий к нему. Так как страх естественно полон уныния и стяжавших его беспрестанно печалит, делая их как бы рабами, заслужившими многих ударов, которые с часу на час ожидают посечения смерти, видя косу ее и не зная только последнего момента. Не имея ни надежды, ни полной уверенности в совершенном помиловании, они дрожат и трепещут конца, томясь неопределенностью и постоянно ожидая окончательного судебного приговора. Итак, тот цвет, который приносит страх, неизъяснимым по виду и еще более неизъяснимым по образу, потому что,

расцветая, он бывает видим, но тотчас же исчезает, что не естественно и не последовательно, но вопреки естеству природы превосходит всякую природу. Между тем цвет кажется столь прекрасным, что превосходит всякое слово и увлекает весь ум мой к созерцанию себя, не позволяя ему помнить ничего внушаемого страхом, но производит у меня тогда забвение всех этих вещей, и вскоре… улетает. Дерево же страха снова бывает без цвета; когда же я, отдавшись печали, воздыхаю и горячо взываю к Тебе, снова вижу цвет на ветвях дерева. Устремив взор, о Христе мой, на один цвет, я не вижу тогда дерева, но все более и более расцветающий цвет, который, привлекая всего меня к себе любовию, переходит в плод любви и исчезает. Плод же этот не терпит, чтобы его носило дерево страха, но когда вполне созреет, тогда кажется одним без дерева, потому что в любви совершенно нет страха, однако без страха этот плод не может родиться в душе.

Поистине это есть чудо, превосходящее слово и всякую мысль, что дерево, возделываемое с помощью труда, дает цвет и приносит плод, плод же его, искореняя все дерево, остается один сам по себе. Каким образом плод бывает без дерева – я совершенно не могу изъяснить. Между тем любовь остается и пребывает без страха, который породил ее; поэтому она подлинно есть всякая радость и того, кто приобрел ее, исполняет радости и веселия, изводя его чувством вне мира, чего совершенно не в состоянии произвести страх, потому что, пребывая среди видимых и чувственных вещей,

как он может удалить от них того, кто имеет его, и чувством сочетать всего его с невидимым? Цвет же и плод, рождаемый страхом, пребывая вне мира, способен и ум восхищать, и душу с ним поднимать и уносить вне мира. Но как любовь уносит их вне мира – мне бы хотелось, говоришь, точно знать? Ясно выразить это, как я говорил уже, невозможно; однако внимай, и я скажу тебе.

Любовь эта есть Божественный Дух. Об этом говорили те (ученики[8]), когда для них стал невидим Владыка. Она есть тот всесовершающий и просвещающий Свет, который был в них. Однако же этот Свет не от мира, ни вообще что-либо из мира и не тварь, так как Он несозданный и пребывает вне всех тварей, как нетварный среди тварных вещей. Разумей, что я говорю тебе, чадо. Ибо Он отделен от них. Несозданный же никоим образом не может сделаться тварью.

Но если бы пожелал, то и это Ему возможно сделать, потому что Слово содействием Духа и благоволением Отца действительно сделалось неизменно совершенным человеком. Будучи по природе Богом несозданным, Оно неизреченным образом сделалось сотворенным и, обожив воспринятое, в двух действованиях и двух также волях показало мне двоякое чудо: видимого и невидимого, держимого и недержимого, явившегося как тварь среди всех тварей, а не случайно и призрачно ставшего тварью, как думали некоторые. Оно совершенно не было призрачным, но, находясь среди чув-

---

[8] Здесь разумеются Лука и Клеопа (см. Лк. 24, 31–32).

ственных тварей, Слово было видимо соединенным с воспринятым, как тварь. Восприняв же тварь и скрывая или возводя ее на высоту в славу Свою – это жилище Его, славу, превосходящую наше разумение, Оно тогда внезапно сокрылось[9]. Ибо Творец всего, будучи невместим для всех тварей как Бог, все наполняющий, как иначе мог бы сокрыться? Или ты станешь переставлять Владыку с одного места на другое и будешь утверждать, что Он таким образом скрылся от взоров святых апостолов? Прочь, чтобы по неведению не впасть тебе в богохульство.

Если же угодно, то слушай о действиях любви, и ты узнаешь, каким образом она является выше всего. Чего именно всего? Но разве ты не слыхал слов апостола (см. 1 Кор. 13, 1–3), что иметь любовь выше, нежели говорить языками ангельскими и всеми человеческими, иметь всю веру, так что и горы переставлять, обладать всяким ведением и знать глубину таинств, расточить все богатство и самому сделаться нищим и даже тело предать за Христа на сожжение? Любовь настолько выше всего этого, что без нее ни одна из этих добродетелей, ни все они вместе совершенно не принесут никакой пользы стяжавшему их. Поэтому кто лишен и любви, и всех названных добродетелей, то где он, скажи мне, окажется? что будет делать? как дерзнет вопрошающим его назвать себя верным? Итак, внимай словам моим о любви. Сижу ли я в келлии ночью или днем, любовь невидимо и неведомо со-

---

[9] Речь идет о вознесении Христа.

присутствует мне. Будучи вне всех тварей, но в то же время и со всеми, она есть огонь и свет, она бывает облаком света и делается солнцем. Итак, как огонь, она согревает душу мою и воспламеняет сердце, возбуждая в них желание и любовь к Творцу. Когда же я воспламеняюсь душою и делаюсь подобным огню, она, как светоносное сияние, вся летает вокруг меня, испуская в душу мою блестящие лучи и, просвещая ум мой и делая его зрячим, показывает его способным к высоте созерцания. Это именно и есть то, что я назвал раньше цветом страха. Видя этот Свет и исполнившись несказанной радости, я недолго, однако, радовался тому, что видел, так как, принесши мне Божественную радость, Он удалился, сосхитив с Собою ум мой, и чувство, и всякое мирское желание. Последовав за Ним, ум мой хотел уловить явившийся мне Свет, но не нашел его тварным и не мог оказаться совершенно вне тварей, чтобы уловить этот несозданный и неуловимый Свет. Однако ум мой все обошел, пытаясь увидеть Его: обыскал воздух, обернулся по небу, исходил, кажется, в поисках бездны и концы мира; но ничего во всем этом не нашел, так как все это – тварное. Поэтому я плакал, печалился и сгорал внутренно и, будучи в исступлении как бы бесчувственным, проводил так жизнь. После же Он пришел, когда захотел, и, спустившись в виде светлого облака на мою голову, весь, казалось, осел и заставлял меня, бывшего в исступлении, кричать. Однако, опять улетев, Он оставил меня одного; когда же я тщательно начал искать Его, то

снова всего Его внезапно нашел в себе и узнал, увидев внутри своего сердца, поистине как светило или как диск солнца. Явившись таким образом и будучи ясно узнан мною, Он обратил в бегство толпу демонов, прогнал робость, внушил мне мужество и, обнажив ум мой от мирского чувства, облек меня в одежду умного чувства. Отлучив же меня от видимого и сочетав с невидимым, Он дал мне видеть Несотворенного и радоваться тому, что я отделился от вещей тварных, видимых и скорогибнущих и соединился с Несотворенным, Нетленным, Безначальным и для всех Невидимым. Ибо это есть любовь.

Потечем же, верные, ревностно на труд, поспешим, нерадивые, пробудимся, ленивые, чтобы, обладая любовию, нам еще в большей степени сделаться ее причастниками и, перейдя таким образом отсюда и будучи с нею и вне видимых вещей, с нею же предстать Творцу и Владыке. Дабы в противном случае, оказавшись без нее, то есть без любви, среди видимых вещей и среди тварей, не были мы оставлены, как твари, в огне и тартаре и страшных мучениях. Если бы можно было спастись без нее, о Христе мой, то каким образом? – Нет, нет, это никоим образом невозможно. Если мы отделимся от света, то как избежим тьмы? если лишимся радости, то как освободимся от печали? оказавшись вне брачного чертога, как мы будем внутри его сорадоваться с находящимися там? будучи извержены из Царствия, от Твоего, говорю, Спасителю, взора, какое иное возможем мы найти

спасение, какое утешение или в каком ином месте? Поистине и совершенно невозможно найти такого места, хотя бы некоторым неразумно и представлялось оно. Ибо неразумен тот, кто говорит о нем.

Но, быть может, кто-либо, возражая, скажет неразумно: как вне Царства Небесного, вне чертога и сонма праведников не будет иного места спасения или упокоения? – Неразумный, говорит любовь, не слыхал ли ты, что праотец твой Адам, преступив одну заповедь в раю, обнажился от Божественной славы и вместе с Евой был немедленно изгнан из рая, получив вместо наслаждения жизнь, исполненную потов, и праведный приговор от Бога жить и умирать. Так, полагай, будет и во время суда с тем, кто действительно окажется обнаженным от Божественной славы, как и Адам. Первой же из всех добродетелей, царицей и госпожой поистине является любовь. Она всем им глава, одежда и слава. Без главы же тело мертво и бездушно. Равно и тело без одежды не будет ли нагим? Так и добродетели без любви тщетны и бесполезны; так обнажен от Божественной славы и тот, кто не имеет любви, и, хотя бы он имел все добродетели, предстанет обнаженным и, не снося наготы своей, пожелает лучше скрыться, так как вместе со стыдом он будет иметь и осуждение и услышит от Судии всех: не вем тя. Пришедши на землю, Творец воспринял душу и плоть, нам же дал Божественного Духа, Который есть любовь. Итак, если хочешь и желаешь получить Божественного Духа, совершенно веруй в

Бога, отрекись также от себя самого, без колебания возьми крест на плечи и умри, чадо, произволением, чтобы сделаться тебе причастником жизни бессмертной. Да не обольстят тебя обманщики своими лживыми речами о том, что (не отныне еще, а только) по смерти умирающие получают жизнь, дабы, поверив, ты не вознерадел и не лишился причастия жизни.

Внимай словам Божиим, внимай апостолам и учителям Церкви. О чем Христос ежечасно взывает? – Реки Божественного источника воды вечно живой истекут из чрева верующих в Меня (см. Ин. 7, 38). Говоря это, что Он называет водою, как не благодать Духа? Он же ублажает чистых сердцем (см. Мф. 5, 8), говоря, что они здесь узрят Бога. И все апостолы и учители взывают, что отсюда еще должно воспринять как Духа Святого, так и Самого Христа, если только мы желаем спастись. Послушай гласа Владыки, послушай слов Слова, как изъясняет Он Царство Небесное, которое отсюда еще должны воспринять люди, говоря, что оно подобно многоценной жемчужине (см. Мф. 13, 45). Слыша о жемчужине, что ты подразумеваешь? скажешь ли, что это камень или вообще нечто держимое и сколько-нибудь видимое? Прочь от богохульства, ибо это – мысленная жемчужина. А тот купец, который нашел ее, скажи теперь, как он нашел ее? Если она недержима и невидима, то где он нашел ее, как увидел – научи меня? как, все продав, купил то, чего не мог ни видеть, ни в руках держать, ни вложить в недро? Одною верою, ко-

нечно, и надеждою он так был настроен, как если бы имел ее – ответишь ты. Но не сказал Владыка, как ты полагаешь, что он в надежде нашел ее, в надежде воспринял и продал имущество. Зачем тебе заблуждаться, зачем опираться на пустые надежды? Ты изобличаешь себя самого, что не желаешь искать, не желаешь найти, не желаешь продать своего имущества и взять Царство Небесное, которое находится внутри тебя, если ты пожелаешь, как сказал Владыка.

Но, быть может, ты – нищий и не имеешь ни золота, ни имений, ни богатства; и услыша, что та бесценная жемчужина покупается продажею всего имущества, скажешь: каким образом я, неимущий, буду иметь возможность приобрести эту божественную и прекрасную жемчужину? Поэтому прошу тебя благоразумно послушать. Если бы ты обладал всем миром и тем, что в мире, и, расточив, все это раздал сиротам и вдовицам и нуждающимся нищим, и сам бы сделался нищим, и помыслил бы, что ты уплатил совершенно равную цену, говоря: дайте мне жемчужину, потому что я все свое отдал, то тотчас бы услышал в ответ от Владыки: что это все ты называешь своим? Нагим ты вышел из чрева матери твоей и нагим, конечно, опять пойдешь в могилу; что же, неразумный, ты называешь своим? Ты совершенно бесчувствен, не воспринял ты Царствия и не получишь жемчужины. Если бы ты совершенно расточил все имущество твое, если бы весьма обнищал и приступил, говоря: воззри, Спасителю, на сердце и душу сокрушенную, ужасно мучимую

и сильно палимую; воззри, Владыко, на меня, обнаженного, недоумевающего, чуждого всякой добродетели и не имущего, что дать в выкуп за Тебя, Слове, и помилуй меня, едине незлобиве Боже мой! Ибо что достойное найду я в мире, о Боже мой, что мог бы я дать в цену за Тебя, сотворившего все? Ибо что дала Тебе блудница, что предложил разбойник? или какое богатство блудный сын принес Тебе, Христе мой? – если скажешь это, то услышишь: да, они принесли Мне дары, подлинно принесли Мне богатство; отдав, что имели, они получили жемчужину, превосходнейшую целого мира. Если угодно, это и ты принеси Мне, и, конечно, получишь. Приступи с этим ко Мне, и Я тотчас покажу тебе ту жемчужину, которую получили они. Если ты отдашь и самую душу, не думай и не считай, что ты уплатил нечто совершенно достойное. Ибо Я имею, конечно, власть, имею и жемчужины, которые если бы весь мир воспринял и с этим миром мириады иных миров, то из Моих сокровищ не убудет ни одной даже жемчужины; и если ты приступишь ко Мне, как приступила блудница, то Я и тебе дам дар, как ей даровал. Так тебе Бог скажет и научит, как приступил к Нему разбойник и блудница, прославляемые в мире, и как был принят блудный сын, лишь только обратился. Разбойник же верою спасся, хотя он и много зла сделал. И праведно, потому что в то время, когда все Меня отрицались, все соблазнялись, когда Я висел на древе, он один исповедал Меня Богом и Царем и от всего сердца воззвал ко Мне как к бессмертно-

му. Потому он прежде всех и получил Царствие. А любовь блудницы? какая речь представит ее? Нося ее в сердце, она приступила ко Мне, как к Богу и Владыке всего видимого и невидимого, и принесла ее так щедро, как никто до тех пор. Видя последнюю, Я принял ее и не взял от нее ту любовь; но, дав ей жемчужину, оставил ей также и любовь, лучше же – еще более возжег, превратив ее в великий пламень, и отпустил ее, как честнейшую деву. Ибо вдруг весь закон, как стену, прешедши или, как лестницу, все добродетели превосшедши, она достигла конца закона, который есть любовь, и ушла от Меня, невредимо храня ее до смерти. Подобным же образом и блудный сын, обратившись от всего сердца, нелицемерно раскаялся, и хотя был прежде сыном Моим, пришел ко Мне не как сын, но просил Меня сделаться как бы одним от наемников Моих. И не устами только говорил он, но и душою, и делами показывал то, что говорил на словах. Смирение его подвигло Меня к состраданию: тотчас же обогатив его, Я немедленно прославил его, так как видел его от всей души пришедшим ко Мне, что он в сердце вспять совершенно не отвращался, как это делают многие. Итак, кто бы ни приступил ко Мне таким образом, нелицемерно повергшись предо Мною (да слышит всякое создание), Я тотчас же приму его. Но если бы кто захотел хитростью получить Мою благодать и пришел бы лицемерно, имея внутри злобу или полагаясь на свои дела, будучи одержим надменностью или завистью, тот совершенно не будет иметь части со Мною. Это

тебе и всем Бог через нас ежечасно возвещает.

Если угодно, я и другими (доводами) ясно докажу тебе, что здесь еще должно тебе воспринять все Царство Небесное, если ты желаешь войти в него по смерти. Послушай Бога, опять говорящего тебе в притчах. Чему уподоблю Царство Небесное? Внимай: оно подобно зерну горчичному, которое человек некий, взяв, посеял на поле своем; и оно взошло и поистине сделалось великим деревом (см. Мф. 13, 31–32). Итак, скажи, слушатель, что такое зерно это? что ты думаешь о нем? скажи откровенно; в противном случае я скажу и возвещу истину. Зерном, конечно, Он назвал тебе Царство Небесное. Зерно же это есть благодать Божественного Духа. А поле – сердце каждого из людей, куда воспринявший Духа ввергает его внутрь, скрывая во внутреннейших частях, чтобы никто не видел его, и хранит его со всякою тщательностью, дабы оно выросло и, сделавшись деревом, поднялось к небу. Итак, если ты говоришь, что не здесь, но после смерти получат Царство Небесное все, горячо желающие его, то ты извращаешь слова Спасителя и Бога нашего. Ибо если ты не воспримешь зерна горчичного, о котором сказал Он, если не посеешь его на поле своем, то останешься вовсе без семени. Если же ты и воспринял семя, но заглушишь его терниями, или отдашь зерно на расхищение птицам, или оставишь свое поле по нерадению без орошения, и семя твое не взойдет, не вырастет и не принесет плода, то, скажи мне, какая тебе будет польза от этого семени? Когда же в иное вре-

мя, если не теперь, ты получишь это семя? – После смерти, говоришь. Но ты уклоняешься от естественного порядка: на каком поле, спрошу я тебя, ты скроешь тогда зерно это? какими трудами будешь возделывать его, чтобы оно выросло? Поистине, брат, ты полон заблуждения и совершенно обольщен. Ибо это время есть время трудов, а будущее – время венцов. Здесь ты должен получить себе залог, сказал Владыка; здесь должен воспринять печать. Если ты благоразумен, то отсюда возжги светильник души твоей, прежде чем не наступит тьма и не затворены будут врата делания. Здесь Я бываю для тебя жемчужиной и покупаюсь. Здесь Я являюсь для тебя пшеницей и как бы зерном горчичным. Здесь бываю для тебя закваской и заквашиваю смешение твое. Здесь Я являюсь для тебя водою и огнем услаждающим. Здесь бываю для тебя и одеждою, и пищей, и всяким напитком, если ты желаешь. Так говорит Владыка. Итак, если от здешних вещей ты познаешь Меня таковым и таким образом, то и там также будешь иметь Меня, и Я неизреченным образом сделаюсь для тебя всем. Если же отойдешь отсюда, не ведая действий Моей благодати, то и там найдешь во Мне только безжалостного Судию. О Христе мой и Боже мой, не осуди меня тогда и не подвергни наказанию много согрешившего пред Тобою, но прими меня, как одного из последних наемников Твоих, и сподоби отныне послужить Тебе, Спасителю мой, и получить Божественного Твоего Духа – залог Царствия, и там насладиться славою чертога Твоего, созерцая Тебя, Боже мой,



во веки вечные. Аминь.

Гимн третий

О том, что Дух Святой пребывает в тех, которые сохранили чистым Святое Крещение, от осквернивших же его Он отступает

Ты знаешь во мне, о Христе, делателя всякого беззакония и поистине сосуд всевозможных пороков, что знаю и я, и исполнен позора и стыда; мною овладела гнетущая печаль, и сердце мое одержимо несносною тугою. Но таинственно воссиявший мне свет лица Твоего прогнал помыслы, изгладил тугу и низвел радость в смиренную душу мою. Итак, я и хотел бы, Христе, печалиться, но печаль не пристает ко мне. Печалюсь же я скорее о том, чтобы за эту радость не погибнуть и не лишиться мне, несчастному, будущей радости. Но не лиши меня ее, Владыко, никогда, ни ныне, ни в будущем веке, Царю мой! Ибо созерцание лица Твоего есть радость: не Ты ли, Боже мой, являешься всяким и единственным Благом? Но, доставляя видящим Тебя всякое благо, Ты исполняешь им по причастию и общению тех, на которых взираешь, не тех, которые говорят об этом – увы! – как только о будущем, но тех, которые и ныне, находясь в теле, являются достойными Тебя, то есть очистившихся через покаяние. Ты и Сам видишь их, и им даешь ясно видеть Тебя, отнюдь не в привидении или воображении ума, и не одной только памя-

тью, как думают некоторые, но самою истиною Божественного и страшного дела, во исполнение поистине Божественного Домостроительства. Ибо Ты творишь тогда единение расстоящего, будучи Богом спасения для всех грешников.

Ибо принявшие крещение Твое от младенчества и недостойно его прожившие всю жизнь будут иметь большее осуждение, нежели некрещеные, как поругавшие, по словам Твоим (см. Евр. 10, 29), святую одежду Твою. И Ты, Спасителю, хорошо зная это, даровал нам для вторичного очищения покаяние, запечатлев его благодатию Духа, которую впервые мы получаем в крещении. Так как Ты не сказал, что благодать подается только через воду, но скорее через Духа и призывание Троицы. Итак, когда мы крещаемся, будучи нечувствующими детьми, как несовершенные, мы и благодать принимаем несовершенным образом, получая только разрешение от первого преступления. Ради этого одного, думаю, Ты и повелел, Владыко, совершать эту Божественную купель, через которую крещаемые входят внутрь виноградника, получая искупление от тьмы, ада и смерти и совершенно освобождаясь от тления. Виноградник же, думается мне, есть рай, из которого ниспали мы, опять воззванные в него. И каким был тогда Адам до грехопадения, такими делаются и все сознательно крестившиеся, кроме тех, которые по нечувствию не приняли умного чувства, производимого действием нисходящего Духа. Подобным же образом все мы, как Адам, получаем и заповеди для делания и хранения их.

Эти заповеди, понимаемые духовно, составляют духовный и Божественный закон, который посредством тела через делание исполняется телесно. Так как человек двояк, то он нуждается и в двояком законе. Если бы он не вознерадел, то и от добра не отпал бы. Ибо душа одна не может делать добра; но и тело, если оно совершает дела без Божественного ведения, не лучше рабочего вола или вьючного животного.

Итак, воззванные через крещение Твое в виноградник Твой, то есть в рай, и, вступив в него, соделавшиеся совершенно безгрешными и святыми, подобно тому, каким был первозданный Адам, затем вознерадевшие о таковом спасении и несказанном промышлении Твоем, соделавшие дела худшие, нежели Адам, презрев человеколюбие Твое и не рассуждая о купели крещения через Божественного Духа – этом деле страшного Домостроительства Твоего, как могут они вместе с грехами своими удержать за собою и пребывание внутри рая, что по мнению многих, возможно? Как будут допущены в него те святые, которые вновь осквернились, осквернив, Христе мой, хитон Твой пороками? Да и возможно ли допустить, чтобы Ты, чистый и святой, хоть сколько-нибудь мог обитать внутри их грязных сердец? Прочь, сказал Бог, да не будет он[10] чадом Моим.

Ибо тебе известно[11], что и ты крестился, но потом осквер-

---

[10] Из дальнейших слов видно, что Симеон говорит здесь о себе самом.

[11] Продолжая и далее вести речь как бы от лица Божия, прп. Симеон припоминает здесь важнейшие события из своей жизни.

нился, как грешил ты, будучи отроком, как неразумно заблуждался. Ты знаешь, сколько ты плакал, сколько сокрушался, как ты отрекся затем от всего мира, будучи едва отмолен молитвами отца твоего Симеона[12]. Сначала умным только образом через умное чувство Я удостоил тебя голоса, а потом и луча, и после этого человеколюбно явился тебе как Свет. Затем, приняв вид малого огневидного облака, сидящего вверху на голове твоей, Я доставил тебе одно только созерцание образа и слезы от изумления с великим умилением. Я попалил страсть плоти и мрак головы твоей, так что от них произошел, как ты знаешь, запах сожженного в огне мяса ее. Ты совершенно забыл о тех бедствиях после этого и о той тесноте, какую пришлось тебе претерпеть тогда. Но Я, как Бог всеведущий, знаю ту веру и то смирение, какие ты имел к отцу твоему, и то совершенное отречение воли твоей, которое вменяется у Меня и есть мученичество. Ибо не имеющий собственной воли совершенно умирает и обретается в Моей воле, потому что он живет во Мне. Итак, вследствие того, что ты был почти таковым и он[13] ежедневно понуждал Меня, благого по природе, своими слезами, Я, начал, как ты знаешь, чаще являться тебе, мало-помалу очищая душу твою покаянием и сожигая находящееся в тебе вещество страстей – эти не плотские или вещественные, но невеще-

---

[12] Прп. Симеон разумеет в данном случае своего духовного отца – Симеона Благоговейного.

[13] То есть Симеон Благоговейный.

ственные терния, как бы мрачные тучи, как бы густую мглу и тьму. После того как ты просветился, разумеется, постом и трудами бдения, молитвы и всякого злострадания и омылся беспрестанными горячими слезами в молитве, в пище и еще более в питии, Я едва соделал тебя удобовместимым сосудом; и не только удобовместимым, но и очищенным в огне, чтобы пребывать тебе в нем (внимай) неопалимым. Сделав тебя, таким образом, таковым, как ты видел тогда, летавший вокруг тебя и окружавший тебя Свет, будучи Сам по природе неприступен, весь вошел в тебя и чудным образом изменил тебя прекрасным изменением.

Итак, если ты не всеми твоими делами будешь служить Ему, (то есть) Мне, но под некоторым предлогом или без предлога допустишь в сердце хотя малый неприязненный помысл против кого-либо и выскажешь его словом или только худо подумаешь о нем, и если при этом горячо, со слезами, не раскаешься, удалив от себя покаянием неприязненный помысл, а равно и всякое дурное расположение сердца, то этот Свет не будет пребывать в тебе, потому что Он есть Божественный Дух, сопребывающий со Мною и Отцом, как Мне Единосущный; но тайно и внезапно улетит от тебя, как зашедшее солнце, и, скрывшись как бы во мгновение ока, перестанет быть видимым. Как, в самом деле, может Он пребывать в душе совершенно не очищенной и не пришедшей в чувство покаяния? Или как могла бы снести природу огня нестерпимого та душа, которая исполнена терния страстей

и греха? как бы она вместила сущность совершенно невместимую? как, будучи тьмою, она соединилась бы со Светом неприступным и не исчезла бы от Его присутствия? – Нет, чадо, это никоим образом и совершенно невозможно, потому что Я удален от всех тварей. Когда же Я, Творец всего, сделался тварью, то Я только по плоти стал подобен людям, восприняв также, подобно им, и душу, и ум. Сделавшись же Сам человеком, Я не сделал тогда через это всех людей Богами; но только через веру и соблюдение Моих заповедей, через крещение и Божественное Причастие страшных Таин Моих Я всем даю Жизнь. Говоря: Жизнь – Я разумею Божественного Духа Моего. Однако пусть знают и то имеющие в сердцах своих Духа Моего сияющего, что они имеют, по словам апостола Павла, Того, Кто взывает к Отцу Моему и ко Мне, говоря через них: о Авва, Отче мой! (см. Рим. 8, 14–15). Ибо так как они сделались чадами Божиими, то, познавая Меня, с дерзновением взирают на Меня и называют Меня Отцом.

Божественный же Дух к каждому из них, имеющих Его ныне, совершенно истинно говорит в них: о чада, не бойтесь! вот Я, как видите, внутри вас нахожусь и сопребываю. Раз навсегда Я освобождаю вас от тления и смерти и показываю чадами и друзьями Божиими. Вот кем Я вас соделал! радуйтесь о Господе!

Итак, пусть это будет у людей истинным признаком тех, которые соделались сынами Божиими и наследниками и

имеют воспринятого ими Божественного Духа Моего. Отсюда они и христианами называются не по имени, но действительно, делом и истиною. Это достоверное и вожделенное дело бывает с теми, которых Ты, Христе мой, ясно предведал и через Божественного Духа дал им быть сообразными Твоему образу. Для таковых, как для званных Тобою в неизреченную радость, это всегда и везде бывает возможно вовеки. Для всех же прочих это кажется невозможным, для тех, которые, клевеща, совершенно не верят этому и, обольщаясь в собственных мыслях, думают успокоиться, безумные, на пустых надеждах. Говоря свысока и тонко, выражаясь изысканными словами и толкуя все это в отношении к тому, что им любезно, они совершенно небрегут о Твоих страшных заповедях. Не желая искать Тебя, они мнят, что имеют Тебя; если же признаются, что не имеют Тебя, то проповедуют, что Ты совершенно неуловим для всех, и как будто никто из людей не может видеть Тебя, и что нет никого, кто превосходил бы их знанием. Поэтому они учат, что Ты либо для всех людей доступен и уловим, либо совершенно неуловим и недоступен. Но, как омраченные, они и в том и в другом случае ошибаются, не разумея вещей Божеских и человеческих.

Даруй им свет ведения, пошли в помощь Божественный страх, дай восстать из глубины зломудрия и прийти в сознание и чувство того, что они находятся в яме, сидят во тьме, не видя того Божественного света, о котором они берутся говорить и свидетельствовать, не веря тому, что и ныне есть

видящие Тебя. Если Ты не озаришь их светом Твоим и если они сознательно не увидят его, то как они вполне поверят тому, что Ты являешься достойным, собеседуешь с ними и сожительствуешь ныне и вовеки как с друзьями и верными рабами Твоими, по слову Твоему. Но Ты Бог верных, а не неверных. Поэтому Ты совершенно не взираешь на них, ибо как Ты, Спасителю, покажешь им свет лица Твоего, когда они, отрицаясь Тебя, утверждают, что вечный свет Твой не светит в душах святых? – Никак, если они не приобретут, по слову Твоему, великой веры и не станут усердно хранить Твоего Божественного закона, отдавшись ради Тебя даже до смерти на истинное делание Твоих премудрых заповедей. Итак, это – спасение всех спасающихся, и нет иного пути спасения, как сказал Ты, о Боже мой! Подай милость, подай милость, Спасе, тем, которые нуждаются в Тебе ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Гимн четвертый

Кому Бог является, и кто через делание заповедей приходит в доброе состояние

Как, будучи сокрытым, Ты видишь и назираешь все? Как, нами не видимый, Ты видишь нас всех? Но познаешь Ты, Боже мой, не всех, кого видишь, но, любя, познаешь только тех, которые Тебя любят, и исключительно им (одним) Самого Себя являешь. Будучи Солнцем, сокрытым для всякой смертной природы, Ты восходишь в Твоих (рабах), видим бывая ими, и они восстают в Тебе, бывшие прежде омраченными: блудниками, прелюбодеями, распутниками, грешниками, мытарями. Через покаяние они делаются сынами Твоего Божественного света. Ведь свет, конечно, рождает свет, поэтому и они делаются светом, чадами Божиими, как написано (см. Пс. 81, 6), и Богами по благодати – те, которые отрекутся суетного и обманчивого мира, без ненависти возненавидят родителей и братий, считая себя странниками и пришельцами в жизни; те, которые лишат себя богатств и имуществ, совершенно отвергнув пристрастие к ним; те, которые ради славы небесной от души возгнушаются пустой славою и похвалами людскими; те, которые отсекли свою волю и соделались для пастырей как бы незлобивыми овцами; те, которые стали мертвы телом ко всякому худому деянию,

до пота трудясь над (возделыванием) добродетелей и руководясь в жизни одною только волею кормчего, через послушание омертвевая и опять же оживая; те, которые, благодаря страху Божию и памяти смертной, по все дни и ночи проливают слезы и умно припадают к стопам Владыки, испрашивая милости и оставления грехов. Эти через всякое делание добра приходят в доброе состояние и, как повседневно плачущие и усердно толкущие, привлекают (к себе) милость. Частыми молитвами, неизглаголанными воздыханиями и потоками слез они очищают душу и, видя ее очищение, воспринимают огонь любви и огонь желания – увидеть ее совершенно очищенной. Но так как им невозможно найти конца света, то очищение у них бывает бесконечным.

Ибо сколько бы ни очистился и ни просветился я, жалкий, сколько бы ни увидел очищающего меня Духа (Святого), мне всегда будет казаться (только) начало очищения и видения, потому что в беспредельной глубине и в безмерной высоте кто может найти средину или конец? Я знаю, что [света] много, но сколько – не знаю. Сильно желая все большего, я постоянно воздыхаю о том, что мне дано немногое (хотя оно и кажется мне многим) в сравнении с тем, что, как я догадываюсь, далеко отстоит от меня, чего, видя, я вожделеваю и думаю, что ничего не имею, так как, совершенно не ощущая данного мне богатства, хотя и вижу Солнце, однако не считаю Его таковым. Каким же это образом? – слушай и веруй. То, что я вижу, есть Солнце, Которое невыразимо при-

ятно для чувства; Оно влечет душу к неизреченной и Божественной любви. Душа же, видя Его, воспламеняется и горит любовию, желая всецело иметь внутри себя то, что является ей, но не может, и поэтому печалится и (уже) не считает за благо видеть или ощущать Его. Когда же Видимый мною и никем не вместимый, как поистине неприступный, изволит помиловать сокрушенную и смиренную душу мою, тогда каким Он видится мне, сияя пред лицом, таковым весь во мне зрится блистающим, весь исполняя меня, смиренного, всякой радости, всякого желания и Божественной сладости. Это – внезапное превращение и чудная перемена, [и вообще] невыразимо (словами) то, что во мне совершается. Ведь если бы кто увидел, что это видимое всеми солнце сошло внутрь его сердца и все вселилось в него, и так же светило бы, то не помертвел ли бы он от чуда и не сделался ли бы безгласным, и не изумились ли бы все это видевшие? Если же кто увидит Творца солнца, наподобие светила светящим внутри себя, действующим и говорящим, то как не изумится и не содрогнется он от такого видения? как не возлюбит (своего) Жизнеподателя?

Люди любят подобных себе людей, когда они кажутся им несколько лучшими других; Творца же всех, единого бессмертного и всемогущего, кто, увидев Его, не возлюбит? Если многие, поверив от слуха, возлюбили Его, а святые (даже) и умерли за Него, и (тем не менее) они живы, то приобщившиеся видения Его и света, Им познанные и Его по-

знавшие, как они не возлюбят Его? скажи, как ради Него не будут непрестанно плакать? как не станут презирать мира и того, что в мире? как не отрекутся всякой чести и славы те, которые, став выше всякой славы и чести земной и возлюбив Владыку, нашли Того, Кто пребывает вне земли и всего видимого, лучше же, Того, Кто сотворил все видимое, равно как и невидимое, и получили бессмертную славу, имея в Нем без недостатка всякое благо? Также и всякое отпущение [грехов] и всякое желание вечных благ и вещей Божественных, как богатство некое, они почерпнули из того же вечно живого источника, обильно насытиться которого дай и нам, Владыко, и всем ищущим и горячо любящим Тебя, дабы и мы также со святыми Твоими наслаждались вечными благами во веки веков. Аминь.

Гимн пятый

Четверостишия преподобного Симеона, показывающие его любовь к Богу

Как Ты бываешь и огнем пылающим, и водою орошающею?
Как Ты и сожигаешь, и услаждаешь, и тление потребляешь?
Как людей Богами содеваешь и тьму в свет обращаешь?
Как из ада возводишь и смертных в нетление облекаешь?

Как тьму к свету привлекаешь и ночь (дланию) удерживаешь?
Как Ты сердце озаряешь и меня всего изменяешь?
Как с людьми соединяешься и сынами Божиими их содеваешь?
Как любовию к Себе возжигаешь и без стрелы уязвляешь?

Как [грехам] долготерпишь и не тотчас воздаешь?
Как Ты – Сущий вне всех (вещей), видишь деяния всех?
Как вдали от нас пребываешь и дело каждого созерцаешь?
Дай рабам Твоим терпение, да не покроет их скорбь.

Гимн шестой

Увещание к покаянию, и каким образом воля плоти, сочетавшись с волею Духа, соделовает человека богоподобным

Плачу и сокрушаюсь я, когда меня озаряет Свет, и я вижу нищету свою и познаю, где нахожусь, и в каком бренном мире я, смертный, обитаю. Веселюсь же и радуюсь, когда помышляю о данном мне от Бога назначении и славе, усматривая себя всего украшенным невещественным одеянием, как бы Ангела Господня. Итак, радость эта возжигает во мне любовь к Тому, Кто подает ее и изменяет меня – к Богу. Любовь же источает слезные потоки и еще более просвещает меня. Послушайте вы, согрешившие, как и я, против Бога, потщитесь и ревностно подвизайтесь в делах [благих], чтобы получить вам и удержать вещество невещественного огня (говоря: вещество – я показал Божественную сущность) и возжечь умный светильник души, дабы соделаться солнцами, светящими в мире и отнюдь невидимыми для живущих в мире, дабы стать как бы Богами, содержащими внутри себя всю славу Божию, в двух сущностях, то есть в двух природах, двух энергиях и двух волях, как взывает Павел (см. Рим. 8, 14 и след.). Ибо одна воля – скоропреходящей плоти, другая – Духа, и иная – души моей. Однако же я не трояк, но дво-

як, как человек: душа моя неизъяснимо связана с плотью. И все же каждая (из частей) требует свойственного себе, как то [тело] – есть, пить, спать – что я называю земными желаниями плоти. Когда же тело отделится от души, то ничего этого не ищет, но бывает мертвым и бесчувственным, наподобие глины. Всякое же желание (воля) души человеческой, мне думается, едино. Поэтому кто сочетал свою волю с Божественным Духом, тот соделался богоподобным; восприняв в сердце Христа, он [поистине] стал христианином от Христа, имея в себе вообразившимся единого Христа, совершенно неуловимого и поистине неприступного для всех тварей. Но, о природа непорочная! сущность сокрытая, человеколюбие, для многих неведомое, милосердие, для неразумно живущих невидимое, существо неизменное, нераздельное, трисвятое, свет простой и безвидный, совершенно несложный, бестелесный, нераздельный и никакою природою не уловимый, каким образом Ты, о Царю, был видим, как и я, познаваем сидящими во тьме, носим на руках Твоей Святой Матери, связываем, как убийца, телесно страдал, как злодей, желая, конечно, меня спасти и в рай славы опять возвести? Таково Твое Домостроительство, Слове, таково пришествие, таково благоутробие Твое и человеколюбие, бывшее ради нас, всех человеков: верных и неверных, язычников, грешников и святых. Ибо явление Твое соделалось общим для всех спасением и искуплением.

Происходящее же сокровенно во мне, блудном, и частным

образом совершающееся в известной неизвестности, то есть ведомо для меня, неведомо же для других, какой язык изречет? какой ум изъяснит? какое слово выразит, чтобы и рука моя могла начертать то? Ибо поистине, Владыко, страшно и ужасно, и превосходит слово то, что мне видится Свет, Которого мир не имеет, и меня любит Тот, Кто не пребывает в этом мире, и я люблю Того, Которого отнюдь нет среди видимого. Сидя на ложе, я нахожусь вне мира и, пребывая в своей келлии, вижу Того, Кто вечно пребывает вне мира и Кто соделался [человеком в мире], с Которым я и беседую, дерзко же будет сказать – Которого и люблю, и Он меня любит. Одно созерцание Его служит для меня пищею и прекрасным питанием; соединяясь же с Ним, я восхожу превыше небес и знаю, что это истинно и достоверно бывает. Где же тогда находится это тело – не знаю. Знаю, что пребывающий недвижимым нисходит (ко мне). Знаю, что [по природе] невидимый видится мне. Знаю, что далеко отстоящий от всей твари воспринимает меня внутрь Себя и скрывает в объятиях, и я нахожусь тогда вне всего мира. С другой стороны, и я, смертный и ничтожный, среди мира, внутри себя созерцаю всего Творца мира и знаю, что не умру, пребывая внутри (Самой) Жизни и имея всецелую, внутри меня возрастающую Жизнь. Она и в сердце моем находится, и на небе пребывает; здесь и там Она видится мне в равной мере блистающею. Но могу ли я хорошо уразуметь, каким образом это бывает? и в состоянии ли я высказать тебе [хотя] то,

что разумею и вижу? Ибо поистине совершенно невыразимо то, чего око не видело, ухо не слышало и что на сердце плотское никогда не всходило (см. Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9). Благодарю Тебя, Владыко, что Ты помиловал меня и дал мне видеть это, и таким образом записать, и потомкам моим поведать о Твоем человеколюбии, дабы и ныне (этим) тайнам научались народы, племена и языки, что всех горячо кающихся Ты милуешь, как (помиловал) апостолов Твоих и всех святых, благодетельствуешь им, почитаешь их и прославляешь, Боже мой, как взыскующих Тебя с великою любовию и страхом, и к Тебе единому взирающих – Творцу мира, Которому подобает слава и честь, держава и величие как Царю и Богу и Владыке всего (мира), ныне и всегда непрестанно во веки веков. Аминь.

Гимн седьмой

Согласно с природою одно только Божество должно быть предметом любви и вожделения; кто приобщился Его, тот сделался причастным всех благ

О, что это за вещь, сокрытая для всякой тварной природы? что это за свет мысленный, ни для кого не видимый? что это за великое богатство, которого никто в мире вполне не мог найти или овладеть им всецело? Ибо оно неуловимо для всех и невместимо для мира; оно вожделеннее всей вселенной и настолько желаннее вещей видимых, насколько Бог, создавший их, превосходнее их. Поэтому я уязвлен любовию к Нему, и, доколе не вижу Его, истаиваю внутри, и, горя умом и сердцем, со вздохами хожу туда и сюда, и, палимый, ищу здесь и там, нигде не находя Возлюбленного души моей, и часто озираюсь в надежде, не увижу ли моего Желанного. А Он, как невидимый, совершенно не показывается мне. Когда же я, отчаявшись, начинаю плакать, тогда Он является мне, и на меня взирает Тот, Кто все назирает. Изумляясь необыкновенной красоте (Его), я дивлюсь тому, как Творец, отверзши небеса, приклоняется и показывает мне неизреченную и необычайную славу. Когда же я размышляю о том, может ли кто стать еще ближе к Нему и каким образом можно было бы подняться на неизмеримую высоту – Он Сам внутри ме-

ня является, блистая в убогом сердце моем, отовсюду озаряя меня бессмертным светом и все члены мои освещая лучами. Весь обнимая меня, Он всего меня покрывает лобзанием и всего Себя мне, недостойному, дарует.

И я насыщаюсь Его любовию и красотою и исполняюсь Божественного наслаждения и сладости. Я делаюсь причастником света и славы: лицо мое, как и Возлюбленного моего, сияет, и все члены мои делаются светоносными. Тогда я соделоваюсь красивее красивых, богаче богатых, бываю сильнейшим всех сильных, более великим царей и гораздо честнейшим чего бы то ни было видимого, не только – земли и того, что на земле, но и неба и всего, что на небе, имея (в себе) Создателя всего, Которому подобает слава и честь ныне и вовеки. Аминь.

Гимн восьмой

О смирении и совершенстве

Дай мне, Христе, целовать Твои ноги,
Дай мне лобызать Твои руки,
Руки, произведшие меня через Слово,
Руки, без труда сотворившие все.
Дай мне ненасытно насыщаться ими.
Дай мне видеть лицо Твое, Слове,
И неизреченной красотой наслаждаться,
И созерцать (Тебя), и радоваться от Твоего видения,
Видения неизреченного и невидимого,
Видения страшного. Однако дай мне по ведать
Если не сущность его, то хотя действия.
Ибо выше природы и всякой сущности
Весь Ты, Сам Бог мой и Создатель.
Видится же нам отблеск Божественной славы Твоей,
Свет простой и приятный,
И Свет то скрывается, то соединяется
Весь, как мне кажется, со всеми нами —
Твоими рабами, Свет, духовно созерцаемый в отдалении,
Свет, внутри нас внезапно обретающийся,
Свет, подобный то воде текущей, то огню возжигающему,
—
То сердце, которого он, конечно, коснется.
Им, Спасителю мой, как познал я, охвачена

Бедствующая и смиренная душа моя,
Воспламенена и горит…
Ибо огонь, получив горючее вещество,
Как не возгорится, как не истребит (его),
Как не причинит неизбежных страданий
При возжжении? [о нем] дай мне поведать,
Спаситель!
Неизреченное видение необычайной красоты
Он представляет, и увеселяет меня, и пламя любви
Нестерпимое возжигает.
Как я снесу (его)?
Или как поведаю об этом великом чуде,
Которое во мне, блудном, бывает?
Ибо я не могу выносить молчания,
Боже мой,
И пучиною забвения покрыть те дела,
Которые Ты сотворил и творишь ежедневно
С теми, кто горячо Тебя всегда ищет
И в покаянии к Тебе прибегает.
Дабы я, подобно сокрывшему талант
Лукавому рабу, не был праведно осужден.
Но, открывая, я всем говорю об этом,
И о Тебе и Твоем благоутробии
Чрез письмена передаю и повествую,
О Боже мой, последующим поколениям.
Дабы, познав великую Твою милость,
Какую Ты показал и показываешь на мне одном,
Прежде блудном и нечистом,
Гораздо более всех согрешившем,

Никто не сомневался, но, напротив, возлюбил бы (Тебя),
Не боясь, но радуясь, приступил бы,
Не страшась, но тем с большим дерзновением,
Видя море Твоего человеколюбия.
Пусть притечет он, припадет и восплачет,
И получит разрешение прегрешений,
Говоря в себе: воистину
Если порочнейшего и вселукавого этого
И совершенно заблудшего помиловал
Создатель, Более всех людей согрешившего,
То не тем ли более Он и меня помилует,
Согрешившего некоторым образом простительно
И не все заповеди преступившего?
Итак, чтобы знали множество зол моих,
Здесь, Слове, я хочу поведать не все, конечно,
Бесчисленные [грехи мои], ибо они превосходят (числом) звезды,
Превосходят капли дождя, песок моря
И множество волнующихся волн,
Но – то именно, что содержит книга совести,
И что заключают хранилища памяти.
Иное же один только Ты веси.
Я был убийцею, послушайте все,
Дабы вы жалостно оплакали меня; а каким образом —
(Это) я опущу, избегая долготы речи.
Я был, увы мне, прелюбодеем в сердце,
И содомлянином мыслию, и клятвопреступником
Произволением, употребителем божбы и любостяжателем,

Вором, лжецом, бесстыдником и похитителем, горе мне,
Досадителем, братоненавистником и большим завистником,
Сребролюбцем и наглецом и всякого
Другого порока делателем.
Ей, поверьте, я говорю это истинно,
Не притворно и не с лукавством.
Итак, кто, услышав это, не изумится
И не подивится Твоему долготерпению,
Человеколюбче, и от изумления не скажет:
Как земля, убежав, не расступилась, не вынося
На хребте (своем) этого несчастного,
И живым не свела его в ад?
Как не обрушился сверху ураган
И не истребил этого преступника?
Как не ниспало одновременно небо
И не погасли солнце и звезды
Над таковым презрителем?
О, долготерпение Твое, Спасителю! – пусть скажет он опять, —
О, благостыня и милосердие!
Ибо поистине – сверх всякого прощения
Таковые деяния этого несчастнейшего,
Услыша о которых, всяк воскликнет:
Ужели [Божественная] правда попустила ему жить?
И как, будучи праведной, она допустила хотя бы одно
Существование его на земле живых?
Если же кто заподозрит, что, быть может, я ложь написал,
То прости ему, как милостивый,

Ибо, не ведая долготерпения Твоего, Спасителю,
И бездны человеколюбия Твоего,
И услышав о непристойности дел моих,
Он справедливо вынес такое суждение,
Говоря: если [Божественная] правда безнаказанным
Оставила его, то нет, следовательно, суда.
Ты же, Боже мой, так как [после] будешь судить,
То поэтому ныне весьма долготерпишь.
Ибо спасти всех, конечно, желаешь,
Ожидая покаяния нашего,
Которое – от дел, по снисхождению Твоему праведному.
Ибо праведному свойственно не поражать падающих,
Но скорее, напротив, конечно – руку [помощи] им простирать,
Что делать Ты, благий мой Владыка,
Никогда не переставал и не престанешь.
Жизнь всех людей есть брань.
Мы же все люди – рабы Твои, Создатель;
Однако малые и великие – [все] имеем
Врагов непримиримых (в лице) князей тьмы.
Поэтому если Сам Ты не подашь (нам) скоро руку [помощи],
Но попустишь им укрепиться против нас,
То где будет Твоя правда и человеколюбие?
Ибо (хотя) мы соделались рабами его (диавола)
По своей воле и своему произволению,
Но Ты Сам, Боже мой, пришедши, искупил нас
И принес к Отцу Твоему
В дар, каковыми, однако, видеть враг нас не терпит,

Не вынося той зависти, какую питает.
Но, как лев, рыкает на нас,
И, ходя и скрежеща зубами,
Упорно ищет, кого бы поглотить.
Поэтому если Ты, Христе мой, тех, которые этим неукротимым зверем
Уязвлены и, приняв удары
И раны, пребывают лежащими,
Не помилуешь или, лучше – не сжалишься,
Ожидая их выздоровления,
Но поразишь и совсем сокрушишь,
Совершенно умертвив таковых,
То это, по моему мнению – праведно,
Потому что не непроизвольно они пленяются,
Но добровольно предаются.
Однако коварный и злохитростный,
Неукротимый и изворотливый зверь этот,
Как бы друг, притворяется дружественным,
Ища всего меня схватить и уловить.
Показывая мне видимую жизнь,
Он лишает меня жизни духовной.
Окрадывая меня чувством в настоящем,
Он отнимает (у меня) и богатство будущего.
При внешнем (ведь) созерцании является одно,
Сокрыто же (в нем), Спасителю, другое.
Если же люди, и познав это,
Хитро и лицемерно притворяются, [что не знают],
То чего не сделает (с ними) изобретатель зла?
Как не обольстит он их и в особенности юных?

Как не прельстит тех, которые незлобивы,
Совершенно неопытны и нелукавы,
Тот, кто по произволению – сатана, и лукавый,
И искусный изобретатель всякого лукавства?
Однако он решительно всех прельщает и уязвляет,
И никто не избежал от его рук
Или стрел, не отведав в них заключенного
Яда, и не ушел (от него) неуязвленным.
Все мы согрешили и лишены, Христе,
Твоей неизреченной и Божественной славы,
И умоляем Тебя туне спасти (нас)
И оправдать благодатию и милостию,
Которою Ты излил ныне на меня изобильно,
О чем я не обленюсь говорить и писать.
Ибо как я, о Боже мой, могу покрыть молчанием
То, что бывает ежечасно
И совершается во мне, несчастном?
Ибо поистине оно неизреченно,
Непостижимо и превосходит ум и слово.
И как я выскажу или как изъясню это?
Но, не вынося молчания, теперь же начну свою речь.
Ты – один Бог безначальный, несозданный,
В Сыне и Духе – Троица Святая.
Ты – непостижим, неприступен,
Создатель видимой и умопостигаемой Твари, и Господь, и Владыка,
Ты – превыше небес И всего, что на небе,
Один – Творец неба и обладатель,
Один – носящий все Твоим повелением

И волею одною все содержащий.
Тебя окружают тьмы Ангелов
И тысячи тысяч Архангелов,
Престолов, неисчислимых Господств, Херувимов,
Серафимов и Многоочитых Сил, Начал и Властей
И многих других слуг и друзей.
Ты имеешь славу препрославленную,
Так что без страха воззреть на нее не посмеет
Никто из них, о Боже мой,
Не в состоянии будучи снести явления
И светоблистания лица Твоего.
Ибо как создание возможет Создателя
Всецело узреть или всецело постигнуть?
Никоим образом, полагаю, это невозможно.
Но поскольку изволит Творец, (Постольку)
Он является и видится тому, кому Он пожелает,
И познается, и тварь Его познает,
И Он видится, и она Его видит,
Насколько дано ей от Творца видеть.
Ибо если твари Тобою, Боже мой, произведены,
То от Тебя они имеют и бытие, и возможность
Видеть и служить Тебе беспорочно.
Итак, Ты вверху пребываешь превыше всех начал,
Которые окружают Тебя – Бога моего.
Мы же внизу находимся в глубочайшем рве,
(Которым я называю не видимый мир,
Но поистине тьму греха),
Рве порочности и омрачения,
В яме и рве ужасно глубоком,

Над которым солнце не всходило светить.
Ибо вне этого видимого мира
И мира будущего есть (только) ночь греха;
И погружающихся в нее неразумно
Она как ныне содержит, так и по смерти также
Будет держать узниками во веки веков.
Из них я первым, о Христе мой, являюсь.
Объятый ею и в нее низведенный,
В преисподней глубине ее
Находясь, я воззвал: помилуй меня,
Ты, Который приобщился зол моих.
Ибо я познал, куда чрез них я низведен.
Оттого я и плакал, потоки слез
Из очей моих проливая усердно,
И каялся от всего своего сердца,
И взывал воздыханиями неизглаголанными.
И Ты с несказанной высоты услышал меня,
Лежавшего в преисподней глубине
Тьмы безграничной и беспредельной,
И, оставив окружающие Тебя силы,
Пройдя все видимое [пространство],
Нисшел туда, где был я лежавший.
Озарив меня тотчас, Ты прогнал тьму
И, воздвигши Божественным Твоим вдохновеньем,
Поставил меня на стопы Твоих повелений.
Очаровав меня красотою Твоею и любовию,
Ты уязвил меня и совершенно всего изменил.
Увидев Твой лик, я убоялся,
Хотя он и показался мне милостивым и доступным.

Изумила же и поразила меня
Красота Твоя, о Троица Боже мой!
Ибо один образ Трех в Каждом,
И Три Лица составляют едино – Бога моего,
Который называется Духом и Богом всех.
Итак, когда Ты явился мне, несчастнейшему,
Как мог я не дрогнуть и не спуститься
Еще ниже того, где был я,
Тьмою опять покрывшись,
Дабы сокрыться от Тебя, всем нестерпимого?
Но я сделал это из робости.
Ты же, Боже мой, напротив, обнимал меня,
Напротив, целовал и заключал в объятия, —
В лоно славы Твоей, Боже мой,
И в края одежд Твоих,
Всего меня вводя и покрывая Твоим светом,
И заставляя забыть (все) видимое
И недавно одержавшие меня беды.
О, глубина таинств и высота славы!
О, восхождение, обожение и богатство!
О, несказанная светлость повествуемого!
Кто возможет постигнуть (это) из слов?
Или уразуметь величие той славы?
Ибо если кто не видел того, чего око не видело,
И не слышал того, чего ухо не слышало
И что на сердце человеческое не всходило,
Тот как поверит пишущему об этом?
А если бы и поверил, то как чрез (одно) слово
Может он увидеть то, чего око не видело?

Как посредством слуха вместить то,
Чего никогда не слыхало ухо людское,
Чтобы и уразумел он хорошо те вещи
И мог обнять мыслию то,
Красота чего неизъяснима для видящих,
И вид пребывает безвидным,
И что непостижимо для всех,
Кому видится? Как, повторяю тебе,
Кто-либо, воображая это помыслом,
Не удалился бы далеко от истины,
Обольстившись воображением и фантазиями
И ложные образы измышлений
Ума своего рисуя и видя?
Ибо как ад и тамошние муки
Всяк представляет так, как желает,
Но каковы они, никто решительно не знает,
Так, пойми меня, и блага оные,
Небесные, для всех непостижимы
И незримы, только тем одним они ведомы
И видимы, которым Бог откроет,
По мере достоинства каждого:
По мере веры, надежды и любви,
И хранения заповедей Господних,
Или, иначе – по мере нищеты духовной.
Эта мера – совершенная, не малая и не великая,
Которые Богу ненавистны, и в этом нет неправды,
Так как они совершенно неправые.
Ибо малой мере недостает праведности
По нерадению или небрежению,

И основательно и справедливо она является
только негодной.
Та же мера, которая не мала, но велика,
Ведет к безумию того, кто ее имеет,
Вредя и всем другим, кто к ней тяготеет.
Правая мера есть мера смирения,
Чтобы, не отчаиваясь в себе совершенно,
Не считать никого в мире
Худшим себя в непристойных деяниях;
И поэтому плакать всегда и рыдать
И все видимое презирать.
Ибо это – признак той печали,
Которая – по Бозе и бывает от души.
Если же кто прилепляется к чему-либо из видимого,
Тот не познал себя еще чувством,
И не воспринял в сердце страха
Суда Божия и вечного огня,
И не стяжал совершенного смирения.
Поэтому-то он и лишается видения
И дара тех благ,
Которых не видело никакое человеческое око.
Потщимся же все приобрести смирение, —
Несказанную красоту наших душ,
Для которой нет имени, и (только) по опыту
Она ведома тем, кто стяжал ее.
Кроток и смирен сердцем Христос;
И тот, кто имеет Его обитателем, знает,
Что чрез Него он получил и смирение,
Лучше же, что смирение – это Сам Он.

Душа же, которая ищет человеческой славы,
Такового смирения совершенно не ведает.
Даже тот, кто имеет хотя некоторое самомнение,
Как может удержать в себе это смирение?
Никоим образом, конечно… Увы мне, несчастнейшему!
Тщеславному и горделивому,
Ни одной добродетели не стяжавшему
И в бесчувствии проводящему все
Дни моей настоящей жизни.
Кто не восплачет обо мне и весьма не посетует?
Так как, бежав мира и сущих в мире,
Я чувством не удалился от мира;
Облекшись в монашескую схиму,
Я, как мирянин, люблю (все) мирское:
Богатство и славу, удовольствия и утехи;
На плечах крест Христов я ношу,
Поношение же креста понести
Вовсе не хочу и отрицаюсь,
Но связываюсь со славными,
Желая и сам быть с ними прославленным.
О злоключение! о бесчувствие! Двойного
осуждения я достоин…
Ибо много нагрешив в прежней жизни,
Я обещался как должно покаяться,
Но и ныне явился преступником, неблагодарным
За все те блага, которые получил я от Бога,
И оказался нарушителем обетов
И недостойным всякого человеколюбия.
Но, о Боже мой, единый всемилостивый!

Скоро потщись и обрати меня снова
К покаянию, слезам и плачу,
Дабы я омылся и, очистившись, увидел
Ясно воссиявшую во мне Твою славу,
Которую даруй мне ныне и вовеки,
Непрестанно славословящему Тебя,
Творца веков и Владыку.

Гимн десятый

Исповедание, соединенное с молитвой, и о сочетании Духа Святого с бесстрастием

Се удалихся, Человеколюбче, и водворихся в пустыни (ср. Пс. 54, 8); я сокрылся от Тебя, пресладкого Владыки, окутанный ночью житейских забот. Много уязвлений и ран я от них потерпел, много ударов в душе я несу, возвратившись [из мира], и в скорби и туге сердечной взываю: помилуй, сжалься надо мною, преступным, о Врачу душелюбивый и один щедролюбивый! Ты, туне врачующий больных и израненных, уврачуй (и мои) струпы и раны. Источая елей Твоей благодати, помажь мои язвы и изгладь раны. Стягни и скрепи мои расслабленные члены. Уничтожь все шрамы мои и всего меня совершенно здравым соделай, Спасителю, как прежде, когда не было на мне никакой скверны, ни струпа, ни опухоли, ни пятна; но (во мне) было спокойствие и радость, мир и кротость, святое смирение и долготерпение, свет, терпение и совершенно непобедимая сила [внутри]; а отсюда великое утешение в повседневных слезах, отсюда веселие в сердце моем, как бы источник, беспрестанно текло и струилось, являясь (для меня) медоточивым потоком и питием радования, постоянно находящимся в моих умных устах. Отсюда же всякое здравие и чистота, отсюда избавление от страстей и су-

етных помыслов, отсюда, [наконец,] молниезрачное бесстрастие, которое, всегда мне сопребывая, слюбилось со мною (духовно разумей это, читатель, дабы тебе не оскверниться постыдно), доставляя мне несказанное удовольствие от (своего) присутствия и безмерное желание [духовного] брака – сочетания с Богом. Когда же я приобщился его, то сделался бесстрастным, воспламенился удовольствием, возгорелся желанием его и, приобщившись света, подлинно соделался светом, став выше всякой страсти и будучи свободным от всякого порока. Ибо к свету бесстрастия не приближается страсть, как к солнцу – тень, или тьма – к свету. Но сделавшись и будучи таковым, я возгордился, Владыко, так как понадеялся на себя и, увлекшись попечением о чувственных вещах и житейскими заботами, пал, несчастный, и, охладев, сделался черным, как железо; (сверх того еще) долгое время лежа, я ржавчину принял. Посему взываю к Тебе, Человеколюбче, прося о том, чтобы мне снова очиститься и быть возведену к прежней доброте, и света Твоего насладиться ныне и всегда во все веки. Аминь.

Гимн одиннадцатый

О том, что для всякого человека, досаждаемого и злостраждущего ради заповеди Божией, (само) это бесчестие за заповедь Божию является славою и честию, и диалог (разговор) ко своей душе, научающий неисчерпаемому богатству Духа

Дай мне, Христе, то чувство, которое однажды Ты мне даровал. Осени меня им, Спасителю, и всего меня внутри его сокрой, не попуская мирскому чувству ни приближаться ко мне, ни входить в меня, ни уязвлять всего меня, смиренного раба Твоего, которого Ты один помиловал. Ибо мирское чувство, внезапно вкравшись в похвальную заботу, тотчас производит в жалкой душе моей дурные желания. Ибо оно показывает мне славу, напоминает о богатстве, побуждает приближаться к царям, говоря, что это – большое счастье. Итак, от этих мыслей, как от ветра надувается мех и огонь разгорается в пламя, так и душа та, надмеваясь, делается напыщенной и сильно рассеивается от желания славы, богатства и расслабляющего покоя – вещей, долу влекущих. (Тогда) она вместе с пользующимися славой и (сама) стремится быть в славе, со знаменитыми – казаться знаменитой и с богатыми – владеть богатством. И ту, которую Ты прославил Твоим неизреченным светом, которую Сам Ты одел Твоею

несказанною славою и показал (образом) Твоей Божественной светлости, мирское чувство, пленив ум ее и показывая ей царей, напоминая о славе и предлагая богатства мира сего, побуждает в одном воображении страстно желать всего этого.

О, помрачение и ослепление! о, суетные помыслы, грязные намерения и бесчувственная воля! ибо, оставив созерцание неизреченного и нетленного, я думаю и помышляю о земном. Разве цари не умирают и слава не преходит? разве богатство не рассеивается, как пыль от ветра? разве тела не истлевают в могилах? и земными имуществами разве не будут владеть другие (господа), после них – иные, а за теми (еще) иные? И кому, скажи мне, душа (моя), раньше принадлежало это богатство? или кто в (этом) мире мог приобрести хотя малую вещь, которую и по смерти так же, как при жизни, он взял бы с собою? никого, конечно, ты решительно не можешь мне указать, кроме милостивых, которые, ничего не стяжав, все раздали по рукам бедным. Ибо они-то и являются надежными обладателями розданных (имуществ), с тех пор как отдали их в руки Владыки. Все же прочие, которые откладывают (и копят) богатства, суть нищие и даже хуже всех нищих, ибо нагими, как выброшенная падаль, они (повергаются) в могилы, будучи и в настоящей жизни несчастными, и в будущей – странниками (и пришельцами). Итак, что же хорошего видя в этих вещах, ты, душа моя, услаждаешься? или что из них ты почитаешь достойным того, чтобы

сделать его предметом своих желаний? – Ничего, конечно, ты не можешь сказать (на это), ничего не (можешь) ответить.

Горе умножающим богатства и собирающим сокровища. Горе желающим воспринимать славу от людей. Горе тем, которые связываются с богатыми, но не вожделевают славы Божией и богатства Его, и (не ищут того), чтобы с Ним только одним пребывать. Ибо суетен мир, и все, что в мире – суета сует, так как все прейдет; один только Бог всегда будет пребывать вечным и нетленным, и с Ним будут те, которые ныне взыскали Его и Его одного вместо всего возлюбили. Горе тогда будет тем, которые любят ныне мир сей, потому что они осудятся за то навеки. Горе, душа, жаждущим славы человеческой, потому что они лишатся тогда славы Божией. Горе, душа, собравшим богатства, потому что они возжелают там получить каплю (воды). Горе, душа, возлагающим надежды на человека, потому что вместе со смертью его (рушатся) и надежды их, и они окажутся безнадежными. Горе, душа, тем, которые здесь имеют упокоение, потому что там они восприимут вечную муку.

Поведай (мне), душа моя, о чем ты печалишься? чего из вещей этой жизни желаешь? Скажи мне, и я покажу тебе необходимость и пользу каждой из них. А ты уразумей и познай, что доброго есть в каждой вещи. Скажи: ты желаешь пользоваться славой и похвалами? – так послушай, что такое честь и что бесчестие. Честь состоит в том, чтобы почитать всех, Бога же прежде всего, и заповеди Его стяжевать себе,

как богатство, претерпевая ради них обиды, злословия и поношения всякого рода. Ибо когда ты, душа, предпримешь какое-либо дело ради чести и славы Божией, и за него нанесут тебе обиды и уничижения, тогда ты достигла прочной чести и славы, потому что [здесь-то], конечно, и придет к тебе слава Божия: тогда тебя восхвалят все Ангелы, так как ты почтила Бога, Которого и они прославляют. Ты хочешь, душа моя, владеть одеждами и богатством? – послушай, я покажу тебе сейчас вечное богатство. Кайся со слезами, презирай все, будь нищею духом и сердцем, будь нестяжательной в деньгах и странницей в мире, будь противницей своих противных желаний и, (упокоеваясь) в воле единого Владыки твоего, ревностно последуй стопам Его. И тогда Он, замедлив в шествии, позволит тебе, жалкой, уловить Себя. Ты же, увидев Его, возопи и громко воскликни. И Он, обернувшись, милостивым оком взглянет на тебя, и даст тебе немного посмотреть на Себя, и, скрывшись от очей твоих, опять оставит тебя. Тогда ты, бедная, горько восплачешь и возрыдаешь, тогда станешь просить (себе) смерти, не вынося скорби и не терпя разлуки с пресладким Владыкой. Он же, видя тебя в крайней нужде и весьма постоянною в плаче и сетовании, опять внезапно явится и озарит тебя, опять покажет тебе неисчерпаемое богатство – неувядающую славу Отчего лика, и, исполнив радости, возвеселит тебя, как и прежде, и, таким образом, преисполненною радости, оставит тебя. Та же радость, которая бывает от мирских слов и помыслов, ма-

ло-помалу оставит тебя, и придет к тебе печаль. И так снова, как и прежде, ты горько восплачешь, и взрыдаешь, и взыщешь Его – Виновника веселия, Подателя радости, Который есть прочное и поистине всегда пребывающее богатство. Когда Он будет так испытывать твое произволение, смотри, душа, не ослабей, не обратись вспять, не говори: доколе Он будет для меня неуловим? не говори: зачем, являясь, Он тотчас же снова скрывается? и доколе, вместо милосердия, Он будет доставлять мне (одни) труды? Не говори: как могу я находиться в таком напряжении до смерти? и не обленись, о душа, искать Владыку! но, как предавшая себя однажды на смерть (и посвятившая Богу), не отведывай послабления (и покоя), не ищи ни славы, ни телесного утешения, ни расположения сродников. Совершенно не озирайся ни направо, ни налево; как начала, лучше же – теча еще усерднее, потщись всегда уловлять Владыку, взяться за Него.

И хотя бы тысячи раз Он исчезал и столько же раз являлся тебе, делаясь неуловимым, (только) таким путем Он будет удержан тобою. Десятки тысяч раз, лучше же – доколе ты вообще дышишь, еще усерднее ищи Его и беги к Нему. Ибо Он не оставит тебя и не забудет тебя; но, являясь тебе понемногу все более и более и чаще пребывая с тобою, душа, Владыка, когда ты очистишься, наконец, осиянием света, Сам, придя, весь возобитает в тебе, и с тобою будет пребывать Тот, Кто мир сотворил; и ты будешь обладать истинным богатством, которого мир не имеет, но (только) – небо и те, которые впи-

саны там. Если этого тебе возможно достигнуть, то, скажи, чего еще большего ты желаешь?

Скажи, душа неблагодарная, неразумная, скажи, смиренная душа моя, что – более этого на небе или на земле, чего тебе следовало бы искать? Творец неба и Владыка земли и всего, что на небе и что есть в мире, Он, будучи один Создатель, Судия и Царь, Сам обитает в тебе, весь открываясь тебе, весь освещая тебя светом, и показывая (тебе) красоту лица (Своего), и давая тебе (возможность) яснее видеть Его, и соделовая тебя причастницей Собственной славы – скажи, что иное превосходнее этого? – Ничто, конечно, ты мне ответишь. Я же снова скажу: удостоившись такой славы, зачем ты, о душа, все еще стремишься к земле? зачем обольщаешься здешними вещами? получив нетленное, зачем ты льнешь к тленному? нашедши будущее, зачем прилепляешься к настоящему? Старайся, душа, постоянно обладать ими, вся прилепись к ним, душа моя, чтобы и по смерти ты находилась в тех вечных благах, которые приобрела ты отсюда, и с ними предстала бы Творцу и Владыке, радуясь с Ним во веки веков. Аминь.

Гимн двенадцатый

О том, что желание и любовь к Богу превосходят всякую любовь и всякое человеческое желание; ум же очищающихся, погружаясь в свет Божий, весь обожается и потому называется умом Божиим

Красота Твоя, Владыко Христе, неизъяснима, зрак несравним, великолепие неизреченно, и слава превышает ум и слово. Твой нрав, Твоя благость и кротость превосходят помышления всех земнородных. Поэтому и желание и любовь к Тебе препобеждают всякую любовь и желание смертных. Ибо насколько Ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько сильнее и любовь к Тебе, которая затемняет всякую человеческую любовь, отвращает от любления плотских наслаждений и скоро прогоняет все похоти. Ибо похоть страстей поистине есть тьма, и совершение постыдных грехов – глубокая ночь; влечение же и любовь к Тебе, Спасе, есть свет. Поэтому, воссиявая в боголюбивых душах, она тотчас прогоняет тьму страстей и (чувственных) наслаждений и водворяет день бесстрастия. О дивное и нежданное дело всевышнего Бога! О сила таинств, сокровенно совершающихся! Ты даруешь нам и преходящее, и вечное, Ты даешь земное с небесным и настоящее с будущим, как Создатель всего, имеющий власть над земным и небесным. Итак, зачем же мы,

несчастные, любим людей более, чем Тебя, и жалким образом служим им более, чтобы получить от них ничтожную и непрочную награду? Мы предаем им наши души и тела, дабы они пользовались ими, как ничтожными и отвергнутыми сосудами, и, хотя мы Твои члены – Владыки всего, святые, говорю, члены Святого Господа, Который ни от кого не зависим в Своей власти, не страшимся добровольно предлагать их скверным демонам для постыднейшего греха. Итак, кто из верных рабов Твоих удержится от слез? кто не оплачет также нашей своенравной дерзости? кто не возблагоговеет пред таковым долготерпением Твоим, Боже? кто не вострепещет воздаяния на Божественном суде, то есть нестерпимого и вовеки неугасимого огня гееннского, где плач, и скрежет зубов, и скорбь неутешная, и невыразимая мука?

Но, о Солнце, (этого, видимого нами) солнца, и луны, и звезд, и света, и всей природы Создателю, сокрой меня от них во свете Твоем, чтобы я, созерцая в нем одного Тебя, Слове, не видел мира и того, что в мире; но, и видя, был как бы невидящим, и слыша, как бы не слышал. И как бывает с сидящими во тьме житейских удовольствий и тьме славолюбия: видя, они не видят Твоей Божественной славы и, слыша, совершенно не разумеют Твоих заповедей и повелений, так будет и со мною во свете Твоем, когда я [и видя], не буду видеть мира и того, что в мире. Ибо кто, видя Тебя и чувствуя себя озаренным Твоею славою и Божественным Твоим светом, не изменился умом, душою и сердцем, и не удосто-

ился всевластно, Спасителю, видеть иначе и слышать таким же образом? Ибо ум, погружаясь в Твой свет, просветляется и делается светом, подобным славе Твоей, и называется Твоим умом; (так как) удостоившийся соделаться таковым удостаивается тогда и ум Твой иметь и делается с Тобою безраздельно единым. И как не будет он все видеть и слышать бесстрастно, как Ты? соделавшись Богом [по благодати], как пожелает он чего-либо вообще чувственного, какой-либо скоропреходящей и тленной вещи, либо иной, суетной, славы – тот, кто соделался превыше всего этого и выше всякой видимой славы? Ибо как тот, кто стал превыше всего видимого и приблизился к Богу, лучше же, кто сам наименовался Богом, захотел бы искать славы или роскоши от долу лежащих? Ибо они поистине для него – позор и поношение, уничижение и бесчестие. Слава же для него и утеха и богатство – Бог Троица и (все) Божие и Божественное, Коему подобает всякая слава, честь и держава всегда, ныне и во все веки. Аминь.

Гимн тринадцатый

Изъявление благодарности за дары Божии, и каким образом в отце, пишущем это, действовал Дух Святой. Также наставление, изреченное от (лица) Божия о том, что должно делать, чтобы получить спасение спасающихся

Опять мне светит Свет, опять я вижу Его ясно. Опять Он отверзает (мне) небеса и рассекает (тьму) ночи, опять производит все, опять видится один только Он. Опять Он ставит меня вне всего видимого и отделяет также от всего чувственного. Опять Превысший всех небес, Которого никто из людей никогда не видел, не разверзая небес, не разгоняя ночи, не разнимая ни воздуха, ни кровли дома, нераздельно весь со мною, жалким, бывает внутри моей келлии, внутри ума моего. В то время, когда все остается, как и было, ко мне в средину сердца моего (о, досточтимое таинство) ниспадает свет и поднимает меня превыше всего. И несмотря на то, что я нахожусь среди всего [окружающего], Он ставит меня вне всего, не знаю, не вне ли также и тела. Дотоле я поистине весь нахожусь там, где один простой свет, созерцая который, и я также становлюсь простым по незлобию. Таковы необычайные дела чудес Твоих, Христе мой; таковы дела могущества Твоего и человеколюбия, которые Ты совершаешь

в нас, недостойных. Потому-то я, одержимый страхом Твоим, и трепещу, и постоянно беспокоюсь, и сильно крушусь о том, что я воздам Тебе или что принесу за столь великие дары (Твоего) благоутробия, за те бесчисленные дары, которые Ты излил на меня; ничего же не находя в себе, (так как) ничего [собственно] моего нет в жизни, но все Тебе служит, все – дело рук Твоих, я еще больше стыжусь (и весьма терзаюсь), Спасителю, (желая) знать, что должно мне делать, чтобы послужить и благоугодить Тебе, дабы в день Судный оказатся мне, Спасителю, неосужденным пред Твоим страшным судилищем.

Послушай, что тебе делать, всяк, желающий спастись, и прежде всех ты, вопрошающий Меня. Думай, что ныне ты умер, что ныне ты отрекся и оставил весь мир, покинув друзей, сродников и всякую суетную славу; вместе с тем совершенно отбросив попечение о дольних предметах, возьми крест на плечи, крепко его привяжи и до конца (жизни) переноси труды искушений, боли скорбей и гвозди печалей, принимая (их) с величайшей радостью, как венец славы. Ежечасно пронзаемый остриями обид и жестоко побиваемый камнями всякого рода бесчестия, проливая слезы вместо крови, ты будешь мучеником. Перенося с великой благодарностью поругания и заушения, ты сделаешься причастником Божества Моего и славы. А если ты сам себя покажешь последним из всех, рабом и слугою, то после Я сделаю тебя первым из всех, как обещал Я. Если ты возлюбишь врагов и

всех ненавидящих тебя, и будешь от души молиться за обидящих тебя и благотворить им по силе твоей, то поистине ты стал подобным Всевышнему Отцу твоему; и, стяжав отсюда чистоту сердца, ты узришь в нем Бога, Которого никто никогда не видел. Если же случится тебе потерпеть гонение за правду, тогда радуйся, потому что Царство Небесное стало твоим. А что более этого? Это и многое другое, заповеданное Мною, делай и других учи, и ты и все прочие, верующие в Меня, [так поступайте], если хотите спастись и водворяться со Мною во веки веков. Если же вы отрекаетесь и отвращаетесь, считая позором и бесчестием терпеть все это, (быть презираемыми) и положить души свои за заповеди Мои, то зачем стремитесь узнать, как вам должно спасаться (и через какие деяния можно сдружиться со Мною)? зачем же и Богом вашим Меня называете? зачем и себя также неразумно считаете верующими в Меня? Ведь Я ради вас все это претерпел добровольно: будучи распят на кресте, Я умер смертью злодеев, и Мои поношения и позорная смерть сделались славою мира, жизнью, светом, воскресением мертвых, похвалою всех верующих в Меня, стали одеянием бессмертия и истинного обожения для всех верных. Поэтому те, которые подражают честным страданиям Моим, сделаются также и причастниками Божества Моего и наследниками Царства Моего, станут общниками неизреченных и невыразимых благ и будут вечно пребывать со Мною. О прочих же кто не восплачет и не возрыдает? кто не прольет слез от жа-

лости сердца? кто не оплачет великого их бесчувствия? Ибо, оставив жизнь и ужасным образом отторгшись от Бога, они сами себя предали смерти.

От части их избави меня, Владыко всяческих, и сподоби мне, ничтожному и последнему из рабов Твоих, сделаться причастником непорочных страстей Твоих, дабы, как сказал Ты, Боже, я стал и причастником славы и наслаждения благ Твоих, Слове, ныне, правда, как бы в гадании, образе или зеркале, тогда же я познаю, якоже и познан бых (ср. 1 Кор. 13, 12).

Гимн четырнадцатый

Те, которые отсюда уже через причастие Духа Святого сочетались с Богом и, по преставлении из сей жизни, будут там сопребывать с Ним вовеки. Если же нет, то противоположное будет с теми, которые являются иными

Начало жизни у меня есть конец, и конец – начало. Я не знаю, откуда прихожу, не знаю, где нахожусь, и не ведаю, жалкий, куда опять пойду. Я рождаюсь (как) земля от земли и (как) тело от тела, будучи, конечно, от тленного тленным и всецело смертным. Малое время я провожу на земле, живя во плоти, и умираю, и переходя из этой жизни, начинаю жить другою. Тело я оставляю в земле, имеющее (некогда) воскреснуть и жить бесконечной жизнью вовеки. Итак, призри ныне, Боже, ныне сжалься, едине [Милостиве], ныне помилуй меня.

Вот сила моя оставила (меня), я приблизился к старости – преддверию смерти. Грядет князь мира, имеющий испытать постыдные и скверные дела и деяния мои; предстоят палачи, свирепо глядя на меня и ожидая повеления схватить и увлечь в бездну ада несчастную душу мою. Итак, Ты, по естеству благоутробный и один человеколюбивый и всемилостивый Господи, помилуй меня тогда: не помяни беззако-

ний моих и не остави меня; не дай места против меня коварному врагу моему, который ежечасно угрожает мне, рыча на меня, скрежеща зубами и говоря: на что ты уповаешь? как надеешься избежать от рук моих, так как, оставив меня и презрев мои заповеди, ты присоединился ко Христу? Но ты никоим образом не избежишь. Ибо куда ты уйдешь? Ты отнюдь никогда не можешь ускользнуть от меня, изгнавшего Адама и Еву из рая, соделавшего Каина братоубийцей, во время потопа вконец обольстившего всех (смертных) своими прелестями и жалким образом низвергшего в заблуждение и в ужасную смерть, прельстившего Давида к прелюбодеянию и убийству, поднявшего войну против всех святых и многих (из них) умертвившего – и ты ли, немощнейший, думаешь и надеешься совершенно избежать меня? Слыша это, Владыко и Боже мой и Создателю, Творче и Судие мой, имеющий власть над душою и телом моим как Создатель того и другого, я, жалкий, ужасаюсь и весь дрожу и трепещу. А он, коварный, упрекая, говорит мне, Христе мой: вот ты не бодрствуешь и не воздерживаешься, вот ты не стяжал молитвы, не творишь поклонов, не показываешь тех трудов, которые ты некогда начал – и за это одно я разлучу тебя от Христа и возьму с собою в неугасимый огонь. Я же, как Ты ведаешь, Владыко, никогда не полагал спасения души своей в делах своих и деяниях, но к Твоему милосердию прибег, уповая, что Ты туне спасешь меня, как всемилостивый, и помилуешь, как Бог, подобно тому, как некогда – блудницу и блуд-

ного сына, сказавшего: согрешил я. С такою верою притек я, с таким упованием пришел, с такою надеждою приступил к Тебе, Владыко. И ныне, (молю), да не хвалится он предо мною, рабом Твоим, говоря: где твой Христос, где твой Заступник? не Сам ли Он предал тебя в мои руки? – Ибо если, обольстив, он возьмет меня в плен, то не моему произволению и небрежению это припишет, но свалит все на Тебя, оставившего меня, говоря таким образом: смотри, Тот, на Кого ты уповал, смотри, к Кому ты приступил, смотри, о Ком ты думал, что Он благоволит к тебе и любит тебя, о ком хвалился, что Он имеет тебя братом и другом, сыном и наследником – как Он оставил тебя и предал в мои руки – врага твоего, сверх ожидания изменив тебе и вдруг возненавидев тебя?

Итак, слыша это, не оставь меня, Спасителю, не попусти стать мне поношением Твоим, Боже мой, Царю и Господи, некогда исторгший меня из тьмы, из рук и пасти его и поставивший свободным во свете Твоем. Ибо, видя тебя, я уязвляюсь в глубине сердца и, не будучи в состоянии взирать на Тебя, не (могу, однако), выносить и того, чтобы не видеть Тебя: красота Твоя неприступна, вид неподражаем и слава несравненна. Да и кто когда-либо видел Тебя? или кто мог увидеть Тебя всего – Бога моего? Ибо какое око в состоянии узреть все (или универс)? какой ум мог бы постигнуть Сущего превыше всего, или обнять, или весь окинуть Его всего и увидеть содержащего все, вне всего пребывающего и явля-

ющегося всем, все наполняющего и опять Того Самого, Кто весь вне (всего) существует неизреченным образом? И однако, я вижу Тебя, как солнце, созерцаю, как звезду, усматриваю, как светильник, возжженный внутри сосуда, и ношу в недре, как жемчужину. Но так как Ты не открываешься более, так как не всего меня делаешь светом и Себя не всего (мне) показываешь, каков и сколь велик Ты, то я думаю, что вовсе не имею Тебя – жизнь мою; но безнадежно плачу, как бы некто, ставший из богатых нищим и из знаменитых бесславным. Видя это, враг говорит мне: не спастись тебе. Ибо вот ты отпал и ошибся в (своих) надеждах, так как не имеешь, как некогда, дерзновения к Богу. Не удостаивая его ответа через слово, я дую (на него), и он тотчас исчезает. Так, прошу и молю Тебя, Владыко, будь благоутробен ко мне, Спасителю мой, и тогда, когда душа моя выйдет из тела моего, чтобы одним дуновением мог я посрамить имеющих набежать на меня, раба Твоего, [демонов], и защищаемый светом Духа Твоего, невредимо перешел бы и стал пред судилищем Твоим, имея сопребывающую мне Божественную благодать Твою, Христе, всего меня покрывающую и являющую непостыдным. Ибо кто дерзнет пред Тобою явиться, не будучи облечен в нее? или может ли кто бы то ни было воззреть на нестерпимую славу (Божию), не имея ее внутри и не будучи ею просвещенным? Ибо как человек может увидеть славу Божию и низкая природа человеческая – природу Божества? Ведь Бог – не созданный, мы же все созданы. Он

– нетленный, мы – тление и прах. Он есть дух, превысший всякого духа, как Творец духов и Владыка, мы – плоти земные и существа земновидные. Он – Творец всего, безначальный и непостижимый, мы – черви и вместе грязь и пепел. И кто из нас возмог бы когда-либо увидеть Его через собственную силу и действие, если бы Сам Он не послал Своего Божественного Духа и, сообщив через Него немощной (нашей) природе крепость, силу и мощь, не соделал бы человека способным видеть Его Божественную славу? Ибо иначе никто из людей не увидит и не может увидеть Господа, грядущего во славе. И таким образом неправедные будут отделены от праведных, и грешники и все те, которые не будут иметь в себе света отсюда, покроются тьмою. Те же, которые соединились с Ним через (соделанные) здесь (дела), и тогда таинственно и преискренно сочетаются с Богом, и никогда не будут отлучены от общения с Ним. Но те, которые отошли (отсюда) удаленными от Его света, как или каким образом тогда (с Ним) соединятся? – хотел бы я научиться у вас или вас научить.

Бог, соделавшись человеком, соединился с людьми и, приобщившись человечества, преподал всем верующим в Него и показывающим веру от дел причастие Божества Своего. Итак, спасутся, сказал Он, только эти одни, приобщившиеся Божества Его, как и Сам Он, Творец всего, приобщился нашей природы, как свидетельствует Павел, что Церковь Христова – Владычнее и Божественное тело без пятна вместе и

порока, и без всякой морщины, каковыми должны быть верные; глава же (тела) – Христос (см. Еф. 5, 27). Итак, если это будет, как, очевидно, и есть, то кто, будучи нечистым, посмеет тогда прикоснуться к Нему или кто, недостойный, прилепится к Нему? Ибо если и теперь грешники извергаются из Церкви и совершенно исключаются от общения, лучше же, лишаются созерцания вещей Божественных, не будучи святыми, то как тогда, увы мне, они соединятся со всенепорочным телом Божиим и соделаются членами Христовыми, будучи запятнанными (и нечистыми)?

Невозможно это, братие, и никоим образом не будет. Отделенные же от Божественного тела, то есть от Церкви и лика избранных, скажи, куда они пойдут? в какое царство? в каком месте, скажи, они надеются вселиться? Ибо рай, конечно, и лоно Авраамово, и всякое место упокоения принадлежит спасающимся. А спасающиеся, конечно, суть святые все, как свидетельствует и учит все Божественное Писание. Ибо многи – обители, но внутри чертога (ср. Ин. 14, 2). Подобно тому ведь, как – одно небо и на нем звезды, различающиеся друг от друга честию и славою, так существует и один чертог и одно Царство. Но и рай ведь, и град святой, и всякое место упокоения есть один только Бог. Ибо как в этой жизни человек, не пребывающий в Боге, и Бог – в нем, не имеет покоя, так и после смерти вне Его одного, полагаю, не будет ни упокоения, ни места совершенно свободного от печали, воздыхания и скорби.

Поэтому потщимся, братие, потщимся прежде смерти прилепиться к Богу, Творцу всех, Который ради нас, несчастных, приклонил небеса и сошел на землю (см. Пс. 17, 10), сокрылся от Ангелов и, вселившись во чреве Святой Девы, неизменно и неизреченно воплотился и произошел от Нее для спасения всех нас. Спасение же наше состоит именно вот в чем, как мы часто говорили и ныне снова скажем, не сами, впрочем, от себя, но от уст Божиих. Явился великий Свет будущего века, на землю сошло Царство Небесное; лучше же (сказать), пришел Царь всех вышних и нижних, восхотев уподобиться нам, дабы все мы, приобщившись Его, как бы света, явились вторыми светами, подобными первому (Свету), и, соделавшись причастниками Царства Небесного, были общниками славы (Его) и вместе наследниками вечных благ, коих никто никогда не видел. Эти же блага, как я уверен, верую и говорю, суть Отец, Сын и Дух Святой – Троица Святая. Это источник благ, это жизнь (всего) существующего, это утеха и упокоение, это одеяние и слава, это радость неизъяснимая и спасение всех приобщившихся Его неизреченного осияния и чувствующих, что имеют общение с Ним. Послушайте, ведь потому Он и Спасителем называется, что доставляет спасение всем, с которыми соединился. Спасение же есть избавление от всех зол и вечное обретение в Нем всех благ, дарующее вместо смерти жизнь, вместо тьмы свет, вместо рабства страстям и постыднейшим деяниям совершенную свободу – всем соединившимся со Хри-

стом – Спасителем всех, которые приобретают тогда всякую радость неотъемлемую, всякое веселие и всякое радование. Те же, которые совершенно удалены от Него и не взыскали Его, или не соединились с Ним и не избавились от рабства страстям и смерти, цари ли то, князья или вельможи, хотя бы они думали и полагали, что утешаются, радуются и наслаждаются благами, но они никогда не будут обладать той совершенно неизреченной и неизъяснимой радостью, которую имеют рабы Христовы, свободные от всех неуместных пожеланий удовольствий и славы. Ее никогда не познает, не поймет и не увидит никто из тех, которые преискренно и горячо не прилепились ко Христу и в неизреченном соединении не растворились с Ним, Которому подобает слава, честь, хвала и всякое пение от всей твари и (всякого) дыхания вовеки. Аминь.

Гимн пятнадцатый

Благодарение за изгнание и скорби, которые претерпел (святой отец) во время гонения на него

Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя, единый Сердцеведче, Царю праведный, всемилостивый, благодарю Тебя, безначальный и всемогущий Слове, сошедший на землю и воплотившийся Боже мой, соделавшийся тем, чем не был – человеком, подобным мне, без изменения, скоропрехождения и всякого греха, дабы, пострадав, будучи бесстрастным, неправедно от беззаконных, даровать мне, осужденному, бесстрастие через подражание страстям Твоим, Христе мой. Итак, праведен суд Твой и вместе повеление (Твое), которое Ты повелел соблюдать нам, Всемилостиве. Оно состоит в подражании смирению Твоему, дабы подобно тому, как Сам Ты пострадал, будучи безгрешен, так и мы, согрешившие, переносили бы все: искушения, и гонения, и биения, и скорби, и, наконец, (даже самую) смерть от беззаконных. Ибо Ты слышал (о Себе), что Ты беснуешься, Тебя считали обольстителем, безбожником, противником Богу и преступником закона.

Схваченный, как преступник, и связанный, Ты веден был один, когда все ученики (Твои) и друзья оставили Тебя; Ты предстоял пред судьею, как осужденный, Слове, и принял

приговор, вынесенный им против Тебя. За то, что промолвил, Ты подвергся заушению от раба и за то, что молчал, немедленно осужден был на смерть. Ибо слова Твои были мечом для беззаконных, и молчание (Твое), Царю, было причиною осуждения. Поэтому неправедные, не вынося Тебя одного видеть праведного, предали Тебя позорнейшей смерти. Потом Ты биен был по главе, увенчан терниями, облечен в багряную хламиду, (заплеван в лицо, увы мне) и поруган от беззаконных, слыша насмешливое: «радуйся, Царю Иудейский!» Ты понес крест на плечах и, приколоченный на нем, вознесен был, Боже мой. Ты пригвожден был руками и ногами, напоен оцтом и пронзен копием в ребро Твое, Всемилостиве. Не вынося этого, земля поколебалась от страха и скоро отдала (заключенных) в ней мертвецов. Солнце, видя Тебя, в кровь превратилось, и луна тогда мраком покрылась; и завеса храма тогдашнего надвое раздралась сверху донизу. Ничего из этого совершенно не уразумели те беззаконники, но и к лежащему во гробе приставили стражей и запечатали камень, думая (таким образом) удержать Тебя. Но Ты, Владыко, воскрес Своею силою, оставив преступникам печати целыми (и невредимыми). Ангелы же, пришедши, отвалили камень, поразив страхом стрегущих там. Но и (тогда даже), совершенно не желая хотя сколько-нибудь уразуметь, они остались ослепленными умом и имя окамененное сердце до смерти. Итак, что же великого для меня, если и я пострадаю, как Сам Ты, Владыко, будучи безгрешен, пострадал за

мир, дабы спасти мир – я, (говорю), весьма много согрешивший от юного возраста и прогневавший Тебя, Христе, делами и словами. Поистине же велико для меня, лучше же, превыше всякой славы, так как делает меня причастником Твоей неизреченной славы, это – причастие страданиям, подражание делам (Твоим) и смирение Твое, которое доставляет обожение с разумением проходящим его. Благодарю Тебя, Владыко, за то, что я страдаю более неправедно. Если же – праведно, то да будет (это), Христе, во искупление грехов и в очищение от бесчисленных прегрешений моих. И не попусти, Владыко, чтобы мне причинены были когда-либо страдания, или искушения, или скорби сверх сил; но всегда подавай мне и облегчение, Боже мой, и силу, чтобы я мог понести скорби. Ибо Ты, Милостиве, изначала являешься подателем благ для тех, которые от души припадают ко Твоей державе, по достоинству веры, и дел, и благих надежд подавая дарования и всякие дары Божественного и поклоняемого Твоего Духа, ныне и присно и всегда, во веки веков. Аминь.

Гимн шестнадцатый

Все святые, будучи озаряемы, просвещаются и видят славу Божию, насколько возможно человеческой природе видеть Бога

Воззри свыше, Боже мой, и благоволи явиться (мне) и собеседовать нищему. Отверзи небеса и покажи мне свет Твой или, лучше, отверзи ум мой, и как некогда, (так) и ныне, войдя внутрь меня, говори через нечистый язык мой (и опровергни ложь) тех, которые говорят, что ныне нет никого, кто бы разумно видел Бога, и до этого времени никого не было, кроме апостолов. Но и те даже не видели, говорят они, ясно Бога, Отца Твоего, уча, что Он пребывает невидимым для всех, равно и незримым, и приводя изречение возлюбленнейшего ученика Твоего Иоанна, говорящего, что Бога никогда никто из людей не видел (см. Ин. 1, 18; 1 Ин. 4, 12). Ей, скажи скоро, Христе мой, (что мне делать), дабы я не казался для неразумных болтуном. Пиши, сказал Он, что Я буду говорить, пиши и не бойся. Я – Бог прежде всех дней, времен и лет, и даже прежде всех веков, прежде всех тварей, видимых и умопостигаемых, превыше ума и слова, превыше всякого понятия, Я был один с одним единственно, и (со Мною не было) ничего (не только) из видимого, но даже и из невидимого. Поистине Я был прежде, чем произошел. Я один –

несозданный со Отцом и Духом Моим, Я есмь один безначальный от безначального Отца Моего. Никто ни из Ангелов, ни из Архангелов, ни из других чинов никогда не видел ни природы Моей, ни Самого Меня – Творца, всецело, Каков Я есмь, но они видят один только луч славы и (некое) излияние света Моего, и обожаются. Ибо подобно тому как зеркало, воспринимающее солнечные лучи, или как хрусталь, освещенный в полдень, так и они все воспринимают лучи Божества Моего. Всего же Меня увидеть еще не удостоился никто ни из Ангелов, ни из людей, ни из святых сил. Ибо Я – вне всего и для всех невидим. Однако не из зависти, конечно, к ним (Я не даю) им видеть Себя и не потому скрываюсь и не являюсь, чтобы Я был некрасив, но потому, что не нашлось еще никого, достойного Божества Моего, и потому, что невозможно для твари быть равной Творцу. Да это им и не полезно. Видящие же малое отражение света (Моего) таинственно научаются тому, что Я подлинно есмь, и познают, что Я – Бог, произведший их, и в изумлении и страхе прославляют Меня и служат. Ибо невозможно, чтобы Бог произвел другую природу, равномощную Творцу и однородную с Ним, потому что совершенно невозможно созданию быть единосущным Создателю. Ибо как создание может когда-либо уравняться с Несозданным? Ты признаешь как это, так (не станешь отрицать) также и того, что создания ниже Того, Кто всегда существует, безначален и несотворен, и настолько различаются (от Него), насколько колесница и пила

– от изготовившего их (мастера). Итак, как колесница может уразуметь того, кто сделал ее, или как пила, скажи мне, познает того, кто движет (ею), если изготовивший их не даст им знания и не вложит в них зрения, что невозможно для всех сотворенных? Итак, решительно никто ни из людей, ни из Ангелов не получил власти давать другим дыхание или доставлять им жизнь. Господь же всех, один имеющий власть и могущество, как Источник жизни, производит одушевленные существа, какие, конечно, пожелает, и, как Художник и Владыка, каждому дарует то, что восхощет и изволит. Ему слава и держава ныне и вовеки. Аминь.

Гимн семнадцатый

Соединение Всесвятого Духа с очищенными душами происходит с ясным чувством, то есть сознанием; и в которых (душах) это бывает, те Он соделовает подобными Себе, световидными и светом

Невидимый весьма далеко отстоит от видимого,
И от тварей – Тот, Кто произвел их исперва,
Равно от тленного – Нетленный и от тьмы свет.
Смешение этих (природ) произошло тогда, когда Бог сошел (на землю).
Ибо тогда расстоящие (естества) соединил мой Спаситель.
Но слепые не видят этого единения, и мертвые
Говорят, что совершенно не чувствуют его,
А думают, что живут и видят, о, крайнее безумие!
Не веруя, они говорят, что никто опытно этого
Не познал или не ощутил, (то есть) не видел чувственным образом;
Об этом же мы только слышим и научаемся словами.
Но, о Христе мой, научи меня, что сказать им на это,
Дабы от великого неведения и неверия
Исторгнуть их, и дать им видеть Тебя – Свет мира.
Послушайте, отцы, Божественных словес и уразумейте,
И вы познаете то единение, которое бывает с сознанием,
И чувством, конечно, и опытом, и зрением.

Бог – невидим, мы же, конечно, видимы.
Итак, если Сам Он соединяется волею с чувственны ми (существами),
То не сознательно ли должно происходить соединение обоих?
Если же ты утверждаешь, что это бывает без сознания и чувства,
То это, конечно, соединение мертвых, а не Жизни с живыми.
Бог (есть) Творец тварей, твари же – это мы.
Если же Бог Творец снизошел к твари
И соединился, и тварь сделалась как Творец;
То поистине она в истинном созерцании должна ощутить,
Что тварное неизреченно соединилось с Творцом.
Если же мы не допускаем этого, то погибла вера
И совершенно исчезла надежда на будущее.
Не будет (тогда) ни воскресения, ни всеобщего суда,
Так как мы, твари, как говоришь ты, бесчувственно
Соединяемся с Творцом, ничего не помышляя в сознании.
И Бог (тогда) страдает чрез тебя, как будто Он не есть
Жизнь, и, соединяясь с нами, не сообщает нам жизни.
Творец опять нетленен, твари же тленны.
Ибо, согрешив, не только тело одно,
Но и самые души они подвергли тлению.
По этой причине мы и телом и душою
Тленны, как тлением духовной смерти
И греха все вместе одержимые.
Итак, если Нетленный по природе соединился со мною,

тленным,
То поистине будет одно из двух, о чем я хочу сказать тебе:
Либо меня Он изменит и соделает нетленным,
Либо Нетленный изменится в тление, и таким образом
Я, быть может, не уразумею того, что Он пострадал
И сделался мне подобным. Если же я стал
Весь нетленным из тленного, прилепившись к Нетленному,
То как бы я не почувствовал (этого)? как бы самым опытом
Не познал я, чем стал, став тем, чем не был?
Ибо кто говорит, что Бог, соединяясь с людьми,
Не сообщает им Божественного нетления,
Но скорее Сам поглощается их тлением,
Тот учит о гибели Негиблющего
И богохульствует, сам совершенно отпадая от жизни.
Если же это невозможно, то прими лучше другое (положение),
И прежде конца потщись приобщиться нетления.
Бог есть Свет, мы же находимся во тьме.
Или, вернее сказать – мы сами тьма.
Не обольщайтесь, Бог нигде в другом месте не светит,
Кроме тех одних душ, с которыми Он соединится прежде конца.
Для других же если и воссияет, как изрекли проповедники [истины],
То явится для них как огонь, совершенно неприступный,
Имеющий испытать, каково дело каждого,
И снова удалится от них, как от недостойных;

Они же восприимут достойное мучение.
При всем том здесь и там Свет для душ один и тот же;
Мы же, имея непросвещенные души, являемся тьмою.
Итак, если тот Свет, что для душ, соединится с моею душою,
То он либо погаснет и сделается тьмою,
Либо душа моя, просветившись, будет как Свет.
Ибо когда свет возжигается, тьма тотчас убегает.
Таково ведь свойство и чувственного света.
Если же этот произведенный свет совершает в тебе то,
Что и очи твои просвещает, и душу увеселяет,
И дает тебе видеть, чего ты прежде не видел;
То чего не соделает, воссияв в душе (твоей), Творец его,
Сказавший: да будет свет, и он тотчас произошел?
Итак, как тебе кажется, если Он умно воссияет в твоем сердце
Или в уме, как молния или как великое солнце;
То что Он может сделать душе озаренной?
Не просветит ли ее и не даст ли (ей)
Точно познать Того, Кто Он есть?
Ей, воистину так бывает и так совершается,
Так открывается благодать Духа,
И чрез Него и в Нем – и Сын со Отцом.
И (таковой человек) видит Их, насколько возможно (ему) видеть,
И тогда от Них тому, что касается Их, он неизреченно
Научается, и вещает, и всем другим (то) описывает,
Излагая богоприличные догматы, как все
Предшествовавшие святые отцы учат;

Ибо таким образом они Божественный символ сложили.
Сделавшись таковыми, как мы сказали, они
Вещали и говорили с Богом и о Боге.
Ибо кто богословствовал о Троическом Единстве,
Или кто низложил ереси, не сделавшись таковым?
Или кто был назван святым, не приобщившись Святого Духа? – Никто никогда; так как мысленный Свет ощутительно
Обыкновенно приходит к тем, к которым Он прибудет.
Говорящие же, что они приобщаются Его без чувства,
Сами себя в действительности называют бесчувственными.
А мы (называем) их мертвыми, лишенными жизни,
Хотя они и мнят, что живут. О, обольщение! О, безумие!
Но, о Свете, воссияй в них, воссияй, чтобы, увидев (Тебя),
Они действительно убедились, что Ты воистину – Свет,
И тех, с которыми Ты соединяешься, уподобляешь
Себе и соделоваешь как бы светом.
О чадо, Я всегда сияю пред лицом верных,
Но они не хотят (Меня) видеть или, лучше, закрывают глаза,
Не желая воззреть на Меня,
И отвращают лица в другую сторону.
Вместе с ними и Я поворачиваюсь, становясь пред ними,
Но они снова бросают взор в другую сторону,
И [таким образом] совершенно не видят света лица Моего.
Одни из них покрывают лица покровами,

Другие же убегают прочь, совершенно ненавидя Меня.
Итак, что делать Мне с ними? – Я совершенно недоумеваю.
Ибо спасти их без (их) воли и по принуждению —
Это показалось бы скорбным для не желающих спастись.
Ведь добро воистину будет добром (только) по воле,
Без воли же добро не будет добром.
Поэтому желающих и Я вижу и (ими) видим бываю,
И делаю их сонаследниками Царствия Моего.
Не желающих же Я оставляю с их желанием в мире сем.
И они сами прежде суда бывают своими судиями,
Так как в то время, когда сиял Я – Свет неприступный,
Они одни сами себе причинили тьму,
Не желая видеть Света и оставшись во тьме.

Гимн восемнадцатый

Алфавит в двустишиях, побуждающий и наставляющий недавно удалившегося от мира восходить к совершенству жизни

Началом положив Христа и горячую веру, удались, таким образом, от мира.

Бегай сродников и друзей, ибо это для новоначальных полезно.

Свободный от (всего) вещественного, приступи к

Невещественному, ибо ничего большего ты не найдешь себе в помощь.

Малодушие всякое от себя отбросив (ведь ты прибег ко всемогущему Владыке),

Надежду же лучше несомненную восприняв (ибо Он печется даже о малых птичках),

Иго легкое Господне понеси (ибо велико воздаяние будущее),

Нас всех, смертных, туне спасающее [иго] (ибо мы искуплены Божественною кровию)

И Богами являющее силою Призывающего, ибо

таково воплощение Владыки,

Дабы ты делом познал конец дел – то, что предивнее всего видимого[14].

Хорошее для тебя приобретение – отсечение воли: оно покажет тебя мучеником в совести.

Слова отца твоего (духовного) и повеления исполняй, ибо они непреткновенно наставляют тебя на путь

Даже до смерти; велика высота этого [подвига]; но Бог явно ради тебя и это соделал.

Считай себя худшим всех (это сделает тебя первым во Царствии),

Странником, нищим и низшим других; велики эти (добродетели), если исправишь (их).

Ты весь будешь [тогда] подражателем Владыки, а что выше этого?

Всякого исправляет повседневный плач: ведь он слаще пищи и питья:

Познанию преходящего и пребывающего он научает, ибо прежде всего от мира удаляет.

Упражняйся в безмолвии, хранящем (все) это, ибо

[14] То есть обожение человека через воплощение Сына Божия.

оно посекает всевозможные бесполезные корни.

Память смертную постоянно имей, ибо она есть виновница смирения.

Отсюда очистившись и просветившись сердцем (о, чудо, для всех искомое!),

Ты свет Божественный удостоишься ясно увидеть; ведь он есть невещественный луч от Невещественного.

Христос же есть совершенная Любовь; имеющий

Его по усыновлению Богом является.

Души, ищущие Его, Он просвещает; они одни живы будут – никто не прельщайся.

О любовь Боготворящая, которая есть Бог – дар таинственно подаваемый достойным;

Она – (нечто) изумительное и вещь не легко обретаемая.

Гимн девятнадцатый

Наставление монахам, недавно отрекшимся мира и того, что в мире; и о том, какую должно иметь веру к отцу своему (духовному)

Оставь весь мир и то, что в мире, один блаженный плач восприими, оплакивай только свои злые деяния, потому что они лишили тебя Творца всех – Христа, и (сообщества) святых (Его). Кроме этого, ни о чем другом не заботься. Даже тело твое да будет для тебя как бы чужим. Смотря вниз, как осужденный и ведомый на смерть, всегда воздыхай из глубины сердца. Лицо свое омывай одними только слезами. Ноги же, текшие на худые (дела), отнюдь не омывай водою. А руки твои пусть будут у тебя согбенными; к Богу бесстыдно не простирай их, которые ты часто употреблял для греха. Дерзкий язык по возможности сдерживай, (ибо он весьма проворен на грех), потому что из-за него одного многие даже из великих (людей), сбившись с правого пути, потеряли Царство Небесное. Прежде же этого загради свои уши, чтобы не слышать ничего постыдного и суетного; тогда, быть может, ты и языком овладеешь. Слушай только наставления отца твоего (духовного), давай ему смиренные ответы и, как Богу, открывай свои помыслы, ничего не скрывая даже до (греховных) приражений; ничего не делай без его воли: не

спи, не ешь и не пей. И когда благовременно ты это соблюдешь, то не станешь мнить, что совершил что-либо великое; ибо (хотя) и посеял ты в поте и труде, но плода трудов своих ты еще не собрал. Поэтому не обольщайся и не думай, что нашел (искомое), прежде чем не стяжал ты душевных очей и ушей сердца твоего не очистил слезами своими, омыв их от нечистоты, и (прежде чем) не стал видеть и слышать духовно, и не начал чувствами внутри изменяться. Ибо многое ты увидишь, чего невозможно высказать, и гораздо больше еще услышишь, и притом необычайного, чего языком не сможешь выразить. Видеть же таким образом есть чудо из чудес. Такой (человек) ничего плотского никогда не помышляет, землю же он попирает, как бы шествуя по воздуху, и все видит даже до бездн, вникая во все творения; он познает Бога и, пораженный страхом, как Творцу, поклоняется (Ему) и прославляет (Его). А великое дело познать (Его) власть и могущество, хотя все думают, что знают это; однако, не сомневайся, весьма многие обольщаются. Это знают одни только просвещенные, все же другие (о, ужасное неведение!) омрачены еще большею тьмою, чем демоны.

Но, о Господи и Творче всех! Ты, создавший меня из земли смертным существом и почтивший благодатию бессмертия, даровавший мне жизнь, и речь, и движение, и (возможность) прославлять Тебя – Владыку всяческих, Сам, Владыко, дай мне, несчастному, припадая к Тебе, просить (себе) полезного. Ибо не знаю я ни того, как в этот мир я пришел,

ни того, что такое здесь то, что (люди) считают существующим. Не могу сказать я, о Боже мой, что такое зрение мое и что такое видимые (мною) предметы. Как осуетились мы, все люди, и не имеем правильного суждения о сущем? Вчера пришел я (сюда), завтра отойду, а думаю, что буду существовать здесь бессмертно. Пред всеми исповедую Тебя Богом моим, делами же отрицаюсь Тебя повседневно (см. Тит. 1, 16). Учу, что Ты – Творец всего, и, однако, усиливаюсь иметь все независимо от Тебя. Ты царствуешь над вышними и нижними, и один только я не трепещу противиться Тебе. Дай мне, беспомощному, дай мне, несчастнейшему, отвергнуть всякий порок души, которую, увы мне, умаляют вместе и сокрушают гордость и пустая надменность. Даруй (мне) смирение, дай руку помощи, очисти скверну души моей и подай мне покаянные слезы, слезы желанные, слезы спасительные, слезы, очищающие мрак ума моего и снова содевающие меня (ясным) и светлым, желающим видеть Тебя – Свет мира, Свет очей моих, моих, (говорю) – меня, жалкого, имеющего сердце, исполненное житейских зол, многих скорбей и неприязни к тем, которые причинили мне изгнание, лучше же сказать, к моим благодетелям, владыкам и поистине друзьям моим. За зло воздай им, Христе мой, благами вечными, богатыми и Божественными, которые на веки веков Ты уготовал вожделевающим Тебя и от души любящим.

Гимн двадцатый

Каковым должно быть монаху, и какое его делание, или преспеяние и восхождение

Соделай дом души твоей палатою в жилище Христу – Царю всяческих – каплями слез твоих, воплями, рыданиями, коленопреклонениями и частыми вздохами, если желаешь, о монаше, быть поистине монахом. И тогда ты не будешь и одиноким, так как будешь сопребывать с Царем, и одиноким будешь подобно нам, как отделившийся от людей и всего мира; это, конечно, и (значит) монах. Соединившись же с Богом и Царем, ты не одиноким сделался, но сопричтен ко всем святым, стал сожителем Ангелов, совесельником праведников и поистине сонаследником всех небожителей. Итак, каким образом ты одинок, когда ты имеешь жительство там, где собор мучеников и преподобных, где лик пророков и божественных апостолов, где бесчисленное множество праведных, иерархов, патриархов и прочих святых? Имеющий же (еще) Христа живущим в себе как может быть назван единственным, скажите мне? Ведь со Христом моим сопребывает Отец и Дух. Как же одинок тот, кто с Тремя соединен, как с одним? Соединившийся с Богом не – один, хотя бы он и одинок был, хотя бы сидел в пустыне или находился в пещере. Если же кто не обрел Его, не познал, не воспринял Его всего

– воплощенного Бога Слова, тот совершенно, горе мне! не сделался монахом; поэтому он-то и есть один, (как) отделенный и разлученный от Бога. Также каждый из нас порознь и все мы, (люди такого духа), отделены, конечно, от других людей и являемся сирыми и разъединенными, хотя нам и кажется, что мы имеем единение через сожитие и сообщаемся друг с другом во многолюдных собраниях. Ибо духом и телом мы отделены (друг от друга), и что это верно, показывает смерть, разлучая каждого от сродников и друзей и принося забвение всех ныне любимых. Так и ночь, и сон, и дела житейские естественно расторгают единение многих. Кто же через добродетель сделал келлию свою небом, тот, и сидя в ней, созерцает и видит Творца неба и земли, и поклоняется (Ему), всегда сопребывая со Светом незаходимым, Светом невечерним, Светом неприступным, от Которого он никоим образом не отлучается и вовсе не удаляется ни днем ни ночью, ни в пище ни в питии, ни даже во сне, либо в пути или при перемене места, но как живой, так и мертвый, говоря же яснее – совершенно вечно сопребывает с Ним душою. Ибо как невеста разлучится от жениха или муж от жены, с которой он сочетался однажды? Законодатель, скажи мне, не соблюдет ли закона? Сказавший: и будета два в плоть едину (Быт. 2, 24) – как Сам не станет с нею (душою) совершенно (единым) духом? Ибо жена в муже, и муж в жене, и душа в Боге, но и Бог в душе – соединяется и познается во всех святых.

Так соединяются с Богом те, которые, очищая через покаяние свои души в этом мире и удаляясь от других, делаются монахами. Они воспринимают ум Христов, то есть совершенно нелживые уста и язык, посредством которого беседуют с Отцом Вседержителем и всегда вопиют: о Отче, Всецарю и Творче всех! Келлия у них есть небо, а (сами) они являются солнцем, и в них пребывает Свет незаходимый и Божественный, Который просвещает всякого человека, грядущего в мир сей и рождающегося от Духа Святого (см. Ин. 1, 9). Итак, в них нет ночи, но каким образом – я не могу тебе сказать. Ибо я дрожу, пиша тебе это, и, помышляя, трепещу; но я изъясняю тебе, как и каким образом живут служащие Богу и Его одного, вместо всего, взыскавшие и обретшие, Его одного возлюбившие, с Ним одним соединившиеся и соделавшиеся монахами, как одни – с Одним, (хотя бы они и остались среди большого собрания народа). (Ибо поистине те суть монахи и одни только те уединяющееся), которые (пребывают) с одним Богом и одни в Боге, обнажившись от всевозможных помышлений и помыслов и созерцая одного только Бога в уме бессмысленном, утвердившемся во свете, подобно тому как стрела в стене, или звезда на небе, или не знаю, как (иначе еще) сказать. Однако они живут в (своих) келлиях, как в некоем светлом чертоге, и думают, что пребывают на небе, или же и поистине (там) пребывают. Смотри, не окажись неверующим. Ибо они не находятся на земле, хотя и держимы землею, но живут во свете будущего века, в

котором витают и шествуют Ангелы, которым восхищаются Начала и Власти и укрепляются все Престолы и Господства. Ибо хотя Бог почивает во святых (Своих), но и святые в Боге и живут и движутся, ходя во свете, о чудо, как бы по твердой земле, как Ангелы и сыны Вышнего. После смерти они будут Богами, сопребывающими с Богом, с Тем, Кто по естеству Бог – те, которые уподобились Ему по усыновлению. Ныне же они в том только Ему уступают, что удерживаются телом, будучи, увы мне, покрываемы и окутываемы им, как узники в темнице, которые хотя и видят солнце и лучи его, проникающие через скважину, но всего его не могут созерцать или видеть, вышедши из темницы, или, выглядывая, свободно смотреть на воздух. И вот это-то и печалит их, (и сокрушает), что они не видят всего Христа, хотя и всего видят, и что не могут избавиться от уз тела, хотя и освободились от страстей и всякого пристрастия; но освободившись от многого, они удерживаемы бывают одним. Ибо тот, кто связан многими узами, не надеется разрешиться от них; а кто смог разорвать весьма многие из уз, а (все еще) удерживается одним (чем-нибудь), тот скорбит еще более прочих и всегда усердно ищет избавиться (также) и от того, чтобы явиться свободным, дабы ходить, радуясь, и поспешно направиться к тому, кого он возлюбил и ради кого стремился разрешиться от уз. Итак, будем и мы все искать Того одного, Кто может освободить нас от уз; Его-то и возлюбим, Того, красота Которого изумляет всякий ум, поражает всякое сердце, уязвля-

ет (всякую) душу и, вознося (как бы на крыльях) к любви, тесно связывает и соединяет с Богом навеки.

Ей, братия мои, теките к Нему деяниями. Ей, други, восстаньте и не отставайте. Не прекословьте нам, обольщая себя самих. Не говорите, что невозможно воспринять Божественного Духа. Не говорите, что возможно спастись и без Него. Не говорите поэтому и того, что кто-либо делается причастником Его в неведении. Не говорите, что Бог не бывает видим людьми. Не говорите, что люди не видят Божественного света, или что это невозможно в настоящее время. Никогда, друзья, это не было невозможным, но и весьма даже возможно для желающих, для тех исключительно, которые, проводя жизнь в очищении от страстей, соделали чистыми умные очи. Для прочих же греховная скверна поистине (бывает) слепотою, которая и здесь и там лишит их Божественного света и, не обольщайтесь, пошлет их в огонь и во тьму. Не видите ли, друзья, Каков и сколь прекрасен Владыка! О, не смежайте (очей) ума, взирая на землю! О, не порабощайтесь заботами о земных делах и имуществах и желанием славы, оставляя этот Свет жизни вечной. Ей, други, приидите и вознесемся вместе со мною, не телом, но умом, душою и сердцем, в смирении и сокрушении сердца взывая к щедролюбивому и единому Человеколюбцу Богу; и Он непременно услышит и помилует, Он непременно откроется и явится, и покажет нам Свой ясный свет. Зачем вы, жалкие, ленитесь и нерадеете? Зачем предпочитаете покой тела и славу,

бесчестную и бесславную, пустую и суетную? Зачем добродетельную жизнь называете (праздною и) беззаботною? – Не так это, братия, не так, не обольщайтесь. Но как проводящие (светскую) жизнь, имеющие жен и детей и домогающиеся богатства и временной славы стараются и стремятся удовлетворить свои желания; так и всякий кающийся и служащий Богу должен стараться и всегда заботиться о том, чтобы покаяние его было благоприятным и служение благоугодным и совершенным. Тогда, совершенно присвоившись через них Богу, он всецело соединяется (с Ним) и видит Его в лицо, и получает дерзновение к Нему соразмерно тому, поскольку старается исполнять Его волю, которую и мы да сподобимся сотворить и получить милость со всеми святыми ныне, насколько возможно в сем веке, там же мы примем всего Христа и всего Божественного Духа со Отцом во веки веков. Аминь.

Гимн двадцать первый

Об умном откровении действий Божественного света и об умном и Божественном делании добродетельной жизни

Оставьте меня одного заключенным в келлии; отпустите меня с одним Человеколюбцем – Богом; отступите, удалитесь, позвольте мне умереть одному пред (лицом) Бога, создавшего меня. Никто пусть не стучится (ко мне) в дверь и не подает голоса; пусть никто из сродников и друзей не посещает меня; никто пусть не отвлекает насильно мою мысль от созерцания благого и прекрасного Владыки; никто пусть не дает мне пищи и не приносит питья; ибо довольно для меня умереть пред (лицом) Бога моего, Бога милостивого и человеколюбивого, сошедшего на землю призвать грешников и ввести их с Собою в жизнь Божественную. Я не хочу более видеть свет мира сего, ни самого солнца, ни того, что находится в мире. Ибо я вижу Владыку моего и Царя, вижу Того, Кто поистине есть Свет и Творец всякого света. Вижу источник всякого блага и причину всего. Вижу То безначальное Начало, от Которого произошло все, через Которое все оживляется и исполняется пищи. Ибо по Его желанию все приходит в бытие и делается видимым и по воле Его все (исчезает и) прекращается. Итак, как же я, оставив Его,

выйду из келлии? Оставьте меня, я буду рыдать и оплакивать те дни и ночи, которые я потерял, когда смотрел на мир сей, смотрел на это солнце и на этот чувственный и мрачный свет мира, который не просвещает душу, без которого живут в мире и слепые также очами, которые, преставившись (отсюда), будут такими же, как и зрячие ныне. В этом свете и я, прельщаясь, всячески увеселялся, совершенно не помышляя, что есть иной Свет, Который, как сказано, есть и жизнь, и причина бытия, как того, что существует, так и того, что будет, конечно, существовать. Итак, я был как бы безбожником, не ведая Бога моего. Ныне же, когда Он по неизреченному благоутробию благоволил стать видимым для меня, несчастного, и открыться, я увидел и познал, что Он воистину есть Бог всех, Бог, Которого никто из людей в мире не видел. Ибо Он – вне мира, вне света и тьмы, вне воздуха и вне всякого чувства. Поэтому и я, видя Его, стал превыше чувств. Итак, вы, находящиеся во власти чувств, позвольте мне не только запереть келлию и сидеть внутри ее, но даже, вырывши под землею яму, скрыться (в ней). Я буду жить там вне всего мира, созерцая бессмертного Владыку моего и Создателя; я хочу умереть из-за любви (к Нему), зная, что я не умру. Итак, какую пользу принес мне мир? и что приобретают ныне те, которые находятся в мире? – Поистине ничего, но нагими вселившись во гробах, они нагими и воскреснут, и все восплачут о том, что, оставив истинную жизнь, свет мира – оставив Христа, говорю, они возлюбили тьму, и в ней

предпочли ходить все те, которые не восприняли Света, воссиявшего в мире, Которого мир не вмещает и не может видеть (см. Ин. 3, 19 и след.). Поэтому оставьте и отпустите меня одного, умоляю – плакать и искать Его, чтобы Он богато дарован был мне и изобильно явился. Ибо Он не только видим бывает и созерцается, но и преподается, и обитает, и пребывает, являясь как бы сокровищем, скрытым в недре. Носящий его веселится и видящий его радуется, (думая, что хотя оно и сокрыто, но видится всеми; однако оно не видится ясно и неприкосновенно для всех). Его ни вор не может отнять, ни разбойник похитить, хотя бы он и умертвил того, кто его носит.

Напрасно бы он трудился, если бы, желая отнять его, осмотрел кошелек, обыскал одежды и развязал пояс, свободно ища его. Если бы (даже), распоров живот, он ощупал внутренности, то (и тогда) никоим образом не мог бы найти его или взять. Ибо оно невидимо и не держимо руками, неосязаемо и вместе вполне осязаемо. Однако оно и руками держимо бывает только тех, которые достойны, (недостойные же, прочь удалитесь), и лежит на ладони, и как нечто, о чудо! и как не нечто, ибо имени оно не имеет. Итак, пораженный и желая удержать его, я думаю, сжимая руку, что имею его и держу; но оно ускользнуло, будучи никоим образом не удержимо моею рукою; огорченный, я разнял пясть руки своей и снова увидел в ней то, что и прежде видел… О, неизреченное чудо! о, чудное таинство!

Зачем все мы всуе мятемся? зачем обольщаемся? Будучи почтены словом с умным чувством, зачем мы льнем к этому бесчувственному свету? Имея совершенно невещественную и бессмертную душу, зачем мы заглядываемся на эти вещественные и тленные (предметы)? Зачем мы удивляемся, будучи совершенно бесчувственны, и, как слепцы, предпочитаем тяжелый (слиток) железа и этот большой (кусок) теста небольшому (количеству) золота или драгоценной жемчужине, как вещам бесценным, и не ищем малого горчичного зерна, которое драгоценнее и превосходнее всех тварей и вещей, как видимых, так и невидимых? Почему мы не отдаем всего и не приобретаем его, и отчего готовы остаться в жизни, не стяжав его? Поверьте, что лучше многократно умирать, если бы это было возможно, только бы прибрести его – это малое, говорю, зерно.

Горе тем, которые не имеют его всеянным в глубине души своей, ибо они сильно взалчут. Горе тем, которые не видели, чтобы оно проросло в них, так как они будут стоять, как деревья без листьев. Горе тем, которые не веруют слову Господню, что оно делается деревом и пускает ветви, и не ищут прилежно через хранение ума повседневного приращения этого малого зерна; так как в возделывании его они останутся ни с чем, как тот раб, который свой талант зарыл неразумно (см. Мф. 25, 25). Одним из таковых являюсь и я, повседневно нерадящий.

Но, о нераздельная Троица и неслиянная Единица! о Свет

Триипостасный, Отче, Сыне и Душе, о Начало начала и Власть безначальная, о Свет неименуемый, как совершенно безымянный, и, с другой стороны, многоимянный, как все совершающий, о единая слава, начальство, держава и царство, о Свет, [существующий] как единая воля, разум, совет и сила, помилуй, сжалься надо мною, сокрушенным. Ибо как мне не сокрушаться, как не печалиться, когда я легкомысленно презрел столь великую благость и милосердие Твое, безрассудно, несчастный, и нерадиво ходя путем Твоих заповедей? Но и ныне, Боже мой, благоутробно сжалься и помилуй меня, возгрей ту теплоту сердца моего, которую погасил покой жалкой плоти моей, сон, сытость чрева и неумеренность в вине. Все это совершенно погасило пламень души моей и иссушило живой источник слез. Ибо теплота рождает огонь, огонь же этот, обратно – теплоту, и из обоих возжигается пламя, [и является] источник слез. Пламя производит потоки (слез), а эти потоки – пламя; к ним возводило меня старательное упражнение в Божественных Твоих заповедях. С другой стороны, соблюдение предписаний, при содействии покаяния, ставило меня на границе между настоящим и будущим. Поэтому, оказавшись внезапно вне видимых вещей, я впал в страх, видя, откуда я исторгнут. А будущее я видел весьма далеко и, когда я хотел его уловить, (у меня) возгорелся огонь любви и мало-помалу неизъяснимым образом превратился для зрения в пламя, сперва (только) в уме моем, а потом и в сердце. Это пламя Божественной любви обиль-

но источало (во мне) слезы и вместе с ними доставляло мне невыразимое услаждение. Итак, когда я, уверенный в себе, что пламя никоим образом не погаснет, (ведь оно горит хорошо, говорил я), и, вознерадев, неразумно поработился сну и насыщению чрева, и, дав (себе) послабление, стал побольше употреблять вина, не допьяна напиваясь, однако досыта; немедленно угасла (во мне) любовь в сердце – это страшное чудо, то пламя, которое, достигая до небес, хотя и сильно во мне горело, однако не сожигало находящегося в недрах (моих) сеноподобного вещества, но все его, о чудо, превращало в пламя; и сено, прикасаясь к огню, совершенно не сгорало, но, напротив, огонь, охватывая собою сено, соединялся (с ним) и все его сохранял невредимым.

О, сила Божественного огня, о, чудное действие! Ты, от одного страха лица Твоего разрушающий скалы и холмы, как Ты, Христе Боже мой, смешиваешься с сеном, всецело Божественною сущностью, Ты – живущий во свете совершенно нестерпимом, Боже мой? Каким образом, пребывая неизменным и совершенно неприступным, Ты сохраняешь вещество этого сена неопалимым и, [в то же время], сохраняя неизменным, все его изменяешь? И оно, оставаясь сеном, есть свет, свет же тот не есть сено; но Ты, будучи светом, неслиянно соединяешься с сеном, и сено, неизменно изменившись, делается, как свет. Я не выношу (того, чтобы) покрыть молчанием чудеса Твои; я не могу не говорить о Твоем Домостроительстве, которое Ты соделал со мною, распут-

ным и блудным, и не могу удержаться, чтобы не рассказывать всем, Искупителю мой, о неисчерпаемом богатстве Твоего человеколюбия. Ибо я хочу, чтобы весь мир почерпал от него и чтобы никто не оставался совершенно лишенным его. Но прежде, о Всецарю, воссияй во мне снова, вселися и просвети смиренную душу мою; ясно покажи мне лик Божества Твоего и весь невидимо явися мне, о Боже мой. Ибо Ты не весь видишься мне, хотя и весь являешься мне. Будучи весь неуловим, Ты желаешь и бываешь для меня уловимым; будучи невместим во вселенной, Ты поистине делаешься как бы малым в руках моих и, вращаемый в устах моих, видишься сверкающим, как световидный сосец и сладость, о, чудное таинство! Так и ныне дай мне Себя, чтобы я насытился Тебя, чтобы поцеловал и облобызал Твою неизреченную славу, свет лица Твоего, и наполнился (их), и преподал тогда и всем прочим, и, преставившись, пришел к Тебе весь прославленный. Сделавшись от света Твоего и сам светом, я (таковым) предстану Тебе и тогда избавлюсь от этих многих зол и освобожусь от страха, так, чтобы опять уже не изменяться. Ей, дай мне и это, Владыко, ей, даруй мне (также) и это, туне все прочее мне, недостойному, даровавший. Ведь это нужнее всего, это и есть все. Ибо хотя и ныне Ты видишься мне, хотя и ныне Ты благоутробен (ко мне), и просвещаешь меня, и таинственно научаешь, и покрываешь, и хранишь державною Твоею рукою, и соприсутствуешь (мне), и демонов в бегство обращаешь и делаешь невидимыми, и все мне покоряешь,

и все доставляешь мне, и всех благ исполняешь меня, о Боже мой; но от этого не будет мне никакой пользы, если Ты не дашь мне непостыдно пройти врата смерти. Если князь тьмы, придя, не увидит сопребывающую мне (Твою) славу и не будет, омраченный, совершенно посрамлен, быв опален Твоим неприступным светом, и вместе с ним и все сопротивные силы не обратятся в бегство, увидев (во мне) знак печати Твоей, и я, уповая на Твою благодать, не прейду совершенно бестрепетно, и не припаду (к Тебе), и не сокрушу их, то какая мне польза от того, что ныне во мне совершается? – Поистине никакой, но (это) возжжет для меня еще больший огонь. Ибо, надеясь быть причастником (Твоих) благ и вечной славы и рабом Твоим и другом, если сразу я лишусь всего и Тебя Самого, Христе мой, то как мучение то не будет для меня более тяжким, чем неверным, которые ни Тебя не познали, ни света Твоего воссиявшего не увидели, ни сладости Твоей не насытились? Если же мне придется получить тот залог, достигнуть тех наград и почестей, которые обещал Ты, Христе, уверовавшим в Тебя, то и я тогда (также) блажен буду, и восхвалю Тебя – Сына со Отцом и Духа Святого, Единого воистину Бога во веки веков. Аминь.

Гимн двадцать второй

Божественные вещи ясны (и открыты) одним только тем, с которыми через причастие Духа Святого весь со всеми соединился Бог

Скажи, откуда приходишь Ты и как входишь внутрь келлии, отовсюду запертой? Ведь это – нечто необычное, превышающее ум и слово. А то, что Ты весь внезапно внутри меня бываешь и светишь, будучи видим светообразным, как полная света луна – это, Боже мой, изумляет меня и делает безгласным. Знаю, что Ты – Тот, Кто пришел просветить сидящих в тьме (см. Лк. 1, 79), и ужасаюсь, и лишаюсь мыслей и речи, так как вижу необычайное чудо, превосходящее всякую тварь, всякую природу, всякое слово. Однако я поведаю ныне всем то, что Ты даруешь мне сказать.

О всякий род людской! цари и князья, богатые и бедные, монахи и миряне, и всякий язык земнородных, послушайте ныне меня, (намеревающегося) говорить о величии человеколюбия Божия. Я согрешил пред Ним, как никто другой в мире. Пусть не подумает кто-либо, что я говорю это по смирению. Ибо поистине я согрешил более всех людей, я соделал, говоря тебе кратко, всякое греховное и злое деяние. Однако же Он призвал меня и тотчас, как я знаю, услышал. Но к чему, полагал бы ты, Он призвал меня? к мирской ли сла-

ве или к роскоши и упокоению? к богатству ли, или к дружбе князей, или к чему-либо из того, что мы видим здесь в жизни? – Прочь, клевета! Напротив, к покаянию Он, говорю я, призвал меня, и я тотчас последовал зовущему Владыке. Итак, за бегущим и я бежал, за текущим и я опять гнался, как за зайцем – собака. Когда же Спаситель далеко ушел от меня и скрылся, я не предался отчаянию и, как потерявший Его, не обратился вспять, но, сидя на том месте, где я находился, плакал и рыдал, призывая скрывшегося от меня Владыку. Итак, когда я так бился и вопил, Он, весьма близко приблизившись ко мне, стал для меня видим. Видя Его, я вскочил, стремясь ухватиться за Него. Но Он скоро убежал. Я побежал быстрее, и потому успел неоднократно уловить край (одежды) Его. Он немного остановился, (чему) я чрезвычайно обрадовался. И (снова) Он улетел, и я снова погнался. Таким образом, хотя и ушел приходивший и скрылся явившийся, но я отнюдь не обратился вспять, не обленился и не ослабил бега, никоим образом не считая Его за обманщика или искусителя моего; но всеми силами своими и способностями стал искать Того, Кого (уже) не видел, осматривая пути и заборы, не явится ли Он (мне) где-либо. Обливаясь слезами, я расспрашивал о Нем всех, некогда видевших Его. Но кого (это), предполагаешь ты, я, говорю – расспрашивал? Думаешь ли, что я (разумею) мудрецов и знатоков мира сего? – Конечно, нет; но – пророков, апостолов и отцов, поистине мудрых, стяжавших всю ту премудрость, которая есть

Сам Христос – Божия Премудрость. Итак, со слезами и великой скорбью сердца я упрашивал их сказать мне, где они некогда видели Его, или в каком месте, или как и каким образом. (Выслушав) ответ их ко мне, я побежал изо всей силы, совершенно не спал, но насиловал себя самого; посему и увидел Желанного моего; но Он виделся мне недолго. Увидев Его, я быстро, как выше сказал, погнался. Итак, когда Он увидел, что я все вменил в ничто, и даже все, что в мире, с самим миром, говорю, и всех находящихся в мире (людей) от души с чувством считаю как бы несуществующими, и что через такое настроение я отделился от мира, то весь всему мне дал увидеть Себя, весь со всем мною соединился – Тот, Кто пребывает вне мира, Кто носит мир со всем находящимся в мире и рукою одною содержит видимое с невидимым. Итак, Он, послушайте, встретившись, нашел меня; откуда же и как Он пришел, я не знаю. Ибо как мог я знать, откуда Он – здесь или откуда пришел Он, когда никто из людей никогда ни видел Его, ни познал, где Он находится, где пасет, где почивает? Ибо Он совершенно не видится, совершенно не постигается, обитает же в неприступном свете, и есть Свет Триипостасный, неизреченным образом [пребывающий] в неограниченных пространствах – неограниченный Бог мой, один Отец, (один) также Сын с Божественным Духом, едино – Три, и Три – один Бог неизъяснимо. Ибо слово не в состоянии выразить неизъяснимое, ни ум – ясно постигнуть.

Ведь я едва ли могу изъяснить тебе (хотя) несколько то, что в нас есть: но ни я, ни кто-либо другой не возможет изъяснить тебе того, каким образом Бог – вне всего по Своей сущности, природе, силе и славе, и как Он везде во всем, в особенности же во святых обитает и вселяется в них разумно и существенно, будучи Сам совершенно пресуществен; как в (человеческих) внутренностях содержится Тот, Кто всю тварь содержит; как Он сияет в сердце плотяном и грубом; как внутри него находится и вне всего пребывает и Сам все наполняет – сияет и ночью и днем, и не видится. Уразумеет ли все это, скажи мне, ум человеческий, или возможет ли тебе высказать? – Конечно, нет. Ни Ангел, ни Архангел не изъяснил бы тебе этого, не будучи в состоянии изложить то словесно. Один только Дух Божий, как Божественный, знает это и ведает, будучи один соестествен и сопрестолен и собезначален Богу и Отцу. Поэтому кого Он озарит и с кем взаимно сочетается обильно, тем все показывает неизреченным образом, делом, говорю тебе, все это (показывает). Ибо подобно тому, как слепой, если прозрит, то видит, во-первых, свет, а затем во свете, дивно сказать – и всякую тварь, так и озаренный в душе Божественным Духом, лишь только причащается света и делается светом, видит Свет Божий и Бога, конечно, Который показывает ему все, лучше же, что Он повелевает, что изволит и хочет. Кого Он просвещает озарением, тем дает видеть то, что – в Божественном Свете; и просвещаемые видят то по мере любви и хранения запо-

ведей, и посвящаются в глубочайшие и сокровенные Божественные таинства. Подобно тому, как если бы кто, держа в руке своей светильник, или в предшествии другого, держащего светильник, вошел в темный дом и сам увидел то, что находится внутри дома, так и ясно озаренный лучами умного Солнца видит неведомое всем прочим и говорит (о том) – не о всем, впрочем, но о том (только), что может быть высказано речью. Ибо кто когда-либо возможет изъяснить то, что находится там, каково оно, сколь велико и какого рода, когда оно непостижимо и невидимо для всех? Ибо кто уразумеет вид безвидного, количество не имеющего количества и красоту недомысленного? как измерит, как вообще возможет высказать (то)? какими словами опишет образ того, что лишено образа? Никак, конечно – скажешь ты мне. Но это знают только те одни, которые видят.

Поэтому поспешим не словами, но делами взыскать то, чтобы увидеть и научиться богатству Божественных таинств, которое дарует Владыка трудолюбиво взыскующим и явно стяжавшим забвение всего мира и тех вещей, которые в нем. Ибо взыскующий их вседушевным произволением как поистине не забудет всех здешних (вещей) и, стяжав (себе) ум, обнаженный от них и от всего внешнего, не окажется вскоре единым? Единый Бог, видя его соделавшимся ради Него единым и отрекшимся мира и того, что в мире, Единый, найдя одного, соединяется с ним. О, страшное Домостроительство! о, неизреченная благость! Что (следует) потом, не

спрашивай, не исследуй, не разыскивай. Ибо если никто не может исчислить множество звезд, капли дождя или песок, да и прочих тварей (не может) изречь или уразуметь величие и красоту, природу, положение и причины их, то как бы возмог он изречь благоутробие Творца, являемое Им душам святых, с которыми Он соединится? Ибо через соединение с Собою Он совершенно обожает их. Поэтому кто хочет поведать тебе об обоженной душе, об ее нравах, природе, расположении, образе мыслей и о всем, что ей свойственно, то [это все равно, что] он, не знаю, какою речью, пытается представить тебе, что есть Бог. Не позволительно же этого доискиваться тем, которые находятся в мире или живут по плоти, но это воспринимается одною верою; им должно подражать житию всех святых слезами и покаянием и прочей строгостью жизни, и подвизаться в перенесении искушений, дабы стать вне мира, чего мы выше коснулись, и обрести, как сказал я, все без исключения. Найдя же, они ужаснутся и изумятся, и обо мне, несчастнейшем, усердно помолятся, дабы и я не лишился того, но получил бы то самое, что получить я желал и желаю, и (этим) желанием желание ослабляю и притупляю. Я слышал некогда, что желание возжигает желание и огонь питает пламя; во мне же не так бывает, но я не могу сказать, каким образом превосходство любви угашает любовь мою[15].

Ибо я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь

[15] В первом случае прп. Симеон разумеет, конечно, любовь к Богу, а в последнем – плотскую, страстную любовь.

не стяжал любви к Богу. Стремясь же ненасытно любить, насколько хочу, дивное дело, я теряю (даже) и ту любовь к Богу, какую имел. Подобно тому как сребролюбец, обладающий сокровищем, думает, что совершенно ничего не имеет, потому что не все имеет, хотя он и обладает множеством золота, так, без сомнения, думаю, бывает в этом (случае) и со мною, несчастным. Так как я не люблю, как хочу и насколько, конечно, хочу, то и думаю, что я нисколько даже не люблю. Итак, любить, насколько мне хочется, есть любовь превыше любви, и я понуждаю свою природу (естество) любить превыше естества. Но слабая природа моя лишается (даже) и той силы, какую имела, и живая любовь дивным образом умирает. Ибо тогда, напротив, она оживает[16] во мне и расцветает. А как она расцветает, я не нахожу примеров, чтобы изъяснить тебе. Одно только скажу тебе, что всяк бессилен выразить это словами. Тот, Кто есть единый Бог и воистину податель таковых благ, да даст всем, через покаяние взыскующим их, плачущим, и рыдающим, и добре очищающимся, вкусить их, соделавшись еще отсюда причастниками (их) с чувством, и отойти с ними, и в них упокоиться, и вечной жизни насладиться, и через них оказаться общниками неизреченной славы во веки веков. Аминь.

---

[16] Ср. 2 Кор. 12, 10… *егда бо немоществую, тогда силен есмь.*

Гимн двадцать третий

Озарением Духа Святого прогоняется в нас все страстное, как тьма от света; когда же Он сокращает лучи Свои, мы подвергаемся нападению страстей и злых помыслов

Свет Твой, Христе мой, озаряя меня, оживляет и возрождает, ибо видеть Тебя есть жизнь и воскресение. Но как (происходят) действия Твоего света – я сказать не могу. Однако я (самим) делом познал и знаю, Боже мой, что хотя бы я (находился) в болезни, в скорбях или печалях, хотя бы содержим был в узах и в темнице и (томим) голодом, хотя бы объят был, Христе мой, еще более тяжелыми и ужасными (обстоятельствами), свет Твой, воссияв, все это прогоняет, как тьму, и Божественный Дух Твой внезапно делает то, что я бываю в покое и свете и в наслаждении светом. Я знаю, что скорби суть как бы дым, помыслы – тьма, искушения – стрелы, заботы – мрак, страсти же – звери, от которых Ты, Слове, некогда освободил и избавил меня, мало-помалу озарив меня Твоим Божественным светом. И ныне, хотя я нахожусь среди всего этого, Ты, Христе Боже мой, хранишь меня неуязвимым, покрывая Твоим светом. Но так как я весьма часто претыкаюсь, ежечасно согрешая, так как превозношусь и прогневляю Тебя, то нуждаюсь в благоутробном Твоем наказании,

Христе мой, действие которого сильно ощущаю в себе через удаление покрывающего меня Божественного света. Ибо как по захождении солнца наступает ночь и тьма, и все звери выходят на добычу, так и когда свет Твой перестает покрывать меня, тотчас (окутывает) меня житейская тьма, покрывает море помыслов, звери страстей снедают меня, и я уязвлен бываю стрелами всевозможных помыслов. Когда же, движимый состраданием, Ты опять сжалишься (надо мною), и услышишь мои плачевные вопли, и вонмешь воздыханиям, и примешь слезы, и восхощешь призреть на смирение мое – того, кто согрешил непростительно, то видим бываешь вдали, как восходящая звезда, и мало-помалу расширяешься (не Ты Сам так изменяешься, но ум раба Твоего к зрению открываешь) постепенно все более и более, и видишься, как солнце. Ибо когда убегает и исчезает тьма, я думаю, что приходишь Ты – вездесущий. Когда же Ты, Спасителю, всего меня окружишь, как и прежде, когда всего меня покроешь и всего обнимешь, тогда я освобождаюсь от зол, избавляюсь от тьмы, искушений, страстей и всевозможных помыслов и исполняюсь благости и веселия, наполняюсь радости и несказанного благодушия, видя страшные таинства и необычайные чудеса, видя то, чего ни око человеческое не видело и не могло бы видеть, ни ухо – слышать и что на сердце смертных отнюдь не восходило (см. 1 Кор. 2, 9). От этого я сильно изумляюсь и прихожу в исступление, и совершенно отчуждаюсь всего, что – на земле, непрестанными гласами вос-

хваляя Тебя, Боже мой, и замечая в себе самом необычайное изменение и (необычайный) способ заступления всемогущей руки: как озарением и явлением одного света Твоего Ты прогнал всякую печаль, исторгнул (меня) из мира и, таинственно соединившись со мною, немедленно восстановил меня на небе, там, где нет ни печали, ни воздыхания, ни слез, ни змия, жалящего в пяту, и показал мне нетрудною и бесскорбною ту жизнь, которая для всех людей противна, тесна, с трудом проходима или, вернее сказать, непроходима. Ибо кто из людей когда-либо мог или возможет быть на небе, с телом или без тела, и на каких крыльях (туда) возлетит?

Илия взят был на огненной колеснице, и прежде него Енох – не на небеса, а в (некое) другое место, (хотя) и не сам по себе, однако же был преложен. Но что – это (в сравнении) с тем, что бывает в нас? да и возможно ли вообще, скажи мне, сравнение тени с истиною, или духа служебного и рабского с Духом владычественным, вседетельным и Божественным, утверждающим и укрепляющим всякую тварную сущность? Ибо все прочее суть твари, а Он один – Творец, как нераздельный от Отца и Сына также. Сии Три суть Бог, ибо Троица – Един Бог. Она осуществовала все, Она создала все, Она сотворила в мире по плоти для спасения нашего Слово и Сына Отчего, нераздельная от Отца и Духа. Он же воплотился поистине через наитие Духа и сделался тем, чем не был, человеком, подобным мне, кроме греха и всякого беззакония, Богом вместе и человеком, видимым для всех, имея

Своего Божественного Духа, соприсущего (Ему) по естеству, Которым Он мертвых оживлял, слепым отверзал очи, прокаженных очищал, бесов изгонял. Претерпев крест, также и смерть и воскресши Духом, Он вознесся во славе и обновил путь на небеса всем несомненно верующим в Него; и Всесвятого Духа обильно излил на всех, показывающих веру от дел, и ныне обильно изливает Его на таковых. Через Него Он обожает тех, с которыми тесно сочетался, неизменно изменяет их, показывая из людей чадами Божиими, братиями Спасителя, сонаследниками Христу, Богу же наследниками, Богами, пребывающими с Богом в Духе Святом, хотя и связанных одною только плотию, но духом свободных, которые легко совосходят со Христом на небеса и стяжали там полное гражданство в созерцании благ, коих не видели очи.

Итак, что такое огненная колесница, восхитившая Илию, и что такое преложение Еноха по сравнению с этим? Я думаю, что как море, разделенное некогда жезлом, и манна, сошедшая с неба, суть только образ и все это были символы истины: море – крещения, манна же – Спасителя, так и то суть образ и символы этого, имеющего несравненное превосходство и славу, поскольку несотворенное по природе превосходит сотворенное. Ибо манна, называемая хлебом и пищею ангельскою (см. Пс. 77, 24–25; Исх. 16, 4), которую люди те ели тогда в пустыне, прекратилась и исчезла, и они все, евшие ее, умерли, не приобщившись жизни. Плоть же Владыки моего, будучи обоженною и полною жизни, всех ядущих (ее)

соделовает причастниками жизни и делает бессмертными. Не проводит их Искупитель мира и через пучину морскую и не переселяет из Египта в другую страну, опять приносящую людям тленные плоды, не повелевает нам даже и странствовать в продолжение сорока лет, дабы получить обетованную землю; но крестившихся с несомненною верою и причащающихся вместе с тем Плоти и Крови Его вскоре возводит от смерти к жизни, от тьмы к свету и от земли на небеса. Совлекши меня сперва тления и смерти и всего меня освободив с ощущением и познанием [того], Он – что поразительнее всего – показал меня новым небом и (Сам) – Творец всего, вселился в меня, чего не сподобился никто из древнейших святых. Ибо некогда Он говорил через Божественного Духа и силою Его творил чудеса; существенно же Бог никоим образом ни с кем не соединился, прежде чем Христос Бог мой не сделался человеком. Ибо, восприняв тело, Он дал (нам) Своего Божественного Духа, и через Него существенно соединяется со всеми верными, и это единение бывает неразлучным.

Увы мне! (ибо я тяжко воздыхаю о заблуждении людей), как мы не верим Христу? как не последуем (за Ним)? как не желаем той жизни? как не вожделеваем богатства Его некрадомого и нетленного, ни нестареющейся славы, ни (вечного) пребывания с Ним? как, прилепляясь к тленному, мы думаем спастись, не любя Христа более (всего) видимого и не надеясь быть с Ним по смерти, но оставаясь бесчувственнее

поленьев и камней? Но, о Христе мой, избавь меня от этого (добровольного) безумия и научи любить Тебя – Жизнь всех верных. Ибо Тебе со Отцом и Божественным Твоим Духом, как Царю и Творцу всех, Богу и Владыке, подобает слава и хвала, честь и поклонение ныне и всегда во веки веков. Аминь.

Гимн двадцать четвертый

О том, что иногда и учитель, заботясь об исправлении ближнего, увлекаем бывает в находящуюся в том слабость страсти

Помилуй меня, Господи, помилуй меня, Единый
Спасителю, от младенчества меня покрывший,
Премного мне, сознательно согрешившему,
Своею благостию все милосердно
простивший, Исторгший меня от ужасного и суетного мира,
От сродников и друзей, и непристойных удовольствий,
Удостоивший меня находиться здесь, как бы на горе,
И показать мне дивную Свою славу, Боже мой,
Исполнивший меня Божественного Твоего Духа, Христе мой,
И всего меня насытивший духовным просвещением.
Ты Сам нераскаянную (неизменную) благодать Твою, Боже мой,
Подай мне, рабу Твоему, наконец всецело.
Не отними (ее), Владыко, не отвратись, Создателю,
И не презри (меня), Ты, однажды поставивший меня пред лицом Твоим,
Учинивший между рабами Твоими, запечатлевший
Печатью Твоей благодати и Своим меня наименовавший.
Не отвергни меня снова, не сокрой снова

Света лица Твоего; и меня покроет тьма,
Поглотит бездна и раздавит небо,
Превыше которого Ты возвел меня, Спасе мой,
И с Ангелами, лучше же, с Тобою – Творцом всего,
Сопребывать удостоил, и сорадоваться с Тобою,
И видеть несравненную славу лица Твоего,
И досыта наслаждаться неприступным светом,
И радоваться и веселиться неизреченным веселием
Чрез сожитие, Владыко, с Твоим несказанным светом.
Наслаждаясь неизреченным тем светом,
Я веселился и радовался с Тобою, Творцом и Создателем,
Созерцая неизъяснимую красоту лица Твоего.
Когда же я снова низвел ум свой на землю,
То, просвещенный Тобою, Владыко, не смотрел на мир сей,
Ни на вещи, находящиеся в мире.
Но был превыше страстей и забот,
И вращаясь в (житейских) делах и обличая зло,
Не приобщался, как прежде, человеческим злобам.
Замедлив же среди них, предпочел их (всему) прочему
И, связавшись, Владыко, с любителями словопрений,
В надежде исправления причастился злобы
И тьмы, увы мне! и страстей приобщился безумно,
И, схваченный (этими) дикими зверями, бедствую (ныне).
Ибо, желая других избавить вреда от них,
Я сам первый сделался добычею зверей.
Но, предварив, сжалься, но, ускорив, избави
Того, кто попал к ним ради Тебя, Человеколюбче.

Ибо по заповеди Твоей я положил, Милостиве,
Душу свою несчастнейшую за братий своих.
Итак, хотя я уязвлен, но Ты можешь уврачевать меня, Спасе.
Хотя я, несчастный, взят врагами пленником,
Но Ты Сам, как сильный и крепкий,
Можешь избавить (меня) одною Твоею волею;
Хотя я схвачен челюстями и лапами зверей,
Но когда Ты явишься, они тотчас умрут, и я жив буду.
О великий в щедротах и неизреченный в милости!
Сжалься и помилуй меня, падшего.
Я опустился в колодезь, (чтобы) избавить ближнего,
И вместе с ним и сам пал; правосудный Спасителю,
Не оставь меня до конца лежащим во рву.
Подлинно знаю я повеление Твое, всемилостивый Боже мой,
Что должно непременно избавлять брата от смерти
И от уязвления грехом, но чрез грех
Не погибнуть с ним, что и случилось со мною, несчастным.
Я пал по легкомыслию, понадеявшись на себя самого,
И его даже избавить и себя также,
А если нет, то ожидать вверху и оплакивать павшего,
И сколько есть силы бежать от падения с ним.
Но и ныне восстави и возведи из пропасти,
И постави меня, Христе, на камени заповедей Твоих,
И снова покажи мне свет, которого мир сей не вмещает,
Но (который) вне мира, и видимого света, и воздуха
Чувственного, и неба, и всего чувственного Соделовает,

Спасителю мой, созерцающего его.
И тот вне ли тела, или совершенно в теле,
Не зная, Боже, в тот час,
Думаю же, что, будучи тогда как бы невещественным светилом
И сияя красотою умного Солнца,
Не может чувственно видеть своего света,
Но видит только Его одного – незаходимое Светило,
Созерцая неизъяснимую красоту Его славы,
И сильно изумляясь, не может познать
И уразуметь этого способа созерцания,
Каким образом или где, неизъяснимо существуя,
Он видится, и желая [обитать] во святых, ограничивается.
Но (вот) это знаем все мы, посвященные в таковые таинства,
Что поистине вне мира тогда Бываем и пребываем, доколе видим то,
И снова находимся в теле и в мире.
Вспоминая же о радости, и о том свете,
И о сладостном наслаждении, плачем и сетуем;
Подобно тому как грудное дитя, видя мать
И вспоминая о сладости молока, кричит и плачет,
Доколе, схватив [грудь], досыта не насосется его.
Этого и мы ныне просим, об этом умоляем Тебя
И припадаем, (чтобы) получить то неотъемлемо, Спасителю,
Дабы мы и ныне питались, Всемилостиве, от этого
Хлеба, умно нисходящего с неба

И сообщающего жизнь всем причащающимся (его),
И, отходя и совершая шествие к Тебе,
Имели бы (его) спутником, и помощником, и избавителем,
И с ним и чрез него приведены были бы к Тебе, Спасителю.
Он и на Страшном Суде грехи наши Покроет,
Владыко, чтобы не открылись они
И не были явны для всех Ангелов и людей.
Но да будет он нам и светоносным одеянием,
И славою, и венцом во веки веков.

Гимн двадцать пятый

Кто от всей души возлюбил Бога, тот ненавидит мир

Я объят тенью, (но) и истину вижу.
Это – не что иное, как твердая надежда.
Какая же это надежда? – та, которую не видели очи.
А она что такое? – та жизнь, которую все любят,
Но что такое эта жизнь, как не Бог – Творец всего?
Его-то и возлюби, а мир сей возненавидь.
Мир – смерть, ибо имеет ли он что-либо непреходящее (и нетленное)?

Гимн двадцать шестой

О том, что лучше быть хорошим пасомым, чем быть пастырем над нежелающими; ибо не будет никакой пользы тому, кто, стараясь других спасти, сам себя погубит через предстоятельство над ними

Скажи, Христе, рабу Твоему, скажи, Свет мира, скажи, знание всей (вселенной), скажи, Слове – Премудрость, все предузнающая, все предуведевшая и нас без зависти научающая полезному. Скажи и научи и меня, Спасе, спасительным путям Твоей воли и Божественных (Твоих) повелений. Скажи, и не презри меня, и не сокрой, о Боже мой, от недостойного раба Твоего Божественной Твоей воли. Скажи мне, Человеколюбче Спасителю, что лучше пред Тобою, что из двух благоугодно Тебе: нести ли мне попечение о монастырских делах и бескорыстно заботиться о телесных потребностях, взыскивая за все со враждою и ссорою, или всегда пребывать в одном безмолвии, и хранить невозмутимым ум и сердце, воспринимая озарения Твоей благодати, и всегда быть озаряемым в душевных чувствах, и, таинственно оглашаясь Божественными глаголами, других кротко учить и самому также учиться. Ибо кто учит (других), тот и себя (также) учит тому же, и первый, конечно, должен и творить то. Итак, из этих двух (положений), скажи мне, о Боже мой и Создателю, ка-

кое лучше и полезнее для меня и какое благоугодно и совершенно пред Тобою? о, не скрой (этого) от меня, всемилостивый Слове!

Выслушай, о чем спрашиваешь, и запиши, что услышишь. Я Бог пребезначальный, Я по естеству Владыка, Царь небесных и преисподних, и все, (даже) не хотящие, являются Моими рабами. Ибо Я Творец всех, Судия и Владыка, и ныне есмь и буду во веки веков. Но не желающего Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служение повинующихся (Мне) было свободным и самопроизвольным, совершалось со страхом и любовию. Ибо Я желаю, чтобы таковы были рабы Мои, таковы наемники, таковы и друзья Мои. Прочих же Я не познал и ими не познан. Поэтому жестоким, безжалостным и несправедливым называют Меня и говорят обо Мне сыны неправды. Итак, те, которые Меня оскорбляют, Меня злословят, Меня поносят, как тебе они покорятся или как, скажи Мне, примут тебя (в качестве) учителя? как волки сочтут тебя пастырем, или как, будучи (дикими) зверями, они последуют твоему голосу? Уйди, беги и удались от среды таковых. Ибо довольно для тебя, если ты и себя самого спасешь. Ведь если бы ты спас мир, а себя погубил, то какая тебе польза от мира, тобою спасенного? Я не хочу, чтобы ты был пастырем над кем-либо из нежелающих. Посмотри, это и Я сохранил в мире. Ибо для желающих Я – Пастырь и Владыка, для прочих же Я – Творец, конечно, и Бог по естеству, но никоим образом не Царь и не Вождь (и Началь-

ник) тех, которые не взяли креста (своего) и Мне не последуют, ибо они суть чада, рабы и сосуды диавола. Виждь страшное таинство, виждь бесчувствие, и оплакивай их, если можешь, (хоть) ежечасно. Ибо, призванные из тьмы к невечернему свету, от смерти к жизни, из ада на небеса, от временного и тленного к вечной славе, они гневаются и неистовствуют против наставников, затевая против них всевозможные козни и предпочитая умереть, чем уйти от тьмы и дел тьмы и последовать за Мною. Скажи, как ты будешь их пастырем? как будешь игуменствовать над ними? ну как, скажи Мне, ты станешь руководить теми, которые добровольно перебегают в огонь, присоединяясь ко врагу и с ним усердно творя противное Моим повелениям? Как ты будешь пасти их, как овец: как, скажи Мне, поведешь на пажити заповедей Моих и к воде хотений Моих? (как) изведешь их на мысленные горы таинственных созерцаний Моей неизреченной славы, ради которой видящие ее презирают земную славу и, забывая все чувственное, все это считают как бы тенью и дымом? Скажи, как соперника ты приобретешь себе защитником? как враждебного тебе противника ты убедишь быть твоим другом? Ибо скорее друзья легко делаются врагами, найдя незначительный повод; но враги нелегко могут стать друзьями, хотя бы они и облагодетельствованы были и получили почетные и большие дары. Имея в сердце скрытый яд, они, улучив удобное время, внезапно изблевывают его и не трепещут немилосердно и безжалостно убивать сво-

их благодетелей. О, крайнее безумие! Таковые суть подражатели Каина, они – хуже Ламеха, они единонравны Саулу, подражатели иудеев, соревнователи Иуды и наследники (его) удавления. Если над такими ты ищешь игуменства, то смотри, куда низойдешь ты, ибо они не обратятся, куда бы ты пожелал, но принудят и тебя идти своим путем и прежде них впасть в погибель, спустившись еще ниже (их) на дно ада, так как ты имеешь их, конечно, последующими за тобою (позади себя). Если же ты не захочешь вполне уподобиться им, не желая присоединиться к их замыслам и приобщиться злым делам их, то будешь иметь возмущение, брань и непримиримую войну. Что же будет отсюда, или что случится с тобою и что приобретешь ты? – Послушай, и Я скажу тебе кратко. Прежде всего ты совершенно не можешь (тогда) быть рабом Моим, ибо Я никоим образом не хочу, чтобы раб Мой сварился. Пытая необузданную ненависть к тебе, они явно и тайно будут стремиться к тому, чтобы убить тебя, и, когда они будут (позваны) на суд, ты дашь отчет. Ибо смерть твоя не принесет никакой пользы прочим, как Моя смерть была жизнью мира. Но и для них ты сделаешься причиною осуждения и сам без дерзновения отойдешь из сей жизни. Итак, лучше быть пасомым, а отнюдь не пастырем над таковыми; но всего лучше заботиться о своих, и молиться за них и за всех людей, дабы все обратились и пришли к познанию [истины], и желающих из них учить и наставлять (началам благочестия). Делать же то, чему учишь, не принуждай их, но

возвещай им слова Мои и увещевай соблюдать их, так как они доставляют жизнь вечную. Сами же слова эти предстанут (им), когда Я прииду судить и каждого из них будут судить по достоинству. И ты не будешь ответственным, и останешься совершенно неосужденным, так как не скрыл сребра словес Моих, но сколько сам получил, (столько) и уплатил всем. Это угодно Мне, это по заповеди Моей было делом апостолов и учеников Моих: проповедать Меня Богом во всей вселенной, научить Моей воле и Моим повелениям и оставить записанным (то) человеческому (роду). Так делать и учить и ты подвизайся. Не желающим же совершенно слушать слов Моих говори так, как и Я ответил сказавшим некогда: жестоко есть слово сие, и кто может его послушати (ср. Ин. 6, 60). Я именно сказал: так если не хотите, идите и делайте каждый что хотите, все предоставив их власти и произволению – избрать смерть или жизнь. Ибо никто никогда не стал добрым непроизвольно, ни неверный, не хотя, не будет верным, ни миролюбец никогда не будет боголюбцем, ни худой без воли не переменит своих мыслей и не сделается совершенно добрым. Ибо никто не стал злым по природе, но по произволению и намерению (каждый) может сделаться, если желает, как злым, так и добрым; если же не желает, то никоим образом и не будет. Никто в мире, не хотя, не совершил добродетели; никто, не хотя, не спасается. Более об этом не спрашивай. Старайся же и себя самого спасти, и слушающих тебя, если только найдешь на земле человека,

имеющего уши слышать и повинующегося словам твоим.

Так я и сотворю, Владыко, как Ты повелел мне. Но даруй мне, недостойному рабу Твоему, помощь Твою (и благодать Твою), о Господи и Боже мой, дабы я всегда прославлял Тебя и воспевал державу Твою непрестанными гласами во веки веков. Аминь.

Гимн двадцать седьмой

О Божественном озарении и просвещении Духом Святым; и о том, что Бог есть единственное место, в котором все святые по смерти имеют упокоение; отпавший же от Бога (нигде) в другом месте не будет иметь упокоения в будущей жизни

Что это за страшное таинство, которое во мне совершается? (его) ни слово не в состоянии высказать, ни жалкая рука моя – начертать (письменами) в похвалу и славу Того, Кто превыше похвалы и превыше слова. Ведь если совершающееся ныне во мне, блудном, неизреченно и неизглаголанно, то каким образом, скажи мне, Тот, Кто есть Податель и Виновник этого, может нуждаться в том, чтобы воспринимать от нас похвалу или славу? Ибо не может быть прославлен Тот, Кто (уже) прославлен, подобно тому как не может осветиться или не может заимствовать света то солнце, которое мы видим в этом мире. Оно освещает, но не освещается, изливает свет, но не получает, так как имеет (свет), который из начала получило от Творца. Итак, если Бог, Создатель всего, сотворивший солнце, сотворил его без недостатка, так чтобы оно светило обильным светом и никоим образом не нуждалось в чем-либо другом большем, то как бы мог получить славу от меня, ничтожнейшего, (Сам) Творец солнца,

Который совершенно (ни в чем) не нуждается и, как всемогущий, (одним) мановением и волею все исполняет всякими благами? Между тем и язык мой затрудняется в словах, и ум мой (хотя) и видит совершающееся, но не может изъяснить. Он видит и хочет высказать, но не находит слов, потому что созерцает невидимое, совершенно безвидное, совершенно простое, несложное и по величине беспредельное. Ибо он не видит никакого ни начала, ни конца, ни средины совершенно не замечает; и как он выскажет то, что видит? Видится же, думаю я, (нечто) совокупно-целое, но никоим образом не в (самой) сущности (своей), а через причастие. Ведь от огня ты (огонь) возжигаешь и всецело огонь получаешь. И хотя он (остается) неделимым и неоскудевающим, как и прежде, однако сообщаемое отделяется от первого, и так как оно есть нечто телесное, то разделяется на много светильников. То же, как (нечто) духовное и неизмеримое, пребывает совершенно неделимым и несекомым. Ибо, будучи сообщаемо, оно не разделяется на многие (части), но и остается неделимым, и во мне бывает, восходя во мне, внутри моего жалкого сердца, как солнце или диск солнца, шаровидный и световидный, ибо оно – пламя. Не знаю, как сказано, что мне сказать о нем. И хотел я молчать (о, если бы я мог!), но страшное чудо возбуждает сердце мое и отверзает оскверненные уста мои. Говорить и писать, даже и не хотящего, меня заставляет Тот, Кто воссиял ныне в моем мрачном сердце, Кто показал мне дивные (дела), которых не ви-

дели очи, Кто снисшел в меня, как последнего из всех, Кто показал меня сыном и учеником апостола[17], меня (говорю), которым обладал страшный дракон – человекоубийца, (меня) прежнего делателя и слугу всякого беззакония.

Предвечное Солнце, воссиявшее во аде напоследок и озарившее и мою омраченную душу, даровавшее мне невечерний день, (что невероятно для подобных мне нерадивых и ленивых), исполнившее нищету мою всякими благами, Ты Само даруй мне и слово и речь, (чтобы) поведать всем о Твоих чудодействиях, которые Ты и ныне творишь с нами – Твоими рабами, дабы и спящие во тьме лености, и утверждающие, что грешникам невозможно спастись и быть помилованными, как (спаслись и помилованы) Петр и прочие апостолы, святые, преподобные и праведные, познали и уразумели, что для Твоей благости это легко было, и есть, и будет; дабы и мнящие, что имеют Тебя – Свет всего мира, и, (однако), говорящие, что не видят Тебя, не живут во свете, не просвещаются и не созерцают Тебя непрестанно, Спасителю, познали, что Ты не воссиял в их уме, не вселился в их нечистое сердце и они напрасно утешаются пустою надеждою, думая по смерти увидеть Твой свет. Ибо залог (этого) отсюда еще и печать (Твоя) здесь, конечно, от Тебя, Спасе, дается десным овцам. Ведь если смерть каждого есть заключение (жизни), и после смерти для всех равно наступит (состояние)

---

[17] Прп. Симеон говорит здесь о духовном отце своем – Симеоне Благоговейном.

бездеятельности, и никто не возможет сотворить ничего ни доброго, ни злого, то каждый, конечно, каковым окажется (тогда), Спасителю мой, таким и будет. Это-то и устрашает меня, Владыко; это заставляет меня трепетать; это истаивает все мои чувства. Как слепец, умерши и преставившись туда, не увидит уже солнца чувственным образом, хотя по воскресении он снова получит свет очей; так и тот, кто умрет, имея ослепленный ум, не узрит Тебя, Боже мой, умное Солнце, но, отойдя из тьмы, переселится во тьму и навеки будет удален от Тебя. Никто из людей, верующих в Тебя, Владыко, никто из крестившихся в Твое имя не стерпит этой великой и ужасной тяготы разлучения от Тебя, Благоутробне, потому что это страшная скорбь, ужасная, нестерпимая и вечная печаль. Ибо что может быть хуже разлучения от Тебя, Спасителю? что же мучительнее того, чтобы разлучиться от Жизни и жить там наподобие мертвого, лишившись жизни, вместе с тем быть лишенным и всех благ, потому что удаляющийся от Тебя лишается всякого блага? Ибо тогда будет не так, как теперь на земле. Ведь ныне неведущие Тебя наслаждаются здесь телесно и веселятся, скача, как неразумные (животные). Имея то, что дал Ты в наслаждение жизни, и на это одно только взирая, они думают, что так будет и по исходе души из сей жизни. Но худо загадывают, худо мудрствуют утверждающие, что они (хотя и) не с Тобою, но в упокоении будут, (для которого) они уготовляют и некое место – о безумие! – не причастное ни света ни тьмы, находящееся вне

Царствия, но и вне геенны, вдали и от чертога, и от огненного мучения. В него эти несчастные и желают прийти, говоря, что они не нуждаются в Твоей вечной славе или Царстве Небесном, но будут в упокоении. О, (каково) помрачение их! о, неведение! о, жалкое состояние и пустые надежды! Нигде об этом не написано, так как нигде этого не будет. Но соделавшие Божественные (дела) будут находиться во свете (будущих) благ, а делатели зла во тьме наказаний. Посредине же будет страшная пропасть, разделяющая одних от других, как Сам Ты открыл, уготовавший это (см. Лк. 16, 26). Ибо эта (пропасть) посредине будет ужаснее всякой пытки и муки для человека, попадающего (в нее), для того, кто несчастным образом стремглав летит и низвергается в (эту) бездну мучений и хаос погибели, откуда трудно взойти находящимся в муках, чтобы перейти на землю праведных. (Поэтому) они предпочитают ужасным образом в огне обратиться в пепел, чем ввергнуть себя в эту страшную пропасть. Итак, желающие быть там по смерти достойны многих слез и рыданий, так как, будучи совершенно бесчувственны, подобно бессловесным скотам, они сами себе накликают (погибель) и сами себя прельщают.

Ты, Христе – Царство Небесное, Ты – Земля кротких, Ты – Рай зеленеющий, Ты – Чертог Божественный, Ты – неизреченная Таинница, Ты – (общая) для всех Трапеза, Ты – Хлеб жизни, Ты – Питие совершенно новое, Ты – и Чаша воды, и Вода жизни, Ты – для каждого из святых Светильник неуга-

симый, Ты – и Одеяние, и Венец, и Раздаятель венцов, Ты – Радость и Упокоение, Ты – Утеха и Слава, Ты – Веселие, Ты и Радование. И благодать Всесвятого Духа Твоего, Боже мой, подобно солнцу, воссиявает во всех святых; и среди них воссияешь Ты – неприступное Солнце; и все они будут озаряемы по мере веры и дел, надежды и любви, очищения и просвещения от Духа Твоего, единый долготерпеливый Боже и Судие всех, для которых в различные обители и места вменятся (различные) степени светлости и степени любви, и, наоборот, степень созерцания Тебя (каждым) будет (степенью) величия его, славою, наслаждением и честию – для различия чудных обителей и жилищ. Это и есть различные палаты, это – обители многи, это – блестящие одежды высоких достоинств, разнообразнейшие венцы, (драгоценные) камни и жемчуга, неувядающие цветы, имеющие чудный вид, это – одры и ложа, столы и престолы – и всем, что только есть приятнейшего для наслаждения, было, и есть, и будет созерцание одного Тебя. Итак, если не видящие Твоего света, как сказано (выше), и Тобою не видимые, но удаленные от Тебя лишаются созерцания Тебя, заключающего все блага, то где они найдут упокоение? где (найдут) беспечальное место? где вселятся они, не соделавшись правыми? ибо правии вселятся с лицем Твоим (ср. Пс. 139, 14), потому что Ты вообразился в их правом сердце, и они с образом Твоим, Христе мой, обитают в Тебе.

О, чудное дело! о, дивный дар благостыни! – люди быва-

ют во образе Бога, и в них воображается Тот, Кто для всех невместим – Бог неизменный и непреложный по естеству, Который благоволит обитать во всех достойных, дабы каждый имел внутри всего Царя, и самое Царство, и все относящееся к Царству, и блистал светлее лучей этого видимого солнца, подобно тому как воссиял воскресший Бог мой. И предстоя Тому, Кто так их прославил, они пребудут в изумлении от преизбытка славы и непрерывного возрастания [в них] Божественной светлости. Ибо преспеянию вовеки не будет конца, так как остановка (или замедление) в возрастании положит конец Бесконечному, (внесет) постижение совершенно Непостижимого и Невместимого всеми сделает (предметом) пресыщения. Но полнота и слава света Его будет бездной преспеяния и началом без конца. Как имеющие Бога вообразившимся внутри, они [святые] предстоят Тому Самому, Кто блистает неприступным (светом): таким образом конец в них является началом славы; излагая же яснее свою мысль, [скажу:] в конце они будут иметь начало и в начале конец. Совершенно [абсолютно] Полный, согласись со мною, не нуждается в прибавлении, и текущие за Бесконечным не достигают конца. Ибо если прейдет это видимое небо и земля и все, что на земле, (разумей, о чем я сказал), то [возможно ли] будет уловить место, где ты найдешь конец, не говорю, телесный, но возможешь ли ты [хотя бы] умом обнять полноту бестелесного мира? Он же не мир есть, но воздух, как прежде [было], и не воздух, но невыразимое про-

странство, которое называется «все» (универс) и есть совершенно бесконечная бездна, отовсюду с разных сторон равно целостная, и это «все» наполнено Божественным Божеством. Итак, делающиеся причастными Его и в Нем обитающие как могут всего Его обнять, чтобы (даже) пресытиться (Им)? или как, скажи Мне, они достигнут конца Бесконечного? – Невозможно (это) и совершенно неосуществимо. Такая мысль совершенно не может и в [ум] прийти святым, ни здесь во плоти сущим, ни туда в Боге преставившимся. Ибо, покрываясь светом Божественной славы, осияваясь и сияя, и наслаждаясь этим, они с полной и всецелой уверенностью поистине знают, что совершенствование их будет бесконечным и преспеяние в славе – вечным. Где же будут стоять, удивляюсь я, отпадающие от Бога и далеко отстоящие от Того, Кто везде находится? И поистине, братие, это – чудо, исполненное великого ужаса, и, чтобы хорошо уразуметь его и не впасть в ересь, как бы не доверяя глаголам Божественного Духа, требуется рассуждение ума просвещенного. Хотя и они будут находится внутри «всего», но поистине вне Божественного света и вне Бога. Ибо подобно тому, как (слепцы), не видящие сияющего солнца, хотя и всецело, со всех сторон бывают освещаемы (им), однако являются вне света, будучи удалены от него чувством и зрением, так и Божественный свет Троицы есть во «всем», но грешники, заключенные во тьме, и среди (него) не видят (его) и совершенно не имеют Божественного (познания) и чувства; но, опаляемые и

осуждаемые своею (собственною) совестью, они будут иметь неизреченное мучение и невыразимую скорбь вовеки.

Гимн двадцать восьмой

Исполненные любови к Богу слова отца показывают здесь, какое изменение произошло в нем; как он, вконец очистившись, соединился с Богом и из какого каким стал. К концу он, богословствуя, говорит (еще) и об Ангелах

О, как безмерно благоутробие Твое, Спасителю! Как Ты удостоил меня соделаться членом Твоим, (меня), нечистого, погибшего и блудного? и как облек меня в светлейшую одежду, блистающую сиянием бессмертия и содевающую светом все мои члены? Ибо Пречистое и Божественное Тело Твое все блистает огнем Божества Твоего, растворившись и неизреченно смешавшись [с Ним]. Итак, Ты и мне даровал его, Боже мой, ибо нечистая и тленная сия храмина (тела моего) соединилась с Пречистым Твоим Телом, и кровь моя смешалась с Кровию Твоею; знаю, что я соединился и с Божеством Твоим, и соделался Телом Твоим чистейшим, членом Твоим блистающим, членом поистине святым, членом светлым, прозрачным и сияющим. Я вижу красоту (Твою), вижу сияние, (как) в зеркале, вижу свет благодати Твоей и изумляюсь неизреченному [чуду] света, прихожу в исступление, замечая себя самого, из какого каким – о чудо! – я стал, и страшусь, и стыжусь себя самого, и как бы Тебя Самого по-

читаю и боюсь, и совершенно недоумеваю в заботе о том, где бы мне сесть, и к кому приблизиться, и где склонить эти члены Твои, для каких дел и деяний мне употребить их – эти страшные и Божественные (члены). Дай мне, Творче, и Создателю, и Боже мой, и говорить и делать то, о чем говорю я. Ибо если я не исполняю на деле того, о чем говорю, то я стал медью громко и всуе звенящей (см. 1 Кор. 13, 1) и не чувствующей звука ударов. Но не попусти, и не оставь, и не дай, Спасителю мой, заблуждаться мне, жалкому, нищему и странному, должному Тебе десять тысяч талантов (см. Мф. 18, 24). Но как некогда, так и ныне, Слове, соделай, ибо тогда от наследия и всей земли отеческой, от отца, братьев, матери, своих и чужих, и всех других сродников и друзей Ты отделил меня, Спасе, грешника и худшего всех их, воспринял в пречистые Твои объятия – явившегося неблагодарным за Твои благодеяния, так и ныне помилуй меня, Милостиве, так и даже более умилосердись ко мне, о Боже мой, и охраняй меня, и обуздывай (неправые) движения духа моего, и сделай меня способным долготерпеливо переносить всякое искушение и печаль житейскую, и что я сам себе причиняю (своим) худым мудрованием, чем искушает меня завистливый бесовский род, и что делом и словом причиняют мне немощные из этих братий моих. Увы и горе мне! так как члены мои губят меня, и через них же опять я страдаю, влеком бывая ногами – я, которому главою предназначено быть. Ходя босыми ногами, я исколол их тернием и сильно страдаю,

не вынося боли. Одна из ног моих идет вперед, другая, напротив, обращается назад; они тащат и влачат меня туда и сюда, я спотыкаюсь и падаю вниз. Итак, я не могу (уже) следовать за всеми. Худо – лежать, но и ходить так еще хуже, нежели лежать, ибо (это) поистине ужасно, так как превосходит всякие иные несчастия. Дай мне, Господи, сокрушение и плач и сподоби во мраке сей жизни, в этом мире – юдоли скорби, поработать Тебе и добре послужить и святые заповеди Твои сохранить. Благодарю Тебя, что Ты дал мне жить, и знать Тебя, и поклоняться (Тебе), Боже мой. Ибо это есть жизнь, (чтобы) знать Тебя, Единого Бога, Создателя и Творца всех, нерожденного, несозданного, единого безначального, и Сына Твоего, от Тебя рожденного (см. Ин. 17, 3), и исходящего (от Тебя) Всесвятого Духа – всехвальную Троичную Единицу, Которой поклоняться и благочестно служить – превосходнее всякой иной славы, назвал ли бы ты земную (славу) или небесную.

Ибо что есть слава Ангелов, Архангелов, Господств, Херувимов и Серафимов и всех прочих небесных воинств, (что есть слава их), или свет бессмертия, или радость, или сияние жизни невещественной, как не единый свет Святой Троицы, нераздельно трояко разделяемый, который един в Трех Лицах и недоведомо познаваем, поскольку Он хочет. Ибо невозможно, чтобы тварь так знала Творца всего, как Он Сам Себя знает по естеству; по благодати же видят Его и разумеют все Ангелы и всякая тварная природа, не постигая, но

разумея, поскольку Свет этот пожелает быть познанным или явиться слепым, а также и видящим, конечно. Ибо и глаз без света не видит, но зрение он получает от Света, так как он Им произведен. Назовешь ли ты телесное или бестелесное, найдешь, что все Бог сотворил, что на небесах, (о чем бы ты ни услышал), что на земле и что в безднах. И для всего этого единою жизнью и славой, единым желанием и единым царством, богатством, радостью, венцом, победой, миром и всяким иным благолепием является познание Начала и Причины, от Которой все произведено и произошло. Она есть составление вышнего и нижнего. Она – упорядочение всего умопостигаемого, Она – уяснение всего видимого. Ее имели крепким стоянием Ангелы, обогатившиеся еще большим познанием и страхом, когда они увидели падение сатаны и прельщенных с ним самомнением. Ибо которые только забыли Ее, те и пали, поработившись превозношением; те же, которые, напротив, имели Ее в разуме, возвысились страхом и любовию, прилепившись ко Владыке своему. Поэтому познание власти (Господней) умножило (в них) также и любовь, так как они увидели еще более блистательный и яснейший свет Святой Троицы; а это опять отражало всякую иную мысль и делало неизменными тех, которые, получив в начале изменяемую природу, пребывают на высоте небожителей.

Гимн двадцать девятый

Соделавшийся причастником Духа Святого, будучи восхищаем Его светом или силою, возвышается над всеми страстями, не терпя вреда от приближения их

О Боже и Господи Вседержителю! кто насытится Твоей невидимой красотой? кто наполнится Твоей необъятностью? кто, (хотя бы) и достойно ходил он в заповедях Твоих, увидит свет лица Твоего? (Нечто) великое, дивное и совершенно невозможное – чтобы живущий в этом тяжелом и мрачном мире унесся с телом из мира. О, чудное таинство! Кто преступил своей плоти преграду? кто, пройдя мрак тления, скрылся (отсюда), оставив весь мир? О убожество (нашего) познания и речи! Ибо где скрылся тот, кто, пройдя этот мир, унесся за пределы всего видимого? – скажи, мудрость мудрецов отвергнутая, чтобы не сказать – обращенная Богом в безумие, как говорит Павел (см. 1 Кор. 1, 19–20) и всякий раб Божий. Он муж желаний Духа; он, приближаясь телом к телу, духом может свят быть. Ибо вне мира и этих тел нет желания плотской страсти, но – некое бесстрастие, которое кто возлюбил, тот через эту любовь приобрел жизнь. Ибо хотя бы ты видел его ведущим себя непристойно и как бы прибегающим к (такого рода) действиям, знай, что это тело он мертвым соделал, не говорю, (телом) без души, через

которую оно движется, но – без злой похоти. Ибо наслаждение прекрасным бесстрастием и тот свет, который из-за него неизреченным образом любит меня, приводя в исступление весь ум мой, восхищает его и, держа обнаженным невещественною рукою, не попускает мне отпасть от любви к нему (свету) или допустить (в уме) страстный помысл, но беспрестанно целует (меня); и эта любовь воспламеняет душу мою, и нет во мне иного чувства. Ибо насколько чистейший хлеб дороже и слаще помета, настолько и несравненно более горнее превосходит дольнее для тех, которые хорошо отведали (его). Устыдись, мудрость мудрецов, поистине лишенная ведения. Ибо простота наших речей (самим) делом обладает истинной мудростью, приближающейся к Богу и поклоняющейся Тому, от Кого дается всякая жизненная премудрость, через которую я воссоздаюсь и обожаюсь, созерцая Бога во веки веков. Аминь.

Гимн тридцатый

Благодарение Богу за дары, которых (святой отец) удостоился от Него. И о том, что достоинство священства и игуменства страшно даже для Ангелов

Я не могу, Владыко, говорить, хотя бы и хотел. Ибо что вообще скажу я, будучи нечист и в помыслах, и в действиях, и во всех представлениях? Однако, уязвленный душою и горя внутри, я хотя нечто желаю сказать Тебе, о Боже мой. Ибо я вижу всего себя, и Ты, как Бог мой, ведаешь, что я от (самого) рождения осквернил все телесные и душевные члены свои, будучи весь грехом.

Усматривая милость и человеколюбие и многие Твои благодеяния, которые Ты соделал на мне, я становлюсь безгласным и едва не мертвею, и постоянно тужу и печалюсь, несчастный, так как я недостоин всех (Твоих) благ. Когда же, придя в себя, я восхощу, Христе, помыслить в уме о множестве грехов своих и о том, что я не сделал в жизни ни одного доброго (дела), но, вместо наказания и праведного Твоего гнева, который я должен был бы понести как много раз огорчивший Тебя, Ты, напротив, удостоил меня ныне столь великих благ, то прихожу в отчаяние и боюсь суда Твоего, так как (доныне) я повседневно грехи (к грехам) прилагаю; и трепещу, чтобы великого милосердия и человеколюбия Твоего Ты

не обратил (мне) в ярость большего наказания, так как, благодетельствуемый (Тобою), я тем более являюсь неблагодарным к Тебе, будучи злым рабом у Тебя – благого Владыки. Поэтому всему прочему, что служило к терпению, доставляя мне надежду жизни вечной, я много (раз) радовался, как Тебе одному ведомо, уповая через то на благость и милосердие Твое. Ибо для того Ты, Христе мой, и взял меня от всего мира, и отделил от всех сродников и друзей, чтобы помиловать и спасти меня. Уверяемый в этом Твоею благодатию, я имел ненасытную радость и твердую надежду. О двух же этих последних, которым Ты, Царю мой, благоволил быть во мне, я не знаю, что мне сказать. Они и душу мою, и ум лишают слова, и останавливают действия и всякие мысли, и даже отягощают величием славы Твоей, едва не убеждая меня, Спасителю мой, [так] упраздниться, чтобы ничего не говорить, ничего не делать, ничего из этих (вещей) не касаться.

И я сам недоумеваю, удивляюсь и печалюсь, как я, несчастный, согласился служить и литургисать при таких неизреченных (Таинствах), на которые Ангелы трепещут взирать без страха, (чего) убоялись пророки, услыша о непостижимом (деле) славы и вместе домостроительства, (о чем) апостолы, мученики и множество учителей вопиют и взывают, что они недостойны открыто проповедовать (о том) всем находящимся в мире. Как же я, погибший и блудный, как я, презренный, удостоился стать игуменом братий, священнодействователем Божественных Таинств и служителем Пре-

чистой Троицы? Ибо когда полагается хлеб и вливается вино в знаменование Плоти и Крови Твоей, Слове, тогда там бываешь Ты Сам – Бог мой и Слово, и они поистине делаются Телом Твоим и Кровию наитием Духа и силою Вышнего; и мы дерзаем касаться Бога неприступного, лучше же – обитающего во свете неприступном – не только для этой тленной человеческой природы, но и всем умным воинствам Ангелов. Итак, это неизреченное, это сверхъестественное дело и предприятие, для совершения которого я поставлен, внушает мне также созерцать пред очами смерть (ср. 1 Кор. 11, 26). Поэтому, оставив радости, я объят бываю трепетом, так как знаю, что ни мне, ни кому-либо другому невозможно литургисать достойно и проводить в теле жизнь как бы ангельскую, лучше же, сверхангельскую, дабы, как показало это слово и содержит (Божественная) истина, и по достоинству стать ближайшим (к Богу самих) Ангелов, как прикасающемуся руками и вкушающему устами Того, Которому они предстоят со страхом и трепетом.

А какая душа понесет суд над братиями, над которыми я поставлен быть пастырем? какой ум будет в состоянии неосужденно испытывать мысли каждого (из них) в отдельности и все свои (обязанности) нести без опущения, избавляя себя [в то же время] от осуждения их? Я не думаю, чтобы это каким-либо образом возможно было для людей. Итак, я убеждаюсь и хочу лучше быть учеником, служа воле одного и слушая слов его, (чтобы) за одно это и отчет отдать, чем

служить нравам и волям многих, испытывать их мысли, исследовать намерения и еще глубже исследовать их действия и помыслы, потому что и меня ожидает суд, и я должен дать ответ за грехи тех, пасти которых по неизреченным судьбам Божиим из всех избран я один. Ибо каждый будет судиться и даст, конечно, отчет в том, что он сам сделал доброго или злого. Я же один за каждого воздам ответ. И как я хочу спастись или быть помилованным, когда я даже для спасения своей жалкой души не могу показать никакого дела? Ибо вполне будь уверен, что я не имею, что сказать, так как никогда не сделал ни малого, ни великого дела, через которое могу избавиться от вечного огня. Но, о человеколюбивый и благоутробный Спасителю, дай мне, смиренному, Божественную силу, так чтобы я разумно через слово пас тех братий, которых Ты дал мне, наставляя (их) на пажити

Божественных Твоих законов, и возводил бы в обители горнего Царствия спасенными, целыми, невредимыми, блистающими красотою добродетелей и достойными поклонниками страшного престола Твоего. И меня также, недостойного, восприими от мира, хотя и покрытого многими греховными язвами, но, однако, вместе с тем и служителя, и непотребного раба Твоего, и к ликам избранных, имиже веси судьбами, вместе с учениками моими сопричти, дабы мы все вместе видели славу Твою Божественную и наслаждались неизреченными благами Твоими, Христе. Ибо Ты – наслаждение, утеха и слава горячо любящих Тебя во веки веков. Аминь.

Гимн тридцать первый

О бывшем святому отцу видении Божественного света, и как Божественный свет не объемлется тьмою в тех, кто, изумляясь величию откровений, помнит и человеческую немощь и осуждает себя самого

Как опишу я, Владыко, видение лица Твоего?
Как расскажу о несказанном созерцании красоты (Твоей)?
Как звуки речи вместят Того, Кого мир не вмещает?
Как мог бы кто-либо изречь человеколюбие Твое?
Сидя при свете светящего мне светильника,
Освещающего мрак ночи и тьму,
Я думал, что нахожусь во свете, внимая чтению,
Исследуя, каковы речения и наблюдая (их) сочетания.
Итак, когда я занимался этим,
Ты внезапно явился вверху гораздо большим солнца
И воссиял с небес (даже) до сердца моего.
Все же прочее стало казаться мне как бы
густою тьмою. Светлый же столп посредине, рассекши весь воздух,
Прошел с небес даже до меня, жалкого.
Тотчас же забыл я о свете светильника,
Выпустил из памяти, что нахожусь внутри жилища,
А сидел я в мысленном воздухе тьмы,
Даже и о самом теле я совершенно забыл.

Я говорил Тебе и ныне говорю из глубины своего сердца:
Помилуй меня, Владыко, помилуй меня, единый
Спасителю, никогда отнюдь не послужившего Тебе,
Но прогневляющего Тебя от юного возраста.
Я испытал всякий плотской и душевный порок
И соделал грехи непристойные и безмерные,
Хуже всех людей, хуже всех бессловесных,
Гадов и зверей всех превзойдя.
Итак, необходимо, чтобы Ты показал Твою
милость на мне, Более всех согрешившем безумно.
Ибо не требуют, как Сам Ты, Христе, сказал,
Здравые врачевства, но болящие (см. Мф. 9, 12).
Поэтому, как на многоболезненного и нерадящего,
Излей, на меня, Слове, столь великую Твою милость.
Но, о, игра света! о, движения огня!
О, круги пламени, во мне, несчастном,
Производимые Тобою и Твоею славою.
Под славою же я разумею и называю Духа Твоего
Святого, соестественного и равночестного (Тебе), Слове,
Однородного, единославного и одного
Единосущного Отцу Твоему и Тебе, Христе, Боже всех.
Поклоняясь Тебе, благодарю, что Ты сподобил меня
Хотя несколько познать силу Божества Твоего.
Благодарю, что Ты Сам, сидящему во тьме,
Открылся мне, воссиял и удостоил меня видеть
Этот свет лица Твоего – для всех нестерпимый.
Я пребывал, (как) знаю, сидящим во тьме,
Но и среди нее ко мне, покрытому тьмою,
Явился Ты – Свет, всего меня просветил всем светом

(Своим),
И я сделался светом во (время) ночи, являясь (им) среди тьмы.
Ни тьма не объяла всего света Твоего,
Ни свет не прогнал видимой тьмы,
Но они (были) вместе неслиянными и совершенно раздельными,
Далеко друг от друга, как и следует – отнюдь не растворившимися.
Однако в одном и том же [месте] они наполняют, как я думаю, все [пространство].
Таким образом я нахожусь во свете, будучи среди тьмы,
И, наоборот, я пребываю во тьме среди света:
Вот – и среди света, вот – и среди тьмы.
И кто, спрашиваю я, даст мне во тьме и среди (тьмы) найти свет,
Восприятия которого она не вмещает? ибо как тьма вместит
Внутри свет, не убежав, но оставшись среди Света тьмою?
О страшное чудо, видимое Двояко, двойными очами, телесными и душевными.
Послушай теперь, говорю я тебе, о страшных (делах) двоякого Бога[18] (я говорю о тебе)[19],
Бывших и для меня, двоякого, как человека.
Он, (Сын Божий), восприял плоть мою и дал мне Духа,
И я сделался Богом по благодати Божественной,

[18] То есть обоженного человека, очевидно.

[19] То есть слушатель или читатель.

Сыном по усыновлению, однако (сыном) Божиим.
О, (высокое) достоинство! о, слава!
Как человек, я печалюсь и считаю себя самого несчастным;
И, помышляя о своей немощи, воздыхаю,
Будучи совершенно недостоин жизни, как
хорошо я знаю. Уповая же на благодать
Его и размышляя О той доброте, какую
Он даровал мне, я радуюсь, видя (ее).
Итак, с одной стороны, как человек, я не умею созерцать ничего Божественного,
Будучи совершенно отделен от невидимого;
С другой стороны, вижу, что чрез сыноположение я сделался Богом,
И бываю причастником (того), что неприкосновенно.
Как человек, я не имею ничего возвышенного и Божественного,
А как помилованный ныне благостию Божиею,
Имею [в себе] Христа – Благодетеля всех.
Поэтому я снова припадаю (к Тебе), Владыко, моля (о том),
Чтобы мне отнюдь не лишиться надежды моей на Тебя,
И пребывания [с Тобою], и чести, славы и Царствия.
Но как ныне Ты сподобил меня, Спасителю, видеть Тебя,
Так и по смерти дай мне видеть Тебя,
Не говорю, насколько (видеть), но милостиво и благоутробно [воззри тогда],
Благоутробне, милостивым Твоим оком, как и ныне взираешь на меня,

Исполняя меня Твоей радости и Божественной сладости.
Ей, Творче и Создателю мой, покрой меня рукою Твоею,
И не остави меня, и не памятозлобствуй,
Не поставь (в осуждение), Владыко, великой неблагодарности моей.
Но сподоби меня даже до кончины во свете Твоем
Нелeностно ходить путем заповедей Твоих,
И в него – во свет рук Твоих, Всемилостиве,
Предать дух свой, избавляя меня, Слове, от врагов,
Тьмы, огня и вечных мучений.
Ей, великий в щедротах и неизреченный в милости,
Сподоби в руки Твои предать душу мою,
Как и ныне я нахожусь в руке Твоей, Спасе.
Итак, да не возбранит грех пути моему,
Да не отторгнет он, да не отлучит меня от руки Твоей.
Но да посрамится страшный князьдушетлитель,
Видя меня находящимся в Твоей длани, Владыко,
Как и ныне он не смеет приблизиться ко мне,
Видя меня покрываемым Твоею благодатию.
Не осуди меня, Христе, во ад и не отрини,
Не сведи душу мою во глубину смерти,
Так как я дерзаю именовать Твое имя,
Нечистый, мерзкий и совершенно оскверненный.
Да не разверзется земля и да не поглотит, Слове, меня, преступника,
Совершенно недостойного ни жить, ни пользоваться речью.
Да не снидет огонь на меня и да не пожрет меня внезапно,
Так что я не буду иметь возможности сказать даже:

Господи, помилуй.
О великий в милосердии и по естеству Человеколюбец!
Не вниди в суд со мною.
Ибо что вообще я провещаю [на суде], будучи (весь) грехом?
Да и мог ли бы я хотя нечто сказать [в свое оправдание], осужденный (уже),
От чрева матери своей безмерно пред Тобою согрешивший
И доныне пребывающий бесчувственным к Твоему долготерпению,
Тьмочисленно низведенный во глубину ада
И извлеченный оттуда Твоею Божественною
благостию, Члены и плоть души и тела своего
Осквернивший, как никто другой из живущих на свете,
Неистовый и бесстыдный любитель
удовольствий, Злой и лукавый от душевной порочности
И ни одной Твоей, Христе, заповеди отнюдь
не соблюдший? Что скажу я в свою защиту, что отвечу Тебе,
С какою душою снесу Твои обличения,
о Боже мой, Когда Ты обнажишь мои беззакония и злодеяния?
О бессмертный Царю! не покажи их всем,
Так как я трепещу, помышляя о делах моей юности.
Говорить (о них) было бы ужасно и постыдно,
Так как если бы Ты пожелал открыть их пред всеми,
То стыд мой будет хуже всякого мучения.
Ибо кто, увидя мое сладострастие и распутство,

Кто, увидя нечистые объятия и постыдные мои деяния,
Которыми я и ныне оскверняю себя, принимая их в уме,
Не ужаснется, весь не содрогнется
И не воззовет, тотчас отвратив очи
И говоря: смерть всескверному этому!
Повели, Владыко, связать этого несчастного по рукам и ногам
И вскоре же ввергнуть во мрачный огонь,
Чтобы не смотреть на него нам, верным рабам воим.
(Ибо) поистине – достойно, Владыко, поистине – праведно.
(Так) все они скажут, и Ты Сам сотворишь (это),
И я, распутный и блудный, буду ввержен в огонь.
Но Ты, пришедший спасти блудников и блудниц,
Не посрами меня, Христе, в день Судный,
Когда Ты поставишь овец Твоих одесную Себя,
А меня и козлищ ошуюю Себя.
Но свет (Твой) пречистый, свет лица Твоего
Да покроет дела мои и наготу души моей,
И да облечет меня в светлую (одежду), дабы я со дерзновением
Непостыдно сопричтен был к десным овцам
И с ними славил Тебя во веки веков. Аминь.

Гимн тридцать второй

Здесь отец с изумлением рассказывает о том, как он видел Бога, подобно апостолам Стефану и Павлу

Что это за новое чудо, которое и ныне бывает? Бог и ныне желает быть видимым для грешников – Тот, Кто некогда, сокрывшись, восшел горе и воссел на небесах на Отчем престоле. Ибо Он скрылся от взоров Божественных апостолов, и после того один только Стефан, как мы слышали, видел отверзшиеся небеса и сказал тогда: я вижу Сына, стоящего одесную славы Отца (см. Деян. 7, 55–56), и тут же, как изрекший хулу, был побит камнями самими законоучителями; и (хотя) умер по закону природы, но (пребывает) живым вовеки. Однако он именно был апостолом, весь освящен был и преисполнен Всесвятого Духа. С другой стороны, то было начало проповеди, (когда) было множество неверных, которые, уверовав во Христа через апостолов, получали благодать, которая есть дар веры. Но что ныне значит это необычайное дело, которое во мне происходит? что бы могло значить то страшное и изумительное (явление), которое совершается ныне? что это за образ человеколюбия, являемый теперь? необычайное богатство благости? иной источник милости, гораздо более (обильный), чем существовавшие древле? Ибо многие были помилованы Божественным человеко-

любием, но они и сами привносили нечто свое: веру и другие добродетели и благоприятные деяния. Я же, помышляя о том, что лишен всего этого, ужасаюсь и не могу сносить того, что во мне, блудном от утробы (матери), соделовает Бог, (одним) словом создавший всю тварь. Если я страшусь даже помыслить о том, то как опишу то словесно? (Ибо какая рука послужит этому делу? какая трость начертит?) какое слово могло бы выразить, какой язык высказать, какие уста изрекут то, что видится во мне происходящим и совершающимся целый день? Ибо и в самой ночи, и в самой тьме я с трепетом вижу Христа, Который отверзает мне небеса, Сам склоняется (оттуда) и видится мне вместе с Отцом и Духом – Светом Трисвятым. (Итак) один в Трех, и в одном Три (именно Свет есть, конечно, и один Свет – Три), Свет, Который озаряет душу мою светлее солнца и просвещает мой омраченный ум. Ведь если бы ум мой видел, то видел бы от начала. Но, поверьте, я был слеп и не видел, и потому чудо тем более меня изумляет, когда Он и око ума моего как-то отверзает, и как-то дает видеть, и (Сам) есть видимый? Ибо Сам Он светом во свете является видящим; и, наоборот, видящие во свете Его видят, ибо видящие видят во свете Духа; и видящие в Нем созерцают и Сына. А кто удостоился видеть Сына, тот видит (также и) Отца. Созерцающий же Отца видит Его, конечно, с Сыном, что и ныне, как сказано, во мне совершается. Я и недомысленное несколько уразумеваю и, поражаясь великим изумлением и одержимый страхом, созерцаю ныне

вдали те красоты, которые незримы по причине неприступного света и нестерпимой славы.

Между тем я вижу одну только каплю из океана, но как в капле обнаруживается вся (совокупность) вод, какого они качества и вида, как по краю каймы (видна) вся ткань или, как говорят, по когтям (видно) зверя, (что) лев; так и я, объемля целое в малом, вижу Самого Христа и Бога моего и поклоняюсь Ему. Некоторым же утешением для ума моего служило (уже) то, что я, дабы не быть опаленным и сожженным, яко воск от (лица) огня, по слову пророка (см. Пс. 67, 3), находился вдали от неприступного огня и стоял среди тьмы, окутанный ею; поэтому, выглядывая как бы через малую скважину, я ощущал головокружение. Живя в этой (тьме) и занимая (ею) ум, а думая, что я словно смотрю на небо, и трепеща, чтобы (огонь), приблизившись более, не пожрал меня, я обрел Того Самого, Кого видел вдали, Кого видел и Стефан в отверстых небесах, и (Кого) опять Павел, увидев впоследствии, был ослеплен (см. Деян. 9, 8) – (Его-то) всего поистине, как огонь, я обрел в глубине своего сердца. Итак, пораженный чудом и сильно трепеща, я пришел в исступление, весь расслабев и сделавшись совершенно беспомощным. И не вынося нестерпимой славы, в ночь этих ощущений, я обратился в бегство и, подавленный помыслами, скрылся в них, как бы войдя в гроб, и, привалив вместо камня это тягчайшее тело, я покрылся (им) и скрылся в своем мнении от Вездесущего, от Того, Кто некогда воскресил ме-

ня мертвого и погребенного. Ибо, трепеща и не в состоянии будучи видеть Его славу, я предпочел войти и пребывать в могиле (и обитать с мертвыми, живя и сам в могиле), нежели быть сожженным и совершенно погибнуть. Сидя там, мне, блудному, должно, конечно, беспрестанно рыдать и плакать о том, что я потерял Возлюбленного и сделался лежащим в могиле. Но, живя под землею, (как) мертвый и камнем покрытый, я нашел жизнь в Самом Боге – жизни Подателе, Которому подобает слава и честь ныне и вовеки.

Гимн тридцать третий

Благодарение Богу за бывшие от Него благодеяния; и просьба научить, ради чего соделавшимся совершенными попускается (терпеть) искушения от бесов; и об отрекающихся от мира – наставление, изреченное от (лица) Божия

Ты, создавший меня, Боже мой, знаешь нищету мою, ведаешь сиротство, знаешь одиночество, видишь немощь мою, и бессилие мое не неведомо, (говорю), Тебе, но Ты видишь и знаешь все. Воззри на сердце смиренное и сокрушенное, воззри на меня, в отчаянии приближающегося к Тебе, Боже мой, и подай свыше благодать Твою, подай Духа Твоего Божественного, подай Утешителя, пошли, Спасе, как обещал Ты, ниспошли и мне ныне, сидящему в горнице, поистине, Владыко, превыше всех земных вещей и вне всего мира, ищущему Тебя и чающему Духа Твоего. Итак, не медли, Благоутробне, не презри (меня), Милостиве, не забуди ищущего Тебя с жаждущей душою, не лиши жизни недостойного ее, не возгнушайся и не оставь меня, Боже. (В качестве) ходатая я представляю благоутробие Твое, предлагаю милосердие и приношу Тебе человеколюбие Твое. Я не понес трудов, не соделал дел правды, никогда не сохранил ни одной из Твоих заповедей, но блудно провел всю свою жизнь. Одна-

ко Ты не презрел меня, но Сам, взыскав, обрел (меня), возвратил заблудшего от пути заблуждения и, возложив, Христе, на пречистые Твои плечи, через свет благодати Твоей понес меня, Милостиве, совершенно не дав мне почувствовать утомления; но, как бы упокоевающемуся на колеснице, дал мне легко пройти по неровным путям, доколе не возвратил в ограду овец Твоих и не присоединил и учинил с рабами Твоими. Проповедуя милосердие Твое, восхваляю благоутробие и с благодарением дивлюсь богатству благости Твоей. Но, будучи, как сказано, призван Тобою, Боже мой, и являясь ныне всецело, как полагаю, рабом (Твоим), (устремленный к свету и прилепившийся к Тебе), объятый желанием к Тебе и связанный любовию, я недоумеваю, изумляюсь и не могу понять, почему скорбь (и теперь) касается жалкой души моей, отчего вкрадывается печаль и всего меня волнует, почему скорбь о земном лишает меня Твоей сладости, Боже мой, и разлучает от радости. Зачем Ты, Блаже, оставляешь меня, столь (глубоко) падшего и согрешившего или чем прогневавшего Тебя более, Христе мой, чтобы я еще сильнее печалился, чем прежде, когда душа моя была одержима страстями? Скажи и научи меня ныне глубине судеб Твоих, скажи, Владыко, и не возгнушайся меня, говорящего, (хотя) и недостоин я – Ты, некогда разделявший трапезу с грешниками и блудницами и свечерявший с блудниками и мытарями. На это Владыка мой ответил и сказал: взяв тебя на руки, как младенца, Я унес тебя от мира; ты знаешь, конечно,

о чем Я говорю. Я всего тебя со всеми членами пеленал и вскармливал молоком, превосходящим (всякую) пищу и питье, ибо (дела) Мои совершенно неизреченны и неизъяснимы. Я отдал тебя воспитателю, (ты знаешь, о ком говорю Я), и он усердно ухаживал за тобою, как за малым мальчиком, растущим с часу на час, и как должно воспитал. (Потом) ты сделался уже отроком, а также, разумеется, и юношей; но тебе самому не безведомо, как Я всегда был с тобою, совозрастал в тебе и (отовсюду) покрывал Тебя, доколе ты благополучно не миновал всех возрастов. Итак, будучи ныне не маловозрастным, но, напротив, сделавшись поистине мужем совершенным и склоняясь уже к старости, как ты хочешь, чтобы и теперь тебя держали на руках, как ребенка? как просишь, чтобы тебя снова пеленали и носили? как (хочешь) питаться молоком и находиться под пестуном? не краснеешь ли ты, говоря это, скажи Мне? Будучи мужем, сам служи другим и воспитывай, заботясь обо всем, что (служит) к их возрастанию. Врагам сопротивляйся и, будучи поражаем, и (сам) поражай. Ты понимаешь, о каких врагах говорю Я тебе – о полчищах бесов. Начинай бить (их) беспощадно; падая, снова вставай, и на стрелы (противников) взаимно отвечай стрелами, не щадя стреляющих и злоумышляющих против тебя. Но когда они (пытаются) уязвить тебя отчаянием, сами пусть будут уязвлены (твоею) надеждою, как бы пущенною тобою (стрелою). Биющие тебя гневом, как кулаками, и возбуждающие к ярости, будучи поражаемы в лицо твоею кро-

тостью, пусть будут отброшены далеко прочь от твоего жилища. Ведь разве ты, как сказал Я, ребенок или мальчик? разве душа твоя и ныне бессильна? разве ум твой и ныне слаб для сопротивлений? Ты умеешь и убегать от врагов и, напротив, побеждать их. Ибо ты, и сражаясь, имеешь Меня помощником и защитником и в бегстве находишь во Мне крепкий и державный покров. О чем же из земных вещей ты печалишься? о какой из них, скажи Мне? – о золоте, или серебре, или о драгоценных камнях? но что светлее Меня? или что сияет яснее? или какой камень, как Я, совершенно неоценим? Не лишение ли имений, или нужда в хлебе, или недостаток в вине совершенно смущают тебя? И какой есть иной рай, кроме Меня? или земля дольних и преходящих (вещей) подобна земле кротких? А какой хлеб или (какое) вино в мире можно изготовить (такие), как благодать Моя, как Божественный Дух, как хлеб жизни, который, (то есть) Тело и Кровь Мою, Я подаю ядущим Меня с чистым сердцем, несомненною верою, со страхом и трепетом и пиющим умно и чувственно? Какая утеха, какая радость, какая слава на земле, скажи Мне, больше того, чем видеть Меня одного, чем созерцать Меня одного, как бы в зеркале и гадании, и видеть одно только сияние славы Моей и через него научаться этому и большему того, (чем) точно знать, что Я – Бог и Создатель всего, и разуметь, что человек, сидящий в глубочайшем рве, примирен со Мною, и, превзойдя чин наемника и рабский страх, непосредственно, как друг с другом, бесе-

довать со Мною, без труда служа Мне, с любовию угождая и приближаясь ко Мне через послушание заповедям.

Я говорю не (о деяниях) тех, которые наемнически служат Мне и рабски опять же приходят ко Мне, но о деяниях друзей, знаемых и сынов Моих, каковые, запиши кратко, суть следующие: считать себя ничтожнее всех в мире, поистине худшим не только сподвижников и мирских людей, но (даже) и язычников, незначительное нарушение одной малейшей заповеди считать отпадением от жизни вечной, на малых детей смотреть, как на совершенных мужей, и (почитать) и кланяться (им), как (людям) знаменитым, слепым также отдавать честь, потому что Я вижу действия всех людей. Ради Меня и это (также) делать, что опять запиши: совершенно не иметь в сердце против кого-либо даже легкого возбуждения или малого подозрения, из сострадания молиться от души и со скорбью сердца за всех согрешающих против тебя, равно и против Меня отваживающихся на то же, со слезами прося об их обращении, вместе с тем благословлять проклинающих тебя и хвалить постоянно злословящих тебя по зависти, обижающих считать как бы благодетелями, об упрямых же и не повинующихся тебе плакать и беспрестанно рыдать, как о совершенно отвергающихся Меня – своего Владыки, не переставая (однако) увещевать их. Ибо приемляй вас, Мене приемлет – сказал Я (ср. Мф. 10, 40); и слушаяй вас, Мене слушает, конечно (см. Лк. 10, 16). Кто же не внимает со трепетом словам и увещаниям вашим

и не исполняет их (даже) до смерти, тот не приобщится и Моей вечной славы, не будет учинен со Мною, распятым на кресте и бывшим послушным Отцу (даже) до смерти, таковой не будет поставлен одесную и не сделается сонаследником тех, которые сами себя распяли. Впрочем, не переставай увещевать их, не переставай оплакивать, не переставай искать спасения их, чтобы, если они послушают (тебя) и обратятся, ты имел их, как братий, приобретя (в лице их) члены свои, и привел бы их (ко Мне, как) послушных и сродных, дабы и Я через тебя воспринял их и прославил, и с тобою, как дар, принес ко Отцу Моему. Если же они не отрекутся своей воли и не презрят душ своих, как сказал Я, если не сделаются мертвыми для своих желаний, живя в этой жизни по твоей воле и через твою волю исполняя Мою, то (и тогда) ты не потеряешь своей награды и не лишишься ее, но вместо одной Я воздам тебе двойную награду, так как, хотя они и не слушали тебя, ты, (однако), не перестал говорить, но скорее (согласился) быть ненавидимым, отвергаемым и презираемым ими, как и Я некогда был и ныне есмь ненавидим ими и им подобными.

Через такие дела Я желаю, чтобы Мне служили; через такие и им подобные и ты старайся угождать Мне, ибо Я весьма радуюсь им. Не желай лучше быть праздным и отнюдь не предпочитай чего-либо другого в мире пользе души своей. Ибо какую пользу получит тот, кто приобретет мир или находящихся в нем наставит и научит, и всех спасет, если сам не

спасется? Итак, кто это или каким образом, спасая других, не спасет, но погубит, несчастный, душу свою? – Тот, кто разоряет заповедь Мою – Владыки всех – и, как бы попирая и обходя ее, нарушает законы Мои и преступает повеления. Находясь вне двора заповедей (Моих) и вне ограды их, если он и спасет мир и живущих в мире, то (и тогда) будет чужд Мне и далек от овец Моих, в особенности же как разоривший ограду двора и давший овцам выход не через единственную дверь, а зверям – неправый вход; он понесет невыразимое мучение за всех овец, и будет рассечен надвое, и, (преданный) огню и тартару, будет, несчастный, добычею червей. Ибо это сказал Отец через Сына и изрек Дух, Который есть уста Владыки. Ангелы, услышав, восхвалили (непрестанными гласами, праведники присоединились) и сказали: праведен суд Твой и незазорно решение, ибо беспристрастно судил Ты, о Боже всемилостивый. В самом деле, как всецело явится Твоим сонаследником и сообщником тот, кто не оставил своей воли и (воли) того, кто заменяет Лицо Твое, как Твоей Владычней, не предпочел и не соблюл неприкосновенно, как Сам Ты, Милостиве, соблюл (волю) Отца Твоего, в особенности же, кто обещался до смерти ни в чем не творить своей воли, не прилепляться и не предпочитать плоти и крови, то есть сродства и естественных связей, (врожденной) любви, (снова) связывающей находящихся на земле с тем, от чего они отреклись, и всецело обращающей их вспять?

Мученики возгласили: поистине праведный суд. Ибо ко-

гда кто охотно предал себя на мученичество, тот отнюдь не должен даже на краткое (время) внимать голосу сродников, жены и детей, которые, придя, (начинают) с плачем говорить следующее: не жаль ли тебе детей своих? и ты, бессердечный, не пожалеешь вдовства жены своей? ни нищета их не приклоняет тебя к состраданию? и о погибели их ты не подумаешь и не пожалеешь? Итак, оставляя (детей) сирыми, странниками и нищими и жену свою вдовою, ты предпочитаешь спасти себя одного? и как же ты не будешь осужден более, чем убийца, так как, оставив всех нас на погибель, ты ищешь спасения только своей души? – К (таким) воплям, (говорю), он совершенно не (должен) приклонять слуха и (даже) за дары убегать от уз и затвора или, через отречение от Тебя, Христе, освобождать себя от них; как умерший уже, (он должен) оставаться в испытаниях и пребывать в заключении, голоде и жажде, не вспоминая о своих вещах и имениях и не позволяя уму своему, если возможно, даже на краткое (время) удаляться из заключения, но, созерцая в нем Тебя, Владыко всех; и через созерцание (беспрестанно) устремляя к Тебе мысли, (даже) до смерти твердо держаться одной любви к Тебе. А на тех и смотреть даже совершенно не должен он, которые, уклоняясь и отвергаясь Тебя, возвращаются на первую блевотину, к прежним действиям, к заботам о земных вещах, о жене и детях, и не под каким предлогом не связываться этим, ибо он не владеет уже более своею душою. Поэтому многие рабы Твои, когда Ты отверзал заключения их и со-

вершенно разрешал телесные узы, отнюдь не хотели уходить прочь и бежать; но оставались, будучи как бы связанными. Так и ныне, Спасителю, есть в мире такие, которые, отрекаясь мира и вместе с тем всех сродников, друзей и прочих (людей) и всех вещей в мире, а прежде всего этого – своей воли, совершенно не имеют уже более власти над собою, но хотя и не бывают возбраняемы игуменами (пользоваться ею), однако должны хранить договор с Тобою – Владыкой. Ибо не людям, но Богу они обещались хранить послушание и покорность к игуменам и ко всем вместе с ними подвизающимся в обители братиям. Поэтому они должны жить в монастыре, как бы на уединенном острове, находящемся среди моря, считая, что весь мир стал для них совершенно недоступным, словно вокруг всего монастыря их утверждена великая пропасть, так что ни находящиеся в мире не (могут) перейти в монастырь, ни живущие на острове – переправиться к тем, которые – там, и, с пристрастием глядя (на них), удерживать в сердце или в уме воспоминания о них; но, как мертвые к мертвым, они, и обладая чувством, должны относиться к ним без ощущения, делаясь (таким образом) поистине как бы добровольно закланными агнцами.

Услышав эти всесвятые слова мучеников, исполненные вожделения и любви ко Владыке, Херувимы восхвалили (Господа) и в страхе сказали: слава Тебе, Царю, слава Тебе, Всемилостиве, показавший на земле мучеников без тиранов (и гонителей), которые через одну любовь к Тебе ежечасно

предают себя на мучения. Поистине, сказал опять Отец через Сына и (присовокупил) Дух, (любящие Бога всем сердцем, и) постоянно пребывающие (в любви к Нему одному), и ежечасно умирающие своею волею – эти суть и искренние друзья (Мои), и сонаследники, они – и мученики по одному произволению, без скобления, без виселиц, костров и котлов, без сожигания огнем и рассекания мечами. На это премирные чины все вместе с ликованием воскликнули: праведен суд Твой, Всемилостиве; да напишется он и да запечатлеется ныне и вовеки.

Гимн тридцать четвертый

Что значит выражение «по образу», и справедливо человек признается образом Божиим. И о том, что любящий врагов, как благодетелей, является подражателем Бога, а потому, соделавшись причастником Духа Святого, он бывает богом по усыновлению и по благодати, будучи познаваем одними теми, в которых действует (Тот же) Дух Святой

Слава, пение, хвала и благодарение приведшему всю тварь из небытия в бытие одним словом и волею Своею Богу всяческих, в Троице ипостасей и во едином существе покло-няемому. Ибо един Бог – Троица Святая, пресущественная сущность, единая в Трех Лицах и Трех Ипостасях, неразлучных и нераздельных, одно естество, одна слава, одна сила и одна также воля. Она одна (есть) Творительница всего. Она, образовав всего меня из глины и дав душу, поселила меня на земле и дала смотреть на свет, а в нем видеть и этот чувственный мир, солнце, луну, говорю, звезды, небо и землю, море и все, что есть среди них. Она дала мне и ум, и слово. Но будь внимателен к (нашему) слову. Итак, по образу Слова нам дано слово (то есть разум), ибо словесные – от Слова, безначального, несозданного, неуловимого и Бога моего. Поистине по образу (Его) душа всякого человека – словес-

ный образ Слова. Каким образом? – скажи мне и научи меня. Внимай самому слову. Бог Слово от Бога и совечен Отцу и Духу. Таким же образом и душа моя является по образу Его. Ибо, обладая умом и словом, она имеет их по существу нераздельными и неслиянными, равно и единосущными. Эти три[20] суть одно в соединении, но вместе и в разделении, будучи всегда и соединены и разделены, (ибо они соединяются неслиянно и разделяются нераздельно). Если ты удалишь одно из трех, то вместе удалишь, конечно, и всех. Ибо душа неразумная и бессловесная равна будет (душе) бессловесных; но и без души не может существовать ни ум, ни слово. Итак, по образу точно так же помышляй и о Первообразе. Без Духа не будет ни Отца, ни Слова Его. Отец же есть Дух, и Сын Его – Дух, хотя Он и облекся в плоть; и, обратно, Дух есть Бог, ибо по естеству и по существу оба Они[21] суть едино, подобно тому как ум, душа и слово. Но Отец, [однако ж], неизреченно родил Слово. И подобно тому как ум – от души моей, лучше же, в душе моей, так и Дух от Отца, лучше же в Отце и пребывает и исходит (от Него) неизъяснимым образом. И опять подобно тому как ум мой всегда рождает слово, произнося и испуская (его) и делая известным для всех, однако не отделяется от него, но и рождает слово и внутри его содержит, так, разумей, и Отец родил Слово, потому что Он вечно рождает; от Сына же никоим образом не отделяется

[20] То есть душа, ум и слово.

[21] То есть Бог и Дух.

Отец Его, но видится в Сыне, и Сын в Нем пребывает.

Этот верный образ, хотя он и не ясен, показало (и изобразило) наше слово, но ты никогда его не увидишь и не уразумеешь, если прежде не очистишь свой образ и не омоешь от скверны, если не извлечешь его, засыпанного страстями, и не отрешь совершенно, и не разоблачишь также, и не убелишь, как снег. Когда же сделаешь это, хорошо себя очистив, и станешь совершенным образом, то Первообраза (еще) не увидишь и не уразумеешь, если Он не откроется Тебе через Духа Святого, ибо всему научает Дух, в неизреченном свете сияющий. (Насколько возможно уразуметь мысленное), Он умно покажет тебе все мысленное, насколько можешь ты видеть, насколько доступно для человека, по мере душевного очищения твоего; и ты уподобишься Богу тщательным подражанием делами: целомудрием и мужеством, но (вместе с тем) и человеколюбием, терпением искушений и любовию ко врагам. Ибо в том и состоит человеколюбие, чтобы ты благодетельствовал врагам и любил их, как друзей и как истинных благодетелей, чтобы молился за всех обижающих тебя, и имел сердечную любовь равно ко всем, и добрым и злым, и за всех повседневно полагал душу свою, за спасение, говорю, быть может, одного или, если возможно, то и всех.

Это соделает тебя, чадо, подражателем Владыки и покажет истинным образом Создателя, подражателем во всем Божественному совершенству. Создатель же – внимай, о чем я буду говорить тебе – пошлет тогда (тебе) Божественного Ду-

ха (не другую душу, отличную от той, которую ты имеешь, но) вдохнет в тебя, говорю, Духа от Бога, и Он вселится и будет существенно обитать, и просветит, и сделает светлым, и всего (тебя) переплавит, тленное обестленив и вновь переплавив, говорю, обветшавшую храмину души твоей. Вместе с нею Он и все тело (твое) совершенно обестленит и соделает тебя Богом по благодати, подобным Первообразу. О, чудо! о, таинство – неведомое для всех одержимых страстями: неведомое сластолюбцам, неведомое славолюбцам, неведомое гордым, поистине неведомое гневливым, неведомое злопамятным, неведомое плотолюбцам, неведомое сребролюбцам, неведомое завистливым, неведомое всем злоязычным, неведомое лицемерам, неведомое чревоугодникам, неведомое тайноядцам, пьяницам и блудникам, неведомое празднословам, неведомое сквернословам, неведомое беспечным, неведомое ленивым, неведомое нерадящим о ежечасном покаянии, неведомое не плачущим постоянно и повседневно, неведомое непокорным, неведомое прекословам, (неведомое живущим в свое удовольствие и по своим правилам, неведомое мнящимся быти нечто, когда они – ничто (см. Гал. 6, 3), неведомое величающимся и радующимся высокому росту или крепости тела, красоте или какому бы то ни было иному украшению, неведомое не взыскавшим чистоты сердца), неведомое не просящим с теплотою сердечною и с пламенною ревностью восприятия Божественного Духа, неведомое не верующим, что Он и ныне подается желающим

и ищущим воспринять Божественного Духа, ибо неверие не допускает и отгоняет Божественного Духа. Кто не верует, тот и не просит, не просящий не воспринимает, а кто не воспринял (Духа Святого), тот мертв; о мертвом же кто не восплачет, так как он, будучи мертв, думает, что жив? Мертвые мертвых никоим образом, конечно, не могут ни видеть, ни оплакивать; живые же, видя их, оплакивают. Ибо они видят необычайное диво: умерщвленных – живыми и даже ходящими, слепых – мнящих, что они видят, и поистине глухих – думающих, что они прекрасно слышат. Но живут ведь они, и видят, и слышат, как скоты, мыслят, как неразумные, с чувством бесчувственным, в умерщвленной жизни. Ибо можно жить и не живому, можно и зрячему не видеть, и слышащему не слышать.

Как же это, скажи мне? – скоро скажу. Те, которые живут по плоти, те, которые смотрят [только] на здешние (предметы) и слушают Божественные глаголы одними только плотскими ушами – все они по Духу глухие, слепые и мертвые. Ибо они совершенно не от Бога родились, чтобы (могли) и жить; да и Духа они не восприняли, ни очами не прозрели, ни Божественного Света не видели; а так как Он (ничуть) не сотворенный, то они остались и совершенно глухими. Как же, скажи мне, таковые называются христианами? – Послушай божественного Павла, ясно раскрывающего тебе это, лучше же, Христа, говорящего: первый человек от земли создан, конечно, перстным, второй же человек с небес сошел

(см. 1 Кор. 15, 47). Внимай сказанному. Итак, каков первый, перстный, (таковыми) все и рождаются от него – перстными. А каков Христос, небесный Владыка, (таковыми) – небесными (являются) и все уверовавшие в Него (см. 1 Кор. 15, 48), свыше родившиеся и крестившиеся также Духом Всесвятым. Божествен – родивший и воистину Бог, таковы и рождающиеся от Него, от Бога Боги по усыновлению и сынове Вышняго вси (Пс. 81, 6), как говорят Божественные уста. Слышал ли слова Бога? слышал ли, как Он различает верных от прочих? как Он дал рабам Своим знак и примету, чтобы они не обольщались речами чуждых учителей? Первый, говорит, от земли, так как он создан перстным, второй же человек, Владыка всех, сошел с небес. Первый своим преступлением для всех людей сделался причиною смерти и тления. Второй даровал миру, да и ныне всем верным подает свет, жизнь и нетление. Слышал ли, что говорит тебе таинник небесных (вещей)? Слышал ли Христа, говорящего через него и научающего людей, каковы уверовавшие в Него и показывающие веру от дел? Итак, после этого (нисколько) не сомневайся, если ты христианин, что Каков Христос небесный, таковым и ты именно должен быть. Не будучи же таковым, как станешь ты называться христианином? Ибо если Каков Владыка, (то есть) небесный, таковы, говорит, и уверовавшие в Него, совершенно небесные, (разумеется), то мудрствующие о мирском и живущие по плоти – не от Бога Слова, свыше нисшедшего, но, конечно, от перстного человека, из земли об-

разованного. Так мудрствуй, так будь (настроен), так веруй и ищи того, чтобы и тебе стать таковым – небесным, как сказал пришедший с небес и дающий жизнь миру. Он есть хлеб, нисходящий оттуда; ядущие его отнюдь никогда не увидят смерти (см. Ин. 6, 33, 50–51). Ибо, будучи небесными, они вечно, конечно, пребудут совлекшимися тления, отрясшими смерть, облекшимися же в нетление и прилепившимися к жизни; так как они делаются бессмертными и нетленными, то поэтому и называются небесными. Ибо кто от века из сынов, говорю, Адамовых назван был таковым, прежде чем не сошел с небес Владыка всех небесных и земных? Он воспринял плоть нашу и дал (нам) Божественного Духа, как мы многократно говорили, и этот-то (Дух), как Бог, все и подает нам. Что же это все? – то, о чем я неоднократно говорил, да и теперь скажу.

Он [Дух] бывает как бы Божественной и световиднейшей купелью; найдя достойных, Он всецело объемлет их (и заключает) внутри. Но как я изреку это, как опять достойным образом выскажу то, что бывает? Дай мне слово Ты, даровавший мне душу, Боже мой. (Итак), кого Божественный Дух воспримет внутрь Себя, тех Он, как Бог, всецело воссоздает, возобновляет и чудным образом делает новою тварью. Как и каким образом? – Подобно тому как огонь не перенимает от железа черноты, но сообщает ему все, что сам имеет, так и Божественный Дух, совершенно не приобщаясь их нечистоты, как нетленный и бессмертный, уделяет (им)

нетление и бессмертие. Будучи Светом незаходимым, Он соделовает светом всех, в ком вселится; являясь Жизнью, Он всем им подает жизнь. Как соестественный Христу и единосущный так же, как единославный и соединенный с Ним, Он и их (также) соделовает совершенно подобными Христу. Ибо Владыка не завидует тому, чтобы смертные через Божественную благодать являлись равными Ему, и не считает (Своих) рабов недостойными уподобиться Ему; но утешается и радуется, когда видит нас, происшедших от людей, таковыми по благодати, каковым Он был и есть по естеству. Так как Он благодетель, то хочет, чтобы и мы были таковыми, каков и Он. Ибо если мы не таковы, не в точности подобны Ему, то как соединимся с Ним, как сказал Он? как пребудем в Нем, не будучи таковыми? и как Он в нас пребудет, если мы не подобны Ему? Итак, точно зная это, потщитесь воспринять Божественного Духа от Бога, дабы вам сделаться таковыми, каких показало это слово – небесными и Божественными, как сказал Владыка, дабы и Царства Небесного наследниками соделаться навеки. Если же вы не будете или не сделаетесь здесь таковыми, небесными, как сказал я, то как думаете обитать с Ним на небе? как (думаете) войти в Царствие с небожителями, и воцариться, и сопребывать с Царем всех и Владыкою? Итак, ревностно подвизайтесь все, дабы сподобиться нам быть внутри Царства Небесного и соцарствовать со Христом, Владыкою всех, Которому подобает всякая слава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Гимн тридцать пятый

Просительная и вместе благодарственная молитва (святого отца) к Богу за излитые на него (благодеяния)

Дай мне, Господи, разумение, дай мне ведение, научи и меня, Господи, творить Твои заповеди. Хотя и согрешил я, как человек, и даже более, чем человек, как Ты знаешь, но Ты по свойственному Тебе, Боже мой, благоутробию помиловал меня, нищего и сирого в мире, и соделал, Владыко, то, что одному Тебе ведомо. Отделив и восприняв меня, Благоутробне, от отца и братьев, сродников и друзей, от земли происхождения и родительского дома моего, как бы из мрачного Египта и преисподних ада, (ибо так Ты дал мне, худому рабу Твоему, помышлять о них и говорить с разумением), и держа Твоею страшною рукою, Ты привел меня к тому, кому благоволил стать отцом моим (на земле), и повергнул к стопам и объятьям его. А он привел меня к Отцу Твоему, Христе мой, и через Духа к Тебе, о Троица – Боже мой! Когда я с плачем, подобно блудному (сыну), припал (к Тебе), Слове – как Сам Ты знаешь, так как Ты научил меня – то Ты и меня (также) не счел недостойным назвать Твоим сыном. О, недостойные и нечистые уста! о, бедный словами язык, затрудняющийся славословить Тебя и благодарить и повествовать о Твоих благодеяниях, которые Ты сотворил со мною, сирым

и странным, странником на земле! ибо Твои (суть) странники мира. А что Твое и Твоих, того ни очи не видят, ни язык не может изречь, ни мир – вместить. Поэтому, Владыко, и ненавидит нас мир, гонит, злословит, завидует, неистовствует, убивает и на все способен против нас, когда попадает на таковых. Мы же, по благоволению Твоему смиренные рабы Твои, в немощи – сильны, в бедности – богаты и во всякой скорби радуемся, будучи вне мира. Мы – с Тобою, Владыко, тела же (наши) удерживает мир. Итак, обольщается он – слепой, удерживая одно брение, так как и его не приобретет он, ибо при последней трубе (см. 1 Кор. 15, 52) Ты сделаешь, как обещал, и его духовным, и тогда он один с единомысленными и слепыми миролюбцами своими приобретет собственное зло.

Гимн тридцать шестой

Богословие о единстве во всем Триипостасного Божества; и как (святой отец), смиряя себя, (этим исповеданием) посрамляет самомнение мнящих о себе, что они нечто

Каким образом, Боже мой, страсти, которые Ты некогда истребил во мне, снова оживают и наполняют меня мраком и скорбью? Страсти, (говорю), ярости и гнева, от которых во мне происходит парение и помрачение в голове моей и которые ослепляют мои умные очи. Ибо они, увы мне, как бы принуждены бывают закрываться и смежаться, и я лишаюсь Тебя – Света, Которого всякий желает, но немногие взыскуют, даже из тех, которые удостоились приобщиться Твоих неизреченных (откровений), и вещественно с неизреченным чувством причаститься (Твоих) страшных и для всех несказанных Таинств, и познать невидимую среди видимого славу и необычайное таинство, в мире соделанное (только очень немного таких, как я хорошо знаю, которые пришли в ясное созерцание этого), таинство, соделанное Тем, Кто был в начале, прежде всех веков от Отца со Духом – Сыном Божиим и Словом, Светом Тройственным в едином и единым в Трех. Ибо оба[22] суть один Свет, Отец, Сын и Дух, существующий

---

[22] То есть Свет Тройственный и Единый.

нераздельно в Трех неслиянных Лицах, Которые, однако, соединены по Божественному естеству, а также началу, славе, силе и воле. Ибо Три видятся мне, как бы на одном лице два прекрасных ока, исполненных света. Каким образом, скажи мне, очи без лица могут смотреть? а лицо без очей не должно, конечно, (и лицом) называться, ибо оно лишается главнейшего или, лучше сказать, всего. Ведь если солнце лишится красоты света, то прежде (всего) само погибнет, а потом и вся тварь, которой определено получать от него освещение и зрение. Так и Бог среди мысленных (вещей) если бы лишился одного, Сына или Духа, то Он не будет более Отцом; даже и живым бы Он не был, отвергнув Духа, от Которого всем подается жизнь и бытие. Итак, да почтит всякая поистине разумная природа (естество), какая (есть) под солнцем, да и какая над ним, Естество Триипостасное, совершенно неизъяснимое. Ибо ни имени Бога, ни естества, ни вида, ни образа, ни ипостаси никто из людей не познал, чтобы изречь и описать и сообщить прочим. Но подобно тому как сияющее солнце, заходя за тучи, ни само не бывает видно, ни полным светом не светит, но испускает находящимся на земле неясный свет, таким же образом помышляй и о Боге, что, (когда) Он скрывается от нас, всех нас содержит великая и густая тьма. Но более дивное усматривай, конечно, (вот) здесь: ибо свет Божий не умаляется, как (свет) солнца, но светит везде и все освещает; и, (однако), я, (находясь) среди всего, одержим бываю тьмою и лишаюсь сотворившего меня Света. Кто

поэтому не восплачет обо мне и не возрыдает? кто не воздохнет обо мне и не прослезится, что, [в то время как] Бог везде и во всем пребывает и Сам весь Свет есть, в котором вовсе нет ни тени перемены (см. Иак. 1, 17), ни наступления ночи, ни тьма совершенно не бывает (для него) препятствием, но (который) разлит во всем, и неприступно сияет, и достойным видим бывает, (как) приступный и уловимый, с одной стороны, немного, как мы сказали, по сравнению со всем сиянием и самим Солнцем, когда Оно все воссияет, с другой же – много по отношению к самим сидящим во тьме, так как они удостоились увидеть малый свет; я же [между тем], несчастный, предпочитаю тьму и, заботясь о том, что во тьме, увеличиваю мрак, и он еще плотнее облагает мою презренную душу. От него питаются и оживают во мне страсти, и происходят во мне (звери, и рождаются) драконы, гады и змеи, всегда возмущающие части души моей. Ибо меня угрызает пустая и суетная слава, вонзая зубы в мое сердце; за нею на меня, изнемогшего и совершенно обессилевшего, восстали свирепые псы, множество (диких) зверей и, найдя меня лежащим, сожрали меня. Ибо наслаждения и похвалы (человеческие) расстроили мозг и нервы, отняв у меня бодрость и крепость души моей. Увы мне! как я опишу все? – самомнение и леность, как разбойников, напавших на меня, (чувственное) удовольствие и заботу нравиться людям, которые, таща в противные стороны, расхитили у меня: одно – целомудрие мое и трезвость, а другая – добрые дела и Бо-

жественные деяния, которые, выказывая самих себя, соделали меня мертвым, оставив во мне, оскверненном, странное, удивительное и великое самомнение. Ибо как, скажи, не изумительно и не исполнено жалости то, что столько страстей, внезапно напав на меня, соделали меня обнаженным от всякой добродетели и мертвым? Я же, наоборот, не зная себя самого и не уразумев ничего из случившегося, ставлю себя выше всех и (считаю себя) бесстрастным, и святым, и премудрым богословом, и праведником, почитаемым всеми людьми. Но и будучи хвалим, как достойный похвал, я, приглашая всех, думаю, что снискиваю (от них себе) честь. Когда же они собираются, я еще более надмеваюсь и часто оглядываюсь, быть может, кто-либо отсутствует, кто не пришел и не видит меня. И если окажется, что кто-либо пренебрег мною, то я злопамятно поношу и злословлю его, чтобы и он, услышав и не вынося моих порицаний, пришел, приветствовал меня и оказался моим сторонником, словно и он нуждается в моих молитвах и любви. И я говорю [тогда] всем прочим: и такой-то посещает (меня), и получает (мое) благословение, и слушает беседы и учение мое. Увы моей глупости! Итак, как не вижу я наготы и убожества своего, не чувствую язв, не печалюсь и не плачу, и, лежа в больнице, не ищу врачевания, и не призываю врачей, показывая (им) свои струпы, обнажая пред ними свои скрытые страсти, дабы они наложили ланцеты, пластыри и прижигания, и я мужественно перенес бы (их) ради своего уврачевания? Но я, напротив,

повседневно прилагаю (себе) язвы.

Но, о Боже мой, сжалься надо мною, заблудшим, и страх Твой насади в сердце моем, чтобы я, благоразумно стягнув себя (спасительным страхом), бежал мира и возненавидел его. Не попусти мне, Христе, скитаться среди него, так как Тебя одного, (доселе) еще не любимого, люблю я и Твои только заповеди надеюсь хранить, [хотя и] весь я в страстях и не познал (еще) Тебя. Ибо кто из познавших Тебя нуждается в мирской славе? или кто из любящих Тебя более, (чем Тебя), взыщет того, чтобы либо приглашать (к себе) всех, либо льстить некоторым, либо станет стараться быть другом всех людей? Этого не делал никто из истинных рабов Твоих. И потому-то скорблю и печалюсь я, Боже мой, так как вижу себя самого порабощенным этому, и ни покориться не могу, ни смириться не хочу, ни искать одной Твоей славы, через которую мне указывается быть верным и рабом Твоим, и благодаря которой (особенно в бедности, нищете и трудах) я могу быть выше не только вельмож, но и царей. Итак, приклонись на милость к презренной душе моей, Боже и Творче всех, благобытие мне даровавший, и дай мне истинное ведение, чтобы я благоразумно держался одних Твоих вечных благ, и славу Твою от души возлюбил и взыскал, отнюдь не заботясь о человеческой, земной (славе), дабы я соединен был с Тобою ныне и по смерти и сподобился соцарствовать с Тобою, Христе, претерпевшим ради меня позорную смерть и исполнившим все Домостроительство. И тогда я буду славнее всех


смертных. Да будет (так), Господи, ныне и вовеки. Аминь.

Гимн тридцать седьмой

Учение с богословием о действиях святой любви, то есть самого света Духа Святого

Кто возможет, Владыко, поведать о Тебе?
Заблуждаются неведущие (Тебя), ничего совершенно не зная;
Познавшие же верою Божество Твое
Великим страхом одержимы бывают и ужасаются от трепета,
Не зная, что сказать им (о Тебе), ибо Ты – превыше ума,
И все (у Тебя) недомысленно и непостижимо:
Дела, и слава Твоя, и познание Твое.
Мы знаем, что Ты Бог, и свет Твой видим,
Но, Каков Ты и какого рода – (этого) никто решительно не знает.
Однако мы имеем надежду, обладаем верою
И знаем ту любовь, которую Ты даровал нам,
Беспредельную, неизреченную, никоим образом не вместимую,
Которая есть свет, свет неприступный и все совершающий.
Он называется то рукою Твоею, то оком,
То пресвятыми устами, то силою, то славою,
То познается (как) лицо наипрекраснейшее.
Он – солнце незаходимое для высоких в Божественных

(вещах),
Он – звезда вечно сияющая для тех, которые не вмещают (ничего) более.
Он противоположен печали, прогоняет неприязнь
И совершенно истребляет сатанинскую зависть.
Вначале он умягчает и, очищая, утончает,
Прогоняет помыслы и сокращает движения.
Он сокровенно научает смиряться
И отнюдь не позволяет рассеиваться и шататься.
С другой стороны, он явно отделяется от мира
И производит забвение всего скорбного в жизни.
Он и многообразно питает, и жажду утоляет,
И силу дарует добре трудящимся. Он погашает раздражение и печаль сердечную,
Совершенно не позволяя гневаться или возмущаться.
(Когда) он убегает, уязвленные (им) гонятся за ним
И с великою любовию от сердца ищут его.
(Когда) же он возвратится, и явится, и человеколюбно воссияет,
То внушает гонящимся уклоняться (от него) и смиряться;
И, будучи многократно взыскуем, (побуждает) удаляться от страха
Как недостойным такого блага, превосходящего всякую тварь.
О, неизреченный и непостижимый дар!
Ибо чего (только) не делает он и чем не бывает?
Он – наслаждение и радость, кротость и мир,
Милосердие неисчетное, бездна благоутробия.
Он видится невидимо, вмещается невместимо

И содержится в уме моем неприкосновенно
и неосязаемо. Имея его, я не созерцаю, созерцая же, пока он не ушел,
Стремлюсь быстро схватить (его), но он весь улетает.
Недоумевая и воспламеняясь, я научаюсь просить
И искать (его) с плачем и великим смирением
И не думать, что сверхъестественное возможно
Для моей силы или старания человеческого,
Но – для благоутробия Божия и беспредельной милости.
Являясь на краткое время и скрываясь, он
Одну за одной изгоняет страсти из сердца.
Ибо человек не может победить страсти,
Если он не придет на помощь;
И опять же не все от разу изгоняет,
Ибо невозможно сразу воспринять всего Духа
Человеку душевному и сделаться бесстрастным.
Но когда он сделает все, что может:
Нестяжание, беспристрастие, удаление от своих,
Отсечение воли и отречение от мира,
Терпение искушений, молитву и плач,
Нищету и смирение, насколько есть силы у него;
Тогда на краткое (время) как бы тонкий
и наималейший свет, Внезапно окружив ум его, восхитит в исступление,
Но, чтобы не умер он, скоро оставит (его),
С такою великою быстротою, что ни помыслить,
Ни вспомнить о красоте (света) невозможно увидевшему,
Дабы, будучи младенцем, не вкусил он пищи мужей совершенных

И тотчас не расторгся или не получил вреда, изблевав (ее).
Итак, оттоле (свет) руководствует, укрепляет и наставляет;
Когда мы нуждаемся в нем, он показывается и убегает;
Не тогда, когда мы желаем, ибо это (дело) совершенных,
Но, когда мы находимся в затруднении и совершенно обессилеваем,
Он приходит на помощь, восходя издали,
И дает мне почувствовать его в моем сердце.
Пораженный и задыхаясь, я хочу удержать его.
Но [вокруг] все – ночь. С пустыми и жалкими руками,
Забывая все, я сижу и плачу,
Не надеясь в другой раз таким же образом увидеть его.
Когда, вдоволь наплакавшись, я хочу перестать,
Тогда он, придя, таинственно касается моего темени.
Я заливаюсь слезами, не зная, кто это;
И [тогда] он озаряет мой ум весьма сладостным светом.
Когда же узнаю я, кто это, он тотчас улетает,
Оставляя во мне огонь Божественной любви к себе,
Который не позволяет ни смеяться, ни смотреть на людей,
Ни принимать (в себе) желания чего-либо из видимого.
Мало-помалу чрез терпение он разгорается и раздувается,
Делаясь великим пламенем, досязающим до небес.
Его угашает расслабление и развлечение домашними (вещами),
Ибо в начале бывает и забота о житейских (делах);

Возвращает же молчание и ненависть ко всякой славе,
Скитание по земле и попрание себя, подобно навозу,
Ибо этим он услаждается и благоволит соприсутствовать,
Научая [чрез то] всемогущему смирению.
Итак, когда я стяжеваю это и делаюсь смиренным,
Тогда он бывает неразлучен со мною:
Беседует со мною, просвещает меня, взирает на меня, и я на него взираю.
Он и в сердце моем находится, и на небе пребывает.
Он изъясняет мне Писания и умножает во мне знание,
Он научает меня таинствам, которых я не могу изречь.
Он показывает, как он восхитил меня от мира,
И повелевает мне быть милосердным ко всем находящимся в мире.
Итак, меня содержат стены и удерживает тело,
Но я поистине, не сомневайся, нахожусь вне их.
Я не ощущаю звуков и не слышу голосов.
Я не боюсь смерти, ибо я превзошел и ее.
Я не знаю, что такое скорбь, хотя все опечаливают меня.
Удовольствия горьки для меня, все страсти бегут [от меня],
И я постоянно ночью и днем вижу свет.
День для меня является ночью, и ночь есть день.
Я и спать не хочу, ибо это потеря для меня.
Когда же меня окружат всякие беды
И, казалось бы, низвергнут и преодолеют меня,
Тогда я, внезапно оказываясь с ним (светом) вне всего
Радостного и печального, и мирских наслаждений,
Наслаждаюсь неизреченной и Божественной радостью,

Увеселяюсь красотою его, часто обнимаю его,
Целую и поклоняюсь, питая великую благодарность
К тем, кто дал мне (возможность) видеть то, чего я желал,
И причаститься неизреченного света, и сделаться светом,
И дара его приобщиться отселе,
И стяжать Подателя всех благ,
И оказаться не лишенным и дарований душевных.
Кто, привлекши, направил меня к этим благам?
Кто возвел меня из глубины мирской прелести?
Кто отделил (меня) от отца и братий, друзей
И сродников, наслаждений и радостей мира?
Кто показал мне путь покаяния и плача,
По которому я нашел день, не имеющий конца?
(То) был Ангел, а не человек[23].
Однако то такой человек,
Который посмевается над миром и попирает дракона,
Присутствия которого трепещут демоны.
Как я поведаю тебе, брате, о том, что я видел в Египте,
О совершенных им чудесах и знамениях?
Расскажу тебе покамест одно (вот) это, ибо всего поведать я не в силах.
Он сошел и нашел меня рабом и пришельцем [в Египте].
(Иди) сюда, чадо мое, – сказал он, – я поведу тебя к Богу.
Я же от великого неверия ответил ему:
Какое знамение ты мне покажешь, чтобы уверить меня,
Что ты сам можешь освободить меня из Египта
И похитить из рук льстивого фараона,

[23] Здесь прп. Симеон говорит о своем духовном отце – Симеоне Студите, или Благоговейном.

Дабы, последовав за тобою, я не подвергся еще большей опасности?
Возжги, – сказал он, – великий огонь, чтобы я мог войти в средину,
И если я не останусь неопаленным, то не последуй мне.
Слова эти поразили меня. Я сделал приказанное.
Разжжено было пламя, и он сам стал посредине.
Целый и невредимый, он и меня (еще)
приглашал. Боюсь, владыко, – сказал я, – (ибо) я грешник.
Выйдя [из огня], он подошел ко мне и поцеловал меня.
Отчего ты боишься, – сказал он мне, – отчего робеешь и трепещешь?
Велико и страшно это чудо? – большее сего узришь.
Я в ужасе, господине, – сказал я, – и не смею приблизиться к тебе,
Не желая оказаться дерзким более огня.
Ибо я вижу, что ты человек, превосходящий человека,
И не дерзаю смотреть на тебя, которого огонь устыдился.
Привлекши меня ближе, он заключил меня в объятия
И снова облобызал меня лобзанием святым,
Сам благоухая весь благоуханием бессмертия.
[После этого] я поверил и с любовию последовал за ним,
Возжелав сделаться рабом его одного.
Фараон держал меня (в своей власти), и страшные приставники (его)
Принуждали меня заботиться о кирпичах и соломе.
Я один не мог убежать, так как не имел и оружия.

Моисей[24] молил Бога оказать помощь.
Христос поражает Египет десятеричными язвами.
Но не покорился фараон и не освободил меня.
Молится отец, и Бог внемлет (ему)
И говорит рабу (Своему), чтобы он взял меня за руку,
Обещая (Сам) идти вместе с нами,
(Дабы) избавить (меня) от фараона и от бедствий египетских.
Он вложил дерзновение в сердце мое
И дал (мне) смелость не бояться фараона.
Так и сделал раб Божий: Держа меня за руку, он пошел впереди меня,
И таким образом мы начали совершать путь.
Дай мне, Господи, по молитвам отца моего, разумение
И слово, (чтобы) поведать о дивных (делах) руки Твоей,
Которые Ты соделал ради меня, заблудшего и блудного,
Рукою раба Твоего изводя (меня) из Египта.
Узнав о (моем) уходе, царь египетский
Пренебрег (мною), как одним, и сам не вышел,
Но послал подвластных ему рабов.
Побежали они и настигли (меня) в пределах египетских,
(Но) все возвратились ни с чем и разбитыми:
Мечи свои изломали, стрелы повытрясли,
Руки их ослабели, действуя против нас,
И мы остались ни в чем невредимыми.
[Пред нами] горел столп огненный, и [над нами] было облако;
И мы одни проходили в чужой стране,

[24] То есть духовный отец прп. Симеона, о котором выше шла речь.

Среди разбойников, среди великих народов и царей.
(Когда) узнал и царь о поражении людей своих,
То пришел в бешенство, считая великим бесчестием
Быть поруганным и побежденным одним человеком.
Запряг он свои колесницы, поднял народ
И погнался сам с большим хвастовством.
Придя, он нашел меня одного лежащим
от усталости; Моисей же бодрствовал и беседовал с Богом.
Приказал он связать меня по рукам и ногам,
И, удерживая меня чрез мнение, они
покушались вязать; Я же, лежа, смеялся и, вооружившись молитвою
И крестным знамением, всех их отражал.
Не смея прикоснуться или приблизиться ко мне,
Они, стоя кое-где поодаль, думали устрашить меня:
Держа в руках огонь, они грозили сжечь меня,
Поднимали громкий крик и производили шум.
Дабы не хвастались они, что сделали нечто великое,
Увидели они, что и я сделался светом по молитвам отца моего,
И, посрамленные, внезапно (все) вместе удалились.
Вышел от Бога Моисей и, найдя меня дерзновенным,
Обрадованным и трепещущим от этого чудотворения,
Спросил: что случилось? Я возвестил ему все это:
Что был фараон, царь египетский,
Придя ныне с бесчисленным народом,
И не мог связать меня; хотел он сжечь меня,
И все пришедшие с ним сделались пламенем,

Испуская против меня огонь из уст своих;
Но так как они увидели, что я сделался светом по молитвам твоим,
То превратились все в тьму; и [вот] теперь я один.
Смотри, – ответил мне Моисей, – не будь самонадеянным,
Не смотри на явное, (тем) более бойся тайного.
Скорей! воспользуемся бегством, так Бог повелевает;
И Христос вместо нас будет поборать египтян.
Пойдем, господине, – сказал я, – я не разлучусь от тебя,
Не преступлю твоих заповедей, но все сохраню. Аминь.

Гимн тридцать восьмой

Учение с богословием, в котором (говорится) о священстве и вместе о бесстрастном созерцании

Как расскажу я, Владыко, о Твоих дивных и чудных (делах)?
Как поведаю словом о глубине судеб Твоих,
Которые Ты повседневно совершаешь на нас, рабах Твоих?
Как презираешь Ты бесчисленное множество согрешений моих
И не вменяешь, Владыко, злых деяний моих?
Но милуешь и питаешь меня, Спасителю мой, просвещаешь и покрываешь,
Как исполняющего все Твои заповеди?
И не только милуешь, но, и более того,
Сподобляешь меня предстоять пред Твоею Славою и силою и величием,
И изрекая глаголы бессмертия, беседуешь со мною,
Немощным, и презренным, и недостойным жизни?
Как просветляешь Ты оскверненную мою душу,
Соделовая ее чистым и Божественным светом?
Как делаешь светоносными мои жалкие руки,
Которые, греша, я осквернил греховными сквернами?
Как изменяешь руки мои блистанием Божества Своего,
Из нечистых претворяя их в святые?

Как очищаешь Ты, Христе, скверный язык мой,
Соделовая меня причастником вкушения Плоти Твоей?
Как удостаиваешь и (Сам) меня видеть, и мною быть видимым,
И быть держимым руками моими,
Ты – содержащий всю (вселенную),
Незримый для всех небесных чинов
И неприступный (даже) для Моисея, первого во пророках?
Ибо увидеть лицо Твое не сподобился ни он,
Ни кто другой из людей, дабы не умереть.
Итак, каким образом Тебя, непостижимого и единого неизреченного,
Тебя, для всякого невместимого и для всех неприступного,
И держать, и целовать, и видеть, и вкушать,
И иметь в сердце своем, Христе, сподобляюсь я,
И остаюсь неопалимым, радуясь вместе и трепеща,
И воспевая великое Твое, Христе, человеколюбие?
Итак, как (люди) слепые и плотские, неведущие Тебя,
Не чувствуя, лучше же, показывая свою
Болезнь, и помрачение, и всех благ
Лишение, дерзают говорить:
Какая нужда иметь человеку священство,
Если он не приобретает чего-либо одного из трех:
Либо пищи телесной, либо дохода золота,
Либо (одной) из высоких и богатых епископских кафедр?
О, помрачение! о, ослепление! о, крайнее безумие!
О, большое несчастье! о, великое неведение!

О, земные и пустые, суетные слова!
О, дерзость! о, мудрование Иуды-предателя!
Ибо как тот страшную Владычнюю вечерю
И Пречистое Тело вменил в ничто
И даже лучшими счел немного сребренников;
Так и эти, тленное нетленному и Божественному
Предпочитая, избирают душевное удавление.
Скажите мне, о суетные (люди), если то знаете:
Кто, стяжав Христа, станет более нуждаться в ином
Каком-либо из благ настоящего века?
Кто, имея в сердце благодать Духа,
Не стяжал Честную Троицу, в нем
обитающую, Просвещающую и Богом содевающую?
Кто, сделавшись Богом по благодати
(Святой) Троицы И сподобившись вышней и первой славы,
Счел бы что-либо более славным (того),
Чтобы литургисать и видеть Высочайшее Естество,
Все совершающее, неизреченное и неприступное для всех?
Или пожелал бы чего-либо более блестящего в жизни,
В этой ли, помысли, кратковременной,
Или в иной, согласись со мною, не имеющей конца?
Если бы знал ты сокровенную глубину таинств,
То не понудил бы меня говорить об этом или писать.
Ибо я трепещу и боюсь, начертывая (нечто)
Божественное И, (как тень), изображая письменами для всех неизреченное.
Если бы ты увидел Христа и получил Духа,

И чрез Них обоих приведен был бы ко Отцу,
То знал бы, что говорю я и о чем повествую тебе,
И что велико и страшно, и превыше всякой Славы и блеска, начальства и власти,
Богатства и могущества и всякого царства, —
С чистою совестью сердца литургисать
Чистой и Святой и Непорочной Троице.
Не говори мне о безгрешности тела
И о тех действиях и свидетельствах, глубины которых не разумеешь,
Но (послушай), что сказал Бог чрез апостолов,
И чрез премудрого и огнеязычного Василия,
И чрез простые свидетельства Златоустого отца,
И чрез Григория, хорошо богословствующего об этом;
Послушай и уверься, каковым должен быть
Литургисающий Богу, Творцу всех;
И от твоего благоговения и добродетели
Ты подивишься и величию этого достоинства.
Не обольщайтесь, братие, и отнюдь не дерзайте
Прикоснуться или приступить к Неприступному естеством.
Ибо кто не отречется мира и того, что в мире,
И не отвержется души своей и тела,
И весь, всеми чувствами, не сделается мертвым,
Ни на что из приятного в мире сем не взирая с пристрастием,
Ничего совершенно не желая из вещей мира
И не услаждаясь никакими речами человеческими,
Кто не сделается глухим и слепым для мирских

Дел и обычаев, действий и слов,
Хотя и видя то, что оку свойственно видеть,
Но не дозволяя ничему войти внутрь, в сердце,
И запечатлеваться в нем чертам и образам этих (предметов),
Равно и слушая то, что воспринимает слух человеческий,
Но пребывая как бы бездушным и бесчувственным камнем
И не помня ни звуков, ни значения слов,
Тот не может таинственную и бескровную Жертву
Приносить чисто по естеству Чистому Богу.
Ибо если поистине на деле восчувствует это,
То удалится от всего мира и того, что в мире,
И познает и поверит мне (в том), о чем я снова хочу писать.
Всяк, (кто) перешел тот темный воздух, который
Давид называет стеною (см. Пс. 17, 29–30)
И отцы наименовали морем житейским,
И вступил в пристань,
Тот, придя в нее, находит всякое благо.
Ибо там рай, там древо жизни,
Там сладкий хлеб, там питие Божественное,
Там неисчерпаемое богатство дарований.
Там купина горит неопалимая,
И сапоги на ногах моих разуваются тотчас.
Там расступается море, и я прохожу один
И вижу в водах врагов потопляемых.
Там созерцаю я древо, в мое сердце
Ввергаемое, и все горькое (в нем) претворяется.

Там обрел я скалу, мед источающую,
И оттоле душа моя не была скорби причастна.
Там нашел я Христа – Подателя этих (благ),
И от всей души своей последовал за Ним.
Там ел я манну – хлеб ангельский,
И не возжелал более ничего человеческого.
Там увидел я сухой жезл Ааронов
процветающим И подивился чудодействиям Божиим.
Там бесплодную душу свою я увидел плодоносящею,
И как сухое дерево дает прекрасный плод.
Там нечистое и блудное сердце свое
Я узрел чистым, целомудренным и девственным,
И слышал [в душе своей]: радуйся, благодатная,
Ибо Бог с тобою и в тебе вовеки!
Там услышал я [повеление]: омойся в купели слез, —
И сделав, уверовал и внезапно прозрел.
Там я погребся во гробе чрез совершенное смирение,
И Христос, придя с безмерною милостью,
Отвалил оттуда тяжелый камень пороков моих
И сказал: сюда гряди как бы из рова – от мира сего!
Там увидел я, как бесстрастно пострадал Бог мой
И как, будучи бессмертным, Он сделался мертвым
И воскрес от гроба, не рушив печатей.
Там увидел я будущую жизнь и нетление,
Которое Христос дарует взыскующим Его,
И обрел Царство Небесное, внутри меня
находящееся, Которое есть Отец, Сын и Дух —
Божество нераздельное в Трех Лицах.
Не предпочевшие Его всему миру,

Не счевшие славою, честью и богатством
Одного только поклонения, служения и предстояния (Ему)
Недостойны и этого чистого видения,
И наслаждения, и радости, и всех благ,
Которых не приобщатся не стяжавшие покаяния,
Если не научатся и не вкусят, как сказали мы, всего (этого),
И тщательно не совершат всего того, что сказано Богом моим.
И тогда едва кто [достоин] с великим страхом и благоговением,
Если бы Бог повелел, коснуться неприкасаемого.
Ибо не всем позволительно служить таковым (вещам),
Но если (кто) приимет всякую благодать Духа
И от [утробы] матери чист будет от греха.
Помимо же повеления от Бога и Его избрания,
Удостоверяющего душу человека чрез Божественное озарение
И возжигающего ее желанием Божественной любви,
Неблагоразумно, думается мне, священнодействовать Божественные (вещи)
И прикасаться к неприкасаемым и страшным Тайнам,
Которым подобает всякая слава, честь и поклонение,
Ныне и всегда, непрестанно во все веки.

Гимн тридцать девятый

Благодарение и исповедание с богословием, и о даре и причастии Святого Духа

Ты ради меня явился на земле от Девы,
Прежде всех веков пребывающий невидимым,
И соделался плотию и человеком показался,
Неприступным светом одеянный,
И всеми считался ограниченным,
Ты, совершенно невместимый,
Которого никакое слово не в состоянии выразить.
Ум же, напрягаясь, схватывает (Тебя) чрез любовь,
И не может удержать, поражаемый страхом,
И снова ищет, палимый внутри.
Вообразив же (Тебя) на мгновение в сиянии Твоем,
Он с трепетом убегает и радуется радостью.
Ибо не может человеческая природа выносить того,
Чтобы ясно созерцать всего Тебя – Христа моего,
Хотя и веруем мы, что всего Тебя воспринимаем Чрез Духа,
Которого подаешь Ты, Боже мой,
И Пречистую Кровь и Плоть Твою,
Приобщаясь которых мы исповедуем, что держим
И вкушаем Тебя, Боже, нераздельно
И неслиянно, ибо Ты не причастен
Тления или скверны, но и мне сообщаешь

Нетленную чистоту Твою, Слове,
И отмываешь скверну пороков моих,
И прогоняешь мрак беззаконий моих,
И очищаешь позор сердца моего,
И утончаешь грубость злобы (моей),
И светом творишь меня, прежде омраченного,
Соделовая меня обоюду[25] прекрасным
И осиявая меня светом бессмертия.
И я изумляюсь и возгораюсь внутри,
Желая Тебе Самому поклониться.
Когда же я, несчастный, помышляю об этом,
То, о чудо, нахожу Тебя в себе
Пребывающим, движущимся, говорящим
И делающим меня тогда безгласным
От изумления пред неприступною славою.
Итак, меня обнимает ужас и недоумение,
Так как содержащего все дланию
Я вижу в сердце своем содержимым.
Но, о чудная милость Твоя, Христе мой!
Сколь безмерно снисхождение (Твое), Слове!
Зачем пришел Ты к нищете моей?
И как вошел в оскверненную храмину
Ты, во свете неприступном обитающий, Боже мой?
Как Ты сохраняешь ее неопалимою,
Будучи огнем нестерпимым для смертной природы?
Что же сотворю я достойное Твоей славы
И что найду для столь великой любви?
Что принесу Тебе, таковою славою

---

[25] То есть по душе и по телу, вне и внутри.

И честию прославившему меня, недостойного?
Ибо меня, на которого люди не считают достойным смотреть,
А (тем более) ни говорить, ни сотрапезовать
Совершенно не хотят со мною, несчастнейшим,
Ты, питающий всякое дыхание и естество,
Неприступный для Серафимов,
Создатель, Творец и Владыка всех,
Не только зришь, и говоришь со мною, и питаешь (меня),
Но и Плоть Твою существенным образом
Сподобил меня и держать и вкушать,
И пить Кровь Твою Всесвятую,
Которую ради меня излиял Ты, закланный,
Поставив меня служителем и литургом и таинником
Этих (Таин), меня, которого
Ты знаешь, Всеведущий, прежде, нежели веки сотворил,
И прежде, чем произвел что-либо из невидимого,
Ибо видимое Ты составил впоследствии,
(Знаешь как) грешника, блудника, мытаря,
Разбойника, сделавшегося самоубийцей,
Презрителя добра, делателя беззакония
И преступника всех Твоих заповедей.
Итак, Ты знаешь, что это истинно.
Как явлюсь я пред Тобою, Христе мой?
Как приближусь к Трапезе Твоей?
Как буду держать Пречистое Тело Твое,
Имея руки совершенно оскверненные?
Как воспою Тебя? как буду ходатаем
за других, Не имея ни добрых дел от веры,

Ни любви к Тебе, ни дерзновения,
Но будучи сам должником, как Ты знаешь,
Многими талантами, многими
беззакониями. Недоумевает ум, бессилен язык,
И никакого слова не нахожу я, Спасителю,
Чтобы поведать о делах Твоей благости,
Которые Ты сотворил на мне, рабе Твоем.
Ибо внутри меня горит как бы огонь,
И я не могу молчать, не вынося
Великого бремени даров Твоих.
Ты, сотворивший птиц, щебечущих (разными) голосами,
Даруй и мне, недостойному, слово,
Дабы всем письменно и не письменно
Поведал я о том, что Ты соделал на мне
По беспредельной милости, Боже мой,
И по одному человеколюбию Твоему.
Ибо превыше ума, страшно и велико то,
Что подал Ты мне, страннику,
Неученому, нищему, лишенному дерзновения
И всяким человеком отверженному.
Родители (мои) не питали ко мне естественной любви.
Братья и друзья мои все насмехались надо мною;
Утверждая, что любят меня, они говорили
совершенно ложно. Сродники, посторонние и мирские начальники Тем более отвращались от меня, не вынося (меня) видеть,
Чем более [хотели] погубить меня со своими беззакониями.
Часто желал я безгрешной славы,

Но не нашел еще ее в настоящей жизни.
Ибо мирская слава, как я убедился,
Без (всякого) другого деяния есть (уже) грех.
Сколько раз я хотел быть любимым людьми
И стать к ним близким и откровенным,
Но из благомыслящих никто не терпел меня.
Другие же, напротив, желали видеть и знать меня,
Но я убегал от них, как от делателей зла.
Итак, все это, Владыко, и иное большее того,
Чего не могу я ни рассказать, ни припомнить,
Ты, промышляя, соделал на мне, блудном,
Дабы извлечь меня из пропасти и мирской тьмы
И страшной прелести наслаждений сей жизни.
Добрые (люди) бегали от меня по причине (моего) внешнего вида,
А злых я убегал по своему произволению.
Ибо они любили, как сказано, мирскую славу
и богатство, Великолепные одежды и изнеженные нравы.
[О себе] же я не знаю и не ведаю, что мне изречь и сказать Тебе,
Ибо боюсь и говорить, и писать о таковых (вещах),
Чтобы не впасть в [противоречие] словам своим и не согрешить,
И будет (тогда) неизгладимым ложно написанное.
Когда призывал меня кто-либо к делам безумия
И грехам поистине прелестного мира сего,
Сердце мое все сжималось внутри
И как бы скрывалось, стыдясь себя самого,
Будучи твердо сдерживаемо Твоею, конечно,

Божественною рукою.
Любил и я все прочее житейское,
Что увеселяет зрение, и услаждает гортань,
И украшает это тленное тело;
Но мерзкие деяния и сладострастные желания
Ты изгладил из сердца моего, Боже мой,
И ненависть к ним вложил в мою душу.
Хотя произволением своим я и прилежал к ним,
Но Ты делал так, что или желания мои были неисполнимы,
Или, напротив, действия мои нежеланными, [что было] величайшим, конечно, чудом.
По Божественному смотрению (Своему) Ты отделил меня от всех:
От царей, князей и богатых мира сего.
Много, много раз, когда я и склонялся (уже) волею к этим (вещам),
Сам Ты не попускал состояться соизволению (моему) на что-либо из этого.
Иных, говоривших мне о прославлении и обогащении в жизни,
Я ненавистью, Владыко, возненавидел от сердца,
Так что даже в беседу никогда не вступал с ними;
И (тогда) они, напротив, взбесившись, сильно били меня палками.
Другие же укоряли и злословили меня пред всеми,
Называя меня делателем всякого беззакония
И желая отвратить меня от правого пути.
Ибо я избегал (этих) деяний, чтобы не быть

злословимым,
А они злословили меня, чтобы я пришел к (таковым) деяниям.
Обещающим же дать (мне) славу мира сего
Ты дал мне, Спасителю мой, отвечать таким образом:
Если бы ты обладал, – говорил я, – всею славою мира,
И на главе твоей был бы царский венец,
А на ногах твоих пурпуровая обувь,
И над всем этим ты внезапно сделал бы меня господином, Сам же стал простецом, желая быть рабом моим,
То к лукавому мудрованию твоему
Я отнюдь не приобщился бы и не снизошел в сей жизни.
Но какая хартия вместила бы Твои благодеяния
И великие Твои блага, которые Ты соделал на мне?
Ибо если бы мне даны были тьмы языков и рук,
То (и тогда) я не мог бы изречь или описать все,
Потому что их бездна, конечно, по бесчисленному множеству,
И они недомысленны по величию славы;
И я изнемогаю мыслию и надрываюсь сердцем своим,
Что не могу поведать о Тебе, Боже мой.
Ибо когда помыслю я, несчастный, что сделал я,
И сколько (раз) Ты помогал мне, от чего избавлял меня
И от сколь великих бед, Спасителю мой, человеколюбно спасал,
Не вспоминая зол, которые я соделал,
Но, как бы сотворившего много и великого добра
И чистого от святой матери – купели,

Так воспринял меня, так почтил,
Так украсил меня царскою одеждою;
То весь объят бываю трепетом и прихожу в исступление от радости,
Становлюсь безгласным и сильно расслабеваю,
Так как Бог – Творец мира – дан мне,
Человеку, мерзкому и отвратительному для всех
Людей и бесов, как соделавшемуся уже
И превзошедшему совершением непристойнейших дел И этих (последних).
Увы мне, постыдному и скверному! и как я буду говорить (еще)?
По безмерному благоутробию Ты соединился со мною, Человеколюбче,
Великий в непорочности, (еще) больший святостью,
Несравненный в могуществе и неизобразимый в славе,
И снизошел свыше от безмерной высоты
До последних врат ада грехов моих,
До мрака нищеты моей и ниспадшей (моей) храмины,
От многих беззаконий и величайшего нерадения
Совершенно запущенной и оскверненной, —
Ты, Который сперва воскресил меня, долу лежащего,
И поставил на камне Божественных заповедей Твоих,
И, омыв, очистил от тины пороков моих,
И облек в хитон светлейший снега,
И вымел загрязненную храмину,
И, войдя (в нее), стал обитать, о Христе Боже мой!
Потом Ты соделал меня престолом Божества Твоего,
Жилищем неприступной Твоей славы и Царства,

Светильником, имеющим внутри неугасимый и Божественный свет,
Сосудом поистине доброго бисера, Полем, на котором скрыто сокровище мира,
Источником, пьющие из которого никогда не жаждут,
И который десятикратно источает весьма (обильную) воду
И с верою пьющих (ее) соделовает бессмертными,
Раем, имеющим к тому же посреди древо жизни,
И землею, объемлющею Тебя, для всех невместимого,
Которого я взыскал некогда от всего сердца своего,
Желая всегда слушать Твое слово.
Ибо если и прежде ум мой не мог вообразить
Тебя чисто, будучи совершенно осквернен,
Ни глаза (не могли) увидеть, ни слух – услышать,
Ни сердце мое воспринять Божественных восхождений,
Но от одного слуха душа моя вся приходила в изумление,
Поражаясь страхом и трепетом,
То и теперь она изумляется, видя Тебя внутри себя
И созерцая Тебя (как бы в зеркале), поскольку даешь Ты ей (видеть)
Всего (Себя) во всей вселенной и всего вне ее,
И, напротив, внутри себя всего (Тебя) усматривая,
Всего непостижимого в Божественном Божестве (Твоем),
Для всех невидимого и сокровенного,
Тебя, неприступного и доступного, для кого
Ты изволил, Подобно тому как Сам
Ты восхотел человеколюбно явиться [на земле],
(Тебя), для Херувимов и Серафимов и всех Ангелов

Неприступного и страшного сиянием
Божественного естества, —
Среди людей (видя) доступным, она вся совершенно приходит в исступление.
Но еще более она изумляется Твоей благости и человеколюбию,
Так как Ты очищаешь нечистые души, и ум просвещаешь,
И обнимаешь земную и вещественную сущность,
И возжигаешь великое пламя Божественной любви,
И, как бы огонь, ввергаешь в меня Божественное желание любви,
И уготовляешь меня достигать до третьего неба,
И делаешь, Спасителю, (способным) восхищаться в рай,
В котором я слышу неизреченные и страшные глаголы,
Коих невозможно пересказать смертным или поведать словесно.
Тебе же, Христе, подобает честь, слава и величие,
И вечная держава, (как) Владыке всего (мира),
Со Отцом и Духом – по естеству Пресвятым,
Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Гимн сороковой

Благодарение с богословием, и о тех действиях, по которым наименована Божественная благодать Духа

Что это за новое таинство, Владыко всех,
Которое Ты показал на мне, заблудшем
и блудном? Что это за великое чудо, внутри меня
замечаемое И непостижимое, но сокровенное?
Ибо во мне видится как бы звезда, восходящая вдали,
И соделовается опять как бы великим солнцем,
Не имеющим ни меры, ни веса, ни предела величине (своей),
И, становясь малым сиянием, снова видится,
(как) свет
В средине сердца моего и во внутренностях моих,
Часто обращающийся и сожигающий все,
Что во глубине моих внутренностей, и делающий их светом,
И таким образом любезно учащий и вещающий
(Мне), совершенно недоумевающему и ищущему научения:
Я – та звезда прекрасная, которая некогда, (как) ты слышал,
Взошла от Иакова, это Я – не сомневайся.
Я показываюсь тебе и солнцем, вдали восходящим,
Которое для всех праведных есть свет

Неприступный в будущем веке и жизни вечной;
Я и сиянием (также) являюсь и, (как) свет, тобою созерцаюсь,
Неопалимо пожигая страсти сердца твоего,
И росою сладости и Божественной благодати Моей
Омывая скверну твою, и совершенно угашая
Телесные угли греховных сластей,
И соделовая все то по человеколюбию Своему,
Что и древле творил Я во всех святых.
Помилуй сетующего, сжалься над сокрушенным
И не прогневайся на меня, что я снова хочу сказать:
Как Ты, совершенно невместимый, звездою от Иакова и являешься,
И (даже) доныне бываешь для всех?
Как, подобно восходящему солнцу, показываешься Ты,
Нигде не находящийся и везде, и превыше всякой твари,
И проповедуемый невидимым для всех?
Как и сиянием Ты бываешь, и светом мне видишься,
И пожигаешь вещество, будучи по существу невещественным?
Как, орошая, Ты омываешь телесную скверну мою,
Весь будучи огнем неприступным и нестерпимым для Ангелов?
Как обнимаешься тленною сущностью тела моего
И без смешения смешиваешься с душою человеческою?
Как, бывая чрез нее во всем теле неслиянно,
Ты, неосязаемый, всего меня обоготворяешь? —
Скажи и не отошли меня печальным и скорбным.
О, дерзость! о, несмыслие! о, неразумные речи!

Как не трепещешь ты так дерзко вопрошать об этом?
Как не сознаешь, что спрашиваешь о том, что
тебе известно? Но дерзаешь говорить о Боге, как бы искушая,
И, как бы неведущий, притворяясь, вопрошаешь
Меня о том, что знаешь,
Желая со (всею) ясностью описать всем свое знание.
Но, однако, будучи человеколюбив,
Я снисхожу к тебе
И снова (стану) учить тебя, так говоря тебе следующее:
Я по естеству невыразим, будучи невместим,
Неоскудевающ, неприступен, невидим для всех,
Неприкосновен, неосязаем и по существу неизменен;
Один в единой вселенной и один со всеми
Познающими Меня во тьме сей жизни,
Но вне всего мира, вне видимых (вещей),
Вне чувственного света, и солнца, и тьмы,
И места мучения и страшной кары,
В которое попали гордые рабы,
Злобно поднявшие выю против Меня – Владыки (своего).
Я неподвижен, ибо где Меня нет,
Чтобы через перемещение Я достиг Своего места?
Я и приснодвижен безгранично,
Ибо куда ты пойдешь искать Меня, чтобы найти Меня там?
Небо, как ничто, произведено словом Моим;
Солнце, звезды и земля как бы малым
поделием для Меня Были, и все прочее также, что видишь ты.

Ангелы, видящие славу славы, а не самое естество (Мое),
Задолго прежде них произведены Мною.
Ибо (лишь) только помыслил Я произвести (небесные) силы,
И они тотчас предстали, славословя державу Мою.
Ты же, сидящий в той самой юдоли изгнания,
Куда ниспали все первые преступники:
То есть Адам и с ним Ева, праматерь твоя,
И злой диавол, их обольстивший,
Где глубокая тьма, где великий ров,
Где змеи, всегда жалящие вас в пяту,
Где плач, горе и непрестанное рыдание,
Где всякая теснота, беспокойство и печаль,
Смерть вместе и тление всех вас содержит,
Как ты остаешься спокойным и беззаботным?
Как нерадишь, скажи Мне?
Как не печешься о злых (делах), которые ты в мире соделал?
И не ценишь высоко одного только покаяния?
И не стараешься показать его истинным?
И не вопрошаешь о нем с великою мольбою?
И тщательно не исследуешь, как тебе исправить его,
Дабы чрез него по человеколюбию Моему мог
Получить ты и великое оставление беззаконий твоих?
Но, оставив его, спрашиваешь о том, что превыше естества,
Исследуешь то, что на небесах, лучше же, и не то (даже),
Но испытуешь (самое) естество Мое, Того, Кто произвел,
Как сказано, небо и все (прочее), как ничто,

И хочешь познать то, что касается Меня, как никто другой не знал.
О, диво! о, произволение человеческое!
Ибо хотя и порицал Я тебя, но Я, напротив, и хвалю тебя,
Потому что и ты – Мое дело и творение.
Как ты, образованный из земли, из глины и праха,
На ней держимый и с нею живущий,
Все вменяешь в ничто и даже считаешь как бы тенью?
И, минуя все, ищешь Меня одного,
Желаешь говорить обо Мне, рассказывать про Меня
И смотреть на Меня, если возможно, в продолжение всей жизни,
Не отведывая ни сна, ни пищи и питья,
И не заботясь совершенно об одежде телесной?
Но как бы деревьями и пнями, стоящими вдоль пути,
Таковым считаешь все славное в мире,
Опуская (его), как ничто, на пути жизни,
И не обращаясь (вокруг) оком ума,
И не позволяя душевным очам взирать
на (все) это, Но воображаешь Меня, и обо
Мне одном помнишь,
И любишь Меня, как никто из находящихся с тобою?
Ибо кто о имени Моем радуется сердцем
И возбуждается тотчас к любви и желанию?
Кто, услышав многократное упоминание обо Мне,
Прослезился от души, имея в мыслях Меня одного?
Кто со тщанием взыскал познания
и соблюдения Божественных слов или заповедей Моих?
Кто счел Меня, как ты, Богом над всеми,

И немедленно пожелал служить Мне одному,
И ради того родителей, и братий, и дом,
Землю и вместе сродников, и соседей, и друзей
Так презрел и так приступил ко Мне,
Как бы никогда не видел никого из них
И не знал на земле человека в сем мире,
Но как бы пришел в некую чужую страну и город,
Где все – варвары и говорят на ином языке?
Так ты среди близких, знакомых и друзей,
Своих, и начальников, и богатых мира
Живешь и настроен, находясь среди них.
Но это, считаемое бесчувственными пустым и маловажным,
У Меня, взирающего на это, велико и высоко.
Кто из великих земных властей и владык,
Или из утверждающих на Мне (свое)
начальствование и царствование,
Или из изображающих лицо Моих Божественных апостолов
Либо помыслил, либо мог соблюсти то,
Чтобы во время исполнения заповеди Моей и закона
Как на одного взирать на всех: на сродников и чужих,
Богатых вместе и бедных, славных и бесславных,
На вельмож же вместе с нищими?
Какой судья беспристрастно смотрит на грабеж среди них?
Если бы Я нашел душу, соблюдшую это в мире,
В особенности в настоящем поколении и (в настоящее) время,

То Я прославлю (такового) наравне с апостолами Моими и пророками,
И он воссядет со Мною в пришествии Моем,
Ибо будет судить праведно и тогда, как на земле,
И получит славу Судии живых и мертвых.
Благо – взыскать этого и прочего с этим,
И, сколько есть силы, соблюдать и точно хранить,
Не исследуя естества Моего, сыне человеческий,
Ни действий Духа Моего Святого,
Как Он показывается солнцем и видится звездою,
Появляясь где-то вдали и поднимаясь выше гор.
Когда же Он скрывается от глаз твоих,
То причиняет тебе неутешную скорбь и печаль;
И в то время, как ты полагаешь, что Он еще не явился тебе,
Он обретается где-то внутри твоего сердца,
Неожиданно доставляя тебе и изумление и радость;
И так как не показывается тебе (уже)
пламенем и не видится сиянием и огнем,
То ты удивляешься и исследуешь. —
Ибо не полезно тебе это.
Итак, веруй, что Я – Свет совершенно неизобразимый,
Весь простой, несложный, нераздельный естеством,
Неисследимый и вместе доступный недоступным образом.
Ибо поистине Я видим бываю и человеколюбно являюсь,
Преобразуясь сообразно восприятию каждого из людей;
Не со Мною, [впрочем], это бывает,
Но видящие так сподобляются Меня видеть,

Ибо иначе не могут, не вмещая больше.
И поэтому одни и те же иногда видят (Меня)
Солнцем, когда имеют ум очищенным,
Иногда же звездою, когда окажутся
Под мраком и ночью этого тела.
Ибо горение любви делает Меня огнем и светом,
Потому что, когда возжжется в тебе уголь любви,
Тогда и Я, видя ревность сердца твоего,
Оказываюсь в соединении с тобою, и подаю свет,
И показываюсь как бы огнем, Я – словом создавший огонь.
Ибо душевные добродетели являются как бы веществом,
Охватывая которые Божественный свет Духа
И называется соответственно подлежащему веществу,
Ибо собственного имени у людей он не имеет.
Поэтому когда человек придет в умиление и прослезится,
Тогда и он называется водою, ибо очищает
И, соединяясь со слезами, омывает всякую скверну.
Когда же плач угасит раздражительность сердца,
При его содействии, то он именуется кротостью.
Возгораясь же опять против нечестия,
Что делается чрез него же, он называется ревностью.
Миром же, напротив, и радостью, и благостью он именуется,
Потому что плачущему подается и то и другое,
И он производит в сердце, как бы источник, обильную благодать,
От которой изливается всякое сострадание и милосердие,
Истекающее вне от души на всех (окружающих),

В особенности на желающих каяться и спастися.
Ибо (хотя) и всех он милует, но этим и помогает,
И содействует, и одобряет, и сострадает во всем,
Соединяясь с душевным произволением их;
И, усматривая в (их) уме красоту покаяния,
Приобретает к ним более искреннюю любовь.
Смирением же он называется потому, что все мирское,
И даже самую душу, и собственное тело,
И всякое совершаемое действие человек считает
Как бы ничем, вкусив его сладости
И узрев неизъяснимую красоту этого света.
Зная это, ты отнюдь более не просил бы Меня
Говорить о таковых (вещах) или точно изъяснить тебе,
Ибо они по природе невыразимы
и совершенно неизглаголанны,
Для людей неизреченны, неведомы и для Ангелов,
И для всякой иной тварной сущности поистине непостижимы.
Познай же лучше то, что касается тебя, или гораздо более себя самого,
И тогда познаешь, что Я совершенно непостижим,
И сопребываю и люблю одних любящих Меня,
И всегда горячо помнящих Мои заповеди,
И никоим образом не предпочитающих им чего-либо скоротечного,
С каковыми, собеседуя, Я и буду сопребывать ныне и вовеки. Аминь.

Гимн сорок первый

Точное богословие о неуловимом и неописуемом Божестве, и о том, что Божественное естество, будучи неописуемо (неограниченно), не находится ни внутри ни вне вселенной, но и внутри и вне есть, как причина всего, и что Божество только в уме уловимо для человека неуловимым образом, как лучи солнца для глаз

О Троица Создательница всех, о Единица начальнейшая!
О Боже мой Единый, единым по естеству неописуемый,
Непостижимый в славе, неизъяснимый в делах,
Существо неизменное, о Боже – Жизнь всех!
О превысший всех благ, о Начало безначального Слова,
Пребезначальный Боже мой, Который никоим образом не произошел,
Но был не имеющим начала, как найду я всего Тебя,
Носящего меня внутри? кто даст мне удержать Тебя,
Которого и я ношу внутри себя? как Ты и вне тварей,
И, напротив, внутри их, (если) Ты – ни внутри ни вне?
Как неуловимый, Я не внутри, а как уловимый, не вне нахожусь;
Будучи же неограничен – ни внутри ни вне.
Ибо Творец внутри чего (может быть), или же вне чего, скажи мне?
Я все ношу внутри, как содержащий всю тварь,
А нахожусь вне всего, будучи отделен от всего.

Ибо Творец тварей как не будет вне всего?
Существуя прежде всего и наполняя все, как исполненный [всем],
Как не буду (существовать) Я, и создав (все)?
пойми, о чем Я вещаю тебе. Создав всю тварь,
Я отнюдь не переменил места
И не соединился с созданиями. (Если) же
Я неограничен, То где, скажешь ты, нахожусь
Я когда-либо, не телесно, говорю тебе,
Но, пойми Меня, мысленно?
Ища же Меня духовно,
Ты найдешь Меня неограниченным, а потому опять – нигде,
Ни внутри ни вне, хотя и везде во всем,
Бесстрастно и неслиянно, а потому вне всего,
Так как Я был прежде всего. Но оставим всю эту тварь,
Какую видишь ты, потому что она не причастна разума (слова),
И справедливо не имеет близости к Слову,
Будучи лишена всякого ума. Итак, сродное животное дадим
Слову премудрости, дабы как ум к премудрости
И слово сродно и близко к Слову,
Превыше слова; (так) и это создание имело благое общение
С Создателем, как являющееся по образу Создателя
И по подобию. Какое же это я разумею животное?
Я сказал тебе, конечно, о человеке, словесном
(разумном) среди бессловесных,

Так как он двояк из двух: чувственного и умопостигаемого.
Он один среди тварей знает Бога;
Для него же одного в силу ума Бог уловим
неуловимо, Видится невидимо и держится недержимо.
Как (это) уловимо и неуловимо? и как в смешении без смешения?
Каким образом, скажи и изъясни мне это? —
Как изъясню я тебе неизъяснимое? Как изреку неизреченное?
Однако внимай, и я скажу.
Солнце испускает лучи – я говорю тебе о чувственном солнце,
Ибо другого ты еще не увидел; итак, ты
смотришь на лучи его,
И они уловимы для глаз твоих; свет же очей твоих
Пусть будет соединен с твоими очами.
Теперь ответь мне на вопрос:
Как свет твой соединен с лучами?
В несмешанном ли смешении, или они слились друг с другом?
Знаю, ты назовешь (их) и не смешанными и признаешь смешанными.
Свет этот – скажи мне – и уловим, когда глаза открыты
И хорошо очищены; но он же, если ты закроешь (их),
Тотчас и неуловим: в слепых он не пребывает,
Зрячим же соприсутствует; когда же заходит, то и последних
Оставляет как бы слепыми, ибо ночью человеческие

Глаза не видят. Итак, выглядывая чрез них, душа
Видит свет. А когда нет света,
Она находится совершенно как бы во тьме; когда же восходит он,
Тогда она видит, во-первых, свет, а во свете и все (прочее).
Но, имея свет, ты [собственно] не имеешь,
ибо потому и имеешь, что видишь.
Не будучи же в состоянии удержать или взять его руками своими,
Ты отнюдь не думаешь, что нечто имеешь.
Ты простираешь свои ладони,
Их освещает солнце, и ты думаешь, что держишь его.
Я утверждаю, что (тогда) ты имеешь его; вдруг ты снова сжимаешь их,
Но оно неудержимо, и, таким образом, ты опять ничего не имеешь.
Простое просто удерживается, но его нельзя сжать, удержавши.
Хотя и телом по природе мыслится этот свет
Видимого солнца, однако он неделим.
Итак, скажи мне, как бы ты ввел его в дом свой?
Как возможешь удержать, как удержишь неуловимое?
Как все его приобретешь, отчасти или всецело?
Как часть его получишь и в недре сокроешь?
Конечно, скажи мне, (это) никоим образом и никогда не возможно.
Итак, если природу того, о котором говорю я и (которое)
Творец повелением Произвел, как светильник, чтобы оно

светило всем в мире,
Ты совершенно не можешь изречь или исследовать,
Каким образом оно есть тело – не бестелесно же оно, разумеется?
Как оно уловимо неуловимым образом и как смешивается без смешения?
Как чрез лучи видимо бывает и освещает тебя ими?
То, на которое если ты ясно посмотришь
на все, то оно скорее ослепит тебя;
Даже и о свете очей твоих ты затруднишься сказать мне,
Как без другого света он совершенно не может видеть?
А соединяясь со всяким светом, видит все, как свет;
Отделяясь же от (других) светов, он пребывает совершенно бесстрастным,
Так же как и соединяясь со светом, весь светом бывает;
И это соединение их невыразимо и неслиянно,
Подобно же и отделение неуловимо;
То как же [можно] всецело исследовать природу Творца всех?
Как изречь мне? как выразить? как посредством слова представить?
Воспринимай все верою, ибо вера не сомневается;
Вера поистине не колеблется. Однако, как говорю я,
Он есть все, Ясно говорю тебе – все и никоим образом не что из всего.
Творец всего есть Божественное естество и премудрость;
И как ведь не будет во всем то, что есть ничто из всего?
Будучи же причиною всего, Он везде есть во всем,
И весь все наполняет по существу и по естеству,

Равно и по ипостаси Бог везде есть, Как Жизнь и Податель жизни.
И в самом деле, произошло ли что-либо,
Чего Сам Он не произвел, (вплоть) до комара, согласись со мною,
И паутины паука? ибо откуда, скажи, таковою
Тканью снабжается тот, кто не прядет, но неутомимо
Каждый день выпрядает, будучи мудрее рыбаков
И всех птицеловов? распростирая свои нити
И издали завязывая их, он среди них, наконец,
Как бы сеть, ткет на воздухе западню;
И сидя, сам поджидает добычу,
Не поймается ли откуда-либо попавшее нечто крылатое.
Итак, Тот, Кто простирается промыслом даже до всего этого,
Как не есть во всем? как не находится со всеми?
Подлинно, Он и среди всего есть, и вне всего,
Подлинно, Сам будучи светом, куда бы Он скрылся, наполняющий все?
Если же ты не видишь Его, то познай, что ты слеп
И среди света весь наполнен тьмою.
Ибо Он видим бывает для достойных, видится же не вполне,
Но видится невидимо, как один луч солнца;
И уловимым для них бывает, будучи по существу неуловим.
Луч ведь видится, солнце же скорее ослепляет;
И луч его уловим для тебя, как сказали мы, неуловимо.
Поэтому я говорю: кто дает мне то, что я имею?

То есть кто покажет мне все то, что я вижу?
Ибо луч я вижу, но Солнца не вижу.
Луч же не солнцем ли для тебя и кажется, и видится?
Видя его, я желаю увидеть и всего Родителя (его).
Таким образом, видя, я опять говорю: кто покажет мне то, что я вижу?
И наоборот, имея лучи все внутри дома,
Я снова говорю: где найду я источник лучей?
Луч же с своей стороны другим источником во мне ясно является.
О, необычайное чудо чудес! Солнце вверху блистает,
Луч же солнца, напротив – на земле другим солнцем для меня
Является и освещает поистине подобно первому,
И это есть второе (солнце); имея его, я и говорю, что имею;
Но, созерцая точно так же это другое солнце вдали от себя, я кричу:
Кто даст мне того, кого я имею? ибо они не отделены друг от друга,
Но и совершенно неразлучны, и разделены несказанно.
По сравнению со всем много ли
я имею? – зерно одно или искру,
И желаю получить все, хотя и все, конечно, имею.
О чем это, по сравнению со всем, ты говоришь мне? как над неразумным, ты глумишься;
Перестань глумиться надо мною и не говори:
но я все имею, Хотя отнюдь ничего не имею. —
Удивляюсь, как или к чему ты говоришь (это)?

Послушай, снова скажу я: помысли о великом море
И нарисуй в уме моря морей и бездну бездн.
Итак, если ты стоишь [лицом] к ним
На морском берегу, то, конечно, ты скажешь мне, что хорошо
Видишь воду, хотя всю отнюдь не видишь.
Ибо как бы ты увидел всю (воду), когда она беспредельна для глаз твоих
И неудержима для рук твоих? —
Сколько видно тебе, конечно, (столько) и видишь ты.
Если бы кто спросил тебя: видишь ли ты все моря? —
Никоим образом, ответишь ты. – А держишь ли все (их) в горсти?
Нет, скажешь ты, ибо как могу я (держать их)?
Но если бы он снова спросил тебя:
Не вполне ли ты видишь их? – да, скажешь ты, нечто немногое вижу
И держу морскую воду. Итак, в то время, когда
Ты держишь руку в воде, имеешь в руке своей и все
В совокупности бездны, ибо они не разделены друг от друга;
И не все, но лишь немного (воды).
Итак, по сравнению со всеми много ли ты имеешь?
Как бы каплю одну, скажи; но всех (бездн) ты не имеешь.
Так и я говорю тебе, что, имея, я ничего не имею,
Я нищ, (хотя) и вижу лежащее предо мною богатство;
Когда я насыщусь, (тогда) голоден; когда же беден, (тогда) богат;
Когда пью, (тогда) жажду; и питье весьма сладко;

Одно вкушение (его) тысячекратно утоляет всякую жажду.
И я всегда жажду пить, пия совершенно без насыщения;
Ибо желаю удержать все и выпить, если бы возможно было,
Все вместе бездны; но так как это невозможно,
То я всегда жажду, говорю тебе, хотя в устах моих
Всегда находится вода, текущая, изливающаяся и омывающая.
Но, видя бездны, я вовсе не думаю, что пью нечто,
Желая удержать всю (воду); и, обильно опять имея
Всю всецело в руке своей, я всегда нищ,
Имея с малым (количеством) всю, конечно, в совокупности (воду).
Итак, море – в капле, и в ней же опять бездны
Бездн в совокупности. Поэтому, имея одну каплю,
Я имею все в совокупности (бездны). Капля же эта опять,
Которую, говорю тебе, приобрел я, вся нераздельна,
Неосязаема, совершенно неуловима, неописуема также,
Неудобозрима вовсе, или она и есть Бог весь.
Если же так и такова для меня эта Божественная капля,
То могу ли я думать, что всецело имею нечто?
поистине, имея, я ничего не имею.
Скажу тебе снова об этом иначе: (вот) с высоты светит солнце;
Входя в лучи (его), лучше же, обладая лучами,
Я бегом поднимаюсь вверх, (чтобы) приблизиться к солнцу.
Когда же, достаточно приблизившись, я думаю

прикоснуться,
Луч ускользает из рук моих, и я тотчас ослепляюсь,
И лишаюсь того и другого, и солнца и лучей.
Ниспав с высоты, я сижу и опять плачу,
Ища прежнего луча. Итак, когда я нахожусь в таком состоянии,
Он (луч), весь мрак ночи разнявши, ко мне,
Как вервь, с высоты небесной нисходит.
Я тотчас хватаюсь за него, как за уловимый, и сжимаю, (чтобы) удержать,
Но он неудержим; однако же неуловимо
Я держу его и иду вверх. Итак, когда таким образом восхожу я,
И лучи совосходят (со мною). Превосходя небеса
И небеса небес, я опять вижу солнце.
Оно гораздо выше их, но бежит ли оно, не знаю,
Или стоит – не ведаю. Дотоле я иду, дотоле бегу,
И между тем не могу достигнуть.
Когда же я превосхожу высоты высот
И бываю, как мне кажется, превыше всякой высоты;
Лучи (вместе) с солнцем исчезают из рук моих,
И я, падая, несчастный, тотчас низвергаюсь во ад.
Таково дело, таково делание у духовных.
У них непрестанный бег сверху вниз и снизу вверх:
Когда упал, тогда бежит, когда бежит, то стоит;
Склонившись весь книзу, весь есть вверху,
Обтекая же небеса, снова утверждается внизу.
Начало этого течения конец есть, конец же – начало.
Совершенствование бесконечно, начало же это – опять

конец.
Как же конец? – как сказал богословски Григорий:
Озарение есть конец (предел) всех вожделевающих,
И Божественный свет – упокоение от всякого созерцания.
Поэтому достигший видения его упокоивается от всего,
И отделяется от тварей, ибо он видит Творца их.
Видящий Его вне всего есть, один с Единым,
Ничего из всего не видя. Да молчит же то, что в нем,
Ибо оно неясно видится и отчасти познается.
Итак, ты поражен, услышав о том, что внутри видимого.
Если же ты поражен этим, то как не покажусь
я тебе баснословом, Изъясняя тебе то, что вне [видимого]?
Ибо совершенно неизреченны
И невыразимы вовсе Божественные (вещи) и то, что в них.
Да и (настоящее) слово разве (может быть) любовию принуждаемо говорить
О вещах Божественных и человеческих?
Поэтому, оставив Божественные (вещи)
И поведав тебе нечто из своих [переживаний], я в этом слове покажу тебе
Путь и закончу. Познай себя, что ты двояк
И двоякие имеешь очи, чувственные и умные,
Так как два есть солнца и два также света,
Чувственный и умный. Если ты видишь их, как и создан ты
В начале, то будешь человеком; если же чувственное видишь,

А умного Солнца – отнюдь нет, то ты полумертв, конечно.
Полумертвый же и мертвый во всем бездейственен.
Ибо если бездейственен всяк не видящий чувственно,
То не тем ли более не видящий умного света мира?
Он мертв и хуже мертвого: мертвый (ничего) не чувствует,
Но какое мучение будет иметь умерший чувством?
Лучше же (сказать), он будет как бы вечно умирающим в муках.
Но видящие Творца разве не пребывают живыми вне всего?
Ей, они и вне всего живут, и среди всего суть,
И видимы бывают всеми, но не для всех видимы.
Ощущая настоящее, хотя и находятся они среди всего,
Но бывают вне всего, являясь превыше чувства к нему;
Сочетавшись с невещественным, они не ощущают чувственного,
Ибо очи (их хотя) и видят, но с нечувственным ощущением.
Каким образом? скажи мне, скоро скажи. —
Как видящий огонь не обжигается,
Так и я вижу нечувственно. Ты видишь огонь, каков он,
И пламя, конечно, видишь, но не чувствуешь боли;
Но ты находишься вне его и, видя, не обжигаешься;
Однако видишь с ощущением. То же самое, пойми меня, испытывает
И видящий духовно, ибо ум (его), созерцая все,
Рассуждает бесстрастно. Какую дивную красоту видит он!

Но без похоти. Итак, огонь есть красота,
Прикосновение – похоть: если ты не
коснешься огня, Как почувствуешь боль? – никоим образом.
Точно так же и ум, пока не возымеет худого желания, видя золото,
Будет смотреть (на него) совершенно как
на грязь, и на славу не как на славу,
Но как на один из воздушных призраков,
И на богатство – как на (сухие) деревья в пустыне,
Долу лежащие (вместо) ложа. Но зачем пытаюсь я все это
Рассказывать и изъяснять? Если опытом не постигнешь,
То не можешь познать этого. Недоумевая же в познании, будешь говорить:
Увы мне, как не знаю я этого! увы мне, скольких благ я лишаюсь
В неведении! и будешь стараться познать это,
Дабы называться гностиком (ведущим).
Ибо если себя самого ты не знаешь,
Какого рода и каков ты, то как познаешь Творца?
Как наименуешься верным? как даже человеком назовешься,
Будучи волом, или зверем, или подобным какому-либо бессловесному животному?
А то и хуже его будешь, не ведая Создавшего тебя.
Кто, не зная Его, посмеет сказать, что он разумен,
Не будучи (таковым)? ибо как (разумен) тот, кто лишен разума?
Лишенный же разума (слова) находится в разряде

бессловесных.
Но, упасенный людьми, он всеконечно будет спасен.
Если же не желает, но удаляется в горы и ущелья,
То добычею зверей будет, как заблудший ягненок.
Это делай и (об этом), чадце, заботься, да не отпадешь.

Гимн сорок второй

О богословии и о том, что Божественное естество неисследимо и совершенно непостижимо для людей

Господи Боже наш, Отче, Сыне и Душе,
Ты, по образу безвидный, для созерцания же прекраснейший,
Своею неизъяснимою красотою помрачающий всякое видение,
Прекрасный превыше зрения, ибо Ты превосходишь все,
Бесколичественный в количестве, видимый для тех, кому Ты изволишь,
Сущность пресущественная, неведомая и Ангелам;
Ибо бытие Твое они познают из действий Твоих.
Ведь Ты наименовал Себя Самого Богом поистине сущим (см. Исх. 3, 14);
Это мы и зовем сущностью, называем ипостасию,
Воипостасным именуя Того, Которого никто
никогда не видел, – Триипостасного Бога,
Единое безначальное Начало.
Иначе же как посмеем мы назвать Тебя сущностью
Или прославлять в Тебе Три раздельных Ипостаси?
И каково соединение (Их) – кто совершенно уразумеет?
Ибо если Отец в Тебе, и Ты во Отце Твоем,
И от Него происходит Святой Дух Твой,
И Сам Ты, Господи – Дух Твой,

Дух же Господом назван и Богом моим,
И Отец Твой есть и называется Духом,
То никто, однако, ни из Ангелов, ни из людей никогда не видел,
Ни созерцал этого, ни образа не познал;
(Да и) как изречь (это)? как выразить? как
дерзнуть наименовать: отделением,
Или соединением, или слиянием, или смешением, или растворением?
Как Едино (назвать) Тремя, Три же – Единым?
И поэтому, Владыко, на основании того, что Ты сказал
И чему научил, всяк верный верует и славословит державу Твою,
Так как все в Тебе совершенно непостижимо,
Неведомо и невыразимо для созданий Твоих.
Ибо недомысленно уже бытие Твое,
Так как Ты существуешь несозданным, равно как и родил Ты (несозданно).
Да и как созданный уразумеет образ бытия Твоего?
Или рождения Сына Твоего, Бога и Слова,
Или исхождения Божественного Духа Твоего,
Чтобы и соединение Твое он познал, и разделение уразумел,
И точно изучил вид Твоей сущности?
Никто еще не увидел ничего Твоего из того, о чем я сказал.
Ибо невозможно Богу быть иным по естеству,
Чтобы и Твоего естества можно было исследовать
Сущность, вид и образ, и ипостась также.

Но Ты Сам в Себе Самом существуешь один только Бог Троица,
Один зная Себя Самого, Сына Твоего и Духа
И Ими одними знаемый, как соестественными.
Прочие же, как бы лучи чувственного солнца,
И [то, если] они, добре видящие и ясно зрячие,
Сидя внутри дома, видят входящие,
Солнца же этого совершенно не видят;
Так свет славы Твоей, так озарения (Твои),
И их (даже) гадательно, очищенным умом
Сподобляются видеть от души Тебя ищущие.
Тебя же (Самого), Каков Ты по существу и какого рода,
Или как Ты родил однажды, или вечно рождаешь
И не отделяешься от рождаемого от Тебя, но Он
Весь есть в Тебе, весь все наполняя Божеством;
Ты же, Отец, весь пребываешь в Самом Сыне
И имеешь исходящего от Тебя Божественного Духа,
Всеведущего и (все) исполняющего; как Бог по существу,
И Он не отделяется от Тебя, ибо от Тебя истекает
(Ты – источник благ, всякое же благо – Сын Твой,
Чрез Духа уделяющий их всем достойно,
Благоутробно и человеколюбно, и Ангелам, и человекам),
Никто, (говорю), никогда ни из Ангелов, ни из людей не увидел
Или не познал бытия Твоего, ибо Ты – несозданный.
Все же (прочее) Ты произвел, и может ли оно знать,
Как Ты рождаешь Сына Твоего и как всегда источаешь?
И как происходит от Тебя Дух Твой Божественный?

И Ты отнюдь не рождаешь когда-либо, родив, конечно, однажды,
Ни, источая, Ты не потерпел оскудения или умаления,
Ибо Ты пребываешь преисполненным, неоскудевающим превыше всего,
Весь во всем мире видимом и мысленном,
И, наоборот, вне их находишься, Боже мой,
Совершенно не допуская ни приращения, ни убавления,
Весь хотя и недвижимый, всегда так пребывая,
Но действиями Ты всегда приснодвижен.
Ибо и Ты – Отец, имеешь непрестанное делание,
И Сын Твой соделовает спасение всех,
И промышляет, и усовершает, и содержит, и питает,
Животворит и возрождает Духом Святым.
Ибо что видит Сын Отца творящим, То и
Сам так же совершает, как сказал Он (см. Ин. 5, 19).
Таким образом, будучи и недвижим, и как-то приснодвижен,
Ты ни движешься, ни стоишь, ни сидишь наоборот;
Но, всегда сидя, совершенно всегда стоишь;
Стоя же, напротив, весь всегда движешься,
Никогда не переходя, ибо куда Ты уйдешь?
Все, как сказано, наполняя и будучи превыше всего,
В какое иное место или страну перейдешь Ты?
Но ты и не стоишь, ибо Ты бестелесен.
Простой, все наполняющий, совершенно неизобразимый,
Невещественный, неописанный, Ты весь непостижим;
И как скажем мы, что Ты сидишь, или, наоборот, что Ты

стоишь?
Как станем утверждать, что Ты восседаешь или на каком престоле,
Когда в руке (Своей) Ты содержишь небо и землю,
И все, что под землею, Твоею же держится силою?
Какой престол вместил бы (Тебя) или какого рода храмина?
Или как, или где она построена? или на каких основаниях,
На каких столбах поднимается? – кто
совершенно уразумеет (Тебя)?
Горе людям и всякой тварной природе,
Дерзающей исследовать таковое о Боге,
Прежде чем не будет она озарена, просвещена,
прежде чем не узрит Божественных (вещей)
И не сделается созерцательницей таинств Христовых,
Которых даже Павел, увидев, совершенно не мог высказать.
О Самом же Боге он не удостоился ничего большего услышать,
Уразуметь или совершенно научиться,
Кроме того, что Он есть сущий Бог всех и Создатель,
Творец и Податель всех произведенных (вещей).
Мы же, несчастнейшие, заключенные во тьме,
И совершенно будучи тьмою чрез наслаждение удовольствиями,
И не знающие самих себя, как и каким образом одержимы бывают
Погребенные страстями, слепые и мертвые,

Исследуя истинно Сущего, безначального, несозданного Бога,
Единого бессмертного и для всех невидимого,
Говорим о Боге, как точно знающие,
Будучи (сами) удалены от Бога.
Ибо если бы соединились с Ним, то никогда не дерзали бы
Говорить о Нем, видя, что все у Него
Неизреченно и непостижимо;
И не только касающееся Его (Самого), но и
Дел Его в большей части неведомо для всех.
Ибо кто бы изъяснил (даже) то, как Он образовал меня от начала?
Какими руками взяв персть, Он – совершенно бестелесный,
И как, не имеющий уст, подобно нам, вдунул в меня (дыхание)?
И как я стал душою бессмертною (см. Быт. 2, 7)?
Скажи мне, как из брения (образовались) кости, нервы,
Мясо, жилы, кожа, волосы,
Глаза и уши, губы и язык?
Как голосовые органы и твердые зубы
Чрез дыхание внятно образуют членораздельную речь?
Из сухого и влажного, теплого и холодного вещества,
Чрез смешение противоположных (стихий),
Он соделал меня живым (существом).
Итак, как ум связан с плотью и как плоть
Срастворена с невещественным умом без смешения и слияния?

Ум же и душа, не смешиваясь, произносят
Внутреннее слово для людей и остаются такими же
Нераздельными, неизменными и совершенно неслитными.
Итак, зная, братие, что это неизъяснимо
И для всех непостижимо – то, что касается нас,
Как не трепещем мы исследовать Того, кто из несущего
Сотворил нас таковыми, или помышлять и говорить
О том, что превыше слова и превыше ума нашего?
Итак, будучи тварями, убойтесь же Творца
И исследуйте одни только заповеди Его;
Старайтесь соблюдать их изо всей вашей силы,
Если хотите сделаться и наследниками той жизни.
Если же вознерадите о Его повелениях,
И презрите волю Его, как сказал Он,
И не поверите Ему по одному, конечно, слову,
То ни слава, ни достоинство, ни богатство мира сего,
Даже ни знание буее внешних наук,
Ни сочинение, ни составление красноречивых слов,
Ни что другое из земных дел и вещей
Не принесет (вам) никакой пользы тогда,
Когда все и всех будет судить Бог мой.
Но то слово Владыки, которое мы презрели,
Станет тогда пред лицом каждого в отдельности
И осудит всякого, не сохранившего его.
Ибо оно не слово праздное, но живое слово Бога
Живого и пребывающего во веки веков.
Итак, суд будет [происходить] так, как сказал Он,
Когда заповедь одновременно, увы мне, встретит

И обличит верного и совершенно неверного,
Покорного и непокорного словам Владыки,
Того, кто был старательным, и нерадивого.
И таким образом отделены будут неправедные от праведных,
Непокоривые от совершенно послушных Христу,
Любящие ныне мир сей от боголюбцев,
Жестокосердные от благосердных и от милостивых
Немилостивые; и станут все они вместе
Обнаженными от богатства, чести и власти, которыми
Насладились в мире, и сами себя, увы мне, осудят,
Став самосудьями дел своих;
И услышат: отыдите, малые и великие,
Не покорившиеся Мне, Владыке Человеколюбцу.
Какового праведного осуждения да избавимся мы, Владыко,
И да улучим часть овец Твоих, Слове,
Туне, как не имеющие надежды спасения
От дел и осужденные, ныне и вовеки.

Гимн сорок третий

О богословии и о том, что сохранившие образ (Божий) попирают злые силы князя тьмы; прочие же, у которых жизнь проходит в страстях, находятся в его власти и царстве

Свет – Отец, Свет – Сын, Свет и Дух Святой.
Смотри, что говоришь ты, брате, смотри, чтобы не погрешить.
Ибо Три суть один Свет, один не разделенный,
Но соединенный в Трех Лицах неслитно.
Ибо Бог весь неразделен естеством,
И существом поистине превыше всякой сущности.
Не разделяется Он ни силою, ни образом, ни славою,
Ни видом, ибо весь Он простой и созерцается (как) свет.
В Них Лица – Едино, Три Ипостаси – Едино,
Ибо Три в Едином, лучше же, Три Едино.
Три эти – одна сила, Три – одна слава,
Три – одно естество, существо и Божество.
Они и суть единый Свет, (Который) просвещает мир,
Не этот видимый мир, да не будет,
Так как не познал Его и не может познать
Сей видимый мир, ни друзья мира,
Ибо любяй мир сей враг Божий бывает (см. Иак. 4, 4);
Но человека, которого Сам Он сотворил по образу
Своему и по подобию, мы называем миром,

Потому что он украшается добродетелями, господствует над земными (тварями),
Подобно тому как и (Сам) Он имеет власть над вселенной,
И царствует над страстями – это и есть то, что по образу, —
И покоряет демонов, виновников зла,
Попирая великого древнего дракона,
Как ничтожную птичку. А каким образом – послушай, чадо.
Князь этот, падший чрез лишение света,
Тотчас оказался во тьме, и со всеми
Вместе с ним падшими с неба (духами) находится во тьме,
И в ней, во тьме, говорю, царствует над всеми
Держимыми в ней бесами и людьми.
Всякая душа, не видящая света жизни, светящего
И днем и ночью, мучима им бывает,
Уязвляема, томима, восхищаема и связываема,
И повседневно искалывается стрелами удовольствий,
Хотя и мнит, что сопротивляется и не падает.
Но в поте [лица], с одним великим трудом и подвигом
Она всегда ведет с ним непримиримую брань.
Всякая же душа, видящая Божественный свет,
От Которого он ниспал, презирает его,
И, будучи осияваема Самим неприступным Светом,
Попирает этого князя тьмы, как листья,
Ниспадшие на землю с высокого дерева;
Ибо силу и власть он имеет во тьме,

Во свете же делается совершенно мертвым трупом.
Слыша же о свете, внимай, о каком свете говорю я тебе.
Не подумай, что я говорю об этом солнечном свете,
Ибо во свете его ты видишь многих людей,
Согрешающих, как и я, ужасно бичуемых,
Падающих и испускающих пену среди дня,
И невидимо страждущих от злых духов.
И хотя светит солнце, но никакой от него больше
Пользы не бывает тем, которые преданы бесам.
Итак, я говорю тебе не о свете чувственного солнца,
Ни о дневном, да не будет, отнюдь ни о светильничном,
Ни о свете многих звезд и луны,
Вообще не о сиянии видимой красоты
Я разъясняю тебе, что оно всецело имеет такое действие света.
Ибо чувственные светы освещают и озаряют
Одни только чувственные очи, давая видеть
Только чувственное, а не мысленное, разумеется.
Поэтому все, видящие только чувственное,
Слепы умными очами сердца,
Умные же очи умного сердца
И освещаться должны умным светом.
Ибо если имеющий телесные зеницы
угасшими Весь омрачен и не знает, где находится,
То насколько же более тот, у кого слепо око души,
Омрачен будет и телом, и в действии,
Да и духом не будет ли почти омертвевшим?
Итак, точно уразумей, о каком свете я говорю тебе.
Ибо не о вере говорю я тебе, ни о совершении дел,

Ни о покаянии, ни о посте, конечно,
Ни о нестяжании отнюдь, ни о мудрости, ни о знании,
Даже ни о науке, ибо ничто из этого не есть
Свет, ни отблеск того света, о котором говорю тебе;
Ни внешнее благоговение, ни наружность
Смиренная и простая, ибо все это деяния
И исполнение заповедей: если они хорошо совершаются
И исполняются, как Сам Создатель заповедует,
То многообразно изливаются слезы,
(Которые) или полезны бывают, или, наоборот, вредны;
Покамест, сами по себе, они совершенно бесполезны.
Бдение же не есть, конечно, только (дело) монахов,
Но и вообще людей, занятых делами.
Женщины-ткачихи, золотари и медники
Более бодрствуют, нежели весьма многие монахи.
И поэтому мы говорим, что ничто из всех этих
Добродетельных деяний не называется светом.
Поэтому и собранные воедино все деяния
И добродетели без исключения не суть Божественный свет,
Ибо все человеческие деяния далеки от него.
Впрочем, и эти деяния, совершаемые нами,
Называются нашим светом для живущих во зле,
Наставляя и их добру (см. Мф. 5, 16);
И та тьма, которая находится во мне и ослепляет меня,
Бывает светом для ближнего и светит для видящих.
И чтобы ты не подумал, что я говорю тебе (нечто) невероятное,
Послушай, я скажу тебе и решение загадки:

Положим, я пощусь ради тебя, чтобы явиться постящимся,
И хотя этот рожон в глазах моих является
Как бы бревном, конечно, воткнутым в них посредине (см. Мф. 7, 3–5),
Но ты просвещаешься, видя меня
(постящимся), если не осуждаешь меня,
Но совершенно порицаешь себя, как чревоугодника;
Ибо этим ты наставляешься к воздержанию чрева
И явственно научаешься презирать наслаждение.
(Или) еще: одевшись в худую и оборванную (одежду)
И ходя везде в одном хитоне, я думаю
Снискивать славу и похвалу от видящих меня
И казаться для них как бы другим, новым апостолом,
И (хотя) это бывает для меня причиною всякого вреда
И поистине тьмою и густым облаком в душе моей,
Но видящих меня просвещает и научает
Презирать уборы и богатство
И одеваться в простую и грубую одежду,
Что и есть поистине апостольское одеяние.
Так и все прочие добродетельные деяния
Суть действия вне света, дела без луча.
Ибо, будучи собраны вместе, как раньше сказал я,
И соединены воедино, добродетельные деяния, —
Ежели (это) и возможно в человеке, —
Подобны светильнику, лишенному света.
В самом деле, как нельзя называть огнем одни уголья,
Даже и (горящие) еще уголья, или пламенем – дрова,
Так ни вся вера, ни дела, ни деяния,

Ни исполнение заповедей недостойны называться огнем, пламенем
Или Божественным светом, ибо в действительности они не суть (свет).
Но так как они могут воспринять этот огонь, приблизиться к свету
И возжечься чрез неизреченное соединение,
То это и служит похвалою и славою добродетелей.
И ради этого всякое подвижничество и всякие деяния
Совершаются нами, чтобы мы, как свеча,
приобщились Божественного света, когда душа, как один воск,
Вся предлагается неприступному Свету;
Лучше же, подобно тому, как бумага обмакивается в воске,
Так и душа, утучненная всякими добродетелями,
Вся возжжется от него, насколько возможет увидеть,
Насколько вместит ввести в свою храмину.
И тогда, просвещаясь, добродетели, как приобщившиеся
Божественного света, и сами называются светом,
Лучше же, и они суть свет, срастворившись со светом;
И, (как) свет, просвещают самую душу и тело
И поистине светят, во-первых, тому, кто стяжал (их),
А затем и всем прочим, находящимся во тьме жизни.
Каковых просвети, Христе, Духом Всесвятым
И соделай наследниками Царства Небесного
Со всеми святыми Твоими ныне и вовеки.

Гимн сорок четвертый

О богословии и о том, что ум, очистившись от вещества страстей, невещественно созерцает Невещественного и Невидимого

Каким путем мне пойти? на какую стезю уклониться? на какую лествицу взойти? какими вратами войти? как и в каком чертоге открыть дверь? в каком или каковом жилище найти Того, Кто в руке и длани (Своей) содержит вселенную? На какую мне гору взойти и с какой стороны? и какую отыскать там пещеру? или какое болото пройдя, я, несчастный, сподоблюсь узреть и удержать Вездесущего, Неуловимого и Невидимого? В какую преисподнюю мне низойти, на какое небо взойти и пределов какого моря достигнуть, (чтобы) найти совершенно Неприступного, совершенно Беспредельного и совершенно Неосязаемого? Скажи, как найти мне в вещественном Невещественного, в создании Создателя, в тленном Нетленного? Каким образом, находясь в мире, могу стать я вне мира? связанный с веществом, как соприкоснусь я с Невещественным? весь будучи тленным, как соединюсь с Нетленным? (пребывая) в смерти, как совершенно приближусь к Жизни? как, мертвый, приступлю я к Бессмертному? будучи весь сеном, как дерзну прикоснуться к огню? Однако выслушай теперь и разрешение этих таинств.

Прежде чем сотворено небо, прежде чем произведена

земля, был Бог Троица, один уединенный, Свет безначальный, Свет несозданный, Свет совершенно неизреченный, однако Бог бессмертный, один бесконечный, постоянный, вечный и весьма благостнейший. Хорошо уразумей Единого Бога в начале, Троицу пребезначально сущую, превыше всякого начала, Неизобразимого, Неизмеримого по высоте, глубине и широте, не имеющего предела величия и света.

(В начале) не было ни воздуха, как ныне, ни тьмы не было вовсе, ни света, ни воды, ни эфира, ни чего-либо другого, но был один Бог – Дух совершенно световидный и вместе всемогущий и невещественный. Он сотворил Ангелов, Начала и Власти, Херувимов и Серафимов, Господства, Престолы и неименуемые чины, служащие Ему и предстоящие со страхом и трепетом. После же того Он произвел небо, как свод, вещественное и видимое, чувственное и грубое, и, как один Он ведает, распростер его во мгновение (ока). И вместе землю, воды и все бездны посреди него (неба) тою же мыслию одною Он сотворил такими, как и ныне мы все видим. И внутри (них) остался тот невещественный Свет, не причастный (ничему из этого). Небо распростертое, чувственное, как сказал я, не пресекло сияния невещественного Света. Ибо, будучи, как сказано, вещественным, оно оказалось вне Невещественного не местом, конечно, но природою и сущностью. Ведь Невещественный отделен от вещественного, не имея собственного места. Ибо, будучи Сам неограничен, Он словом в Себе Самом все производит и, отделенный

по естеству от всех тварей и все нося в Себе, вне всего пребывает. Ибо подобно тому, как ум и Ангел стенами или дверями ни вне жилища не бывают удаляемы, ни внутри удерживаемы, так и Творец их никоим образом не находится ни вне, ни внутри неба, ни в ином месте, но совершенно везде пребывает Богом, удаленным от всего вещественного и от произведенных Им тварей. Итак, небо сотворено было вещественным и, различаясь по природе от невещественного Света, оставалось как бы большим домом без света; но Владыка вселенной возжег солнце и луну, дабы для чувственных (созданий) они и светили чувственным образом. Он дал (нам) в руки даже и (такой род) света, удивительно извлекаемый из железа и кремня, который светил бы и ночью. (Сам) же Он далек от всякого (вещественного) света и, будучи светлее света и блистательнее (всякого) сияния, нестерпим для всякой твари. Ибо как при свете солнца не видно звезд, так если и Владыка солнца восхощет воссиять, то никто живой не стерпит Его восхода. Поэтому он совокупил ум с вещественным прахом и всех нас, людей, поместил среди вещественного, дабы мы, твердою верою и соблюдением заповедей снова очистив невещественный ум, который мы залили мраком преступления через пожелание вещественных страстей и вкушение удовольствий, в вещественном невещественно узрели тот невещественный Свет, Который, я сказал, пребезначально был Богом, (Свет) невидимый для чувственных и вещественных очей и неприступный для умных

очей сердца. В самом деле, дивлюсь я, каким образом душа, будучи вся невещественна и имея умное око света, пользуется, однако, чувственным образом и телесными очами, как бы двумя окнами, и, выглядывая через них, видит все видимое, и, поворачиваясь обратно, невещественным образом созерцает мысленное и невещественное; будучи же неизреченным образом удерживаема посреди нетленного и тленного, одним она влечется вниз, к удовольствиям и страстям, другим же, окрыляясь к небу, понуждается пребывать там; однако низвлекается и снова горячо стремится всегда возноситься, желая от видимого быть небошественной (и видеть под собою все, что ощущается зрением). Ибо, смотря на все в этом мире, как на сети, она боится всецело ступить или сесть на землю, чтобы, будучи удержанной, не увязнуть, конечно, в них и не сделаться добычею диких зверей. Такова жизнь благочестивых, верных и всех святых, которой всем должно подражать, дабы с ними (также) предстать непорочными Судии всех, Христу Богу, и быть общниками славы и Царства Его вовеки.

Гимн сорок пятый

О точнейшем богословии и о том, что не видящий света славы Божией хуже слепых

О щедролюбивый Боже мой, Творче мой, воссияй мне более неприступным светом Твоим, дабы исполнить радостью сердце мое. Ей, не гневайся, ей, не остави (меня), но озари светом Твоим душу мою, ибо свет Твой – (это) Ты, Боже мой. В самом деле, Ты хотя и называешься многими и различными именами, но Сам Ты – Едино. Это же Единое для всякой природы неведомо, невидимо и неизъяснимо, Которое, будучи уясняемо (через сравнение), называется всякими (именами). Итак, это Единое есть Триипостасное Естество, единое Божество, единое Царство, единая Сила, ибо Троица есть Едино. Ведь Троица едина – Бог мой, а не три. Однако это Единое есть Три по Ипостасям, однородным друг другу по естеству, равномощным и совершенно единосущным, с одной стороны, неслитно превыше ума соединенным, с другой – наоборот, нераздельно разделяемым, в Едином Три, и в Трех Едино. Ибо Един есть сотворивший все Иисус Христос с безначальным Отцом и собезначальным Духом Святым.

Итак, Троица есть совершенно нераздельное Единство: в Едином Три, и в Трех Едино; лучше же, Три эти Едино,

и Едино, наоборот – Три. Разумей, поклоняйся и веруй ныне и вовеки. Ибо это Единое, когда явится, воссияет и озарит, когда сообщится и преподастся, то бывает всяким благом. Поэтому оно и называется нами не одним, но многими (именами): светом, миром и радостью, жизнью, пищей и питием, одеянием, покровом, скинией и Божественным жилищем, востоком, воскресением, упокоением и купелью, огнем, водою, рекою, источником жизни и потоком, хлебом и вином и общим услаждением верных, роскошным пиром и наслаждением, которым мы таинственно наслаждаемся, поистине солнцем незаходимым, звездою, вечно сияющей, и светильником, светящим внутри душевной храмины. Это Единое есть и многое, Оно и разрушает и созидает. Это Единое Словом произвело все и Духом силы содержит все это. Это Единое из ничего создало небо и землю, дало (им) бытие и неизреченно составило. Это Единое волею (одною) сотворило солнце, луну и звезды – чудо новое и необычайное. Это Единое повелением (Своим) произвело четвероногих, гадов и зверей, всякий род пернатых и все в море (живущее), как все мы видим. Наконец, Оно сотворило и меня, как царя, и все это дало мне для служения, как рабов, рабски исполняющих мои потребности. Итак, (в то время как) все (прочее) сохранило и доселе хранит повеление этого Единого, Бога, говорю, всех, один я, несчастный, оказался неблагодарным, непризнательным и непослушным Богу, создавшему меня и изобильно подавшему все эти блага. Преступив заповедь, я

сделался непотребным и оказался, жалкий, хуже всех скотов, хуже зверей, гадов и птиц. Уклонившись от правого и Божественного пути, я жалким образом потерял данную мне славу, совлекся светлой и Божественной одежды и, родившись во тьме, ныне лежу в ней, не зная, что я лишен света. Вот, говорю, солнце светит днем, и я вижу его, с наступлением же ночи я возжигаю для себя свечи и светильник, и вижу. И (кто) другой из людей имеет [в этом отношении] что-либо большее меня? Ибо так (только), конечно, люди и (могут) видеть в сем мире, и (иначе или) более этого никто из людей не видит. Говоря это, я лгу, глумлюсь над собою, самого себя прельщаю, Спасителю, и противоречу себе, не желая познать себя, что я слеп, не желая трудиться, не желая прозреть, не желая, осужденный, признать свою слепоту.

Кто же видел Бога, Свет мира? – говорю я, и говорю, Владыко, совершенно бесчувственно, не разумея, что худо мыслю и говорю. Ибо говорящий, что он совершенно не видит и не созерцает света Твоего, а тем более утверждающий, что это и невозможно – видеть, Владыко, свет Божественной славы Твоей, отвергает все Писания пророков и апостолов, и слова Твои, Иисусе, и Домостроительство. Ибо если, воссияв с высоты, Ты явился во тьме и пришел в мир, Благоутробне, восхотев, подобно нам, человеколюбно пожить с людьми, и неложно сказал, что Ты Свет мира (см. Ин. 8, 12; 9, 5), мы же не видим Тебя, то (разве) не слепы мы совершенно и не являемся ли, Христе мой, еще более жалкими, чем слепые? –

Подлинно так, поистине мы мертвые и слепые, потому что не видим Тебя – животворящего Света. Слепцы не видят чувственного солнца, но и живут, Владыко, и как-то движутся. Ибо оно не дарует жизни, но только (возможность) видеть. Ты же, будучи всеми благами, всегда даешь их рабам Твоим, видящим свет Твой. Так как Ты – Жизнь, то и подаешь жизнь со всеми другими, говорю, благами, которыми Сам Ты являешься. Имеющий Тебя поистине обладает в Тебе всем. Да не лишусь же и я Тебя, Владыко, да не лишусь Тебя, Творче, да не лишусь Тебя, Благоутробне, я, презренный и странник. Ибо странником и пришельцем здесь, как благоугодно было Тебе, я сделался не произвольно, не по своей воле, но по благодати Твоей я познал себя самого странником между этими видимыми (вещами); умно озаренный Твоим светом, я познал, что Ты переводишь человеческий род в невещественный и невидимый мир и поселяешь (в нем), разделяя и распределяя достойным обитания, каждому сообразно тому, как сохранил он, Спасе, Твои заповеди. Поэтому молю и меня учинить с Тобою, хотя и много согрешил я, более всех людей, и достоин муки и казни. Но приими меня, Владыко, припадающего, как мытаря и блудницу, хотя и не одинаково я плачу, хотя и не так же отираю ноги Твои, Христе, власами своими, хотя и не подобно воздыхаю и рыдаю. Но Ты изливаешь милость, точишь благоутробие и источаешь благость, имиже и помилуй меня. (О Ты, руками и ногами на Кресте пригвожденный и в ребра копием прободенный, о

Ты, Милосерднейший), помилуй и избави меня от огня вечного, сподобив меня отныне добре послужить Тебе, тогда же неосужденно стать пред Тобою и быть воспринятым внутрь чертога Твоего, Спасе, где я буду радоваться с Тобою, благим Владыкою, неизреченною радостью во все веки.

Гимн сорок шестой

О созерцании Бога или вещей Божественных, о необычайном действии Духа Святого и о свойствах Святой и Единосущной Троицы. И о том, что не достигший вступления в Царство Небесное не получит никакой пользы, хотя бы он был и вне адских мук

Что это соделано Тобою во мне,
О всевиновный Боже и Царю?
Ибо что мне сказать или что помыслить?
Хотя и велико видимое мне чудо,
Но оно неведомо и невидимо для всех.
Какое же это (чудо)? – скажи мне.
Достоверно скажу: Тьмою и тенью, чувственным и чувством,
Вещественною тварью, кровью и плотию
Держим я, несчастный, и (с ними) смешан,
Спасителю. Находящегося же в них несчастно и жалостно,
Меня обнимает ужас, когда я хочу сказать [о том чуде].
Я вижу умно, но где, что и как – не знаю.
Ибо совершенно невыразимо, как я [вижу].
Где же [вижу] – это, думается мне, и известно и неизвестно:
Известно потому, что во мне (нечто) видится,
И, наоборот, вдали показывается;

Однако же и неизвестно, так как оно вводит меня
В (некое) место, никоим образом и совершенно нигде (не находящееся),
И производит во мне забвение чувственного,
И обнаженным от всего вещественного и видимого,
И (даже) от тела, вне изводит меня.
Что же производит во мне это,
Что и вижу я, сказал, и не могу высказать?
Однако, слушай, и уразумеешь эту вещь.
Итак, она совершенно недержима для всех,
А для достойных и уловима, и сообщима,
И преподаваема, быв совокуплена неуловимо,
И соединена с чистыми неслитно,
И срастворена в несмесном смешении —
Вся со всеми непорочно живущими.
Она светит во мне наподобие лампады,
Скорее она видится сперва на небе,
Будучи неизмеримо выше небес,
Видится весьма неясно, незримо;
Когда же я с трудом взыщу (ее)
И неотступно стану просить, чтобы воссияла,
То она или яснее видится там же,
Отделяя меня от дольнего
И неизреченно соединяя со светлостью ее,
Или вся сполна внутри меня показывается,
(Как) шаровидный, тихий и Божественный свет,
Безобразный и безвидный, во образе безобразном
Видимый и говорящий мне следующее: Зачем ты ограничиваешь

Мое присутствие небесами
И там ищешь Меня, думая, что Я (там) обитаю?
Зачем полагаешь, что Я нахожусь на земле,
И разглашаешь, что Я пребываю со всеми,
Определяя, что Я везде нахожусь?
Итак, это «везде» приписывает Мне величину,
Но Я совершенно не имею величины,
Ибо знай, что естество Мое превыше величины;
А то «на земле» показывает ограничение,
Но Я, конечно, совершенно неограничен.
Ты слышал ведь, что Я пребываю со святыми,
Сам весь существом (Своим) ощутительно,
Чрез созерцание и даже приобщение,
Со Отцом Моим и Божественным Духом, И явно почиваю в них?
Итак, если ты скажешь, что Мы вместе сопребываем в каждом,
То сделаешь (из Нас) многих, разделив на многих;
Если же скажешь, что один, то как один и тот же в каждом,
Лучше же, как этот один и вверху и внизу?
Как один и тот же будет сопребывать со всеми?
Как все исполняющий будет обитать в одном?
Находясь же в одном, как будет и все наполнять?
Послушай о неизреченных таинствах неизреченного Бога,
(Таинствах) предивных и совершенно невероятных.
Есть Бог истинный, поистине есть.
Это исповедуют все благочестивые.

Но Он ни что не есть из того, что мы вообще знаем,
Даже ни что из того, что знают Ангелы.
В этом [мире] Бог, говорю, ни что не есть,
Ни что из всего, как Творец всего, Но превыше всего.
Ибо кто бы мог сказать,
Что есть Бог, то есть чтобы сказать,
Что Он есть то-то или то-то? я совершенно не знаю,
Какой Он, Каков, какого рода или Он различен.
Итак, не зная Бога,
Каков Он По образу и виду, по величине и красоте,
Как я изъясню Его действия:
Как Он видится, будучи невидим для всех?
Как пребывает со всякой тварной природой?
Как обитает во всех святых?
Как наполняет все и нигде не наполняется?
Как Он превыше всего и везде находится?
Ведь этого никто совершенно не может сказать.
Но, о, Ты, Которого никто из людей совершенно не видел,
О Всецарю, единый преблагоутробный,
Благодарю Тебя от всего сердца своего,
Что Ты не презрел меня, во тьме долу
Лежащего, но коснулся меня Своею Божественною рукою,
Увидев которую я тотчас восстал, радуясь,
Ибо она сияла светлее солнца.
Я старался удержать ее, несчастный,
Но она тотчас исчезла из глаз моих.
И я снова весь оказался во тьме,
Упал на землю, плача и рыдая,

Валяясь и тяжко вздыхая,
Желая снова увидеть Твою Божественную руку.
Ты простер ее и явился мне яснее,
И я, обняв, облобызал ее. О, благость, о, великое благоутробие!
Творец дал (мне) поцеловать руку,
Содержащую все (своею) силою.
О, дарование, о, неизреченный дар!
И снова Создатель взял ее обратно,
Испытывая, конечно, произволение мое,
Люблю ли я ее и ее Подателя,
Презираю ли все, предпочитая ее,
И пребываю ли в любви к ней.
Я тотчас оставил мир и то, что в мире,
Закрыл все вместе чувства:
Очи, уши, ноздри, рот и уста,
Умер для всех сродников и друзей,
Ей, поистине я умер волею
И взыскал одну только руку Божию.
Она же, увидев, что я так сделал,
Тайно коснувшись руки моей, взяла (ее)
И повела меня, находящегося среди тьмы.
Ощутив (это), я с радостью последовал:
Быстро бежал я ночью и днем,
Шествуя бодро и со усердием.
Идя же, напротив, я был недвижим,
И тогда более успевал (простираться) вперед.
О, таинства, о, победные награды, о, почести!
Когда таким образом я бежал среди

ристалища, Та неизреченная рука (Божия) настигла (меня), – Так как мой святой отец молился, —
И, коснувшись жалкой головы моей, Дала мне венец победы,
Лучше же, (сама) она стала для меня венцом.
Видя ее, я ощутил неизреченное веселие,
Неизреченную радость и благодушие.
Ибо как (мне было) не (радоваться), победив весь мир,
Посрамив князя мира сего
И от руки Божией Божественный венец,
Лучше же, саму руку Владыки всех
Получив, о чудо, вместо венца?
Изливая свет, она виделась мне невещественно,
Непрестанно и невечерне.
Она простирала мне как бы сосец
И сосать молоко нетления
Обильно давала мне, как сыну Божию.
О, сладость, о, неизреченное наслаждение!
Она и чашею Божественного Духа
И бессмертного потока сделалась для меня,
От которой причастившись, я насытился тою пищею
Небесной, которою одни Ангелы
Питаются и сохраняются нетленными,
(Являясь) вторыми светами чрез причастие первого (Света).
Так и мы все Божественного и неизреченного
Естества соделались причастниками,
Чадами Отца, братиями же Христа, Крестившись Всесвятым Духом.

Но, конечно, не все мы познали благодать,
Озарение и приобщение, потому что не (все)
Таким образом родились, но это едва
Один из тысячи или десятка тысяч
Познал в таинственном созерцании;
Все же прочие дети – выкидыши,
Не знающие Родившего их.
Ибо как дети, крестившись водою
Или и огнем, совершенно не ощущают (того);
Так и они, будучи мертвы по неверию
И скудны по причине неделания заповедей,
Не знают, что с ними было;
Так как – страшное диво, чтобы прельщенною верою
Мнить себя сыном Божиим И не знать Отца своего.
Итак, если ты говоришь, что верою знаешь Его,
И думаешь, что верою являешься сыном Божиим;
То пусть и воплощение Бога будет «верою»,
А не делом, скажи, Он соделался человеком
И не чувственно родился.
Если же поистине Он стал Сыном Человеческим,
То и тебя, конечно, сыном Божиим Он делает на (самом) деле.
Поэтому если Он не призрачно сделался телом,
То и мы, конечно, не мысленно (делаемся) духом.
Но как Слово поистине было плотию,
Так и нас Оно неизреченно преображает
И поистине соделовает чадами Божиими.
Пребыв неизменным в Божестве, Слово
Сделалось человеком чрез восприятие плоти;

Сохранив неизменным человеком по плоти и по душе,
Оно и меня всего соделало Богом.
Восприняв мою осужденную плоть,
Оно облекло меня во все Божество.
Ибо, крестившись, я облекся во Христа,
Не чувственно, конечно, но умно.
И как не – Бог по благодати и усыновлению
Тот, кто с чувством, знанием и созерцанием Облекся в Сына Божия?
Если Бог Слово в неведении сделался Человеком, то естественно следует думать,
Что и я в неведении сделался Богом.
Если же в ведении, действии и созерцании Бог был всем человеком,
То должно мудрствовать православно,
Что и я весь чрез общение с Богом,
С чувством и знанием, не существом,
Но по причастию, конечно, сделался Богом.
Подобно тому как Бог неизменно родился Человеком в теле и виден был всем,
Так неизреченно и меня Он рождает духовно
И, (хотя) я остаюсь человек, делает меня Богом.
И как Он, видимый во плоти,
Не был знаем народом, что Он Бог,
Так и мы [видимся такими], какими были для всех,
О чудо, видимыми, конечно, человеками,
Тем же, чем стали мы по Божественной благодати,
Мы обыкновенно не бываем видимы многими,
Но одним тем, у которых очищено око души,

Мы являемся, как в зеркале;
Не очистившимся же ни Бог, ни мы
Не бываем видимы, и для них совершенно невероятно,
Чтобы мы когда-либо всецело соделались таковыми.
Ибо неверные – те, которые утверждаются
На одной вере без дел.
Если же пока не неверные, то совершенно мертвые,
Как показал Божественный Павел.
Не окажись же неверным, но скажи мне и мудро отвечай:
Что из этих двух предпочтешь ты:
Мертвую ли веру, лишенную дел,
Или неверие с делами веры?
Конечно, ты скажешь: какая польза дел
Без правой и совершенной веры?
А я, напротив, возражу тебе: какая непременно
Польза веры без дел?
Итак, если ты желаешь познать то, о чем мы прежде сказали,
И сделаться Богом по благодати,
Не словом, не мнением, не мыслию,
Не одною только верою, лишенною дел,
Но опытом, делом и созерцанием
Умным, и таинственнейшим познанием,
То делай, что Христос тебе повелевает
И что Он ради тебя претерпел.
И тогда ты увидишь блистательнейший свет, явившийся
В совершенно просветленном воздухе души,
Невещественным образом ясно (увидишь) невещественную сущность,

Всю поистине проникающую сквозь все,
От нее же, (души) – сквозь все тело, так как душа находится
Во всем (теле) и сама бестелесна,
И тело твое просияет, как и душа твоя.
Душа же с своей стороны, как воссиявшая благодать,
Будет блистать подобно Богу.
Если же ты не станешь подражать смирению,
Страданиям и поруганиям Создателя
И не пожелаешь претерпеть их,
То либо мысленно, лучше же, чувственно
Ты (сам) остался, о, безумие,
Во мраке и тартаре своей плоти,
Которая есть тление.
Ибо что иное, Как не смерть, в бессмертном сосуде [быть]
Заключенным (в нем), конечно, навеки,
Лишаясь всех благ, которые во свете,
И самого света? я ведь не говорю уже
О предании огню и скрежету Зубов, и рыданию, и червю,
Но (об одном) обитании в теле, как в бочке,
После воскресения, как и прежде этого,
И (чтобы) никуда ни вне не выглядывать,
Ни внутрь совершенно не воспринимать света,
Но лежать таким образом, лишаясь
Всех здешних наслаждений и будущих,
Как и прежде сказал я.
Итак, скажи, слушатель,
Говорящий: я не хочу быть Внутри самого Царствия,
Ни наслаждаться теми благами,

Но мне бы только быть вне мучения
И хотя бы не принять совершенно огненного испытания.
Какая тебе будет польза (от этого), как сказал я?
Отвечай мне, мудрейший, и скажи:
Полагаешь ли ты, что есть или будет
Другое большее наказание?
Да не будет; в самом деле, ты утверждаешь, что, будучи одним,
Ты и будешь тогда находиться в муках и мучиться.
Ведь если бы ты сказал, что и духовное тело
Тогда получишь, то разве может душа
Быть заключена в нем, как в бочке?
Послушай и поучись, как это будет.
Подобно тому как семя сеется по роду
Пшеницы, говорю тебе, ячменя и прочих (злаков),
И по роду опять дает и всход,
Так и тела умирающих
Падают в землю, какими случится им быть.
Души же, разрешившись от них,
В будущем воскресении мертвых
Каждая из них по достоинству находит
Покров, полный света или тьмы.
Чистые и приобщившиеся света,
И возжегшие свои светильники
Будут, конечно, в невечернем Свете;
Нечистые же, имеющие очи сердца
Слепыми и полными тьмы,
Как увидят Божественный свет?
Никоим образом – скажи.

Итак, ответь мне,
Когда они (станут) просить по смерти, кто услышит их,
И отверзет им очи, увы мне,
Когда они добровольно не хотели прозреть
И возжечь душевный светильник?
Поэтому их ожидает беспросветная тьма.
Тела же, как сказали мы, равно
Тлеют и гниют и у святых,
Но восстают, какими они посеяны.
Пшеница чистая, пшеница освященная, —
Святые сосуды Святого Духа,
Так как они были наичистейшими,
То и восстают также прославленными,
Сияющими, блистающими, как Божественный свет.
Вселившись в них, души святых
Воссияют тогда светлее солнца
И будут подобны Владыке, Божественные законы
Которого они сохранили.
(Тела) же грешных также восстают (такими),
Какими и они посеяны в землю:
Грязевидными, зловонными, полными гниения,
Сосудами оскверненными, плевелами зла,
Совершенно мрачными, как соделавшие дела тьмы
И бывшие орудиями всевозможного
Зла лукавого сеятеля.
Но и они восстают бессмертными
И духовными, однако подобными тьме.
Несчастные же души, соединившись с ними,
Будучи и сами мрачны и нечисты,

Сделаются подобными диаволу,
Как подражавшие делам его
И сохранившие его повеления.
С ним они и будут помещены в неугасимом огне,
Быв преданы тьме и тартару;
Лучше же, они низведены будут
По достоинству, соразмерно тяжести
Грехов, которые каждый носит,
И там будут пребывать во веки веков.
Святые же, напротив, как сказали мы,
Поднявшись каждый на крыльях (своих) добродетелей,
Взыдут в сретение Владыки,
И они каждый по достоинству:
Как кто предуготовил себя, конечно,
Так ближе или дальше и будет от Создателя,
И с Ним пребудет в бесконечные веки,
Играя и веселясь непостижимым веселием. Аминь.

Гимн сорок седьмой

О богословии и о том, что не изменившемуся через причастие Святого Духа и не сделавшемуся с познанием богом по усыновлению непозволительно учить людей (вещам) Божественным

Кто утешит скорбь сердца моего? Сказав: скорбь, я показал любовь к Спасителю.

Любовь же эта есть действие Духа или, лучше, существенное Его присутствие, ипостасно видимое внутри меня (как) свет. Свет же этот несравним и весь невыразим. Кто отделит (и разлучит) меня от чувственных (вещей), от которых я избавился однажды и скрылся от них, ставши вне мира? кто даст мне тишину и спокойствие от всего, дабы я насытился красотою и созерцанием Того, непостижимость Которого воспламеняет (во мне) эту любовь? ипостасная же любовь есть несколько постижимое [в Нем]. Ибо любовь есть не имя, но Божественная сущность, сообщимая и непостижимая и совершенно Божеская. Сообщимое постижимо, а что выше его, то – никоим образом. Поэтому я и сказал тебе, что та любовь постижима и что она ипостасна, как сообщимая и постижимая. Ибо все постижимое и сообщимое есть, конечно, сущность ипостасно сообщимая и точно так же постижимая, так как не имеющее сущности и есть ничто и называ-

ется (ничем). Божественное же и несозданное естество пресущественно, так как оно превосходит сущность всего тварного; называясь пресущественным, оно, однако, имеет сущность и ипостась, будучи мыслимо превыше всякой сущности и совершенно несравнимо с тварной ипостасью, ибо оно все неограниченно по природе. Неограничиваемое же как ты назовешь ипостасью? а не имеющее ипостаси есть ничто; как же оно сообщимо мне?

Если же ты не веришь, то я приведу тебе свидетелем Павла, утверждающего, что и то и другое верно. Ибо когда он говорит, что имеет внутри Христа, говорящего и вещающего ему Пресвятым Духом, то утверждает, что Божество сообщимо и ограничиваемо, Которое, (однако), соприсутствовало в нем неограниченно и непостижимо. Когда же представляет обитающим во свете неприступном и свидетельствует, что Оно никогда не было видимо человеком (см. 1 Тим. 6, 16), тогда показывает неограниченность (Его) и непостижимость. Ибо как он приобщился или всецело прикоснулся того, Кого никто из людей никогда не видел? – никоим образом, конечно – скажешь ты мне, если ты не желаешь спорить (со мною). Когда же опять он говорит тебе: Бог (древле прежде) рекий из тьмы свету возсияти, Иже возсия внутри меня (2 Кор. 4, 6), то Какого иного Бога, скажи, дает разуметь тебе, как не Того, Который обитает во свете неприступном и Которого никоим образом никто из людей никогда не видел? Ибо Сам пресущественный, будучи исперва несозданн-

ным, воспринял плоть и видим был для меня сотворенным, Сам всего меня, (Им) воспринятого, дивно обожив. Веруешь ли этому, скажи мне, и ничуть ли не сомневаешься? Итак, если Бог, соделавшись человеком, как веруешь ты, обожил меня – человека, которого Он воспринял, то я, соделавшись Богом по усыновлению, вижу Бога по естеству, Того, Кого никто из людей никогда не мог, да и совершенно не может увидеть. Те же, которые восприняли Бога делами веры и, быв возрождены Духом, наименовались Богами, видят Его Самого – Отца их, всегда обитающего во свете неприступном, имея Его обитателем, живущим в них самих, и сами (взаимно) обитают в Нем – совершенно неприступном.

Это есть истинная вера, это дело Божие, это печать христиан, это Божественное общение, это сопричастие и Божественный залог, это есть жизнь, это царство, это одеяние, это хитон Господень, в который облекаются крещающиеся верою, не в неведении, говорю тебе, и не в бесчувствии, но через веру с чувством и знанием, чтобы ты не сказал, что я (лишь) верую, что облекся во Христа. Я не говорю: веруй этому, но дело веры, (и утверждение веры, и правое исповедание веры), и несомненное совершенство [полноту] веры имей, оттого что ты с чувством и знанием облекся во Христа, сияющего, блистающего славою Божества и в яснейшем свете всего тебя изменяющего, (между тем как) ты неизменно остаешься двояким из того и другого: по усыновлению – Богом, по природе же весь являешься (ничем иным, как) чело-

веком. Когда же ты соделаешься таковым, как сказал я тебе, тогда приди и стань с нами, о брате мой, на горе Божественного ведения и Божественного созерцания, и мы услышим вместе Отчий глас.

Увы, насколько лишены мы Божественного достоинства! насколько удалены от жизни вечной! Сколь небо отстоит от земли преисподних и несчастным образом некогда там удержанных, настолько или даже еще более все мы поистине отстоим от достоинства Божия и Божественного созерцания, хотя, сверх ожидания, говорим, что обитаем с Ним и имеем в себе пребывающим и обитающим всего Того, Кто живет в неприступном свете; и, сидя в преисподней, хотим (еще) философствовать о том, что над землею, и на небе, и превыше небес, как точно знающие, и рассказывать (о том) всем и называться знатоками и основательными богословами, и таинниками неизреченных (откровений), что и есть, конечно, признак бесчувствия. В самом деле, неужели не бесчувствен и даже более того тот, кто, родившись несчастно в преисподней, и обитая в совершенном мраке настоящего мира, и не узрев света будущего века, который совершенно воссиял на земле и непрестанно сияет, утверждает, что знает и разумеет то, что на небе, и видит все тамошнее, и прочих (тому) учит? Ибо подобно тому, как слепец, захотевший спорить со зрячими и утверждать, что эта монета – медная, и эта печать (кого-то) другого, [а не царя], и (вычеканенные) на монете буквы означают то-то и то-то, поистине был бы необычайным

чудищем для слышащих и видящих, что монета эта – золотая и весьма звонкая, и печать поистине царская, показывающая (ничуть) не поддельный образ царя, а начертание означает его имя, так (то же самое) и с нами бывает, но мы не допускаем, чтобы нечто (подобное) могло случиться, и никого не стыдимся: ни самих святых, ни Ангелов, сверху взирающих на наши (дела). Но на нас исполняется слово Господне, говорящее, что видящие не видят и опять слышащие затыкают скорее душевные уши и отнюдь не слышат глаголов Духа (см. Мф. 13, 13). Хотя телесными, плотскими ушами они и слышат, но духовные уши сердца имеют покрытыми и совершенно не могут слышать Бога. Ибо они никоим образом не в состоянии снять с самих себя покрывала гордости и нечувствия, потому что сами на себя возложили его добровольно и хотят (иметь) очи и уши покрытыми, и потому думают, что видят и слышат. Если же кто скажет им: послушайте, чада мои, снимите покрывало с сердец ваших (см. 2 Кор. 3, 15), то они раздражаются за эти самые слова, что он назвал их не отцами, но чадами, и, возымев к нему от этих слов (тем) большую ненависть, не могут понять находящуюся в них страсть, лучше же – страсти, помрачающие ум и сердце и удаляющие от Бога уже воспринятых (Им). Рабы самомнения и гордости, добровольно ставшие (ими) и отдавшиеся в плен, они всегда исполняют свою волю; оставив Божии законы, они сами себе суть закон, и не Богу, но себе самим они служат, о, дерзость, вместо славы Божией ища своей (славы) и стараясь со-

здать ее всякими делами и способами. Итак, слава Христова есть Крест и страсти, которые Он подъял ради нас, дабы нас прославить. Но они не хотят этого претерпеть, как Он претерпел, и отказываются сделаться причастниками славы Божией, предпочитая, о, нечестие, славу от людей, и избирают добровольное отлучение от Бога. Но Ты, Христе мой, избавь надеющихся на Тебя от гордости и скверного пристрастия к суетной славе, и соделай причастниками Твоих страданий и славы, и сподоби нас быть нераздельно Твоими ныне и в будущие веки веков. Аминь.

Гимн сорок восьмой

Кто есть монах, и какое его делание. И на какую высоту созерцания взошел этот Божественный отец

Монах – тот, кто не смешивается с миром
И с одним Богом непрестанно беседует;
Видя (Его), он и (Им) видим бывает и, любя – любим,
И соделовается светом, неизреченно сияющим.
Будучи прославляем, он (тем) более считает себя нищим,
И, принимаемый в домах, является как бы странником.
О, совершенно необычайное и несказанное чудо!
От безмерного богатства я беден
И, обладая многим, думаю, что ничего не имею,
И от обилия вод, говорю, я жажду.
Кто даст мне то, что я изобильно имею?
И где найду я Того, Кого повседневно вижу?
Как удержу я то, что и внутри меня есть,
И вне мира, ибо оно совершенно невидимо?
Имеющий уши слышать да слышит,
Правильно понимая слова неученого.

Гимн сорок девятый

Моление к Богу, и как этот отец, соединяясь с Богом и видя славу Божию, в нем самом действующую, приходил в изумление

Как я внутри себя поклоняюсь Тебе и как вдали Тебя созерцаю?
Как в себе усматриваю и на небе вижу Тебя?
Ты один знаешь, делающий это и сияющий, как
Солнце, невещественно в моем вещественном сердце.
Ты, воссиявший мне светом славы Твоей,
Боже мой, Чрез апостола Твоего и ученика и раба,
Всесвятого Симеона, Сам и ныне воссияй мне
И научи Духом петь ему гимны,
Новые вместе и древние, Божественные и сокровенные,
Дабы чрез меня дивились знанию Твоему,
Боже мой (см. Пс. 138, 6),
И (тем) более проявлялась великая премудрость (Твоя),
И все, услышав, восхвалили Тебя, Христе мой,
Так как и я говорю новыми языками по благодати Твоей.
Аминь, да будет, Господи, по воле Твоей.
Я болезную, я страдаю смиренною душою своею,
Когда внутри ее явится ясно сияющий свет Твой.
Любовь называется у меня болезнью и является
Страданием, оттого что я не могу всего Тебя обнять
И насытиться, насколько мне желательно, и [потому] я

воздыхаю.
Однако, так как я вижу Тебя, то для меня довольно и этого,
(Что) и будет (мне) славою, и радостью, и венцом Царствия,
И превыше всего сладостного и вожделенного в мире;
Это покажет меня и подобным Ангелам,
А быть может, и большим их соделает меня, Владыко.
Ибо если Ты невидим для них существом
И естеством неприступен, мне же Ты видишься
И совершенно смешиваешься со мною сущностью естества (Своего),
Ибо они не отделены в Тебе и совершенно не разделяются,
Но естество (есть) существо Твое и существо – естество,
То поэтому, причастившись Плоти Твоей, я приобщаюсь естества (Твоего)
И поистине бываю причастником существа Твоего,
(Делаясь) соучастником и даже наследником Божества
И бывая в теле выше бестелесных,
Я полагаю, (что) и сыном Божиим соделоваюсь, как сказал Ты
Не к Ангелам, но к нам, Богами так (нас) назвав:
Аз рех: Бози есте и сынове Вышняго вси (ср. Пс. 81, 6; Ин. 10, 34).
Так как Ты соделался человеком, будучи Богом по естеству,
Неизменно и неслиянно, пребыв тем и другим,
То и меня, человека по природе, соделал Богом

По усыновлению и по благодати Твоей чрез Духа Твоего,
Чудным образом, как Бог, соединив разделенное.

Гимн пятидесятый

Общее наставление с обличением ко всем: царям, архиереям, священникам, монахам и мирянам, изреченное и изрекаемое от уст Божиих

О Христе, подай мне слова мудрости,
Слова ведения и Божественного разумения,
Ибо ты знаешь бессилие моего слова
И непричастность (мою) ко внешней науке.
Ты знаешь, что Тебя одного я имею
Жизнью, и разумом (словом), и знанием, и мудростью,
Спасителем, Богом, и защитником в жизни,
И дыханием смиренной души моей.
Я странник и беден словом;
Ты же – надежда моя и помощь моя,
Ты – похвала, богатство мое и слава.
Ты от мира восхотел, Слове,
По благоутробию воспринять меня, странного,
Недостойного, ничтожного и худшего
Всякого человека и всякого бессловесного
животного. Потому и уповаю я на милость Твою,
И прошу Тебя, и припадаю, и говорю:
Дай правое слово, дай силу, дай мне крепость
Сказать ко всем посвященным Тебе
И служащим Тебе, Царю всех,
Сказать тайносовершителям, и начальникам, и

служителям,
Мнящим, что они видят Тебя, и служат,
И подлинно работают Тебе как Владыке.
Все люди: цари и вельможи,
Священники, епископы, монахи и разночинцы,
Не сочтите недостойным послушать гласа
И слов моих – человека ничтожного,
Но откройте мне уши сердца (вашего)
И услышьте и уразумейте, что говорит
Бог всех и прежде всех веков,
Неприступный, единый Вседержитель,
В руке Которого дыхание всего существующего.
Цари, вы хорошо делаете, что ведете войны против язычников,
Если сами не творите языческих
Дел и обычаев, советов и решений
И многими делами своими и словами
Не отвергаетесь меня – Царя вашего.
Лучше вам было бы хранить Мои слова
И право соблюдать все заповеди Мои,
В блаженной нищете Проводя безмятежную жизнь.
Ибо какая вам польза защищать мир
От смерти и временного рабства,
Самим же повседневно быть рабами
Страстей и бесов чрез дела (свои)
И наследниками огня неугасимого.
Ибо хороши все дела, какие кто ни делает
Ради Меня и сострадания
И милосердия к ближнему,

Если прежде всего он себя самого милует,
И слова Мои хранит со всяким тщанием,
И показывает искреннее раскаяние
В том, что сделано (им), без сомнения, раньше,
И после не возвращается более к тому,
Но пребывает (твердым) в Моих Владычних словах
И истинных законах и повелениях;
И так без нарушения делает все
Даже до смерти, ни одним словом,
Ни одной чертой из написанного
Не пренебрегая. (Вот) это – Мне жертва,
Это Мне фимиам, и приношение, и дар;
Без этого же вы – хуже язычников.
Епископы-председатели, разумейте!
Вы – отпечаток Моего образа,
Вы достойно поставлены собеседовать со Мною,
Вы имеете предвозлежание над всеми
праведниками Как именующиеся учениками Моими
И носящие Мой Божественный образ;
Вы даже над малейшим общим собранием
Восприняли таковую власть,
Каковую получил Я от Отца – Слово,
Которое воплотилось, будучи Богом по естеству
И соделавшись двояким в действованиях,
Волях и естествах также;
Я, Который нераздельно и неслитно есмь Бог и, наоборот, человек и Бог.
Как человек, Я сподобил (вас) держать Меня вашими руками,

Как Бог же, Я совершенно Неуловим для бренных рук,
И невидим для невидящих,
И неприступен, [когда бываю] закланным за всех,
Я – двоякий в одной ипостаси.
Из епископов есть такие, которые по причине этого
Превозносятся над всеми малейшими,
Как над презренными и внизу сидящими.
Из епископов есть такие, которые далеки от этого достоинства,
Не из тех, у которых со словом согласуется и жизнь,
Являясь печатью их Боговдохновенного Учения и Боговещания,
Но из тех, у которых жизнь противоположна слову
И которым неведомы страшные Мои и Божественные (таинства):
Они думают, что держат [в Евхаристии] хлеб, который есть огнь,
И, как простой, презирают Мой хлеб,
И мнят, что видят и едят кусок (хлеба),
Не видя Моей невидимой славы.
Из епископов есть многие из немногих,
Которые высоки и смиренны Худым и противным смирением,
Которые гоняются за славою человеческою,
А Меня – Творца всех, презирают,
Как нищего и презренного бедняка;
Они недостойно прикасаются к Моему Телу,
И, ища превосходства над многими,
Незванно входят внутрь Моего святилища,

И (внутрь) чертога неизреченных [таинств] Вступают без хитона
Благодати Моей, которой они никоим образом не восприняли,
[Приступая] к тому, на что и совне взирать им не подобает;
Но Я долготерплю, (будучи) весьма человеколюбив.
Входя же, они беседуют со Мною, как с другом,
И, не пребывая там в страхе, как рабы,
Показывают себя близкими [Мне лицами].
Не разумея Моей благодати,
Они и за других (еще) ходатайствовать обещаются,
Будучи сами повинны во многих грехах.
Совне хорошо одевая тело,
Они кажутся блистающими и видятся чистыми;
Души же хуже грязи и тины,
Лучше же, (хуже) всякого смертоносного яда
Имеют эти лукавые праведники.
Ибо как некогда Иуда-предатель,
Приняв хлеб от Меня недостойно,
Съел его, как часть обыкновенного хлеба,
И потому сатана вошел
В него тотчас и бесстыдным предателем Меня —
Учителя (своего), соделал,
Воспользовавшись им, как слугою и рабом,
И исполнителем своей воли;
Так случается в неведении и с теми,
Которые недостойно, дерзко и самонадеянно
Прикасаются к Моим Божественными Тайнам.

В особенности (таковы) возвышающиеся на престолах над святыми[26],
Над жертвенником и священством,
Имеющие совесть, и прежде поврежденную,
И после того совершенно осужденную;
Они, входя в Мой Божественный двор,
Бесстыдно стоят во святилищах,
Открыто разговаривая предо Мною
И совершенно не видя Моей Божественной славы,
Которую если бы видели они, то не делали бы этого
И (даже) в преддверия Моего Божественного храма
Так дерзко не смели бы войти.
Итак, что все это, что написано,
Истинно и верно, всякий желающий (может) узнать
Из тех самых дел, которые мы, иереи, творим;
И, отнюдь не найдя никакой лжи,
Убедится и признает, Что Сам Бог чрез меня изрек это,
Если (только) он не кто-либо из творящих это
И не старается хитрыми словами рассеять
И скрыть (свой) собственный стыд,
Который пред Ангелами и людьми Будет открыт Тем,
Кто откроет Тайная тьмы (ср. 1 Кор. 4, 5), Господь Бог всех.
Кто из нас, нынешних иереев,
Предочистив себя от беззаконий,
Так дерзнул (приступить) ко священству?
Кто мог бы сказать это с дерзновением,
Что он презрел славу земную

---

[26] То есть над верующими.

И ради одной небесной священнодействует?
Кто довольствовался одним только необходимым
И не утаил чего-либо (принадлежащего) ближнему?
Кого совесть своя
Не осуждала за взятки,
Чрез которые он старался сделаться и сделать [священнослужителем],
Купив или продав благодать?
Кто не предпочел друга пред достойным,
Поставив скорее недостойного?
Кто не старается своих близких
Друзей сделать епископами,
Чтобы пользоваться властью во всем
Чуждом? ведь это (еще одно) из посредственных (дел),
Считающееся даже безгрешным теми,
Которые вмешиваются в дела другой Церкви.
Кто по просьбе мирских (людей):
Вельмож, друзей, богатых и начальников —
Не рукоположил (кого-либо) и вопреки достоинству?
Поистине, нет ныне никого из Всех них, имеющего чистое сердце,
Кого бы не колола совесть,
Так как он непременно сделал одно из того, о чем я сказал.
Но мы все бесстрашно грешим,
Не заботясь ни о пресечении зла, Ни добра не делая;
Поэтому и не каемся, Погрузившись во глубину зол
И бесчувственно пребывая в этом.
Ибо, не вкусив Божественной славы,

Мы не можем презреть земную славу.
Любовь же к славе, говорю, человеческой
Совершенно не позволяет душе ни смиряться,
Ни добровольно порицать себя самое.
Если это так, то как, скажи мне,
Гоняющийся за славою человеческою
И нуждающийся в тленном богатстве,
Желающий иметь множество золота,
И ненасытный в похищении,
И злопамятный к тем, которые не часто дают,
Дерзнет сказать, что имеет Бога обитателем (в себе)?
Не воспринявший же Христа И Его Отца и Духа Святого,
Известно живущего и ходящего,
Единого Бога в сердце своем,
Как покажет истинное служение?
От кого иного он научится смирению?
Или как наставлен будет Божественной воле?
Кто будет ходатаем для него или примирит (его) с Богом
И представит непостыдным служителем
Единому чистому и непорочному Богу,
На Которого Херувимы не смеют воззреть
И Который неприступен для всех Ангелов?
Кто укрепит его безгрешно править
И неосужденно священнодействовать
Страшную службу непорочной Жертвы?
Какой Ангел, какой человек может
Изречь это или возможет сделать?
Ибо я говорю и свидетельствую всем:
(Никто не заблуждайся и не обольщайся словами)

Кто прежде не оставит мира,
И от души не возненавидит (всего) мирского,
И искренно не возлюбит единого Христа,
И ради Него не погубит душу свою,
Не заботясь ни о чем для человеческой жизни,
Но как бы ежечасно умирая,
Не будет много плакать о себе и рыдать,
И не будет иметь желания только к Нему одному,
И чрез многие скорби и труды
Не сподобится воспринять Божественного Духа,
Которого дал Он Божественным апостолам,
Дабы чрез Него изгнать всякую страсть,
И легко исправить всякую добродетель,
И стяжать обильные источники слез,
Откуда очищение и созерцание души,
Откуда познание Божественной воли,
Откуда просвещение Божественным озарением
И созерцание неприступного света,
Откуда бесстрастие и святость
Дается всем сподобившимся
Видеть и иметь Бога в сердце,
И быть Им хранимыми, и хранить
Неповрежденными Его Божественные заповеди;
Тот да не дерзнет принимать священство
И предстоятельство над душами или стать начальником.
Ибо как Христос Богу Отцу Своему
И приносится, и Сам Себя приносит,
Так и нас Сам Он и приносит,
И Сам же опять и принимает нас.

Ибо [иначе] в суд и в осуждение будет
Предприятие таковых дел;
(Это) хуже убийства, хуже прелюбодеяния и блуда
И всех других грехов.
Все эти (грехи) ныне совершаются против людей,
Ибо мы грешим, конечно, друг против друга.
Торгующий же нагло Божественными [таинст вами]
И продающий благодать Духа
Грешит, конечно, против Самого Бога.
Ибо представляющий Лицо Слова
И жить должен так, как Оно,
И, последуя Ему, так говорить:
Лисицы, без сомнения, имеют норы,
И все птицы – гнезда,
Я же не имею, где главу приклонить (см. Мф. 8, 20).
Ибо сподобившийся быть служителем Христовым
Сам совершенно не должен иметь ничего своего,
Ни приобретать чего-либо мирского,
Кроме необходимого для тела и только;
Все же прочее принадлежит бедным и странникам,
И его церкви [в которой он служит].
Если же, напротив, он дерзнет для своих расходов
Безвременно пользоваться этим со властью
И принадлежащее странникам раздавать сродникам,
И строить дома, и покупать поля,
И набирать толпу рабов,
То, увы, какой суд (ожидает) его?
Без сомнения, он подобен человеку,
Все приданое жены своей

Худо расточившему по неразумию,
Который, будучи схвачен и не имя (чем) уплатить,
Когда с него требуют для нее денег, конечно,
Для возмещения его супруги,
Предается в темницу на заключение.
Так будет и с нами, священниками и священнослужителями,
Которые ради себя самих, и сродников, и друзей
Злоупотребляют церковными доходами
И совершенно не пекутся о бедных,
Но строят дома, бани, монастыри, башни,
Дают приданое и устраивают браки,
Церкви же свои, как чужие,
Презирают и нерадят о них.
Отлучаясь на долгое время,
Мы проживаем в чужой стране,
Оставляя жен своих вдовыми
И не имея о них никакого попечения.
Иные же (из нас) пребываем в них и живем
Не потому, чтобы нас удерживала любовь к ним,
Но чтобы только жить от богатых доходов
С них и роскошествовать.
О красоте же души невесты Христовой
Кто из нас, иереев, заботится?
Укажи мне (хотя) одного только, и я удовольствуюсь им.
Но горе нам, священникам, монахам,
Епископам и священнослужителям седьмого века[27],
Так как законы Бога и Спасителя

[27] То есть седьмого тысячелетия от сотворения мира.

Мы попираем, как ничего не стоящие.
И если бы где оказался один малый пред людьми,
Пред Богом же великий, как познанный Им,
Не снисходящий к нашим страстям,
То он тотчас прогоняем бывает, как один из злодеев,
И изгоняется нами из (нашей) среды,
И отлучаем бывает от собрания, как некогда
Христос наш – (от синагоги) тогдашними
Архиереями и грозными иудеями,
Как Сам Он сказал и всегда говорит то
Ясным гласом величия Своего.
Но есть Бог, Который вознесет его,
И восприимет, как в нынешней жизни,
Так и в будущей, и прославит
Со всеми святыми, которых Он возлюбил.
Но что говорит и к нам Слово?
Те из монахов, которые мните (себя) ревностными,
Изобразите благочестием внутреннее,
Тогда и внешнее, конечно, предо Мною чисто будет.
Ибо это будет на пользу вам
И видящим ваши добрые дела,
А то вожделенно для Меня, Творца всех,
И для умных и Божественных чинов Моих.
Если же вы украшаете внешнее подобие
человека Одною обычною ему одеждою
И видящим вас кажетесь любезными
Чрез внешнее упражнение в трудах,
О любезном же Моем образе совершенно
Не заботитесь, об очищении и украшении

Со тщанием, слезами и трудами
Того, чрез который для Меня и для всех вы
и являетесь Людьми, понятно, разумными и Божественными,
То поистине вы уподобляетесь предо
Мною гниющим гробам,
Как некогда фарисеи, как сказал Я,
Говоря и обличая их безумие:
Совне вы блистаете, будучи внутри гнилы, полны
Мертвых костей и исполнены в гнилом
Сердце злых помышлений, слов,
Страстей, мыслей и лукавой заботы (см. Мф. 23, 27–28).
Ибо кто из вас взыскал этого:
Поста, говорю, жестокого жития, трудов,
Запущенных волос, железных вериг,
Власяницы, множества мозолей на коленях,
Твердого ложа, сена для постлания ложа
И всякого другого злострадания в жизни?
(Все) это хорошо, если хорошо совершаемо бывает,
[Как принадлежность] умного и сокровенного делания
Вашего, со знанием, мудростью и разумом;
Если же – без него, то что великого в этом вы
полагаете, Мня себя нечем, будучи ничем;
Без внутреннего делания вы подобны, пожалуй, прокаженным,
Одевшимся в светлые одежды к обману видящих (их).
Но, приветствуя всех внешних [пожеланием] радоваться,
Ревностно старайтесь стать [делателями] одного
Внутреннего делания, с потом и трудами

В Божественных добродетелях и священных подвигах,
Дабы явиться предо Мною девственниками в мыслях,
Просвещенными всяким разумением,
И соединиться со Мною, Словом, в слове
Премудрости Моей и ведения лучшего.
Все множество священного народа Моего,
Иди поспешно ко Мне, Владыке своему,
Иди и разрешись от уз мира сего;
Возненавидь всякий обман чувств,
Скоро беги от этих причин зла:
Похоти зрения и плоти,
Гордости мысленной и житейской (см. 1 Ин. 2, 16).
Знай, что (все) неправедное в мире
Ведет к гибели воспользовавшегося
Им страстно или пристрастно в жизни,
И несчастно делает врагом Моим.
Восприими в сердце любовь к Моим
Божественным вещам – вечным благам,
Которые, воплотившись, Я приготовил тебе, как другу,
Дабы ты всегда был со Мною, неизреченно свечеряя
На трапезе Царствия Моего Небесного со всеми святыми.
Познай себя самого, что ты смертен и тленен,
Будучи малым останком жизни на свете,
И что ничто не последует за тобою из того, что есть в мире
Блестящего или увеселительного и приятного,
Когда ты отойдешь отсюда к тамошним селениям,
Кроме одних только дел, соделанных
Тобою в жизни, злых или добрых.

И познав тленность и смертность всего
И оставив дольнее, иди горе,
Я зову тебя К Себе – Богу всего и Спасителю,
Дабы ты поистине жил во веки веков
И наслаждался благами Моими, Которые
Я приготовил любящим Меня
Всегда, ныне и вовеки. Аминь.

Гимн пятьдесят первый

О том, что славные земли и гордые богатством прельщаются тенью видимого; презревшие же настоящее необманчиво делаются причастниками Божественного Духа

Видя меня, Владыко, злословимого верными,
Как обольстителя и прежде обольщенного,
Так как я говорю, что по человеколюбию Твоему
И по молитвам отца моего я получил Духа Святого,
Помилуй и даруй (мне) слово, знание и мудрость,
Чтобы все противящиеся мне познали,
Что внутри меня говорит Дух Твой Божественный.
Дай мне сказать, как изрек Ты, дай и мне, как обещал Ты (о тех),
Которым никто из них,
Спасителю, не возможет противоречить или противостать (см. Лк. 21, 15);
Ибо Ты – Податель всех благ.
Хотя и говорят, Христе, что я, раб Твой, прельщаюсь,
Но я никогда не поверю, видя Тебя, Бога моего,
И созерцая пречистое и Божественное лицо Твое,
И воспринимая от него Твои Божественные озарения,
И будучи просвещаем Духом в умных очах своих.
Но не попусти, о Боже, прельститься всем
Ныне верующим в Тебя пагубною прелестью

Неверия в то, что Ты и ныне просвещаешь всех,
Озаряя лучами Божественного Божества Твоего.
Ибо Ты велик в милосердии, мы же – во грехах;
Ты обитаешь во свете неприступном, мы же все – во тьме;
Ты вне твари, а мы в твари;
Большинство же из нас чувством находятся
Вне (даже) и твари, будучи бесчувственны ко всему,
И противоестественно суть вне всего;
мотря, они не смотрят, и, видя, не видят,
И не могут умным чувством постигнуть Чудес
Божиих, но суть вне мира,
Лучше же, в мире они находятся, как мертвые еще прежде смерти
И прежде смерти содержимые во аде преисподнейшем.
Итак, это суть те, конечно, о которых говорит
Твое Писание: Славные, богатые, гордые всем,
И вообще мнящиеся быть чем-либо
из таковых, И не могущие понять стыда своего.
Ибо они приобрели себе мудрость мира сего
И славу, как одежду, и пустое самомнение,
Как жилище, создав прельщенным умом;
И, в ту облекшись, в этом же обитая,
Они, как на дне, сидят во аде преисподнейшем
И не знают ни Бога, ни мира,
Ни всех находящихся в мире творений Создателя.
Ибо кто познает Творца, прежде чем не увидит Его,
В разуме, как разумный, в уме же умно
И в умном чувстве мысленно усматривая (Его)?
Кто, видящий духовно чрез Божественного Духа,

Будучи таинственно озаряем и вместе наставляем,
Пришел к некоему неясному познанию Творца?
Ибо так очищающийся сподобится получить
Яснейшее познание, как говорит все Писание.
Те же, (живущие) в страстях, как сказал я, нося безумие, как одежду,
И облекшись в самомнение, как в славу,
Утешаются и смеются над прочими,
И играют с тенями по подобию щенков.
Если [последним] ты бросишь орех, и он, покатившись, загремит,
То они подскакивают, хватаются, осклабиваются на него
И с ним валяются и вместе играют;
И если кто протянет пред ногами (их) веревку,
То они свертываются [в клубок] и, падая и протягивая
Вверх лапы, бывают причиною смеха для всех
Видящих (их) людей, во время их падения.
Так и те бесчувственно утешают бесов
Такими же деяниями своими и нравами.
Итак, скажи мне на вопрос, как полагаешь ты,
Могут ли таковые поведать иным о таинствах Божиих?
Как будут они просвещены светом ведения хотя отчасти
И другим сообщать, либо праведно произведут
Правый суд с истинным рассуждением,
Будучи облечены во тьму, как в одежду,
С чувством (являясь) бесчувственными и мертвыми среди жизни?
Но, о вы, боголюбцы, послушайте речений
Истинных и дивных, которые уста Господни

И прежде изрекли, и ныне всем изрекают:
Если вы не отложите славы, если не отвергните богатства,
Если совершенно не совлечетесь пустого самомнения,
Если не сделаетесь последними из всех в делах
И в самых помыслах, лучше же, в представлениях,
Считая себя самих последними из всех,
То не стяжете ни источников слез, ни очищения плоти,
Или не увидите, как это совершается.
Итак, плачьте о себе самих, кайтесь
И повседневно проливайте горячие слезы,
Дабы омыть умные очи сердца
И увидеть тот Свет, воссиявший в мире,
Который, сияя, вопиет и взывает:
Аз – Свет миру (ср. Ин. 8, 12; 9, 5)
Был, есмь и буду, и хочу быть видимым.
Ибо для того Я и в мир пришел телесно,
Единый соделавшись двояким и единым
также оставшись, Чтобы верно поклоняющиеся
Мне, виденному, (как) Богу,
И хранящие заповеди Мои невидимо
Просвещались и умно тайнонаучались славе
Страшного Божества Моего и воспринятой
(Мною) плоти, И, точно уразумевая двойственность естеств,
Несомненно воспевали Меня тогда как
Единого Бога. Ибо иначе невозможно хорошо познать
Домостроительство Мое И снисхождение Мое, и прийти в страх,
И поклониться Мне как Богу, бывшему во образе

человека
И несказанно пребывшему Богом, —
Двум нераздельным, (как) единому ипостасию, а не естеством.
Итак, Я есмь един, Бог совершенный и человек
Всесовершенный, всецелый: плоть, душа, ум и Слово,
Весь человек и Бог в двух сущностях,
Двух также естествах, двух действованиях
И двух волях, и в единой ипостаси,
Бог вместе и человек, един есмь от Троицы.
Уверовавшие, что Я так существую и познаю,
И чрез очищение прилежанием и покаянием
Возмогшие увидеть (Меня) в чистом сердце
И быть тайнонаученными умно Моему Домостроительству
Сами возлюбят Меня от всего сердца,
Сами же будут хранить и все заповеди Мои,
Изумленные Моим безмерным благоутробием;
Сами они и сопребывать будут со Мною и общниками славы
Отца Моего будут во веки веков.

Гимн пятьдесят второй

Блестящее исследование о мысленном рае и о древе жизни в нем

Благословен Ты, Господи, благословен Ты единый, благословен благоутробный, преблагословенный, давший в сердце моем свет заповедей Твоих и насадивший во мне древо жизни Твоей. Ты показал меня другим раем в видимом: в чувственном – мысленным, мысленным же с чувством, (и другим духом), ибо Ты соединил с душою (моею) иного Духа Твоего Божественного, Которого и вселил во утробе моей. Это древо жизни поистине есть одно. На какой земле оно будет насаждено, то есть в душе человека, и, (если) укоренится в сердце, ту скоро показывает раем, наиблестяще украшенным всякими прекрасными растениями, деревьями и различными плодами, испещренным цветами и благоухающими лилиями. Это же есть смирение, радость, мир, кротость, сострадание, плач, дожди слез и необычайное услаждение в них, свет благодати Твоей, сияющий всем находящимся в раю. Ты – чаша, изливающая мне токи жизни Твоей и обильно подающая глаголы Божественного ведения. Если же Ты не восхощешь, но, (напротив), отымешь это, то я становлюсь безумным и, как камень, бесчувственным. (Как) труба никогда не даст звука без вдыхания, так и я без Тебя

– как бездушный. Тело без души совершенно не может действовать; так и душа без Духа Твоего не может ни двигаться, ни соблюдать заповеди Твои, Спасителю, ни видеть Тебя не может, ни предстоять Тебе, ни разумно воспевать славу Твою, о Боже мой! Поэтому я и вопию, поэтому и взываю к Тебе, Который вверху находишься со Отцом и (внизу) с нами, не одним действованием, как рассуждают некоторые, и не одною волею или силою только Твоею, как думают многие, но (даже) и сущностью, если только позволительно говорить или мыслить о сущности в Тебе, единый бессмертный и пресущественный. Ибо если Ты поистине совершенно неизъяснимым, невидим, неприступен, недомыслен, неприкосновен, неосязаем и весь непостижим, Спасителю, то как мы наименуем Тебя? как посмеем назвать Тебя сущностью и какого рода и какою? Ибо поистине Ты, о Боже мой – ничто из всего (существующего в природе), но все дела Твои произведены из ничего, один только Ты несотворен, один безначален, Спасителю – Троица Святая и Честная, Бог всяческих. И Ты показал нам свет Твоей непорочной славы, который и ныне непрерывно подавай мне, Спасителю. Дай мне всегда через него, как бы в зеркале, видеть (и созерцать) Тебя, Слове, и хорошо (узреть и) уразуметь неизъяснимую красоту Твою, которая, будучи совершенно недомысленна, более чем поражает ум мой, приводит в исступление мысли мои и возжигает в сердце моем огонь любви к Тебе; он же, соделоваясь пламенем Божественного желания, яснее показывает

мне славу Твою, Боже мой. Поклоняясь ей, молю Тебя, Сыне Божий, дай мне и ныне, и в будущем (веке) непрестанно иметь ее и через нее вечно созерцать Тебя – Бога. Не дай мне, Владыко, суетной славы мира сего, ни богатства гибнущего, ни талантов золота, ни высокого престола, ни начальства над этими тленными (вещами); соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, (дабы и я также сделался смиренным и кротким). И если это служение мое я прохожу не к пользе (своей), не к благоугождению Твоему и почитанию, то благоволи (мне) сподобиться его, и оплакивать одни только грехи свои, и иметь попечение об одном праведном суде Твоем и о том, как я буду отвечать (Тебе), много раз Тебя прогневлявший.

Ей, Пастырю сострадательный, добрый и кроткий, хотящий всем верующим в Тебя спастися, помилуй и услыши эту мольбу мою: не прогневайся и не отврати лица (Твоего) от меня, но научи меня исполнять Твою волю. Ибо я не ищу, чтобы была моя воля, но Твоя, дабы и я послужил Тебе, Милостиве. Заклинаю Тебя, помилуй (меня), по естеству милостивый (см. Пс. 85, 15), и сотвори полезное жалкой душе моей, ибо Ты – Бог человеколюбивый, один несозданный, бесконечный, поистине всемогущий, Ты – жизнь всех и свет всех возлюбивших Тебя и Тобою, Человеколюбче, весьма возлюбленных. О, если бы и меня к ним сопричел Ты, Владыко, и соделал общником и сонаследником Твоей Божественной славы! Ибо Тебе подобает слава, Отцу с собез-



начальным Сыном и Божественным Духом во веки веков.

Гимн пятьдесят третий

Моление и молитва преподобного к Богу о (даровании от) Него помощи

Владыко Христе, Владыко Душеспасе, Владыко Боже всех видимых и невидимых сил, как Творец всего, что на небе и превыше неба и всех небес, равно и того, что на земле и под землею, Ты – Господь и Бог и Владыка (всего) этого, Ты в руке Своей содержишь тварь, так как ею объемлешь все. Рука Твоя, Владыко, есть та великая сила, которая, исполняя волю Отца Твоего, производит, соделовает, творит и управляет нашими (делами) неизреченным образом. Итак, она и меня ныне, произведя из небытия, привела к бытию. Я же, родившись, был в этом мире совершенно неведущим Тебя, благого Владыку, Тебя – Создателя моего, Тебя, о Творче мой, и был как бы слепцом в мире и безбожником, не зная Бога моего. Итак, Ты Сам помиловал (меня), посетил и обратил, воссияв мне во тьме светом, и привлек меня к Себе Самому, о Создателю! и, изведши из преисподнейшего рова – тьмы страстей, глубочайшей тьмы похотей и удовольствий житейских, показал мне путь и дал мне вождя, руководствующего к (соблюдению) заповедей Твоих, последуя которому я жил беззаботно и радовался, Слове, неизреченною радостью, видя его последующим стопам Твоим и часто беседу-

ющим с Тобою. И даже видя Тебя, благого Владыку, (непосредственно) сопребывающим с вождем и отцом моим (духовным), я возымел невыразимую, превыше веры и надежды, любовь и желание (к Тебе). Вот я вижу будущее, говорил я, пришло Царство Небесное, и я вижу пред очами своими те блага, коих око не видело и ухо не слышало (см. 1 Кор. 2, 9); имея их, на что еще большее я буду надеяться? или на чем другом я покажу свою веру, ибо иного большего сверх этого не будет? Когда я был в таком (состоянии) и утешался им, Ты взял от земли, увы мне, отца моего, восхитил вождя моего от очей моих, Человеколюбче, и оставил меня одного, совершенно сирым, совершенно одиноким, совершенно лишенным всякой помощи, и предстоятелем, увы мне, и пастырем стада меня, поистине беззащитного странника, Сам поставил, имиже веси судьбами. Поэтому ныне Тебя (только) я умоляю, прошу и, припадая, взываю: не отвратись, не покинь меня и не оставь, о Владыко мой, меня одного. Ты знаешь трудность шествия по пути этому, знаешь неистовство разбойников, (злоумышляющих) против нас, знаешь множество злых зверей; Ты знаешь, Христе мой, немощь мою и неведение, которыми одержим я, как человек. Однако я совершенно не считаю себя и человеком, но далеко отстоящим от людей. Ибо во всем я последний из всех и поистине малейший из всех людей. Излей на меня, прошу, Царю и Боже мой, великую Твою милость, которая да восполнит, Спасителю, лишения и недостатки мои и да соделает меня человеком це-

лым, совершенным, (неповрежденным), не лишенным ничего необходимого, и так да поставит меня пред Тобою, Слове, неосужденным и непорочным рабом Твоим, воспевающим Тебя во веки веков.

Гимн пятьдесят четвертый

Молитва ко Святой Троице

О Отче, Сыне и Душе, Троица Святая,
Благо неисчерпаемое, для всех текущее,
Красота многолюбезная, не имеющая насыщения,
Чрез веру одну и сверх надежды спаси меня.
О Свет Трисиянный, о Троица Пресвятая,
Троица Лицами и Единица существом,
Чрез веру одну и сверх надежды спаси меня.
Источник премудрости, излияние святыни,
Чрез веру одну и сверх надежды спаси меня.
О огнь, очистительный для грехов,
Душу мою очисти от прегрешений,
(Душу мою омой от неведения),
Душу мою исхити от скверн,
Властвуй над помышлениями души моей,
Царствуй над представлениями ума (моего),
Покажи меня всесильным царем над страстями,
Господством ума воссияй в сердце моем,
Освободи от всякого греха,
Просвети и украси, омраченного,
Воззри на меня оком милостивейшим,
(Очисти и удобри потемненного).
О Отче, Сыне и Душе, Троица Святая,
Ты мне подай светоносного Ангела,

Уму помощника, пестуна, защитника,
(Хранителя души моей и тела),
Руководителя, направляющего ко спасению.
Очисти душу мою и плоть,
Ты меня, смертного, соделай освященным,
Ты меня устрани от земного мудрования,
Ты иссуши во мне источники злобы,
Ты мне источи дожди слез.
Ибо Ты – Бог сострадательный, благодетель,
Незлобивый ко всем беззаконновавшим,
Весьма доступный для всех согрешивших
И долготерпеливый ко всем отвергшимся.
Не праведным и освященным,
Не беспорочным и просвещенным
Ты определил спасение искупления.
Ты подал образы покаяния даже и
Мне, нечистому и непотребному,
Мне, лукавому и скверному,
Мне, помраченному и оскверненному.
Ибо я беззаконничал более древних,
Весьма прогневал и раздражил Тебя;
Свыше числа бесчисленных звезд,
Свыше песка морского я согрешил пред Тобою;
Нет (такого) вида зла и лукавства,
Нет постыдной злобы и порока,
Которого я не совершил во всякое время и (на всяком) месте,
Душою, помыслом, словами и делами.
Умножились мои пороки и мерзости,

(Без числа умножились мои злодеяния),
Увеличилось бремя грехов моих, (как бы железное).
Мысленными цепями согбена шея моя,
Неизбежными узами сжато сердце мое,
Я не могу поднять голову,
И нет (мне) ослабления в совести.
Я недостойно взираю на высоту небесную,
Недостойно попираю прах земной,
Недостойно вижу видение смертных,
Недостойно беседуя с ближним.
Ибо я вконец разжег ярость Твою,
Непристойно воспламенил страшный гнев (Твой),
Весьма прогневал и раздражил Тебя,
Соделав пред Тобою всякую мерзость,
Ничего не возжелав из Твоих непорочных желаний
Ничего не возлюбив из Твоих вожделенных судеб,
Ничего не сохранив из Твоих премудрых повелений,
Ничего не удержав из Твоих властных глаголов.
И ныне преклоняю пред Тобою колено сердца моего,
Склоняю главу омраченную,
Склоняю выю непотребную,
Пред благостию Твоею преклоняю выю,
Благости Твоей приношу моление:
Согрешил я, беззаконничал и развратился,
(Согрешил, сотворил неправду и преступил заповеди Твои),
Согрешил, соделал неправду и явился
осужденным, Согрешил, отвергся и не устыдился.
Но умоляю благость Твою,

Но молю незлобие (Твое),
Но упрашиваю крайнее благоутробие,
Но взываю к Тебе: спаси и помилуй меня,
Остави множество грехов моих,
Остави ужасные долги мои,
Остави многие скверны мои,
Остави все мои мерзости,
И не сокруши меня со грехами,
И не умертви меня с беззакониями,
Не восхити меня со злыми помыслами,
Не сожги меня с мерзостями,
Не лиши меня вечных благ,
Не отвергни меня от бессмертной Трапезы,
Не устрани меня от радости святых,
Не лиши меня спасения моего.
И снова подай мне дар крещения —
Монашеский образ, Божественный и великий,
Ибо прежний я осквернил грехами,
Прежний сделал бесполезным мерзостями.
(Даруй мне покаяние, Владыко),
Сподоби Священного Причащения,
Хлеба жизни и чаши Боготочной Крови,
Во изглаждение многих согрешений,
Во избавление, в очищение, во спасение.
В последний же горький час смерти,
Час тяжелый и мучительный,
Час темный и мрачный,
Спаси, сжалься и помилуй меня;
Душу кротко отдели от плоти,

От моей негодной плоти,
Мрачную душу покажи просвещенною
И избави от лукавых бесов.
Все рукописания грехов
И записи долгов моих
Разорви, рассыпь в бездну ада,
Расторгни, испепели, попали до конца.
Пошли тогда кротких и светлых Ангелов,
Отражающих толпы бесов,
Восхищающих душу от наказания,
Сострадательных к душе мучимой,
Возносящих (ее) горе без грехов
К Трисветлому и Единому Царю,
Соединяющих ее со всеми спасаемыми
И сподобляющих радости святых.
В (качестве) посредника приими благость Твою,
Избранной ходатаицей дай мне благодать Твою,
Благостыню, незлобие,
Сострадание и крайнее благоутробие.
Приими вторую Высочайшую Ходатаицу —
Радование мира, Матеродеву-Отроковицу,
Божественную лествицу, одушевленный жезл и престол.
Приими ходатаем молниеблещущий чин:
Престолов, Херувимов и огненных Серафимов,
Господства, Силы, Власти,
Начала, Архангелов и Ангелов.
Приими ходатаем светлого и светоносного
Предтечу Твоего, освященного
Прежде пелен, провозвестника и Богопроповедника,

Прежде Владыки воссиявшего находящимся во тьме.
Приими ходатаями лики святых:
Сонмы пророков, патриархов, отцов,
Апостолов и венценосных мучеников
И всех других светоносных святых.
Приими ходатаицей Марию Египетскую,
Человека от земли, однако же небошественного.
Приими ходатаем Онуфрия Великого,
Обнажившего тело, в Божественную же одежду
Добрых дел облекшегося чудно.
Приими ходатаем Марка Афинянина[28],
Ефрема Сирина[29] и всех святых.
Ибо Ты – Бог сострадательный, благодетель,
Бог, кроткий для законопреступничавших,
Бог, подающий искупление грехов,
Бог, дарствующий всем спасение.
О, если бы же и на мне Ты показал благость (Твою)!
О, если бы и на меня Ты излил токи благоутробия Твоего!
Ибо я законопреступничал более всех,
От самой утробы (матери) и до нынешнего времени.
Спаси меня вопреки достоинству и сверх надежды,
Чрез одну Твою благость и благостыню,

---

[28] Марк Афинянин, иначе Марк Фраческий, подобно Онуфрию Великому, подвизаясь в пустыне, вместо одежды имел власы свои и за необычайно суровые подвиги удостоился и необычайных дарований. Скончался он 130 лет около 400 г. Память Марка Афинянина 5 апреля (ст. ст.).

[29] Все названные в молитве святые, жизнь которых относится к IV веку (за исключением Марии Египетской, жившей в V–VI веке), представляют собою величайших подвижников, главным образом, делателей и учителей покаяния.

Чтобы я благословлял и с любовию величал Тебя,
Дабы благодарил и искренно воспевал;
В будущем же спасительном веке
Чтобы и я благословил благословенного Владыку,
Которого благословляют Силы Небесные
Во все неисчислимые веки.

Гимн пятьдесят пятый

Другая молитва ко Господу нашему Иисусу Христу о Святом Причащении

От скверных уст, от мерзкого сердца,
От нечистого языка, от оскверненной души
Приими моление, Христе мой, и, не отвергнув
Ни слов моих, ни обращений, ни бесстыдства,
Дай мне с дерзновением говорить то, о чем вознамерился я, Христе мой,
Лучше же, научи, что мне должно делать и говорить.
Я согрешил более блудницы, которая, узнав, куда Ты зашел,
Купив миро, смело пришла помазать Ноги Твои,
Христа моего, Владыки и Бога моего.
Как ту не отверг Ты, приступившую от сердца,
(Так) и мною не возгнушайся, Слове, но подай мне Твои ноги
И держать, и целовать, и струею слез,
Как бы драгоценным миром, их дерзновенно помазать.
Омой меня слезами моими, очисти меня ими, Слове,
Остави и грехи мои, и подай мне прощение.
Ты знаешь множество зол (моих), знаешь и язвы мои,
И струпы мои видишь, но и веру (мою) знаешь,
И произволение видишь, и воздыхания слышишь.
Не сокрыта от Тебя, Боже мой, Творче мой,

Искупителю мой, Ни одна капля слез, ни (даже) часть некая капли.
Несоделанное мое видесте очи Твои,
И в Книге Твоей не сделанное еще
Написано у Тебя (см. Пс. 138, 16).
Виждь смирение мое,
Виждь труд мой, сколь велик он, и все грехи
Остави мне, Боже всяческих, дабы я с чистым сердцем,
Трепетною мыслию и с сокрушенною душою
Причастился Пречистых Твоих и Пресвятых Таин,
Чрез которые обожается и оживляется всяк ядущий Тебя и пиющий
От чистого сердца. Ибо Ты, Владыко мой, сказал:
Всяк ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь
Во Мне пребывает, и Аз в нем есмь (см. Ин. 6, 56).
Совершенно истинно это слово Владыки и Бога моего,
Ибо причащающийся Божественной и боготворящей благодати
Отнюдь не один есть, но с Тобою, Христе мой,
Трисолнечным Светом, просвещающим мир.
Итак, да не останусь и я один без Тебя —
Жизнодавца, Дыхания моего, жизни моей, радости моей,
Спасения мира. Поэтому и приступил я к Тебе,
Как видишь, со слезами и сокрушенной душою,
Умоляя (о том, чтобы) получить мне искупление моих грехов
И неосужденно причаститься Твоих жизнеподательных
И непорочных Таин, чтобы Ты пребывал, как сказал,
Со мною, несчастнейшим, дабы обольститель, найдя

меня без
Благодати Твоей, коварно не похитил меня
И, прельстив, не удалил от боготворящих
Твоих слов. Поэтому я припадаю к Тебе и горячо взываю:
Как принял Ты блудного (сына) и блудницу, пришедшую (к Тебе),
Так приими и меня, блудного и распутного, Милостиве.
Ибо, приступая к Тебе ныне с сокрушенною душою,
Я знаю, Спасителю, что (никто) другой не
согрешил пред Тобою так, как я,
Ни деяний таких не соделал, какие я совершил.
Но я знаю также и то, что ни тяжесть преступлений,
Ни множество грехов не превосходят великого
Долготерпения и крайнего человеколюбия
Бога моего. Но горячо кающихся
Ты елеем сострадания
И очищаешь, и просветляешь, и делаешь причастниками света,
Без зависти соделовая (их) общниками Божества Твоего,
И – что чудно для Ангелов и для человеческих умов, —
Часто беседуешь с ними, как с искренними друзьями Твоими.
Это-то и делает меня дерзновенным, это окрыляет меня,
Христе мой, И я, уповая на Твои обильные благодеяния к нам,
Радуясь вместе и трепеща, причащаюсь огня,
Будучи сеном, и – дивное чудо – несказанно орошаем,
Как некогда купина, неопалимо горевшая.
Итак, благодарным умом, благодарным сердцем,

Благодарными членами души и тела моего
Я поклоняюсь, величаю и славлю Тебя, Боже мой,
Как благословенного ныне и вовеки.

Гимн пятьдесят шестой

О том, что каждому из людей Бог дал прирожденное и полезное дарование через Духа Святого, чтобы действовать не так, как сам он желает, но как предопределено от Него, дабы не быть бесполезным среди (членов) Церкви Его

Подобно тому как каждый имеет свой (род) деятельности, но не сам от себя принял (его), а от [всех] нас, конечно; ибо мастер для всякого (дела), какого бы ни пожелал, изготовляет (свое) орудие и искусно действует (им); поэтому нельзя жать нивы лопатою, ни плотничать серпом, ни строить ножом, ни копать пилою, ни шить топором, ни рубить дрова палкою, ни копьем не должно пилить, ни мечом метать, ни луком резать, но каждым (орудием) приспособительно должно пользоваться для каждого (дела); если же ты будешь употреблять их не для того, для чего они сделаны, но иначе, то совершенно погибла жизнь твоя и всякое (твое) действие; таким же образом, пойми меня, и Бог сотворил нас, (чтобы) каждый верный совершал в жизни (свои) дела: одних Он поставил учить, других учиться, иных начальствовать над многими, других же подчиняться им, и одним Он дал премудрость, другим знание и слово, иным (дал) пророчествовать, другим говорить языками, иным творить чудеса и произво-

дить силы, других показал предстоятелями – (все) это духовные (дарования). Но назовем и иные дарования Творца, которые Он дал людям каждому по достоинству: (так), одного Он сотворил крепким по телу, другого же более красивым, а иного с лучшим голосом, чем другие. И вообще каждому из людей Он даровал по достоинству (свой) дар и преимущество, как один Он знает – Бог и Творец всех, неизреченным образом, для полезной деятельности в жизни. Поэтому каждый пригоден не к тому ремеслу, какого сам он желает, но для какого он создан, и к нему он имеет природную способность и свойства. И ты можешь увидеть (как) пловца, искусно переплывающего морские пучины и веселящегося (от этого) гораздо более всадника-ездока на быстром коне, (так) и земледельца, режущего плугом борозды земли и пару рабочих волов считающего гораздо лучшею царской четверни; поэтому он и радуется, утешаясь (своими) благими надеждами. Воин же, наоборот, себя считает выше всех земледельцев и мореплавателей и ремесленников и, как обладающий славою, гордится, идя на заклание и [имея] скончаться безвременною смертью. Поэтому ему совершенно несносно будет ни гресть веслом, ни держать заступ, ни стать плотником, ни корабельщиком, ни земледельцем или землепашцем не пожелает он быть. Но каждый, как я сказал, будет действовать в том (роде) деятельности, который он получил от Бога. Иначе же человек совершенно не может в этой жизни ни сделать что-либо, ни [даже] пожелать начатия (дела). Ибо вот, сно-

ва говорю я тебе, о чем и раньше сказал, как никогда невозможно, чтобы (какое-либо) из всех названных орудий само собою пришло в движение для действия или действовало без руки человека, берущего и изготовляющего им что-либо; так и человек без руки Божественной не может помыслить или сделать что-либо доброе. Ибо и меня (также) Художник Слово устроило, каковым Само пожелало, и поставило в мире.

Итак, скажи, как возмогу я помыслить что-либо, или сделать, или вообще действовать без Божественной силы? Даровавший мне ум, какой, конечно, Он восхотел, Сам дает и мыслить о том, что знает (как) полезное, и подает мне силу действовать, что Ему угодно. Итак, если я сотворю это (последнее), то Он даст, конечно, большее и человеколюбно подаст мудрствовать и о более совершенном. Если же я пренебрегу и этим самым, немногим, то поистине праведно лишусь вверенного мне от Бога-Подателя и сделаюсь бездейственным и негодным орудием, как не восхотевший творить заповеди Творца, но предавшийся лености и нерадению. Потому и отвержен я от рук Владыки, ибо, вкусив непослушания к Нему и непокорности, я изгнан из истинного рая, став далеким от Бога и от рук святых.

Итак, найдя меня лежащим и всего предавшимся бездействию в добре, вселукавый змей льстиво соделал (меня) непотребным через всякие бесчестные дела, которыми я услаждался, казалось, и радовался, вместо чего мне должно было бы печалиться, плакать и рыдать, так как я доб-

ровольно, несчастный, отступил от того, для чего я создан действовать, и самопроизвольно предал себя всему противоестественному, впав несчастнейшим образом в скверные руки врага, которым я всецело и держим, и движим, не будучи в состоянии, жалкий, противиться ему. Ибо как бы я мог противиться, будучи мертвым? Хитро обольщенный, я, несчастный, сделался органом всякого порока, всякого беззакония и искусным орудием злого делания. Ибо, держа меня в руке и сильно влеча, он (змей) осквернил меня злодеяниями и всевозможными нечистотами, ввергнув меня в острые зловония и заставив, о бесчувствие, увеселяться ими: хищениями, завистью и неправедными смертоубийствами, ругательствами, гневом и, говоря кратко, – во всяком виде порока он нашел меня действующим, лучше же, сам воспользовался мною, хотя и не хотел я. С тех пор ведь, как я добровольно отвергся руки Бога и святых Его, меня похитил страшный князь-душетлитель и держал меня в руке своей, и, несмотря на то, что я хотел, не мог более не совершать (дел) его, но действовал по всем его желаниям. Ибо меч не может противоречить держащему, но где ни пожелает держащий, (там) и пользуется им.

Сотворивший же меня Бог, призрев свыше и увидев меня держимым в руке тирана, сжалился и исхитил меня из руки его, и снова ввел в Божественный рай, в виноградник Свой, и предал меня в руки земледельцев – святых, чтобы я совершал Божественные (дела), возделывал добродетели, хранил

заповеди и не двигался без руки святых, дабы делатель зла, снова найдя меня пребывающим вне святой руки (Божией), не похитил и опять не заставил меня совершать (дела) его. Итак, те добрые и сострадательные земледельцы, восприняв меня и взяв в свои руки всю мою волю, повелели мне немедленно упражняться в смирении и покаянии и непрестанно плакать. Ибо хранящие, чадо, сказали они мне, эти три (добродетели) и пребывающие в добром их делании вскоре, как бы не замечая, возводятся к славе, очищению, бесстрастию и Божественному созерцанию, и не бывают более улавливаемы руками ненавистника, но получают от Бога прощение всех грехов и вместе всех согрешений, и таким образом соделоваются сынами Вышнего и Богами по благодати и благопотребными орудиями, совершающими всякое добро; лучше же (сказать), Божественные земледельцы наставляют и других на деяния поистине благие, на дела спасения.

Поверив им, послушайте все, и сотворив, и в руки этих земледельцев и рабов Божиих по повелению Его всего себя предав, я нашел все (это) непреложно сбывшимся на мне, и изумился, и кричу всем, громогласно взывая, и увещевая, и говоря (ибо я не могу погребсти этого молчанием): те, которые чувствуете, что находитесь вне рук Божиих и святых Его, бегите, поспешите и прилепитесь к ним нерасторжимо верою и горячею любовию, и всецелым произволением, отбросьте всякое мудрование и свою волю, и в руки их предайте души свои, как бездушные орудия, помимо их ничего со-

вершенно не творя, не двигаясь и не действуя. Мудрование же их да будет вашим (мудрованием), а также и святая воля их да исполняется вами, как воля Божия. И таким образом, пройдя кратким и совершенно непреткновенным путем, вы будете друзьями Бога Вышнего и в немного дней сделаетесь наследниками Царства Небесного и неизреченных благ. Ибо вместе с тем, как взойдете на этот правый путь, вы будете сопричислены ко всем святым, и Он всех вас соделает блаженными.

И обо мне, более всех смертных согрешившем и прошедшем этим жестким, узким, кратким и безопасным путем, изводящим на широту жизни вечной, как показавшем вам (его), помолитесь все, доброхотно пожелавшие шествовать по нему и ревностно следовать по стопам Христа, дабы и я, и вы оказались непорочно ходящими им до конца жизни; да и те (также), которые желают увидеть Христа, – дабы вместе, с радостью оставив тела, пошли мы к тамошнему покою и к райскому простору и явились наследниками той жизни. И, неразлучные с Богом и всеми святыми во Христе – Единородном Сыне и Боге Слове, с Божественным Духом, мы пребудем со Святой Троицей ныне и всегда и во все веки веков. Аминь.

Гимн пятьдесят седьмой

О том, что смерть касается и более крепких по природе

Изумительную новость услыхал я:
Природа невещественная, крепчайшая камня,
Равная (так) называемому адаманту, поддалась.
Тот, кого не укрощал ни огонь, ни железо,
Сделался воском, быв сплетен со свинцом.
Теперь я верю, что малая капля воды
От времени долбит крепость камня;
И поистине (нет) ничего неизменного в жизни.
Да не подумает кто-либо отсюда, что я обольщаю.
Горе тому, кто смотрит на скоротечные (блага) сей жизни
Как на удержимые и услаждается ими;
Он убедится в том, в чем и я, несчастный.
Ночь разлучила меня от сладчайшего брата,
Прервав нераздельный свет (нашей) любви.

Гимн пятьдесят восьмой

Как этот Божественный отец, видя славу Божию, был действуем Святым Духом. И о том, что Божество находится внутри и вне всего (мира), но Оно и уловимо и неуловимо для достойных; и что мы – дом Давидов; и что Христос и Бог, соделовающийся многими нашими членами, есть Один и Тот же и пребывает нераздельным и неизменным

Когда Ты открываешь Себя, Владыко всяческих, и яснее показываешь славу лица Твоего, я весь трепещу, созерцая Тебя вверху, насколько доступно мне, низкому по природе, и, объятый страхом и изумлением, говорю: все Твое, Боже мой, превосходит мое понимание, ибо я нечист и совершенно недостоин взирать на Тебя, чистого и Святого Владыку, Которого боятся Ангелы и с трепетом служат (Ему) и от лица Которого трясется (и трепещет) вся тварь. Когда же, сказав это, я сомкну очи, то есть долу обращу ум свой, не будучи в состоянии видеть или созерцать непокровенного Твоего зрака, тогда плачу, лишаясь красоты Твоей, Боже мой, и не вынося удаления от Тебя, единого Человеколюбца. Ты же плачущего и рыдающего всего меня, о диво, озаряешь (светом), и я поражаюсь и еще более плачу, дивясь благоутробию Твоему ко мне, блудному. Тогда, видя великое небла-

гообразие тела (своего) и недостоинство жалкой души моей (и пораженный умом от этого созерцания, я восклицаю:) кто я, о Боже и Творче всего, и что я сделал вообще доброе в жизни или какую заповедь Твою я когда-либо вполне сотворил, что Ты прославляешь меня, презренного, такою славою? И почему или ради чего Ты удостоил меня, жалкого, днем и ночью озарять таким (светом)? В самом деле, жаждал ли я когда-либо, ища Тебя, Царю мой? злопострадал ли через законы Твоих заповедей? потерпел ли искушения и бичевания, как все претерпевшие это святые от века, чтобы и меня, Христе, сопричислив к ним, спас Ты, не без дел ведь Ты сопричтешь (к ним) и спасешь меня? Хотя и весьма человеколюбив Ты, как Создатель людей, (однако) я слышу Иакова, говорящего, что вера без дел мертва (см. Иак. 2, 20), и трепещу наказания, ожидающего, без сомнения, там меня – презренного (человечка). Итак, каким образом, Владыко, я могу надеяться, как верный, быть причтенным к тем, которые прежде поработали (Тебе), когда я ни одной Твоей заповеди никогда не соблюл? Но я знаю, что Ты все можешь, все делаешь, что хочешь: Ты и последним, Владыко, даешь, как и первым, и, (что особенно) дивно – сперва последним из этих первых [то есть из последних]. Когда я говорю Тебе это, Творцу мира, прежде вверху являющемуся, и некогда сокрытому от меня, и после всего меня окружающему лучами, внезапно усматриваю всего Тебя во мне, Того, Который прежде являлся вверху, но снова скрылся, подобно тому как

солнце, (покрытое более тонкими) облаками, сокращает лучи. Как оно доступно тогда для видящих и словно лучше видится для всех, так и Ты, неприступный, бываешь доступен мне, сокрывшись внутри меня, бывая видим, как знаешь Ты, для моих умных очей, мало-помалу возрастая, все яснее являясь и все более блистая. В другой же раз Ты снова для меня совершенно неприступен. Поэтому и величаю я непостижимость Твою и благость Твою и громогласно взываю к Тебе: слава прославившему так естество наше, слава безмерному снисхождению Твоему, Спасе, слава могуществу Твоему, слава благоутробию, слава Тебе, что, пребывая непреложным и неизменным, Ты весь недвижим, (хотя) и присно-движен, весь вне твари, но весь и во всей твари, весь наполняешь все, будучи весь и вне всего; Ты – превыше всего, Владыко, превыше всякого начала, превыше всякой сущности, превыше естества природы, превыше всех веков, превыше всякого света, Спасителю, превыше умных существ, потому что и они суть Твое, лучше же – мысли Твоей дело. Ведь Ты – ничто из всего, но превысший всего; ибо Ты – причина существующего как Творец всего. И потому Ты отделен от всего, мыслимый где-то вверху, превыше всего существующего, невидимый, неприступный, неуловимый, неприкосновенный и, будучи непостижим, пребываешь неизменным. Являясь же совершенно простым, Ты, (однако, весь) разновиден; и вообще ум (мой) не может уразуметь разнообразия славы и великолепия красоты Твоей.

Итак, не будучи ничем из всего, как превысший всего, Ты, Который находишься вне всего, как Бог всего, невидимый, неприступный, неуловимый и неприкосновенный, Ты Сам соделался смертным, вошел в мир и для всех явился доступным через восприятие плоти. Ты (даже) познан был смертными во славе Божества (Твоего), и, совершенно неуловимый, сделался уловимым для них, и, для всех невидимый, весь был видим (ими), и они видели славу Божественного Божества Твоего; одни верные – (видели) и видят; все же неверные, увидев Тебя – Свет мира, остались слепыми. Итак, верные и тогда и теперь – всегда Тебя видят и имеют с собою, Тебя – Творца всяческих, сопребывающего и обитающего (с ними) во тьме сей жизни, как солнце неприступное, как неугасимый светильник, который совершенно не объемлешься тьмою, но всегда просвещаешь видящих Тебя. А так как Ты находишься, как сказано, вне всего, то и тех, которых просвещаешь, Ты делаешь вне видимого; и подобно тому, как Ты, пребывая там вверху со Отцом Твоим, несомненно, и с нами весь Сам находишься, и, будучи опять в мире, невместим для мира, ибо, находясь Сам во всем, Ты являешься превыше всего; так и нас, рабов Твоих, находящихся среди чувственных и видимых (вещей), Ты изводишь и, осияваемых светом Твоим, (всецело) совозносишь с Собою горе, и делаешь из смертных бессмертными; и мы, оставаясь тем, чем и были, делаемся по благодати Твоей сынами, подобными Тебе, и Богами, видящими Бога. Итак, кто не прибегнет

к Тебе, единому Человеколюбцу? кто не последует Тебе? кто из любви не скажет: вот, бросив все, мы последуем Тебе, сострадательному, кроткому и благоутробному Владыке, всегда ожидающему нашего обращения и не хотящему смерти согрешивших Тебе (см. Иез. 33, 11), (Который) и ныне совершаешь в нас страшное, о чем слыша (как) имеющем быть некогда в доме Давидовом, мы дивимся, что бы это могло быть? Дом Давидов – это мы, как сродники его, (Давида), ибо Сам Ты, Творец всего, сделался сыном его, мы же – сыны Твои по благодати. Ты сродник наш по плоти, а мы (Твои) – по Божеству Твоему. Ибо, восприняв плоть, Ты дал нам Божественного Духа, и мы все вместе стали единым домом Давидовым по свойству Твоему и по родству к Тебе. Итак, Ты Господь Давида (по Духу), а мы все (сыны Давида), Твое Божественное семя. Соединяясь же, мы делаемся единым домом, то есть все мы сродники, все мы братья Твои. И как не страшное чудо? или как не содрогнется всяк, размышляющий об этом и взвешивающий это, что Ты пребываешь с нами ныне и вовеки, и делаешь каждого жилищем, и обитаешь во всех, и Сам являешься жилищем для всех, и мы обитаем в Тебе: каждый из нас в отдельности с Тобою, Спасителю, весь со всем, и Ты (взаимно) с каждым в отдельности, один с одним находишься, и превыше нас весь пребываешь единым? Итак, Ты и ныне совершаешь в нас все ужасное. Что же ужасное? – выслушайте немногое из многого. И хотя все то, о чем мы сказали (доселе), более чем изумительно, однако

послушай теперь и об еще более ужасном, чем то.

Мы делаемся членами Христовыми, а Христос нашими членами. И рука (у меня), несчастнейшего, и нога моя – Христос. Я же, жалкий – и рука Христова, и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя есть весь Христос, ибо Божественное Божество, согласись со мною, нераздельно; двигаю ногою, и вот она блистает, как и Он. Не скажи, что я богохульствую, но приими это и поклонись Христу, таковым тебя содевающему. Ибо если и ты пожелаешь, то сделаешься членом Его. И таким образом все члены каждого из нас в отдельности сделаются членами Христовыми и Христос – нашими членами; и все неблагообразные (члены) Он сделает благообразными, украшая их красотою и славою Божества (Своего); и мы вместе (с тем) сделаемся Богами, сопребывающими с Богом, совершенно не усматривая неблагообразия в теле (своем), но все уподобившись всему телу – Христу, а каждый из нас – член (Его), весь Христос есть.

Итак, узнав, что таковы все, ты не устрашился или не постыдился [признать], что и палец мой – Христос, и детородный член? – Но Бог не устыдился сделаться подобным тебе, а ты стыдишься стать подобным Ему? – Не Ему подобным стыжусь я сделаться, но чтобы Он (стал) подобным постыдному члену; я заподозрил, что ты изрек хулу. – Худо, следовательно, ты понял [меня], ибо не это – постыдное[30]. Члены

---

[30] Об этом и Павел говорит: *Взем ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи?* (1 Кор. 6, 15). Ибо никто другим членом не соединяется с блудницею. И так

Христовы суть и скрытые (члены), ибо они бывают покрываемы; и потому они важнее прочих (см. 1 Кор. 12, 22–24) как незримые для всех, сокрытые члены Сокровенного, от Которого в Божественном сочетании дается и семя Божественное, ужасно вообразившееся в Божественный образ, (дается) от Самого Божества, ибо (от) всего (Божества) весь Бог Тот, Кто соединяется с нами, о, страшное таинство! и поистине бывает брак, неизреченный и Божественный. Он сочетавается, снова скажу я об этом, с каждым в отдельности, и каждый по причине удовольствия соединяется со Владыкою. Итак, если ты облекся во всего Христа всею своею плотию,

---

как Христос был совершенным человеком, как и совершенным Богом, то, имея и эти члены, Он удостоил (их) нетления и обожения через самое соединение и общение. И те, которые от Святого Крещения облеклись во Христа и сохранили образ (Божий) или возвратили его через покаяние, имеют эти члены, детородный уд, говорю, и ятра, мертвыми для греха, через животворную мертвость, и самих удостоенными Божественного естества и названными членами Христовыми. Усмотрев эту славу в себе самом и увидев всего себя всецело обоженным, святой (отец) открывает неизреченное соединение Бога с верными людьми, бывающее по причине крайней любви Божией к ним, о котором, продолжая (речь), он говорит: «Итак, если ты облекся во всего Христа всею своею плотию, то ты без стыда будешь помышлять о всем том, о чем говорю я». И так как верные всею плотью облекаются во всего Христа, то святые не живут более во плоти, но в духе, *понеже Дух Божий* [по словам апостола Павла] *живет в вас… Аще же Христос в вас, плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради* (Рим. 8, 9-10). Поэтому *всяк, иже в Нем пребывает, не согрешает,* как говорит возлюбленный (ученик) (1 Ин. 3, 6), и он не плоть есть, но один дух со Христом. Ибо подобно тому, как прилепляющийся жене есть одна плоть с нею, как говорит Павел, так и *прилепляяйся Господеви един дух есть* с Ним (см. 1 Кор. 6, 16–17).Это примечание, переведенное с греческого, взято из копии Патмосской рукописи, где оно в виде схолии помещено наряду с текстом гимна.

то ты без стыда будешь помышлять о всем том, о чем говорю я. Если же вовсе нет, или ты душою своею (только) облекся в малый покров пречистого хитона, Христа, говорю, то все прочие члены, будучи в ветхом одеянии, в одном, конечно, месте, и стыдятся. Имея же совершенно нечистое тело или, лучше – облекшись в нечистое, как ты не будешь краснеть? Когда я говорю это ужасное о святых членах, и вижу великую славу, и просвещаюсь умом, когда (даже) и плоть (моя) несмысленная радуется; ты видишь свою плоть оскверненною, припоминаешь свои непристойные деяния, и ум твой, как червь, всегда пресмыкается в них. Потому ты и приписываешь Христу и мне стыд и говоришь: не стыдно ли тебе [говорить] о постыдном, лучше же – низводить Христа в постыдные члены? Я же снова говорю тебе: усмотри Христа и в (женских) ложеснах и помысли о том, что в ложеснах, и о Том, Кто вышел из ложесн, (которые) прошел и Бог мой, изойдя оттуда. И что бы ты мог найти еще большее сверх того, о чем я сказал, что воспринял и Он к нашей славе, дабы, подражая Ему, никто не стыдился, ни говоря о том, что Он претерпел, ни сам (то) претерпевая? Он был весь человек и поистине весь Бог; Он един, неразделен, всеконечно совершенный человек, и Он же Самый и Бог есть, весь во всех членах. Так было и ныне (бывает) в последние времена.

Святой Симеон Благоговейный, Студит, (вот) он не стыдился членов всякого человека, (не стыдился) ни видеть некоторых обнаженными, ни (сам) быть видимым обнажен-

ным. Ибо он имел всего Христа и сам весь был Христом, и все свои члены и члены всякого другого, по одному и все (вместе), он всегда созерцал, как Христа, и оставался недвижимым, невредимым и бесстрастным, как сам будучи всецело Христом, (так) и усматривая Христа во всех крестившихся и облекшихся во всего Христа. Если же ты, будучи нагим, (когда) плоть (твоя) прикоснется к плоти, делаешься женонеистовым, как осел или как конь, то зачем дерзаешь клеветать на святого и изрекаешь хулу на Христа, соединившегося с нами и давшего бесстрастие святым рабам Своим? И в самом деле, Он бывает Женихом, (как) слышишь ты повседневно, а невестами – души всех тех, с которыми соединяется Творец, и они с Ним взаимно, и (тогда) происходит брак. Сочетаваясь с ними духовно, богоприлично, Он отнюдь не растлевает (их), да не будет, но если и растленными воспринял и соединился с ними, то немедленно делает (их) нетленными. И они, видя прежде оскверненное растлением все святым, нетленным и совершенно исцеленным, прославляют Благоутробного, возлюбляют Прекрасного и всецелою любовию все прилепляются к Нему; лучше же, восприняв святое семя, как мы сказали, они внутри себя имеют всего вообразившегося Бога. Что же, не истина ли это, отцы? не право ли изрекли мы о Божественных вещах? не подлинное ли [учение] Писаний я бесспорно поведал?

Итак, если Ты облекся в срамоту плоти Твоей, ни ума не обнажившись, ни души не совлекшись, (если) Ты, покрытый

тьмою, не мог видеть света, то что я сотворю Тебе? как выкажу Тебе благоговение? как, увы мне, введу (Тебя) в дом Давидов? Ибо он неприступен для нерадивых, как я, весь невидим для слепых, подобных мне, совершенно далек от неверных и ленивых, далек от всех злых, от всех миролюбцев, от тщеславных же он так несравненно удален, как (если бы был) превыше высоты небесной или глубже глубины бездны. Да и кто вообще или каким образом взыдет на небо? или снидет под землю, (чтобы) исследовать бездны? и как, взыскав, возмогу я найти жемчужину, малейшую, как горчичное зерно? Но, о чада, соберитесь, о матери, приидите, о отцы, предварите, прежде чем не придет конец; и со мною все восплачьте и возрыдайте о том, что, восприняв малыми Бога в крещении, лучше же – младенцами соделавшись сынами Божиими, мы, согрешив, вскоре были извержены вне, из дома Давидова, не восчувствовав этого; и потечем через покаяние, ибо через него вступают все изверженные; иначе же невозможно ни войти внутрь, не заблуждайтесь, ни видеть того, что в нем совершилось, и ныне совершается, и в бесконечные веки, во Христе, Боге моем, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и вовеки. Аминь.

Гимн пятьдесят девятый

Послание к монаху, вопрошавшему (святого отца): как ты отделяешь Сына от Отца, мыслию или делом? В нем найдешь богатство богословия, опровергающего его (вопрошателя) хуление

Ты воссиял и явил свет славы (Твоей),
Неприступный свет существа Твоего, Спасе,
И просветил омраченную душу,
Лучше же, ту, которая есть тьма от греха,
Как потерявшую природную красоту,
И как бы из ада возвел лежащую,
И дал увидеть свет Божественного дня,
И озаряться лучами Солнца,
И самой сделаться светом, о, великое чудо!
[Чему] не верят не презревшие
Славы человеческой, как Ты заповедал.
Ибо они не вкусили Божественной славы,
Которую Ты, Боже мой, дал и ныне даешь
Тем, которые от души и всецелым произволением
Взыскали Тебя – вечную славу,
Тебя, воистину Бога прославленного,
Увидеть Которого не дано громкой славе.
Удостоившийся же всегда видеть Тебя
Достиг, конечно, ангельского достоинства,
Хотя и связан по природе плотью.

Если же и Ты восхотел пребывать у него,
Не предпочтя остаться в Себе,
То Ты исполнил Твое Домостроительство,
Соделав тленного подобным Тебе
Богом, Ты – Бог пребезначальный,
Сопребывающий естеством с Богом собезначальным,
Сыном и Словом, рожденным от Тебя,
Который не мыслию отделяется от Тебя,
Но делом неотделим от Тебя.
Если же и отделяется Он, то не естеством,
А скорее Ипостасию, или Лицом;
Ибо делом – [свойственно говорить] нечестивым и безбожным,
Мыслию же – совершенно омраченным.
В самом деле, (если) ум имеет слово, рождающееся
Непрестанно, конечно, то как же оно отделено?
Если же Оно (Бог Слово) действительно рождается и происходит,
То и отделено, в ипостасном Слове,
Но и пребывает внутри Родившего,
То есть внутри Отчего лона, должно думать,
И проходит чрез весь мир, И все-все наполняет без Отца,
И с Отцом Само все находится;
Переходит же Оно, конечно, действиями,
И перехождение (Его) мыслится чрез озарение.
Ты слышал ведь, что Оно и ходит, и пребывает [на месте],
И отвращает лицо, и обращает,
Нисходит и опять восходит,
Приходит и обратно улетает,

И многое другое, (касающееся) Божественного действия,
Возвещают все Божественные Писания,
Что изрек Всесвятой Дух,
Неизреченно исшедший от Отца
И чрез Сына ниспосланный людям:
Не неверным, не славолюбцам,
Не риторам, не философам,
Не тем, которые изучили эллинские сочинения,
Не тем, которые прочли внешние писания,
Не тем, которые упражнялись в сценических представлениях,
Не тем, которые говорят много и красно,
Не тем, которые произносят великие имена,
Не тем, которые приобрели дружбу славных,
Не тем, которые содействовали действовавшим бесчестно,
Не тем, которые приглашают и приглашаемы бывают,
Не тем, которые потешают и потешаются;
Но нищим духом и жизнью, Чистым сердцем и телом,
Стяжавшим простое слово и еще более простую
Жизнь и простейший образ мыслей,
Бегающим славы, как огня гееннского,
И от души ненавидящим льстецов,
Ибо Дух не принимает лести
И не выносит слышать о том, чего нет;
Взирающим на одну только славу души
И на спасение всех братий
И (даже) в малом сердечном движении
Не питающим сочувствия к чему-либо мирскому,

К похвалам, например, или славе человеческой,
Или всякому другому удовольствию или страсти.
Ибо они мертвы, смиренны духом и сердцем,
Кротки и ревнители о Господе.
Они нечестивы для нечестивых
И благоухание жизни для избранников Господних.
Они (даже) и блудники для блудных сердцем
И равноангельные для девственных душою.
Они и среди славы смиренны,
И в бедности славны,
Они нищету считают как бы царством
И царство как бы нищетою.
Они, вкушая (пищу), находятся в воздержании
И, постясь, насыщаются всяким видом (ее).
Они не снисходят к неправде
И не могут презреть угнетенного
И притесняемого богатыми.
Они не стыдятся лица человеческого,
Ибо видят лицо Господне.
Они не смягчаются сердцем чрез дары
И не презирают закона справедливости,
Ибо имеют неотъемлемое богатство
И все, что в мире, считают как бы навозом.
Имея учителем Духа, они
Не нуждаются в научении от людей,
Но, озаряемые светом Его,
Созерцают Сына, видят Отца
И поклоняются Троице Лицами,
Единому Богу, соединенному естеством несказанно.

От Отца же опять они тайно научаются,
Что Сын рождается нераздельно, как Он один знает.
Я же не могу изречь (этого), ибо если бы мог,
То слово, конечно, могло бы выразить то, что превыше слова и ума,
И все то, что вверху, стало бы внизу.
Ибо если бы тварь изучила Творца
И всего уразумела, каков Он,
И могла высказать словом и написать,
То дело стало бы лучше Делателя.
Оставь, человек, содрогнись, смертный по природе,
И помысли, что ты произведен из небытия
И, вышедши из матерней утробы,
Увидел мир, произведенный прежде тебя.
И если ты можешь познать высоту неба
Или показать, какова сущность Солнца, луны и звезд,
Где они утверждены и как совершают течение,
Будучи бездушными и бесчувственно двигаясь;
Или если бы ты узнал границу и меру, широту
и величину Самой земли, из которой сам ты взят,
И на чем она ходит,
И что это опять такое, или где оно совершает свой ход;
Если бы ты познал (все) это и для каждого в отдельности нашел предел;
И если бы ты исчислил песок морской,
И мог распознать природу себя самого,
И изъяснить это дело премудрости [Божией];
Тогда ты уразумел бы и Самого Творца,
Как в Троице – Единица неслиянно,

И в Единице – Троица нераздельно.
Взыщи Духа, будь вне мира,
Не дай очам сна совершенно
И не заботься о настоящей жизни,
Плачь и рыдай о том времени, которое ты потерял;
Быть может, ты умолишь Бога, и Он даст (тебе),
Как прежде дал видеть мир
И солнце и дневной свет,
Так и ныне сподобит озарить,
И показать тебе умный мир,
И просветить тебя Трисолнечным Светом.
Когда же его ты увидишь, тогда познаешь и то, о чем говорю я,
Тогда уразумеешь благодать Духа,
Что Он, и отсутствуя, присутствует силою,
И, присутствуя, невидим в Божественном естестве,
Но и везде есть, и нигде.
Ибо если станешь искать, чтобы чувственно увидеть Его,
То где ты найдешь (Его)? – нигде, конечно, должен сказать ты.
Если же возможешь умно прозреть,
Лучше же – (когда) Он озарит ум твой
И откроет зеницы сердца твоего,
Тогда ты не будешь отрицать, что Он везде есть,
Но чрез Него ты всему научишься,
Хотя бы ты был неученым и простецом.
Если же ты не познал, что око
Ума твоего отверсто и увидело свет,
И не ощутил еще Божественной сладости;

Если не просвещен ты Божественным Духом,
Если не плакал беспечальными слезами,
Если не увидел, что ум твой омыт,
И не познал, что сердце твое очищено
И просияло светлыми отблесками;
И (если) нежданно не нашел ты Христа внутри себя,
И не пришел в изумление, увидев
Божественную красоту,
И не забыл человеческой природы,
Всего себя видя измененным;
То как, скажи, не трепещешь ты говорить о Боге?
Как, будучи сам весь плотию
И не соделавшись еще духом, как Павел,
Смеешь философствовать или говорить о Духе,
Который, (как) слышишь ты, не обитает в таковых,
Как и Слово, потому что они суть плоть (см. Быт. 6, 3)?
Написал же я это для того, чтобы ты знал, как я верую,
И если пожелаешь ты, то поверишь мне и опечалишься.
Ибо поистине если ты не имеешь того сокровища,
Которого мир не может вместить,
Если ты не получил еще славу рыбарей,
Приявшие которую поистине восприняли Бога;
То оставишь мир и то, что в мире,
И, вскочив на ноги, потечешь, прежде чем не заключатся
Для тебя врата жизни и здешнего зрелища,
И окончится праздник сей жизни,
И омрачится солнце и звезды,
И прейдет земля, и отверзется ад,
И наступит всякая тьма и хаос.

И тогда узнаешь ты, любезная душа, и изведаешь,
Что не имеющие Божественного Духа,
Светящего в уме наподобие светильника
И обитающего в сердце неизъяснимо,
Отсылаются в вечную тьму. Ибо и Дух есть Господь,
И Бог Отец Господа – Дух, Один, конечно,
Дух, ибо Он не разделяется.
Имеющий Его поистине имеет Трех,
Но неслиянно, хотя и нераздельно.
Ибо есть Отец, и как Он будет Сыном,
Ведь Он по существу нерожденный?
Есть и Сын, и как Он сделается Духом?
Дух же есть Дух, и как Он явится Отцом?
Отец есть Отец, потому что всегда
Он – Родитель. Как же бывает это вечное рождение,
Что (Сын) совершенно не отделяется от Отца
И весь происходит неизъяснимо,
Всегда пребывая в Отчем лоне
И всегда происходя неизреченно?
Сын вечно видится в Отце:
Родившись, Он пребывает неразлучным, Происходя,
Он не отделяется от корня;
Но и отдельно является нераздельным,
И будучи соединен весь с Отцом живым,
И Сам есть Жизнь, доставляя всем жизнь.
Что есть Отец, То и Сын, И Что Сын,
То и Отец также. Видя Сына, я вижу и Отца,
Равно и Отец видится с Сыном;
Однако один рождает, другой же рождается,

И отдельно от Отца есть То, Что Он есть.
Что же Он есть, скажи и изъясни всем людям?
Бог безначальный, как и Творец всех, Так как Он был и будет
Богом, равным Отцу по существу, и по естеству,
И по власти, и по образу воистину, и по виду,
И по времени Он еще не был без Отца.
Как Он происходит? – как слово из ума.
Как отделяется? – как голос от слова.
Как Он воплотился? – как слово написанное.
Быв низведен от вышних к нижним,
Я опечалился чрез себя самого
И оплакивал род человеческий;
Так как, ища необычайных доказательств,
[Люди] приводят человеческие
Понятия и вещи и слова
И думают, что изображают Божественное естество,
То естество, которого никто ни из Ангелов, ни из людей
Не мог ни увидеть, ни наименовать.
И в самом деле, чем можно было бы назвать
Творца всех? Ведь имена и вещи и слова —
Все произошло по повелению Бога.
Ибо и имена положил Он делам (Своим),
Каждой вещи свое название;
Не всем же – Сам, но дал, чтобы и твари
В свою очередь (своим) делам полагали имена:
И одна другую и называет, и называема бывает.
Его же имя нам еще не известно,
Кроме (имени) Сущий неизреченный Бог, как сказал Он

(см. Исх. 3, 14).
Итак, если Он неизреченен, если не имеет имени;
Если невидим, если сокровен;
Если неприступен, если один Он превыше слова,
Превыше представления не только человеческого,
Но и – невещественных умов;
Ибо Он положил тьму покровом (Своим) (см. Пс. 17, 12),
И потому все прочее находится во тьме,
И один только Он, как свет, вне тьмы;
То как ты вводишь о Нем понятие
Или ты делом увидел отделенного?
Откуда же и как прошел ты чрез тьму,
Один отделившись от всех тварей?
Если же это не свойственно тебе, но другому,
То, удивляюсь, кому же? – спрашиваю тебя, чтобы научиться,
Ангелу или кому-либо другому из невещественных [умов]?
Да и не читал ли ты, что и лица,
И ноги они имеют покровенными
Благоговейно и прилично Божественными крылами?
Если эти некие крылья ты будешь понимать
Не (иначе, как) покров от неприступной славы,
Ибо не естество (Божие) они видят, но славу славы;
То какому же человеку – посмеешь сказать ты? —
Иоанну или великому Павлу?
Но один взывает и всем проповедует,
Что ремня одного или ремешка
Обуви он не может развязать (см. Лк. 3, 16).

Другой же, когда взошел на третье небо
И после того взят был в рай,
Не сказал ли тебе одному чего-либо частным образом,
Что ты скрыл и ныне желаешь возвестить?
Ибо мы не слыхали, чтобы и он
Что-либо сообщил об этом письменно,
Но и он громогласно говорит:
Я слышал глаголы, которых не могу изречь (см. 2 Кор. 12, 4);
Обитает же Бог в неприступном свете (см. 1 Тим. 6, 16).
Итак, Иоанн не развязывает ремня
И недостоин развязать ремешка одного,
Павел не мог изъяснить глаголов,
Которые он слышал, называя их неизреченными;
Кто же [после этого] исследовал так Бога
И остался неопалимым от неприступного света?
И, проникнув в это обиталище [Бога],
Узрел самое естество Владыки,
Чтобы нечто большее Иоанна и Павла
Дерзнул он, несчастный, сказать?
Ибо кто не содрогнется и кто не восплачет
Об ослеплении и омрачении ныне говорящих
И вводящих новую и поистине странную ересь,
Низвергающую в одну пропасть всех,
Вопрошающих и вопрошаемых?
Ибо мыслию ли они отделяют Слово
Или делом – зломудренно заблуждаются,
С той и другой стороны попадая в ересь.
Ведь (отделять) делом – значит рассекать

Слово (от Отца), Мыслию же – наоборот, сливать Его,
Как бы Оно совершенно не отделялось.
Содрогнись, человече, познай себя самого,
Поведай о себе, поведай, если уж хочешь нечто (поведать);
Быть может, и ты, как Давид, воззовешь,
Говоря: дивна для меня премудрость Твоя
И ведение Твое, Боже мой (см. Пс. 138, 6).
Ей, оставь любопытство, Отложи богохульные слова
И скажи прежде, как нам спастись;
Затем скажи, как сам ты спасся,
Чтобы не оказалось, что ты учишь нас (только) словом,
Но и делом показываешь усерднейшими,
Если ты не намерен самого себя наказать
И осудить, как не делавший того, о чем
говоришь, И чрез то стать выше слов,
Как никогда не положивший таковыми начала.
Положи сперва камень в основание,
Ибо на воздухе не строится здание.
Сотвори заповеди Христа – Камня,
Строителя Божественной Церкви
Новых людей – словесных овец.
Сделай и скажи, созидая на этом Камне,
Лучше же – сам созидайся на Камне.
Он да будет для тебя и Пастырем,
И Архитектором, и основанием жизни.
Какая нужда в кровле прежде основания?
Сперва основание, и тогда кровля:
Делание с познанием, и [только] таким образом

созерцание.
Как прежде сбора винограда хочешь ты пить вино?
Оно не вмещается в ветхом мешке.
Как прежде посева думаешь ты собирать снопы
И другим сообщать пустоту?
Если хочешь, иди, не уклоняясь от пути,
Но научись глубине судеб
Человеческих, как одни счастливо живут,
И, без сомнения, злые и не ведущие Бога,
А другие несчастны, знающие Бога
И Богом одним знаемые; Одни бедны и, вероятно, неблагодарны,
Другие же несут нищету с благодарностью,
А иные и богаты, и злобно непризнательны;
Иные же, похищая и поступая несправедливо,
Думают, что Богу служат чрез это,
И многое другое, что видишь ты повседневно,
Что смертные делают и, наоборот, переносят;
И Бог, Творец всех, терпит,
Да не сочли бы Его как-нибудь несправедливым беззаконные
Или подобные мне малодушные.
Поучись еще Божественному суду,
О том дне и часе, в который
Все мы обнаженными предстанем
Пред судилищем Бога моего и Спасителя
И за здешние деяния и слова,
Помышления и вместе намерения
Получим достойное возмездие.

Поведай, кто будет там дерзновенным
И кто, напротив, посрамленным?
Можешь ли говорить об этом без опыта?
После же этого внимай и творению,
Ибо другую бездну ты найдешь в нем.
Взгляни на небо, солнце и звезды,
Посмотри на землю – мать и могилу
Всех нас, происшедшую по повелению
[Божию]. Придя же сюда, поведай о смерти,
Философствуй о многом неизбежном
И полезном для друзей и вместе для сродников,
Для богатых так же, как и для славных.
И если ты со всеми будешь толковать [об этом],
То тебе станет говорить (даже) до смерти,
И по смерти это принесет тебе пользу.
Взгляни затем на окружающий мир:
На находящиеся внутри его породы всевозможных животных,
На пестрый вид пернатых
И вместе на голоса маленьких птичек,
На широту, величину и границы моря;
Подивись, изумись и скажи в ответ:
О, глубина богатства и ведения Божественного!
О, (глубина) премудрости Твоей, всемилостивый Боже мой!
Здесь-то и смирись чрез внешние (предметы);
Собравши ум, вникни в себя самого,
Лучше же – философствуй о себе самом и о том, что относится к тебе;

И что бы ни видел ты, найди в видимых (вещах),
В каждой, учителя себе в добродетели
Или изображение порочной страсти,
Дабы из величия и красоты тварей
Познал ты непостижимую премудрость
Божию и мысленную брань,
Которую предызобразил Создатель всех.
И, как змея, стяжи, конечно, мудрость,
Яд же злобы изблюй.
Как конь, беги на пути от зла,
Ржать же, разумеется, к женскому полу ты не будешь.
Ты станешь кошкой, стерегущей мысленную мышь,
Но отнюдь не похищающей принадлежащего ближнему
И не смотрящей на долю братий твоих.
Но и [будучи] мышью, противных мышей ты будешь
Гнать, конечно, из своего дома.
Волком не будешь ты, но от волков беги,
Лучше же – сделайся собакою Владыки,
Всею своею яростью дыша против них
И выслеживая пути Владыки твоего;
Доколе не найдешь ты и не настигнешь
Божественную добычу, не обратись вспять
И не сделайся добычею мысленных зверей.
Подражай зайцу, если не можешь собаке,
И, стяжав Христа скалою и прибежищем своим,
Скройся там, где (совершенно) нет страха.
Либо, как олень, взойди на горы,
Убегая от рук охотников;
Или расправь (крылья), как хорошая птица,

И пари над всеми сетями,
Под крыльями же разумей святую любовь,
Без которой никуда не уйдешь.
Подражай жребяти, носящему Творца (см. Мф. 21, 7),
Будь волом, влекущим Божественной плуг
И режущим сладкую борозду слова.
Всему подражай, кроме худого:
Худое (дело) – лисица, живущая лицемерием,
Которая (в действительности) одно, а показывается другим;
Ибо она притворяется, (будто) издохла, дабы похитить что-либо.
(Нечто) страшное – медведица: если где-либо и на меч она наткнется,
То не останавливается, разрывая свою рану,
До тех пор, пока сама не издохнет от нее.
Худое – свинья, жрущая ненасытно,
Худое – аспид, ибо он затыкает уши,
Худо (все) худое, и если, желая исследовать его,
Ты и избежать постараешься, любезная душа,
То поистине обретешь истинную мудрость.
Шествуя путем, о, если бы шел ты к лучшему
И вместе со всеми (тварями) познал и себя самого!
Когда я спрашиваю, тогда ты отвечаешь мне
Словом, конечно, которое произносишь и которое я воспринимаю.
Есть ли оно в тебе, переходя и ко мне,
Или оно оставляет тебя лишенным слова?
Я знаю ведь, ты скажешь, что оно и ко мне перешло,

И все остается в тебе, не отделившись от тебя.
Скажи мне об этом и оставь ныне Бога,
Чтобы вся вместе тварь, вострепетав, не пала
И не раздробила твою тучную плоть,
И не сокрушила твою плотяную душу,
И не попалила огнем ума твоего,
Который вдается в бесполезное и пустое занятие.
Ибо ни делом, ни мыслию
Нераздельное Слово не отделяется (от Отца).
Ведь тот, кто заключен внутри дома,
Но имеет ум, блуждающий вне,
Не остался в доме без ума,
Но и с ним и вне (его), конечно, находится.
Итак, это отделение чем ты наименуешь?
Делом назовешь или мыслию – скажешь?
Если мыслию, то как весь он (ум) находится вне?
Если же делом, то как – внутри дома?
Но что, конечно, значит этот пример
В сравнении с превосходящим ум и мысль
Словом? Ибо посланное от Отца Слово,
Низойдя (на землю) и вселившись в утробу Девы,
Все было и во Отце и все во чреве,
Будучи невместимо и во всей (вселенной).
Не сократившись, не умалившись, конечно,
Оно вошло все [во чрево],
И, оставшись неизменным, приняло образ раба,
И, родившись, по всему сделалось человеком,
Все пройдя (Матернюю) утробу и придя в мир,
И все опять возвратившись туда, откуда не отлучилось.

Итак, мыслию или делом произошло это?
Мог ли бы ты совершенно смело сказать
(это) о том, что неизреченно для всех
Ангелов и Архангелов и для всякой тварной природы?
И в самом деле, оно поистине мыслится, но не высказывается всецело
И отнюдь не постигается умом совершенно.
Каким образом Он – Бог и человек и, наоборот, человек и Бог?
И Сын есть Отца, весь нераздельный от Него,
И, произойдя в мире, сделался (Сыном) Девы,
И остался, как сказано, невместимым для всех?
Мыслию, скажи, или делом – конечно, теперь ты замолчишь;
Ибо, хотя бы и хотел сказать, ум твой не даст слова,
И многоречивый язык твой останется праздным.
Если же ты пожелал бы назвать Божественное естество вещью,
То скажи, конечно, и какого рода, ибо я не знаю.
Слава Тебе, Отче и Сыне и Святый Душе,
Божество неописанное, нераздельное естеством.
Тебе в Духе Святом все мы поклоняемся,
Имеющие Духа Твоего и от Тебя получившие (Его);
И, видя славу Твою, не любопытствуем,
Но в Нем, (Духе), созерцаем Тебя, нерожденного Отца,
И от Тебя рожденное и происходящее Слово;
(Итак), поклоняемся Нераздельной и Неслиянной Троице
Во едином Божестве, и начале, и силе. Аминь.

Гимн шестидесятый

Путь к созерцанию Божественного света

Кто хочет узреть оный Свет,
Тот должен следующее в сердце хранить:
[Блюстись от] телесных страстей и непотребных скверн,
Божбы и всякого гнева и возмущения,
И рассеяния, и памятозлобия,
И совершенно людей не судить;
А быть в самом помысле и сердце
Чистейшим от плотских скверн,
Кротким, смиренным, спокойным,
Откровенным и чадом мира,
Воздержным в пище и питии
И неослабно заниматься молитвой;
Началом же и концом во всем этом
Иметь главу добродетелей – любовь.